Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici
FILOZOFICKÁ FAKULTA

Spisovné jazyky západných a východných Slovanov v synchrónii a diachrónii: otázky teórie

Литературные языки западных и восточных славян в синхронии и диахронии: вопросы теории

Zborník vedeckých príspevkov
Сборник научных статей

Viktória Liashuk (ed.)
Виктория Ляшук (ред.)

BELIANUM

2019

Recenzenti: Prof. PhDr. Mária Čižmárová, PhD.

Prof. J. N. Rudenko, DrSc.

Vydavateľ: Belianum. Vydavateľstvo Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici
Edícia: Filozofická fakulta

Zborník vedeckých prác bol vydaný ako súčasť riešenia grantovej úlohy FF UMB v Banskej Bystrici v rámci projektu VEGA č. 1/0118/17 Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západo- a východoslovanský kontext –

Славянские литературные языки в синхронии и диахронии: западно- и восточнославянский контекст –

Slavic Standard Languages in Synchrony and Diachrony: West and East Slavic context

ISBN 978-80-557-1624-4

OBSAH

СОДЕРЖАНИЕ

K otázkam teorie spisovných jazykov v kontexte synchrónie a diachrónie V. Liashuk 9

К вопросам теории литературных языков в контексте синхронии и диахронии В. М. Ляшук 11

I. Teória spisovných jazykov v slavistike
Теория литературных языков в славистике 15

Viktória Liashuk
СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЯЗЫКИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ 16
SLAVIC STANDARD LANGUAGES IN THE MODERN SCIENTIFIC PARADIGM 28

Jaromír Krško
NAPÄTIE MEDZI SPISOVNÝM A HOVORENÝM JAZYKOM V ONYMII 29
THE TENSION BETWEEN STANDARD AND SPOKEN LANGUAGE IN ONYMY.....38

Елена Бекасова
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЙ ТРАДИЦИИ 39
PROBLEMS OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE IN THE CONTEXT OF CYRIL AND METHODIUS TRADITION 45

Анатолий Гируцкий
ЭКОЛОГИЯ БЕЛОРУССКОГО И РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ В СИТУАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДВУЯЗЫЧИЯ 46
ECOLOGY OF BELARUSIAN AND RUSSIAN LANGUAGES IN SITUATIONS OF STATE BILINGUALISM 54

Ірына Алегаўна Гапоненка
СПЕЦЫФІКА НАРМАТЫЎНАГА ПРАЦЭСУ Ў БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ МОВЕ ПАЧАТКУ XX СТ. (НА ІНШАСЛАВЯНСКІМ ФОНЕ) 55
THE SPECIFICITY OF THE REGULATORY PROCESS IN THE BELARUSIAN STANDARD LANGUAGE OF THE BEGINNING OF XX CENTURY (AGAINST THE BACKGROUND OF OTHER SLAVIC LANGUAGES) 62

Елена Бреусова
ОБ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАХ РЕФОРМ ПРАВОПИСАНИЯ.....63
ON THE GENERAL THEORETICAL FOUNDATIONS OF SPELLING REFORMS 67

Anita Račáková
POPULARIZÁCIA OTÁZOK JAZYKOVEJ KULTÚRY NA SLOVENSKU A V POĽSKU 68
POPULARISING LANGUAGE CULTURE ISSUES IN SLOVAKIA AND IN POLAND 78

Олена Кумеда
ДО ПИТАННЯ ПРО РОЛЬ ПАНТЕЛЕЙМОНА КУЛІША В ІСТОРІЇ УКРАЇНСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРНОЇ МОВИ 79
TO THE QUESTION OF THE ROLE OF PANTELEIMON KULISH IN THE HISTORY OF THE UKRAINIAN STANDARD LANGUAGE 84

II. Aspekty fungovania východoslovanských a západoslovanských jazykov

Аспекты функционирования восточнославянских и западнославянских языков 85

Miroslav Vepřek
K OTÁZCE BOHEMISMŮ VE STAROSLOVĚNŠTINĚ A CÍRKEVNÍ SLOVANŠTINĚ Z POHLEDU FUNKČNÍ STRATIFIKACE..... 86
ON THE QUESTION OF BOHEMISMS IN OLD CHURCH SLAVONIC FROM THE POINT OF VIEW OF FUNCTIONAL STRATIFICATION 90

Tadeusz Lewaszkiewicz
Z BADAŃ NAD JĘZYKIEM PIŚMIENNICTWA NOWOGRÓDZKIEGO Z OKRESU MIĘDZYWOJENNEGO. 2. JĘZYK ALEKSANDRA ŚNIEŻKI 91
SOME STUDIES ON THE LANGUAGE OF NOWOGRÓDEK LITERATURE IN THE INTER-WAR PERIOD. 2. THE LANGUAGE OF ALEKSANDER ŚNIEŻKO 98

Stanislava Šuščáková
SVIATKY POMENOVANÉ PODĽA SVÄTCOV ZIMNÉHO OBDOBIA 99
HOLIDAYS NAMED AFTER SAINTS OF WINTER PERIOD 107

Patrícia Molnárová
OBRAZNOSŤ V ANALYTICKEJ PUBLICISTIKE V ROKOCH 1965 – 1970 108
FIGURATIVE LANGUAGE IN ANALYTICAL JOURNALISM OF 1965 – 1970 114

Gabriel Rožai
NÁREČIE GEMERSKEJ OBCE PAČA VO SVETLE VÝCHODOSLOVANSKO-ZÁPADOSLOVANSKÝCH JAZYKOVÝCH KONTAKTOV 115
THE DIALECT OF THE GEMER VILLAGE OF PAČA FROM THE VIEWPOINT OF EAST SLAVIC AND WEST SLAVIC LANGUAGE CONTACTS 120

Slavka Oriňáková
SLOVENSKÉ OBYVATEĽSKÉ PROPRIÁ V UČEBNOM PROCESE UKRAJINSKÝCH ŠTUDENTOV 121
SLOVAK GEOGRAPHICAL PROPRIA IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF THE UKRAINIAN STUDENTS 130

Veronika Uhríková
SLOVANSKÉ JAZYKY V CENTRE SLOVANSKÝCH ŠTÚDIÍ 131
SLAVIC LANGUAGES IN THE CENTER FOR SLAVIC STUDIES 135

III. Umelecká literatúra z pohľadu teórie spisovných jazykov

Художественная литература в ракурсе теории литературных языков 137

Дмитрий Владимирович Ларкович
СЕМАНТИКА ОБРАЗА РОССИИ В ЛИРИКЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА 138
SEMANTICS OF THE IMAGE OF RUSSIA IN F. I. TYUTCHEV'S LYRICS 143

Мікола Хаўстовіч
ЛЕТАПІСЕЦ ВЯЗЫНКІ І ЯЕ НАВАКОЛЛЯ 144
CHRONICLER VYAZYNKA AND ITS NEIGHBORHOODS 152

Marta Kováčová
„STRATENÁ GENERÁCIA" V NOVELE *ŽI A PAMÄTAJ* V. RASPUTINA A ROMÁNOVEJ KRONIKE *AMENMÁRIA* L. ŤAŽKÉHO 153
"LOST GENERATION" IN THE NOVEL "LIVE AND REMEMBER" BY V. RASPUTIN AND NOVEL-CHRONICLE "AMENMARIA" BY L. ŤAŽKÝ 160

Anton Repoň
ROZPRÁVAČSKÝ ŠTÝL V *OBRÁZKOCH Z GUBERNIE* M. J. SALTYKOVA-ŠČEDRINA 161
THE NARRATIVE STYLES IN *FABLES FROM THE GUBERNIA* BY M. E. SALTYKOV-SHCHEDRIN 170

Мартин Лизонь
ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА КАК АТРИБУТЫ СМЕНЫ КУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ (РОМАН ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА «GENERATION "П"») 172
LOAN WORDS AS ATTRIBUTES OF CULTURAL PARADIGM CHANGE (IN THE NOVEL BY VIKTOR PELEVIN *GENERATION „П"*) 180

Ivana Slivková
STATUS BIELORUSKÉHO JAZYKA VO FORMOVANÍ KULTÚRNEJ IDENTITY V UMELECKEJ LITERATÚRE 182
BELARUS LANGUAGE STATUS IN FORMATING OF CULTURAL IDENTITY IN ARTISTIC LITERATURE 192

IV. Preložený umelecký text vo vzťahu k spisovnému jazyku
Переводной художественный текст в отношении к литературному языку 195

Лариса Сугай
«ВЕНОК СОНЕТОВ» Ф. ПРЕШЕРНА В ИСТОРИИ ПЕРЕВОДОВ НА СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ ... 196
SONNET WREATH BY F. PREŠERN IN THE HISTORY OF TRANSLATIONS INTO SLAVIC LANGUAGES ... 207

Kamila Schillová
PREKLADATEĽKA M. RÁZUSOVÁ-MARTÁKOVÁ O KOMUNIKAČNÝCH KVALITÁCH SPISOVNÉHO JAZYKA ... 208
TRANSLATOR MARIA RÁZUSOVÁ-MARTÁKOVÁ ABOUT COMMUNICATION QUALITIES OF STANDARD LANGUAGE ... 213

Ульяна Верина
ИДИОСТИЛЬ Г. АЙГИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПЕРЕВОДЧИКОВ М. ВАЛЕКА И О. МАШКОВОЙ ... 214
IDIOSTYLE OF G. AYGI IN INTERPRETATIONS OF TRANSLATORS M. VALEK AND O. MASHKOVA ... 222

Микола Трус
СЛОВАЦКИЕ ПЕРЕВОДЫ ПРОГРАММНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ ЯНКИ КУПАЛЫ *А ХТО ТАМ ІДЗЕ?*: ИСТОРИЯ, ДИСКУРС, ДИАЛОГ ... 223
SLOVAK TRANSLATION OF THE PROGRAMME POEM BY YANKA KUPALA *WHO GOES THERE?*: HISTORY, DISCOURSE, DIALOGUE ... 230

Стефан Дорчак
ПЕРЕВОД КРЫЛАТЫХ ФРАЗ В РОМАНЕ ИЛЬФА И ПЕТРОВА «12 СТУЛЬЕВ» ... 232
TRANSLATE OF ELOQUENT PHRASES IN THE NOVEL OF ILF AND PETROV'S *12 CHAIRS* ... 236

V. Dynamické tendencie v spisovnom jazyku a kultúrno-jazyková politika

Динамические тенденции в литературном языке и культурно-языковая политика 237

Андрей Краев
РАЗВИТИЕ АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ ... 238
THE EVOLUTION OF THE POLISH LANGUAGE ACCENTOLOGY ... 241

Andrea Spišiaková
VYUŽITIE FRAZEOLOGIZMOV A PRECEDENTNÝCH FENOMÉNOV V REKLAMNÝCH SLOGANOCH **242**
USE OF IDIOMS AND PRECEDENT PHENOMENA IN ADVERTISING SLOGANS 246

Martyna Szczepaniak
TEKST LITERACKI W INTERNECIE **247**
LITERARY TEXT ON THE INTERNET 254

Joanna Szadura
***TRĄBA PORWAŁA KROWĘ OLGĘ*. TABLOIDYZACJA WSPÓŁCZESNEGO JĘZYKA I KULTURY** **255**
A COW CALLED OLGA WAS CARRIED AWAY BY A WHIRLWIND. TABLOIDIZATION OF THE CONTEMPORARY LANGUAGE AND CULTURE 264

Екатерина Евгеньевна Матюшенко
ДИАЛОГИЧНОСТЬ КАК ОБЛИГАТОРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МЕДИАТЕКСТА МОЛОДЕЖНОГО ЖУРНАЛА НАЧАЛА XXI ВЕКА **265**
DIALOGISM AS AN OBLIGATORY CONSTITUENT OF YOUTH MAGAZINE MEDIATEXT AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY 269

Lesia Budnikovová
TVORENIE A PREKLAD ANATOMICKEJ TERMINOLÓGIE (NA MATERIÁLI SLOVENSKÉHO A UKRAJINSKÉHO JAZYKA) **270**
FORMATION AND TRANSLATION OF ANATOMIC TERMINOLOGY (ON THE MATERIALS OF SLOVAK AND UKRAINE LANGUAGES) 275

Галина Васильевна Кукуева
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ПРОФАЙЛЕ АВТОРА **276**
LINGUISTIC FACTORS OF REPRESENTATION OF THE RUSSIAN LANGUAGE PERSONALITY IN THE AUTHOR'S PROFILE 281

VI. Kognitívna lingvistika a teória slovanských spisovných jazykov

Когнитивная лингвистики и теория славянских литературных языков 283

Татьяна Сироткина
ОБРАЗ РЕГИОНА В СОВРЕМЕННОЙ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ **284**
THE IMAGE OF THE REGION IN MODERN DIALECT SPEECH 287

Ирина Короткевич
ЭТНИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ В СЛАВЯНСКИХ СЛОВАРЯХ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ **288**
ETHNIC MARKERS IN SLAVIC DICTIONARIES OF NATIONAL SIGNIFICANCE 292

Наталья Соловьёва
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВА *ХЛЬБЪ* В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ (К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ ОБЪЕКТА ИСТОРИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ) 293
PHRASEOLOGICAL POTENTIAL OF THE WORD *ХЛЬБЪ* IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE (TO THE PROBLEM OF DEFINING THE BOUNDARIES OF THE OBJECT OF HISTORICAL PHRASEOLOGY) 296

VII. Recenzie
Рецензии 298

Йозеф Сипко
СЛОВО КАК МАТРИЦА 299
WORD AS MATRIX

Виктория Ляшук
ПРАСЛАВЯНСКИЕ СОЧЕТАНИЯ В ГЕТЕРОГЕННОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА 302
PROTO-SLAVIC COMBINATIONS IN THE HETEROGENEOUS SYSTEM OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Ксения Ляшук
МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ СЛАВИСТОВ 305
INTERCULTURAL DIALOGUE OF SLAVISTS

Виктория Ляшук
РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ЛИТЕРАТУРНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ 308
REGIONAL TEXT AS AN OBJECT OF THE LITERARY STUDY OF THE LOCAL LORE

Марина Александровна Харламова
РКИ В ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ 311
RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN INTERNATIONALIZATION

Виктория Ляшук
КОНФЛИКТ В ЯЗЫКЕ И ОБЩЕСТВЕ 312
CONFLICT IN LANGUAGE AND SOCIETY

AUTORKY A AUTORI 314
АВТОРЫ

SKRATKY JAZYKOV PRÍSPEVKOV 315
СОКРАЩЕНИЯ ЯЗЫКОВ СТАТЕЙ

K otázkam teórie spisovných jazykov v kontexte synchrónie a diachrónie

Zborník vedeckých článkov *Spisovné jazyky západných a východných Slovanov v synchrónii a diachrónii: otázky teórie* je výstupom projektu VEGA č. 1/0118/7 Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západo- a východoslovanský kontext, ktorý je venovaný spracovaniu teórie spisovných slovanských jazykov. Ich aktuálny stav sa skúma v kontexte špecifík historického vývoja jednotlivých národných jazykov. Parametre diachrónie a synchrónie sú zvolené ako rámec nielen pre jazykový alebo historický, ale aj literárny, kultúrny, prekladateľský a filozofický zorný uhol vo vedeckom výskume odborníkov – slavistov, ktorí reprezentujú rôzne slovenské univerzity. Riešiteľmi projektu sú predstavitelia Katedry slovanských jazykov Filozofickej fakulty Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici; rôzne výskumné záujmy sú prezentované aj zamestnancami a doktorandkou Katedry slovenského jazyka a komunikácie FF UMB.

Svojimi príspevkami projekt podporili a tematicky obohatili zamestnanci Prešovskej univerzity v Prešove, Univerzity sv. Cyrila a Metoda v Trnave, Trnavskej univerzity v Trnave, Katolíckej univerzity v Ružomberku a taktiež zahraničné odborníčky – rusistky a ukrajinistky, ktoré momentálne pôsobia na Univerzite Konštantína Filozofa v Nitre a súčasne zastupujú Volgogradskú štátnu sociálnu a pedagogickú univerzitu (Rusko) a Sumskú štátnu pedagogickú univerzitu A. S. Makarenka (Ukrajina). Aktuálny stav univerzitnej vedy predstavili aj autorky pôsobiace na Kyjevskej univerzite Borysa Hrinčenka a na Užhorodskej národnej univerzite (Ukrajina), aj zástupkyne Orenburgskej štátnej pedagogickej univerzity a Omskej štátnej univerzity F. M. Dostojevského (Rusko).

Najväčší počet zahraničných štúdií so širokou a tematicky i obsahovo rozmanitou škálou ponúkli vysokoškolskí filológovia pôsobiaci na Surgutskej štátnej pedagogickej univerzite, s ktorou Katedra slovanských jazykov FF UMB v Banskej Bystrici dynamicky rozvíja partnerské vzťahy nie iba vo vedeckej sfére.

Bieloruská slavistická veda má v predkladanom zborníku univerzitnú aj akademickú zložku, prvú z nich reprezentuje Bieloruská štátna univerzita a jej oddelenie Medzinárodný štátny ekologický inštitút A. D. Sacharova, ako aj Bieloruská štátna pedagogická univerzita Maksima Tanka, druhú súčasť vedy predstavuje Bieloruská národná akadémia vied.

V zborníku je široko prezentovaná poľská univerzitná veda. Zastúpená je zamestnancami Varšavskej univerzity, Univerzity Marie Curie–Skłodowskej v Lubline, Univerzity Adama Mickiewicza v Poznani a Jagelovskej univerzity v Krakove.

Česko je v zborníku zastúpené Univerzitou Palackého v Olomouci.

Medzi autormi figuruje aj pracovníčka Centra slovanských štúdií Štátnej vedeckej knižnice v Banskej Bystrici.

V súlade s realizovaným projektom je cieľom zborníka rozvoj teórie spisovných slovanských jazykov na základe typologického porovnania západoslovanských

a východoslovanských spisovných jazykov podľa diferenčných príznakov (univerzálnych rozdielov). V zornom poli autorov viacerých vedeckých článkov sú pojmy, ktorými sa určuje spisovný jazyk (vo vzťahu k národnému jazyku, ako aj iným jazykovým varietám): 1) jeho úroveň spracovania (štandardnosť); 2) selekčnosť a reglementácia pri využívaní vlastných vyjadrovacích prostriedkov; 3) jeho nadnárečovosť; 4) polyfunkčnosť (polyvalentnosť) a 5) štylistická variabilita z hľadiska funkčnosti.

Zborník dáva možnosť sledovať súčasný stav teórie slovanských spisovných jazykov a jej dynamiku, ako aj odhaliť a zovšeobecniť pohľad na problém vzájomnej prepojenosti kodifikovaného jazyka a iných jazykových sfér (najmä literárneho jazyka, jazyka folklóru, jazyka nárečí a i.).

Do zborníka sú zaradené vedecké príspevky v rámci vytýčenej problematiky a tiež vedecké recenzie na monografie i odborné publikácie zo zahraničia, tematicky a obsahovo dôležité pre realizovaný projekt.

Príspevky v zborníku tvoria tematické bloky, v ktorých sa vedecky interpretujú otázky: (I) Teória spisovných jazykov v slavistike; (II) Fungovanie východoslovanských a západoslovanských jazykov; (III) Umelecká literatúra z pohľadu teórie spisovných jazykov; (IV) Preložený umelecký text vo vzťahu k spisovnému jazyku; (V) Dynamické tendencie v spisovnom jazyku a kultúrno-jazyková politika; (VI) Kognitívna lingvistika a teória slovanských spisovných jazykov. V nich sa ďalej vedecky interpretujú rozličné aspekty príslušnej problematiky. Recenzie (VII) rozširujú tematickú a paradigmatickú súvzťažnosť vedeckých problémov a terminologického systému v projektovom výskume.

Kolektívny a internacionálny princíp spracovania zborníka umožnil v parametroch synchrónie a diachrónie komplexne a vo vzájomnej prepojenosti ukázať spisovný jazyk ako fenomén; preskúmať vývinové tendencie slovanských spisovných jazykov (demokratizácia, intelektualizácia, internacionalizácia, marketizácia, technologizácia a i.), sledovať vplyv jazykových dejín na súčasné fungovanie slovanských spisovných jazykov v aktuálnej interdisciplinarite vednej paradigmy; poznať žánre funkčných štýlov a takisto spracovať otázky každodennosti v jazyku, literatúre a v mediálnom priestore; dať do súvisu jazykový obraz sveta a spisovný jazyk; sledovať a analyzovať *sacrum* a *profanum* v tematicky a obsahovo korelujúcich jazykovedných, literárnovedných a kulturologických výskumoch; interpretovať preklad a jeho štýly v súčasnom svete a takisto literatúru a kultúru v kontaktoch so spisovným jazykom; preskúmať modely interakcií jazykovej osobnosti (výskumníka, spisovateľa, pedagóga prekladateľa) s jazykovou kultúrou. Výmena vedeckých názorov a skúseností tak otvára nové perspektívy.

V. Liashuk

К вопросам теории литературных языков в контексте синхронии и диахронии

Сборник научных статей *Литературные языки западных и восточных славян в синхронии и диахронии: вопросы теории* издан в рамках проекта VEGA № 1/0118/7 Славянские литературные языки в синхронии и диахронии: западно- и восточнославянский контекст, который посвящен разработке теории славянских литературных языков. Их современное состояние изучается с учетом специфики исторического развития конкретных национальных языков. Параметры диахронии и синхронии избраны координатами не только для языкового или исторического, но и для литературного (эстетического), культурного, переводческого а также философского ракурса в научных исследованиях специалистов по славистике, которые представляют разные словацкие университеты. Реализаторами проекта является кафедра славянских языков философского факультета Университета им. Матея в Банской Быстрице; разнообразные научные интересы указали также сотрудники и аспирантка кафедры словацкого языка и коммуникации этого же факультета и университета.

Своей публикацией в научном сборнике проект поддержали и тематически обогатили сотрудники Прешовского университета в Прешове, Университета им. св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Трнавского университета в Трнаве, Католического университета в Ружомберке, а также зарубежные специалисты по русскому и украинскому языку, работающие в Университете им. Константина Философа в Нитре и одновременно представляющие соответственно Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Россия) и Сумский государственный педагогический университет им. А. С. Макаренко (Украина). Актуальное состояние в университетской славистической науке в Украине указали другие авторы, представляющие Киевский университет им. Бориса Гринченко и Ужгородский национальный университет (Украина), также как посланницы Оренбургского государственного педагогического университета и Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Россия).

Наибольшее количество научных статей с широкой и разнообразной тематической и проблемной шкалой в сборнике предоставили для опубликования преподаватели Сургутского государственного педагогического университета, с которым у кафедры славянских языков философского факультета УМБ им. Матея Бела динамично развивается партнерство не только в научной сфере.

Белорусская славистическая наука имеет в сборнике университетскую и академическую составляющие, которые в первой своей части представляет Белорусский государственный университет, а также его подразделение Международный государственный экологический институт им. А. Д. Сахарова, и Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка; вторая составная часть связана с Национальной академией наук Беларуси (Минск).

Широко представлена польская университетская наука – сотрудниками Варшавского университета, Университета им. Марии Кюри-Склодовской в Люблине, Университета им. Адама Мицкевича в Познани и Ягеллонского университета в Кракове.

Чехию представил Университет Палацкого в Оломоуце.

Среди авторов также сотрудница Центра славянских исследований Государственной научной библиотеки в Банской Быстрице.

Целью сборника, в соответствии с реализуемым проектом, является разработка теории славянских литературных языков на основе типологического изучения и сравнения западнославянских и восточнославянских литературных языков по их дифференцальным признакам (интегральным характеристикам). В поле зрения авторов многих научных статей находятся понятия, определяющие литературный язык (в соотнесённости с национальным языком, а также с другими языковыми разновидностями): 1) культивированность (стандартность); 2) селективность и регламентация при использовании языковых средств в устном и письменном общении; 3) наддиалектность; 4) функционально-стилистическая дифференциация (поливалентность) и 5) функциональность стилистического варьирования.

Сборник позволяет проследить современное состояние теории славянских литературных языков и ее динамику, а также выявить и обобщить взгляды на проблему взаимосвязи кодифицированного языка и других языковых разновидностей (языка художественной литературы, языка фольклора, диалектного языка и др.).

В сборник включены научные статьи по рассматриваемой проблематике и научные рецензии на тематически и содержательно важные для выполняемого проекта монографии и научно-методические издания.

Статьи в сборнике образуют тематические блоки:
(I) Теория литературных языков в славистике; (II) Функционирование восточнославянских и западнославянских языков; (III) Художественная литература в ракурсе теории литературных языков; (IV) Переводной художественный текст в отношении к литературному языку; (V) Динамические тенденции в литературном языке и культурно-языковая политика; (VI) Когнитивная лингвистика и теория славянских литературных языков. В их рамках получают научную интерпретацию разные аспекты обозначенной проблематики. Рецензии (VII) расширяют тематическую и парадигматическую связь между научными проблемами и терминологическим аппаратом проектного исследования.

Коллективный и интернациональный принципы составления научного сборника позволил комплексно и во взаимосвязи, в параметрах синхронии и диахронии представить литературный язык как феномен; изучить тенденции развития славянских литературных языков (демократизация, интеллектуализация, интернационализация, технологизация, маркетизация и др.); рассмотреть влияние языковой истории на современное функционирование славянских литературных языков в синхронной междисциплинарной научной парадигме; изучить жанры

функциональных стилей, а также исследовать повседневность в языке, литературе и медиальном пространстве; соотнести языковой образ мира и литературный язык; проследить и проанализировать sacrum и profanum в соотносимых по тематике и проблематике лингвистических, литературоведческих и культурологических исследованиях; рассмотреть перевод и его стили в современном мире, а также литературу и культуру в контактах с литературным языком; изучить модели взаимодействия текста и языковой личности (исследователя, писателя, педагога, переводчика) с культурой языка. Такой обмен научными взглядами и исследовательским опытом открывает новые перспективы.

В. М. Ляшук

I. Teória spisovných jazykov v slavistike

Теория литературных языков в славистике

Viktória Liashuk (Виктория Ляшук)
Философский факультет, Университет им. Матея Бела в Банской Быстрице, г. Банска Быстрица (Словакия)

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЯЗЫКИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ

Аннотация: В статье на материале восточно- и западнославянских частных лингвистик рассматривается современная интерпретация литературного языка (в соотношении с литературными микроязыками, с одной стороны и с языковыми разновидностями). Прослеживается связь между языковой ситуацией, социолингвистическими исследованиями и современными подходами к литературному языку, нормативным процессам и культуре речи. Выявляется противоположные тенденции к редукции престижа литературного языка и усилению образовательного и когнитивно-прагматического дискурса в языковой личности. Соотношение этих тенденций в разных славянских языках характеризуются спецификой качественного и количественного характера. В современной славистической парадигме литературный язык изучается в лингвистических и гуманитарных дисциплинах и указывает свою междисциплинарность.

Ключевые слова: культура речи, славистика, восточнославянские языки, западнославянские языки.

Литературный язык принадлежит к языковым разновидностям особого культурного предназначения, которое рефлексируется обществом как знак своего развития. Современная научная парадигма характеризуется расширением рамок лингвистики, изменением границ и основы исследования: «Произошел своеобразный лингвистический экспансионизм, проявившийся в тенденции к интеграции разных отраслей знания не по наукам, а по решаемым проблемам» (Гируцкий 2017: 127). Актуализируется связь внутренней и внешней лингвистики, образующих дихотомию. Языковая ситуация, выступая концептуально существенным объектом внешней лингвистики, избирается параметром в социолингвистике, типологии литературных языков, а также применяется к истории литературного языка и другим традиционным и новым научным дисциплинам, определяя специфический ракурс интерпретации. В современной славистике в научной парадигме динамически осмысляются история и традиция, наблюдается актуализация связи синхронии и диахронии.

С опорой на литературный язык и чаще всего по отношению к нему происходит саморефлексия языковых личностей по лингвистическим вопросам и, прежде всего, вопросам культуры речи и речевой нормы. Эта проблематика вытекает из языковой ситуации и влияет на представление о языковых образцах, идеалах, стереотипах, а также о силе индивидуального влияния на язык.

За последние десятилетия XX века и два первых десятилетия XXI века произошли два концептуальнных трансформирования параметрических признаков, существенных для теории славянских литературных языков. Первое касается разделения вариантов одного литературного языка на два самостоятельных литературных и национальных языка и придания статуса государственного языка

национальным (литературным) языкам некоторых южных славян. Указанная трансформация не затронула языков восточных и западных славян, имеющих статус государственных. Исключением стал белорусский литературный язык, в 1996 г. разделивший статус государственного с русским литературным языком в Беларуси.

Вторая трансформация касается выделения и понятийного оформления группы литературных микроязыков, определяемых также как языки Малой Славии, предложенное и разрабатываемое А. Д. Дуличенко как в научном, так и в филологическом образовательном дискурсах (2014). Названный славист эту дифференциацию оценивает и характеризует по динамическим концептуальным признакам: «Исследование соотношения больших и малых языков создаст необходимую теоретическую базу для выработки соотносительной динамической модели, учитывающей их формирование и развитие в Pax Slavia Latina и в Pax Slavia Orthodoxa. Такая модель будет носить достаточно универсальный характер и окажется пригодной при исследовании других групп европейских языков (Дуличенко 2014: 691). Отмеченный сдвиг затрагивает прежде всего серболужицкие литературные языки, традиционно включаемые в число славянских литературных языков.

Указанные когнитивные сдвиги влияют на изменение (уточнение, детализирование, дифференцирование) некоторых типологических характеристик у конкретных славянских литературных языков, сравнение которых приводит к выявлению определённых соотношений аналогического характера и дифференциации близкородственных языков, например, «новый украинский литературный язык оказался по своему типу ближе к литературным языкам латинского круга культуры, в частности, к польскому, развивавшемуся как альтернативный по отношению к традиционному языку культуры – латыни» (Остапчук 2001: 94). Выявляется сопоставленность (идентичность) или противопоставленность стандартного и литературного языка как вопрос концептуального и культурно специфического характера (Германова 2011; Liashuk 2017), в том числе в связи с сопоставлением и противопоставлением языковых разновидностей, дискурса и стиля в ракурсах социолингвистики, прагматики и дискурсологии (Król 2015), усилением регионального ракурса.

Соотнесённость языковой ситуации с историческим и социолингвистическим аспектами, намеченная ещё в работах Н. И. Толстого (1998), указывает и отражает укрупнение объекта изучения и эксплицирование его связи с культурой и историей. Концептуализируется связь литературного языка с другими языковыми разновидностями, изучаются зоны и механизмы напряжения между ними (Krško 2019). Интерпретационные и аналитические узлы при этом формулируются и актуализируются в пограничных сферах: «как в национальном языке вообще, так и в ЛЯ [литературного языка – *В. Л.*] наряду с дифференцирующими имеют место и интегрирующие процессы, вызванные взаимопроникновением и взаимодействием разновидностей, входящих в их состав. Эти явления ведут к возникновению промежуточных (пограничных) зон в системе ЛЯ, которые комбинируют

и интегрируют набор и характер организации языковых средств соседствующих разновидностей» (Зайцев 2001: 33).

При зарождении национального литературного языка специфическую роль способны играть разные языковые образования – книжный язык, инославянский или классический литературный язык, диалект, фольклорное койне. Фольклор выступает репрезентантом устной традиционной общепринятой коммуникации. Он активизирует в обществе несколько личностных компонентов: 1) эмоциональный (неосознанное переживание своего единства с другими членами этнической группы); 2) рациональный (осознанное переживание своего единства с другими членами этнической группы); 3) ментальный (осознанное отношение к духовным ценностям своего народа); 4) идентификационный (самосознание как этнический идентификатор и этноопределитель) (Auty 1974; Doruľa 2014; Gladkova – Vačkova 2014). Фольклор как феномен этнической устной культуры выражает, отражает и формирует языковое сознание на протяжении донационального и национального этапов развития фактически каждого славянского языка, и при этом особым образом преломляется в литературном языке посредством синхронизации с книжной сферой и в зависимости от языковой ситуации.

Основатель московской школы этнолингвистики Н. И. Толстой, также широко известный как специалист по теории и типологии славянских литературных языков, в статье «Язык – словесность – культура – самосознание» (Толстой 1998: 121) встраивает две пятичленных парадигмы исследовательского интереса. Для лингвистов и представителей смежных дисциплин это: литературный (стандартный) язык (1) – просторечие («полудиалект») (2) – диалект (3) – арго (4) – идиолект (5). В парадигме словесности (литературы и фольклора) соответственно: художественная литература (1) – народно-городская литература (2) – общенародный фольклор (3) – социальный фольклор (4) – литературное или фольклорное творчество индивида (5) (Толстой 1998: 13 – 14). В этой парадигме для современной лингвистики научный интерес представляет её фактический материал.

Филологическое целое, которое составляют язык, художественная литература и фольклор, при диахроническом взгляде указывает свою реконструирующую суть. В языковом сознании этноса и нации усиливаются такие качества, как: историчность; аксиологичность; избирательность; текстовая актуализированность. Фольклор аналогичен литературному языку при воплощении тенденций, отмеченных чешским лингвистом Богуславом Гавранеком как противонаправленные: отталкивание от народного языка и стремление к общепонятности (Havránek 1963:17). Теория славянских литературных языков включается в ядро славистики, вбирая в себя в качестве типологических параметров частно- и общелингвистические особенности, выявленные в разных лингвистических дисциплинах (диалектологии, исторической грамматике, истории литературного языка, лексикологии, стилистике, культуре речи и др.). Одновременно в онтологическом ключе соотносимы по научному потенциалу отдельные аспекты двух остальных составляющих филологии – литературоведения

и фольклористики, в соположенности с процессом зарождения и развития разных славянских языков в XIX – начале XX в.

Славистику выделила в специфическую науку прежде всего славянская взаимность, понимаемая в качестве концептуальной основы и определяющая собой естественную междисциплинарность в рамках филологии и в отношении этой науки с другими гуманитарными дисциплинами (Ляшук 2013). Славянская взаимность проявлялась и в особом внимании к русскому языку, в котором ранее многие славяне видели ориентир для собственных языковых концепций и идеалов и который до сих пор удерживает статус самого изучаемого (как в научном, так и в образовательном дискурсе), наиболее часто привлекаемого для сравнительных исследований славянских языков, имеющего статус языка мирового. В этом ракурсе история русского литературного языка, а также история других славянских литературных языков, которая в начале XXI в. представляла собой «новую область славистики, становление которой как самостоятельной лингвистической дисциплины продолжается и в настоящее время» (Лифанов 2003: 8) вместе с детальной разработкой частными лингвистиками продолжает соотноситься с теорией литературных языков и реализует тенденцию синтезироваться с языковой и речевой культурой, (функциональной / креативной) стилистикой и языковой экологией (Patráš 2009; Liashuk 2017; Liashuk 2018a; Liashuk 2018b; Račáková 2019; Schillová 2019; Szczepaniak 2019; Гируцкий 2019; Мандзік 2018 и др.)

Славянское языковое сознание начинало формироваться на текстах письменных памятников, и публикациях славянского фольклора. Причем эта особенность в настоящее время и в современной научной парадигме славистики заключается в актуализации исторического (диахронического) аспекта как факта современного языкового сознания – совмещение диахронии и актуальной синхронии посредством воспроизведения изданных в XIX в. книг в Интернете – Городской библиотекой в Праге, Варшавской национальной библиотекой, Российской государственной библиотекой, университетскими центрами, в частности специализированными, выполняемыми по грантам (проектам) порталами (сайт В. Даля, slovorod и др.), сайтами Академий наук России, Чехии, Словакии, Польши и др. Такие сетевые ресурсы представляют собой систематизированный гипертекстовый материал, имеющий диахронический элемент (хронология научных изданий и изданий источников фактического материала), направленный в актуальный синхронический контекст. Специфическим выступает связанность научного, образовательного и популярного дискурсов как иерархизированного единства. При этом в каждой славянской стране национальный литературный язык получает не только универсальные, но и национально специфические формы и аспекты научной интерпретации (Liashuk 2017).

В современной научной парадигме представление о языковом сознании приобрело статус историко-культурной категории, способной отражать в общественном мышлении межъязыковые и межкультурные связи, а также языковую специфику. Литературный язык, как и язык фольклора, в таких соотношениях

активизирует в диахроническом аспекте функцию исторической памяти (Havránková – Petkevič 2014; Cholodová 2017 и др.). В связи с исторической памятью интерпретируется идиолект индивидуума и язык общества. Языковое сознание как важная категория культуры языка теоретически разрабатывается в разных славянских языках посредством категории *языковая личность*: «Теоретическое рассмотрение связи национального литературного языка с художественной литературой и художественным переводом выявляет исключительную роль писателей, которые в конкретных славянских языках осмысливали в своей культурной деятельности конкретную языковую ситуацию и естественные системные параметры национального языка» (Liashuk 2017: 109). Именно поэтому идиостиль писателя и переводчика является творческой актуализацией национального литературного языка, дающей и уточняющей параметры языковой культуры и аксиологии. Внимание к этому аспекту константно и избирательно (см.: Kováčová 2018; Liashuk 2017: 102 – 109; Lizoň 2019; Repoň 2018; Slivková 2019; Верина 2018; Верина 2019; Галян 2018; Ганущак 2018; Гируцкий 2018; Ларкович 2018; Ларкович 2019; Русак 2018; Трус 2018; Трус 2019; Хадынская 2018 и др.).

Говоря о современных языковых проблемах, вызванных динамичными изменениями (см. Бреусова 2018; Краев 2019; Маршик 2018; Плесник 2018 и др.), лингвисты отмечают неоднозначность языковой ситуации при её восприятии носителями национального (литературного) языка (Лукашанец 2014; Гапоненко 2019; Запрудскі 2013; Lomenčík 2019 и др.). В русистике указывается на связь теории русского литературного языка с осознанным его использованием в пространстве всего национального (общенародного) языка (Крысин 2015: 11; Лаптева 2003: 5 – 6). Белорусское национальное самосознание до настоящего времени поддерживается фольклором и выросшей на нём национальной художественной литературой, что отмечал на своем опыте народный поэт Беларуси Нил Гилевич (1931 – 2016) (Гілевіч 1996: 520). Текстовая актуализация фольклорных изданий времени формирования литературного языка или времени возросшего внимания к фольклору при этом принадлежит к общей тенденции славянского культурного контекста и ориентирующейся на него научной парадигмы. Зафиксированный в письменной форме фольклорный текст включается в новые культурные связи, а его язык начинает осмысляться в связи с самобытностью народа, его правом иметь литературный язык, образцом национального языка для кодификаторов (Ľašuková 2009: 4 – 125). Современная интерпретация письменную форму фольклорного текста соотносит с языковой личностью и спецификой авторства.

Теория литературных языков широко использует типологический ракурс. Наиболее детально изучавший типологию славянских литературных языков Н. И. Толстой отметил их 1) культурный потенциал и 2) культурную силу, а также 3) организующую специфику, очертив их культурную позицию: «Поскольку литературный язык есть одно из мощных орудий культуры и в то же самое время важный компонент (сегмент) культуры (национальной, народной, наднациональной или надэтнической, ареальной, локальной и т. п.), то проблемы типологии

внутреннего, функционального членения языка и типологии языковых ситуаций тесно связаны с проблемами типологии внеязыковых ситуаций, типологии культуры, культурных ареалов» (Толстой 1988: 7).

Славянские литературные языки активно исследуются в их внешних связях – в связи со своими носителями, другими литературными языками и с другими языковыми разновидностями в составе национального языка, в межъязыковых контактах (Lewaszkiewicz 1992; Lewaszkiewicz 2019; Liashuk, X. 2018; Rožai 2019; Vepřek 2019; Васильева 2001; Даниленко 2017; Плыгавка 2018; Кумеда 2019; Сироткина 2018 и др.). Указанные аспекты подчинены социолингвистическому подходу.

В настоящее время в науке отражается и интерпретируется в соответствии с уровнем изученности информация о развитии каждого из славянских литературных языков на основе общих параметров и параллельности их описания, что позволяет проследить некоторые моменты сравнительного характера. Так, А. Д. Дуличенко избирает шесть позиций: 1. Диалектное членение; 2. Некоторые особенности современного языка; 3. Формирование и развитие литературного языка; 4. Функциональный статус; 5. Образец текста; 6. Литература (Дуличенко 2014: 382). Литературные языки стали дополнительной, но существенной концептуальной частью в сравнительной грамматике славянских языков, получив автономность как отдельное Приложение 7. «Основные этапы формирования литературных языков славянских народов» (Черепанова 2018: 108–125) и в связи с авторитетной языковой личностью славистики, представленной в диахроническом аспекте и в связи с проблемой сохранения славянских национальных языков – Приложение 6. «И. И. Срезневский и славянское возрождение XVIII–XIX вв. [По материалам: «Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. 1839–1842». СПб., 1895] (Черепанова 2018: 101 – 107).

Образовательный дискурс проблематику литературного языка представляет комплексно и концептуально, в последовательных и взаимообусловленных фазах: «В эпоху Славянского возрождения остро стоял вопрос национальных языков славянских народов. Вследствие этого передовой интеллигенцией в качестве первостепенной осознавалась задача противопоставления родного языка чужому языку (языкам) и доказательство его полноценности как средства общения; позднее – задача разграничения литературного языка и диалектов, создание национального литературного языка. Процессы в области национальных языков шли, с одной стороны, в результате спонтанного развития, а с другой – были результатом целенаправленных усилий деятелей Славянского возрождения» (Черепанова 2018: 105–106).

На материале литературных языков современная наука исследует межъязыковую омонимию, изучаемую, как правило, «с переводческой или конфронтационной позиций в синхронном или диахронном плане» (Čižmárová 2013: 7). Лексикографическая обработка двуязычного (украинского и словацкого материала) выявляет контрастивный аспект, в частности, указанная исследовательница при

составлении словаря межъязыковых омонимов называет разные виды асимметрии – «zvyčajne mnohovýznamové slovo v jednom jazyku korešponduje s jedným významom mnohovýznamového slova v druhom jazyku. Inokedy dochádza k situácii, že v slovenčine ide o hlavný význam a v ukrajinčine o sekundárny význam a opačne, resp. o odlišný štylistický príznak, napr. v jednom jazyku ide o neutrálne slovo a v druhom o slovo príznakové a pod. Podobná situácia je aj v slovách cudzieho pôvodu, ktoré nemajú v oboch porovnávaných jazykoch rovnaký význam» (Čižmárová 2013: 17). Подобные особенности характерны также для чешско-белорусских межъязыковых омонимов (Руденко – Ивашина – Яновец 2006).

Языковое сознание общества и отдельного индивида в настоящее время определяет ядро научной славистической парадигмы, находит отражение в отношении к литературному языку. В связи с такой интерпретацией славянские литературные языки рассматриваются в рамках соответствующих национальных языков, при соотнесении с разговорной или просторечной (субстандартной) сферой. Существенным параметром выступает также когнитивный аспект, включающий в научную парадигму язык художественной литературы и язык фольклора. По отношению к языковым разновидностям частные славянские лингвистики и в своей стилистике формулируют подходы и концепции, непосредственно или опосредованно затрагивающие интерпретацию литературного языка. Специфическим образом эта особенность прослеживается в лексикографической презентации слова *язык* и его эквивалентов в славянских языках во включении в словарную статью описательного термина с указанным компонентом в толковых словарях. Лексикография при этом не только тематически и проблемно усложняется, но также изучается с точки зрения её национального значения (Короткевич 2019 и др.).

Теоретическое осмысление литературного языка получило монографическое фундаментальное отражение в словацком языкознании с направленностью на собственный литературный язык (Dolník 2010), с выделением основных дискуссионных аспектов, связанных с современным восприятием концепции литературного языка, разработанной Пражским лингвистическим кружком (традиции, современные рефлексии, связанные с развитием, уточнением или отрицанием этой концепции). Отмечается актуализация теории в образовательном дискурсе (Kumorová 2015). Теория литературного языка в Словакии и Чехии при существовании общей классической платформы Пражского лингвистического кружка получает специфическое развитие в каждой из этих частных лингвистик, а также в частных лингвистиках других славянских литературных языков, является концептуальной основой теории стилистики и языковой культуры, характеризуется направленностью на современность и историю соответствующих языков как языковой и культурный континуум. Эта общая тенденция имеет определенные избирательные аспекты в каждом литературном языке. В них выявляются противоположные тенденции к редукции престижа литературного языка и компенсационному усилению образовательного и когнитивно-прагматического дискурса в языковой личности.

Традиционное представление о литературном языке, также отличающееся в частных лингвистиках славянских языков, в современности подвержено трансформированию, гармонизации его статуса со статусом других языковых разновидностей. Наиболее детально разработанная теория русского литературного языка проецируется на образовательную сферу в связи с историей и системой русского литературного языка, моделируется в комплексе диахронических и синхронических параметров с объяснительной и личностно-языковой мотивацией, интерпретируется в учебных целях в первую очередь при подготовке филологов и журналистов (Лаптева 2003).

Рассмотрение славянских литературных языков в синхронически-диахронических рамках составляет устойчивую и непрерывную лингвистическую традицию. Динамика и концептуализация лингвистической мысли в понимании и изучении славянских литературных языков проявляется в усилении связи с культурой языка и речи, а также со стилистикой при параллельном усилении диахронического аспекта в связи с принципом историзма и регионального аспекта в связи с парадигмой национального и регионального текстов. Социолингвистический ракурс при освещении актуальных вопросов лингвистики частично изменяет и усложняет параметры литературного языка, отталкиваясь от понятия престижности. Научное понимание литературного языка выступает органической частью его восприятия в обществе в триединстве научного, образовательного и популярного дискурсов.

ЛИТЕРАТУРА

AUTY, R.: Jazykové koncepce u Dobrovského a Jungmanna. In: JEDLIČKA, A. (ed.): *Slovanské spisovné jazyky v době obrození*. Praha: Universita Karlova, 1974, s. 122 – 124.

ČIŽMÁROVÁ, M.: Z výskumu medzijazykovej homonymie. In: ČIŽMÁROVÁ, M. – JAŠKOVÁ, A. *Ukrajinsko-slovenská homonymia : slovník ukrajinsko-slovenských medzijazykových homoným*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove 2013, s. 7 – 19.

DOLNÍK, J.: *Teória spisovného jazyka (so zreteľom na spisovnú slovenčinu).* Bratislava: VEDA, 2010.

DORUĽA, J.: Predstavy slovenských vzdelancov o jazyku a etnickej identite Slovákov v období národného obrodenia. In: DORUĽA, J. (ed.): *Historický význam a odkaz diela osobností slovenského národného obrodenia*. Bratislava: SÚJS SAV, 2014, s. 79 – 130.

GLADKOVA, H. – VAČKOVA, K. (eds.): *Jazykové právo a slovanské jazyky*. Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, 2013.

HAVRÁNEK, B.: Studie o spisovném jazyce. – Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1963.

HAVRÁNKOVÁ, M. – PETKEVIČ, V. (eds.): *Pražská škola v korespondenci*. Praha: Univerzita Karlová v Praze, 2014.

CHOLODOVÁ, U.: Становлення й розвиток української літературної мови в контексті чесько-українських культурних зв’язків. In: KOŁODZIEJ, A. (red.):

Słowiańszczyzna dawniej i dziś – język, literatura, kultura. Monografia ze studiów slawistycznych III. Červený Kostelec: Nakladatelství Pavel Mervart, 2017, s. 61 – 75.
KOVÁČOVÁ, M.: Jazyk a obraz v tvorbe Valentína Rasputina a Vladimíra Mináča. In: LIASHUK, V. (ed.): *Štýl ako výskumný nástroj v synchrónii a diachrónii: k teórii slovanských spisovných jazykov.* Banská Bystrica: Belianum, 2018, c. 145 – 156.
KRÓL, M.: Odmiany języka polskiego – próba typologizacji. In: *Studia methodologica*, 2015, 40: 202 – 216.
KRŠKO, J.: Napätie spisovný jazyk – hovorený jazyk v onymii. In: LIASHUK, V. (ed.): *Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západoslovanský a východoslovanský kontext. Zborník abstraktov*. Banská Bystrica: Belianum, 2019, c. 18.
KUMOROVÁ, Z.: *Základy teórie spisovného jazyka a jazykovej kultúry*. Trnava: FF UCM, 2015.
ĽAŠUKOVÁ (LIASHUK – ЛЯШУК), V.: *Folklórny vektor v kodifikácii bieloruského a slovenského jazyka*. Prešov: FF PU, 2009.
LEWASZKIEWICZ, T.: Regionalizmy leksykalne w języku Adama Mickiewicza i w języku powojennych przesiedleńców z Nowogródka. In: LIASHUK, V. (ed.): *Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západoslovanský a východoslovanský kontext. Zborník abstraktov*. Banská Bystrica: Belianum, 2019, c. 36.
LEWASZKIEWICZ, T.: Rola kontaktów językowych we wstępnym okresie formowania się słowiańskich języków literackich (na tle ogólniejszym). In: *Z polskich studiów slawistycznych*, seria VIII, 1992, s. 133 – 138.
LIASHUK (ЛЯШУК), V.: *Теория славянских литературных языков в диахронии и синхронии.* Banská Bystrica: Belianum, 2017.
LIASHUK, V. (ed.): *Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západoslovanský a východoslovanský kontext. Zborník abstraktov*. Banská Bystrica: Belianum, 2019.
LIASHUK, V. (ed.): *Štýl ako výskumný nástroj v synchrónii a diachrónii: k teórii slovanských spisovných jazykov.* Banská Bystrica: Belianum, 2018a.
LIASHUK, V.: Синхронический и диахронический аспекты функциональной стилистики в теории славянских литературных языков. In: LIASHUK, V. (ed.): *Štýl ako výskumný nástroj v synchrónii a diachrónii: k teórii slovanských spisovných jazykov.* Banská Bystrica: Belianum, 2018b, c. 10 – 23.
LIASHUK, X.: Interkultúrne aspekty štýlu cestopisu *Putovanie po Amerike* Il'fa a Petrova. In: LIASHUK, V. (ed.): *Štýl ako výskumný nástroj v synchrónii a diachrónii: k teórii slovanských spisovných jazykov.* Banská Bystrica: Belianum, 2018, c. 165 – 174.
LIZOŇ, M.: Заимствованные слова в романе В. Пелевина «Generation "П"» как атрибуты смены культурной парадигмы. In: LIASHUK, V. (ed.): *Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západoslovanský a východoslovanský kontext. Zborník abstraktov*. Banská Bystrica: Belianum, 2019, c. 70.
LOMENČÍK, J.: Činnosť jazykovedného odboru matice slovenskej (1930 – 1940) – základ modernej slovenskej lingvistiky. In: LIASHUK, V. (ed.): *Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západoslovanský a východoslovanský kontext. Zborník abstraktov*. Banská Bystrica: Belianum, 2019, c. 34.
PATRÁŠ, V. K vymedzeniu areálu jazykovej kultúry. In: POVAŽAJ, M. (ed.): *Jazyková kultúra na začiatku tretieho tisícročia*. Brtislava: VEDA, 2009, s. 51 – 62.
RAČÁKOVÁ, A.: O dvoch prístupoch k popularizácii otázok jazykovej kultúry (slovensko-poľský komparatívny náčrt). In: LIASHUK, V. (ed.): *Slovanské spisovné jazyky*

v synchrónii a diachrónii: západoslovanský a východoslovanský kontext. Zborník abstraktov. Banská Bystrica: Belianum, 2019, c. 26.

REPOŇ, A.: Tvorba cyklov v kompozícii *Poľovníkových zápiskov* I. S. Turgeneva a *Obrázkov z gubernie* M. J. Saltykova-ščedrina. In: LIASHUK, V. (ed.): *Štýl ako výskumný nástroj v synchrónii a diachrónii: k teórii slovanských spisovných jazykov.* Banská Bystrica: Belianum, 2018, c. 157 – 164.

ROŽAI, G.: Západoslovansko-východoslovanské jazykové kontakty v nárečí východogemerskej obce Pača (Slovensko). In: LIASHUK, V. (ed.): *Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západoslovanský a východoslovanský kontext. Zborník abstraktov*. Banská Bystrica: Belianum, 2019, c. 46.

SCHILLOVÁ, K.: Na margo vzťahu prekladateľky a poetky Márie Rázusovej-Martákovej k spisovnému jazyku. In: LIASHUK, V. (ed.): *Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západoslovanský a východoslovanský kontext. Zborník abstraktov*. Banská Bystrica: Belianum, 2019, c. 78.

SLIVKOVÁ, I.: Status bieloruského jazyka vo formovaní kultúrnej identity literárnej postavy. In: LIASHUK, V. (ed.): *Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západoslovanský a východoslovanský kontext. Zborník abstraktov*. Banská Bystrica: Belianum, 2019, c. 72.

SZCZEPANIAK, M.: Tekst literacki w internecie. In: LIASHUK, V. (ed.): *Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západoslovanský a východoslovanský kontext. Zborník abstraktov*. Banská Bystrica: Belianum, 2019, c. 96.

VEPŘEK, M.: K otázce bohemismů ve staroslověnštině a církevní slovanštině. In: LIASHUK, V. (ed.): *Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západoslovanský a východoslovanský kontext. Zborník abstraktov*. Banská Bystrica: Belianum, 2019, c. 41.

БРЕУСОВА, Е.: Отражение процессов демократизации и интернационализации языка в текстах современного города. In: LIASHUK, V. (ed.): *Štýl ako výskumný nástroj v synchrónii a diachrónii: k teórii slovanských spisovných jazykov.* Banská Bystrica: Belianum, 2018, c. 54 – 61.

ВАСИЛЬЕВА, В. Ф. Типология, характерология и сопоставительная лингвистика. In: *Исследование славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания. Информационные материалы и тезисы докладов международной конференции (Москва, 30 – 31 октября 2001, МГУ).* Москва: Из-во Моск. ун-та, 2001, с. 20 – 22.

ВЕРИНА, У. Ю.: Общее и конкретное в поэтическом идиостиле: проблема перевода. In: LIASHUK, V. (ed.): *Štýl ako výskumný nástroj v synchrónii a diachrónii: k teórii slovanských spisovných jazykov.* Banská Bystrica: Belianum, 2018, c. 112 – 121.

ВЕРИНА, У. Ю.: Особенности идиостиля Г. Айги в переводах М. Валека и О. Машковой. In: LIASHUK, V. (ed.): *Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západoslovanský a východoslovanský kontext. Zborník abstraktov*. Banská Bystrica: Belianum, 2019, c. 80.

ГАЛЯН, С.: Знаки югорского текста в современной лирике (методический аспект). In: LIASHUK, V. (ed.): *Štýl ako výskumný nástroj v synchrónii a diachrónii: k teórii slovanských spisovných jazykov.* Banská Bystrica: Belianum, 2018, c. 122 – 127.

ГАНУЩАК, Н.: «Новая» проза Варлама Шаламова как эстетический манифест писателя. In: LIASHUK, V. (ed.): *Štýl ako výskumný nástroj v synchrónii a diachrónii: k teórii slovanských spisovných jazykov.* Banská Bystrica: Belianum, 2018, c. 128 – 134.

ГАПОНЕНКО, И. О.: Становление норм белорусского литературного языка начала XX в. на инославянском фоне. In: LIASHUK, V. (ed.): *Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západoslovanský a východoslovanský kontext. Zborník abstraktov*. Banská Bystrica: Belianum, 2019, c. 23.

ГЕРМАНОВА, Н. Н.: Теория и история литературного языка в отечественном и англоязычном языкознании. Москва: URSS, 2011.

ГИРУЦКИЙ, А. А.: Экология белорусского и русского литературных языков в условиях белорусскорусского двуязычия. In: LIASHUK, V. (ed.): *Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západoslovanský a východoslovanský kontext. Zborník abstraktov*. Banská Bystrica: Belianum, 2019, c. 21.

ГИРУЦКИЙ, А.: Полонизмы в дискурсивном пространстве перевода романа Г. Сенкевича «Крестоносцы» на русский язык. In: LIASHUK, V. (ed.): *Štýl ako výskumný nástroj v synchrónii a diachrónii: k teórii slovanských spisovných jazykov.* Banská Bystrica: Belianum, 2018, c. 135 – 144.

ГИРУЦКИЙ, А. А.: *Общее языкознание*. Минск: Вышэйшая школа, 2017.

ГІЛЕВІЧ, Н.: *Любоў прасветлая: Роздумы ў вершах і прозе аб роднай мове. Лірыка-публіцыстычная хроніка: 1947 – 1995*. Мінск: Навука і тэхніка, 1996.

ДАНИЛЕНКО, А.: До побудови соціальної типології української літературної мови. In: GLOVŇA, J. (ed.): *Historický a sociolingvistický kontext kodifikácií slovanských jazykov*. Bratislava: SKS: SÚJS SAV: UKF, 2017, c. 145 – 161.

ДУЛИЧЕНКО А. Д. *Введение в славянскую филологию*. Учеб. пособие. 2-е изд., стер. Москва: ФЛИНТА, 2014. [online]: https://b-ok.org/book/2626269/b464c1

ЗАЙЦЕВ, А. А.: Сопоставление текстовых единиц устной публичной речи с их аналогами в кодифицированном литературном языке. In: *Исследование славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания. Информационные материалы и тезисы докладов международной конференции (Москва, 30 – 31 октября 2001, МГУ).* Москва: Из-во Моск. ун-та, 2001, c. 33 – 35.

ЗАПРУДСКІ, С. М.: *Беларускае мовазнаўства і развіццё беларускай літаратурнай мовы: 1920 – 1930 гады*. Мінск: БДУ, 2013.

КОРОТКЕВИЧ, И. И.: Этнические маркеры в славянских словарях национального значения. In: LIASHUK, V. (ed.): *Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západoslovanský a východoslovanský kontext. Zborník abstraktov*. Banská Bystrica: Belianum, 2019, c. 113.

КРАЕВ, А. Ю.: Эволюция словесного ударения в польском языке. In: LIASHUK, V. (ed.): *Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západoslovanský a východoslovanský kontext. Zborník abstraktov*. Banská Bystrica: Belianum, 2019, c. 92.

КРЫСИН, Л. П.: *Статьи о русском языке и русских языковедах*. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2015.

КУМЕДА, Е. Пантелеймон Кулиш и новый украинский литературный язык. In: LIASHUK, V. (ed.): *Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západoslovanský a východoslovanský kontext. Zborník abstraktov*. Banská Bystrica: Belianum, 2019, c. 30

ЛАПТЕВА, О. А.: *Теория современного русского литературного языка*. Москва: Высшая школа, 2003.

ЛАРКОВИЧ, Д. В.: Семиотический код образа России в лирике Ф. И. Тютчева. In: LIASHUK, V. (ed.): *Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii:*

západoslovanský a východoslovanský kontext. Zborník abstraktov. Banská Bystrica: Belianum, 2019, c. 56.

ЛАРКОВИЧ, Д. В.: Стиль как категория теоретической поэтики в изучении российского литературоведения**.** In: LIASHUK, V. (ed.): *Štýl ako výskumný nástroj v synchrónii a diachrónii: k teórii slovanských spisovných jazykov.* Banská Bystrica: Belianum, 2018, c. 24 – 31.

ЛИФАНОВ, К. В.: Вклад лингвистов кафедры славянской филологии в изучение истории славянских литературных языков. In: ГУДКОВ, В. П. – МАШКОВА, А. Г. (eds.): *Славянский вестник: Вып. 1*. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2003: 8 – 18.

ЛУКАШАНЕЦ, А. А.: *Беларуская мова ў XXI стагоддзі: развіццё сістэмы і праблемы функцыянавання*. Мінск: Беларуская навука, 2014.

ЛЯШУК, В. М.: Мова народных казак у сучаснай славістыцы: даследаванні праф. Я. Дорулі ў навуковай парадыгме. In: *Slavica Slovaca*, 2013, 48, 2: 139 – 152.

МАНДЗІК, В.: Прыкметы размоўнасці ў вусным дыскурсе беларускіх медыя-рэсурсаў і тэатральнага мастацтва. In: LIASHUK, V. (ed.): *Štýl ako výskumný nástroj v synchrónii a diachrónii: k teórii slovanských spisovných jazykov.* Banská Bystrica: Belianum, 2018, c. 88 – 94.

МАРШИК, Л.: Проявление тенденции к интернационализации в лингвистической терминологии (на материале русского, польского и чешского языков). In: LIASHUK, V. (ed.): *Štýl ako výskumný nástroj v synchrónii a diachrónii: k teórii slovanských spisovných jazykov.* Banská Bystrica: Belianum, 2018, c. 70 – 77.

ОСТАПЧУК, О. А.: К вопросу о типологическом профиле украинского литературного языка (на фоне русского и польского литературных языков). In: *Исследование славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания. Информационные материалы и тезисы докладов международной конференции (Москва, 30 – 31 октября 2001, МГУ).* Москва: Из-во Моск. ун-та, 2001, с. 90 – 94.

ПЛЕСНИК, Л.: К вопросу о модном слове и демократизации языка (на примере русского языка). In: LIASHUK, V. (ed.): *Štýl ako výskumný nástroj v synchrónii a diachrónii: k teórii slovanských spisovných jazykov.* Banská Bystrica: Belianum, 2018, c. 226 – 233.

ПЛЫГАВКА, Л.: Реализация би- и полилингвизма языковой личности в ситуации поликультурного взаимодействия юго-восточной части Литовской Республики. In: LIASHUK, V. (ed.): *Štýl ako výskumný nástroj v synchrónii a diachrónii: k teórii slovanských spisovných jazykov.* Banská Bystrica: Belianum, 2018, c. 208 – 216.

РУДЕНКО, Е. Н. – ИВАШИНА, Н. В. – ЯНОВЕЦ, Л.: Falešní přátelé překladatele = Ілжывыя сябры перакладчыка. Praha: Univerzita Karlova v Praze, Pedagogická fakulta, 2006. 122 s.

РУСАК, В.: Сродкі рытмізацыі ў паэме ў прозе “Одзіум” Янкі Сіпакова. In: LIASHUK, V. (ed.): *Štýl ako výskumný nástroj v synchrónii a diachrónii: k teórii slovanských spisovných jazykov.* Banská Bystrica: Belianum, 2018, c. 175 – 182.

СИРОТКИНА, Т.: Отражение культурных контактов в этнонимии региона. In: LIASHUK, V. (ed.): *Štýl ako výskumný nástroj v synchrónii a diachrónii: k teórii slovanských spisovných jazykov.* Banská Bystrica: Belianum, 2018, c. 234 – 244.

ТОЛСТОЙ, Н. И.: *История и структура славянских литературных языков*. Москва: Наука, 1988.

ТОЛСТОЙ, Н. И.: *Избранные труды. Т. 2: Славянская литературно-языковая ситуация*. Москва: Языки русской культуры, 1998.
ТРУС, М.: Славацка-беларускі культурны дыскурс: актуаліі, даследаванні, пераклады. In: LIASHUK, V. (ed.): *Štýl ako výskumný nástroj v synchrónii a diachrónii: k teórii slovanských spisovných jazykov.* Banská Bystrica: Belianum, 2018, c. 245 – 252.
ТРУС, Н. В.: Имрих Кружляк – переводчик программного стихотворения Янки Купалы. In: LIASHUK, V. (ed.): *Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západoslovanský a východoslovanský kontext. Zborník abstraktov*. Banská Bystrica: Belianum, 2019, c. 82.
ХАДЫНСКАЯ, А.: Своеобразие поэтического языка Лариссы Андерсен. In: LIASHUK, V. (ed.): *Štýl ako výskumný nástroj v synchrónii a diachrónii: k teórii slovanských spisovných jazykov.* Banská Bystrica: Belianum, 2018, c. 183 – 191.
ЧЕРЕПАНОВА, О. А.: *Сравнительная грамматика славянских языков: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры*. Москва: Издательство Юрайт, 2018.

SLAVIC STANDARD LANGUAGES IN THE MODERN SCIENTIFIC PARADIGM

Summary: The article examines the modern interpretation of standard language (in relation to standard micro-languages and, in one respect, to linguistic varieties) based on material from East and West Slavic partial linguistics. The connection between linguistic situation, sociolinguistic research and modern approaches to standard language, normative processes and speech culture is traced. Opposite tendencies are revealed towards the reduction of the prestige of standard language and towards the strengthening of the educational and cognitive-pragmatic discourse in the linguistic personality. The correlation of these trends in different Slavic languages is characterized by specifics of a qualitative and quantitative nature. In the modern paradigm of Slavic studies, standard language is studied in linguistic and humanitarian disciplines and manifests its interdisciplinary character.

Key words: speech culture, Slavic studies, East Slavic languages, West Slavic languages.

Príspevok je čiastkovým výstupom v rámci projektu **VEGA č. 1/0118/17** Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západo- a východoslovanský kontext.

Jaromír Krško
Filozofická fakulta, Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici, Banská Bystrica (Slovensko)

NAPÄTIE SPISOVNÝ JAZYK – HOVORENÝ JAZYK V ONYMII

Anotácia: Ústrednou témou príspevku je napätie medzi spisovným a hovoreným jazyku z hľadiska stratifikácie národného jazyka, ktorý sa prejavuje aj v oblasti vlastných mien. V bežnej komunikácii existujú variety jazyka, ktoré nedodržiavajú kodifikované normy spisovného jazyka a toto napätie medzi spisovným a hovoreným jazykom existuje aj v onymii. Napätie medzi štandardizovanou antroponymiou, ktorá sa používa v oficiálnej komunikácii a neštandardizovanou antroponymiou, môžeme sledovať aj v oblasti prezývok, hypokoristických podôb rodných mien, priezvisk. Rôzne uplatňovanie týchto druhov antroponým závisí od komunikačnej situácie a sociálneho statusu komunikujúcich. V oblasti toponým existuje takisto napätie medzi úradnou (štandardizovanou) podobou a neštandardizovanou toponymiou. Tieto neoficiálne (živé) názvy sa uplatňujú v relatívne uzavretých sociálnych skupinách.

Kľúčové slová: spisovný jazyk, hovorený jazyk, štandardizácia, onymia, živá onymia.

Otázka definovania spisovného jazyka a spisovnosti je v slovenskej jazykovede pertraktovaná desiatky rokov. V priebehu vývoja sa postupne vyvíjal aj názor jazykovedcov na túto problematiku. Až nástupom sociolingvistiky na prelome osemdesiatych a deväťdesiatych rokov 20. storočia začala slovenská jazykoveda smerovať svoje výskumné aktivity od tradičných záujmov o rurálne dialekty a teoretické systémové výskumy jazyka k „výskumu imanentných vlastností jazykového systému“ (Ondrejovič 2000: 13), k multidisciplinárnym pohľadom na fungovanie jazyka a komunikácie v prostredí vidieka i mesta, v prostredí etnicky a sociálne zmiešaného obyvateľstva. Dôležitou zmenou nazerania na spisovný jazyk bol posun od bipolarity (spisovný – nespisovný, dobrý – zlý) k funkčnému chápaniu jazyka v komunikácii. Sociolingvistické výskumy nadviazali na výsledky predovšetkým západnej sociolingvistiky zo šesťdesiatych rokov minulého storočia. Tento smer jasne poukázal na pestrosť jazykovej variability a variabilnej realizácie jazykových odlišností v komunikácii. Druhým historickým spojivom prebúdzajúcej sa slovenskej sociolingvistiky so šesťdesiatymi rokmi bolo nadviazanie na pozoruhodný projekt Výskum hovorenej podoby spisovnej slovenčiny, ktorý bol orientovaný na výskum jazyka miest.

V. Luptáková (2009) pri výskume rečovej praxe v mestskom prostredí musela hľadať odpoveď na odlíšenie terminologickej nejednoznačnosti dvojice *hovorenosť – hovorovosť*. Na základe analýzy starších lingvistických názorov dospela V. Luptáková k názoru, že v šesťdesiatych rokoch minulého storočia (v čase dichotomického členenia slovenčiny na spisovný jazyk a nárečia) tieto termíny často predstavovali synonymnú dvojicu, prípadne autori stotožňovali hovorený jazyk s hovorovým štýlom alebo termín hovorená slovenčina predstavoval interferenciu nárečových a spisovných prvkov v ústnych prejavoch (Luptáková 2009: 436). Novšie chápanie termínu hovorenosť vychádza z názoru V. Patráša, ktorý hovorenosť, resp. hovorené prejavy charakterizuje ako „všetky ústne jazykové útvary

akéhokoľvek štýlu a žánru, ktoré sa realizujú v bežnej dorozumievacej sfére“ (Patráš 1995: 119).

Vymedzenie druhého termínu z dvojice *hovorenosť – hovorovosť* vníma V. Luptáková ako problém, ktorý nebol dostatočne vyriešený. Vychádza z názorov J. Bosáka o hovorovom štýle, ale predovšetkým z porovnania českého termínu *běžně mluvený jazyk* (Luptáková 2009: 437). V stratifikácii slovenského národného jazyka u viacerých slovenských lingvistov sa termín hovorová slovenčina ujímal len pomaly. Ak vychádzame z chápania českého termínu *běžně mluvený jazyk*, obsahom tohto termínu je súbor jazykových prostriedkov, ktoré sa používajú v neverejných spontánnych hovorených prejavoch a v tejto funkcii sa môžu uplatňovať všetky útvary národného jazyka.

V stratifikácii slovenského národného jazyka J. Horeckého (1979) nájdeme po spisovnej forme jazyka štandardnú formu. Tá je po gramatickej stránke zhodná so spisovným jazykom, ale obsahuje prvky hovorenej podoby jazyka, ktoré charakterizuje menšie porušovanie kodifikačných zásad spisovnej slovenčiny. Ďalšími útvarmi národného jazyka sú podľa J. Horeckého subštandardná, nadnárečová a nárečová forma. Tieto útvary však porušujú kodifikačnú normu vo väčšej miere.

V rámci slovenského národného jazyka vyčlenil I. Ripka (1980) šesť jazykových útvarov: spisovný jazyk, hovorový spisovný jazyk (štandard), bežný hovorový jazyk (subštandard), supradialekt, interdialekt a tradičný teritoriálny dialekt. Na rozdiel od J. Horeckého však bežný hovorový jazyk hodnotí I. Ripka ako nespisovný útvar. O desať rokov neskôr I. Ripka (1990) člení slovenský národný jazyk na päť útvarov – spisovný jazyk, hovorový spisovný jazyk, ktorý považuje za štandard, bežný hovorový jazyk predstavuje podľa jeho názoru subštandard. Národný jazyk podľa neho dopĺňajú interdialekty ako nadnárečové útvary a teritoriálne dialekty, ktoré predstavujú najstaršiu formu jazyka.

Blízko k Horeckého členeniu slovenského národného jazyka bol J. Bosák (1995), ktorý hovorový jazyk charakterizuje ako prostriedok používaný v bežnej individuálnej, rodinnej či priateľskej komunikácii, ktorý nie je ohraničený tematicky a ktorý „umožňuje vyjadrovať rozličné stupne emocionálnosti (expresívnosti) a pragmatickosti“ (Bosák 1995: 29). Hovorovú slovenčinu charakterizuje J. Bosák ako spisovnú nekodifikovanú varietu nachádzajúcu sa medzi spisovným jazykom a ostatnými nespisovnými varietami (sociolektami – slagizmami, argotizmami). Vo zvukovej rovine je pre hovorovú slovenčinu charakteristický neutrálny štýl s prípustným zjednodušovaním výslovnosti, v lexikálnej rovine sa táto varieta prezentuje používaním neologizmov, univerbizovaných výrazov, publicizmami, expresívnymi výrazmi, syntaktická rovina je charakterizovaná zjednodušenou štruktúrou vety, voľnejším slovosledom, eliptickými vetnými konštrukciami atď. (Bosák 1995: 29 – 30).

Definovať spisovný jazyk z obsahového a funkčného hľadiska je pomerne náročné. J. Dolník (2010) správne konštatuje, že kritériá na vymedzenie spisovného jazyka (resp. spisovnej slovenčiny) sa v priebehu jej vývinu menili. Zmeny boli prirodzene ovplyvňované a podmieňované vývinom spoločnosti. Pokiaľ v ranej fáze môžeme spisovný jazyk charakterizovať ako jazyk knižný, literárny, ktorý bol obmedzený len na písaný jazyk, v neskoršej fáze môžeme spisovný jazyk definovať ako útvar, „ktorý sa uplatňuje v písaných

aj hovorených verejných prejavoch v rozličných komunikačných sférach. Toto vymedzenie sa vzťahuje na tú fázu rozvíjania spisovného jazyka, ktorá je spätá s rozšírením oblasti verejnej komunikácie, a to písanej aj ústnej (sféra politiky, kultúry, vzdelávania, vedy a pod.). Spisovný jazyk v tomto vymedzení zahŕňa písomnú aj ústnu podobu" (Dolník 2010: 20). V súčasnosti však môžeme spisovný jazyk charakterizovať ako útvar používaný vo verejnej sfére a rovnako aj vo sfére bežného dorozumievania. Vplyvom médií, vzdelávacích inštitúcií sa používanie spisovného jazyka rozšírilo natoľko, že sa spisovný jazyk stal duchovným vlastníctvom veľkej časti spoločnosti a v jazykovom povedomí členov spoločnosti sa upevnil to takej miery, „že sa používa aj vo sférach neverejnej komunikácie (pri bežnom pracovnom styku aj v bežnej mimopracovnej komunikácii). Za týchto podmienok sa spisovný jazyk ešte viac diferencuje, a to jeho písomná aj hovorená podoba, a jeho rozvíjanie je ovplyvnené novými okolnosťami jeho používania (Dolník 2010: 21).

Úlohou štátnych inštitúcií je prirodzene kodifikovať aj propriálnu sféru jazyka. Legislatívnou normou pre antroponymiu je zákon č. 300/1993 Z. z. o mene a priezvisku a zákon č. 124/2015 Z. z., ktorým sa mení a dopĺňa zákon NR SR č. 154/1994 Z. z. o matrikách v znení neskorších predpisov a ktorým sa menia a dopĺňajú niektoré zákony.

Vlastné mená (propriá, onymá) sú súčasťou slovnej zásoby národného jazyka takisto ako apelatívna časť lexiky. Túto dvojpólovosť vlastného mena zapríčiňuje jeho dvojaký status – na jednej strane je jeho lingvistický status, ktorý vyplýva z toho, že pri stavbe propria sa uplatňujú zákonitosti jazykového kódu daného jazyka, rovnako ako je to aj pri výstavbe apelatív; onomastický status propria na druhej strane znamená, že na výslednú podobu vlastných mien vplývajú špecifické zákonitosti kategórie propria (bližšie k tomu napr. Blanár 1996, 2004; Šrámek 1999). V. Blanár charakterizuje tieto protichodné a na seba vzájomne pôsobiace tendencie ako ustavičnú interakciu vlastných mien s ostatnou slovnou zásobou a celým jazykovým systémom a súčasne stálu polarizáciu vlastných mien vo vzťahu k apelatívam (Blanár 2004: 4).

Na základe záujmu onomastiky o skúmanie relevantných vlastností proprií možno vyčleniť dve primárne oblasti onomastických výskumov – prvá oblasť výskumu venuje pozornosť designácii vlastného mena, v ktorej sa reflektujú relevantné vlastnosti proprií a pragmatické postoje používateľov vlastných mien do onymických príznakov propria. Pri toponymách sú vlastnosti propria a pragmatická komunikačná stránka determinované konkrétnou onymickou triedou objektu v teréne, spoločenskou dôležitosťou objektu (hovoríme o akčnom rádiu toponyma – pozri Krško 2014: 25 – 26), sídelnosťou, resp. nesídelnosťou objektu atď. V antroponymii sú tieto vlastnosti ovplyvnené napr. príbuzenskými vzťahmi (a v nich sociálnymi pozíciami jedinca v rámci rodiny – hypokoristické podoby krstných mien smerom dovnútra rodiny, priezviská smerom navonok – voči nečlenom rodiny ako sociálnej skupiny), prípadne sú relevantné vlastnosti antroponyma a pragmatický postoj používateľov k nemu determinované sociálnymi väzbami v rámci sociálnej skupiny – živé osobné mená v rámci sociálnych väzieb obce, individuálne prezývky žiakov, študentov, učiteľov, zamestnancov atď. v rámci sociálnych skupín triedy, školy, pracovného kolektívu. Tieto kategórie „geoným a bioným spájajú všeobecnejšie

(generické) príznaky [ustálenosť administratívno-právnym úzom] a [ustálenosť užším spoločenským úzom]“ (Blanár 1996: 161).

Druhá oblasť onomastických výskumov z hľadiska sociolingvistiky, či presnejšie socioonomastiky, sa vyčleňuje práve na základe napätia medzi ustálenou podobou propria z hľadiska oficiálnej (celospoločenskej) úrovne a jeho podobou z hľadiska užšieho spoločenského úzu. Na túto skutočnosť poukázal napr. W. Lubaś (1980) v príspevku, ktorý odznel na VII. slovenskej onomastickej konferencii konanej v roku 1976.

V bežnej komunikácii sa využívajú rôzne podoby proprií, ktoré sú charakteristické pre určité komunikačné situácie predstavujúce situačnú variantnosť jazyka a reči. Situačná variantnosť sa vyznačuje tým, že v určitých sociálnych situáciách sa dáva prednosť rôznym jazykovým prostriedkom (v našom prípade rôznym druhom a formám proprií). Komunikačná situácia je však ovplyvnená nielen stratifikáciou, ale aj sociálnou variantnosťou.

V rámci bežnej komunikácie (teda v hovorovom jazyku) rozlišuje W. Lubaś (1980) tri úrovne jazykového kontaktu. Najvyššia úroveň A je charakterizovaná ako úroveň celospoločenského kontaktu, ktorá sa vyznačuje používaním kodifikovaného spisovného jazyka a uplatňuje sa v oficiálnej komunikačnej situácii. V tejto úrovni sa používajú úradné formy vlastných mien. Nižšiu úroveň predstavuje lokálna úroveň B, ktorá sa vyznačuje menšou rigoróznosťou voči spisovnej norme. Tu sa pripúšťajú oficiálne, štandardizované vlastné mená a ich varianty. Vo výslovnosti sa používa stredný výslovnostný štýl. Posledná, individuálna úroveň (C) je charakterizovaná využívaním nespisovných foriem jazyka a uplatňovaním hláskových variantov vlastných mien (napr. *Anka/Hanka*, napriek tomu, že nositeľka mena je krstená ako *Anna*), synonymných podôb vlastného mena, hypokoristických podôb a pod. Lubaśove úvahy o fungovaní proprií v hovorovom jazyku úplne korešpondujú so stratifikáciou národného jazyka a vymedzením termínu *hovorová slovenčina* J. Bosáka (1995).

Prechod z vyššej úrovne do nižšej (z A do B, resp. až C) je možný, tzn., že oficiálne podoby proprií v „nižších“ komunikačných úrovniach sú prípustné, pretože sú štylisticky a komunikačne menej expresívne, ako je to v opačnom smere (hoci použitie podoby krstného mena napr. *Mária* v individuálnej úrovni jazykového kontaktu, a teda v súkromnom styku, môže niesť expresívnejší náboj). Opačný smer používania proprií, teda používanie hypokoristických podôb antroponým a používanie variantov oficiálnych proprií vo „vyšších“ komunikačných úrovniach je príznakový a expresívny. Záleží teda na komunikujúcich, akú úroveň si vyberú, ako chcú vstupovať do dialógu. Výber úrovne je ovplyvnený spoločenským statusom komunikujúcich, rolou, v ktorej sa ocitnú, psycho-fyzickým stavom a pod. Je však potrebné zdôrazniť, že komunikujúci musia využívať rovnakú úroveň. Ak vstúpi jeden z komunikujúcich do dialógu s odlišnou úrovňou, môže to vyvolať určité spoločenské faux pas, ktoré prinúti jedného z nich k vyrovnaniu komunikačnej úrovne. Typickým príkladom v slovenčine je oblasť tykania a vykania. Tykanie (aj z hľadiska využitia vlastných mien) je zaradené do úrovne B a C, vykanie do úrovne A. Rozhodnúť sa pre jeden druh (resp. formu) oslovenia znamená zaradiť meno do príslušného onymického podsystému, čo vlastne znamená predpokladať komunikačnú stratégiu komunikačného partnera.

Komunikačný obrat z hovorového jazyka k spisovnému (z oblasti súkromného styku k oficiálnej úrovni) je dobre zachytený v českom filme Slunce, seno, jahody v dialógu medzi predsedom JRD a údržbárom Václavom Konopníkom pri stretnutí s predpokladaným sokom v láske Šimonom Plániačkom:

Predseda: Venco, pojď sem. To je náš instalatér. Je to vopravdu kádr, rozumíš. Tak ten ... ten spraví ledničku, auťák, no na co si spomeneš. Ten už byl dvakrát v novinách.
Šimon Plánička: Šimon (podáva ruku).
Václav Konopník: Hmmm (opovržlivo).
Predseda: A to je náš Venca.
Václav Konopník: Václav. Pro cizí jenom Václav.

Podobný jav zaznamenala L. Mokrá (2015) vo svojom výskume živých osobných mien v obci Nitrianske Sučany. Zmenu komunikačnej úrovne zo súkromnej na oficiálnu opisuje pri zasadnutí obecného zastupiteľstva: „Miestny obecný úrad zamestnáva výlučne ľudí z obce, čo znamená, že medzi sebou je ich komunikácia o osobách z domáceho prostredia neoficiálna. Musia však byť bez svedkov, ktorí by komunikácii vtlačili príznak verejnosti. V prípade verejného zasadnutia obecného zastupiteľstva sa tí istí ľudia (navyše s miestnymi poslancami) verejne rozprávajú o ľuďoch, ktorých musia riešiť v rámci programu zasadnutia. Takáto komunikácia je polooficiálna až oficiálna, pričom komunikačný priestor aj komunikanti sú rovnakí, zmenil sa iba *aspekt komunikačnej situácie* a pribudol príznak verejnosti. Ich postavenie zmení rétoriku a pri komunikácii použijú napr. živé osobné meno *pani Juríková* miesto *Lenka Frcke*“ (Mokrá 2015: 62).

Problematike prezývok a hypokoristických podôb antroponým nebudeme venovať pozornosť predovšetkým z priestorových dôvodov (k tejto problematike bližšie Krško 2016: 28 – 68). Tieto druhy proprií, rovnako ako živé osobné mená, vytvárajú základnú podobu onymie hovorovej slovenčiny. Z hľadiska komunikácie je zároveň dôležitý aspekt prítomnosti, resp. neprítomnosti osoby, o ktorej sa hovorí. Prezývky a hypokoristické podoby antroponým sa uplatňujú aj v prítomnosti takto pomenovanej osoby. Živé mená v komunikácii však najčastejšie označujú neprítomnú osobu.

Výskumu živých mien sa v slovenskej onomastike venovali predovšetkým V. Blanár a J. Matejčík. V. Blanár sa teoreticky zameral na funkčné hľadisko a analýzu vzniku živých mien. Na charakteristiku obsahovej stránky živých mien úspešne použil teóriu modelovania, čím pozdvihol slovenskú onomastickú školu (minimálne) na európsku úroveň. Blanárov obsahový model živého mena predstavuje tento druh antroponyma ako kombináciu rôznych funkčných členov, ktoré sú nositeľmi rozličných sémantických príznakov. Samotný atribút *živý* je problémom aj pri preklade termínu do cudzích jazykov. V. Blanár tým myslel meno, ktoré „žije“, aktívne funguje v komunikácii society, teda takú podobu, ktorá je aktuálna v danej komunikačnej situácii. Aj prezývka jednotlivca býva živá len počas existencie society, ktorá ju používa – tak to vyplýva z definície sociálneho propria (existuje v priestore a čase existencie society – k tomu Krško 2016: 61). Po rozpade society prestáva sociálne proprium existovať.

Živé osobné mená, patria medzi špecifické propriá, pretože odkrývajú intímnu stránku sociálnej skupiny (najčastejšie dedinského kolektívu). Preto je výskum pre nečlenov tejto society veľmi problematický. Živé osobné mená môžu získať len ľudia žijúci v danom prostredí, ktorých societa považuje „za svojich". Nečlen spoločenstva výskumom získa len mená do domu, ktoré sa považujú za neutrálne (resp. za neutrálne ich považuje daná societa). Keďže sa tento druh proprií používa v prostredí hovoreného jazyka, býva často v podobe miestneho nárečia, ktoré je v opozícii so spisovným jazykom. Živé meno môže obsahovať charakteristické prvky nárečia, prípadne sa pri vzniku mena môžu uplatňovať názvotvorné postupy typické pre toto nárečie, ktoré sa nepoužívajú v spisovnom jazyku. Pri vzniku živého mena (jeho obsahovej stránky) sa k základnému druhu antroponým (rodné meno, priezvisko) pridáva bližšia charakteristika, ktorá je dôležitá na presnú identifikáciu jednotlivca. Medzi sekundárne funkčné členy tvoriace živé meno patrí individuálna charakteristika, živé rodinné meno, meno domu a apelatívny člen. Živé mená sa dajú vyjadriť všeobecným modelom všetkých funkčných členov, ktoré sa dajú presne interpretovať – napr. živé osobné meno *Eva Barte Mirova* (Mokrá 2015: 28) sa dá interpretovať takto: živé osobné meno ženskej osoby pomenovanej krstným menom, priezviskom a krstným menom manžela. Pomenovanie Matúša Brezoňáka z obce Sihelné živým menom *Matuš Vuoscipkar* (Szczerbová 2015: 51) sa interpretuje ako meno mužskej osoby pomenovanej rodným menom a individuálnou charakteristikou podľa záujmu, ktorej lexéma sa používa aj v živom mene rodiny a v mene domu. Apelatívnym členom sa označuje príbuzenský vzťah (syn, dcéra, žena = manželka, chlap, muž = manžel), povolanie (učiteľka, starosta, mäsiar, traktorista), prípadne všeobecné označenie (tetka, ujo, starý, mladšia...) – napr. Renáta Grapová – živé osobné meno *Primatorova žena*, Adrián Grapa – *Primatorof sin* (Kormancová Kopásková 2012: 140). Ak nepostačuje na rozlíšenie jeden apelatívny člen v živom osobnom mene, pridáva sa ďalší funkčný člen, „a to opäť apelatívny člen (*Vlada Kormanca ďjefka staršá, Vlada Kormanca ďjefka mlačá*) alebo individuálna charakteristika (*Doktorki Kasajki sin najstarši*, *Doktorki Kasajki sin ten fudbaľista*). Pripojenie ďalšieho funkčného člena slúži na rozlíšenie súrodencov." (Kormancová Kopásková 2012: 80).

Legislatívny rámec v oblasti toponymie nie je explicitne daný zákonom NR SR, ale jazykovú normu oficiálnej toponymie vytvárajú zoznamy názvov vydávané Úradom geodézie, kartografie a katastra SR (ÚGKK SR). Tieto zoznamy prerokúva a schvaľuje Názvoslovná komisia ÚGKK SR. Spisovnú podobu toponým predstavujú štandardizované názvy, ktoré sú upravované podľa zásad spisovnej slovenčiny a v súlade s rezolúciami konferencií OSN o štandardizácii geografického názvoslovia, ktoré sa konajú od roku 1967 v päťročných cykloch. Štandardizácia sa vykonáva v súlade s § 18 zákona NR SR č. 215/1995 Z. z. o geodézii a kartografii v znení neskorších predpisov, v súlade s § 14 až 17 vyhlášky ÚGKK SR č. 300/2009 Z. z., ktorou sa vykonáva zákon č. 215/1995 Z. z. Doteraz vydal ÚGKK SR tieto zoznamy názvov, ktoré sú záväzné pre tvorcov mapových diel, oficiálnych publikácií a pod.: *Názvy hradov a zámkov SR, Názvy katastrálnych území SR, Slovenské vžité názvy štátov a závislých území, Slovenské vžité názvy geografických objektov ležiacich mimo územia SR, Názvy trigonometrických bodov z územia SR, Toponymický návod pre vydavateľov kartografických a iných diel, Názvy chránených území Slovenskej republiky,*

Slovenské vžité názvy mimozemských objektov a zdanlivých obrazcov na oblohe, Staršie slovenské názvy obcí SR, Zásady používania názvov geografických objektov v cudzojazyčnom texte publikácií vydaných v SR.

V toponymii sa hovorový jazyk uplatňuje v neúradnom styku, ktorý je charakteristický pre lokálnu úroveň, prípadne súkromnom styku využívanom v individuálnej úrovni. Hovorový jazyk sa prejavuje predovšetkým v rovine formálnej – podoba toponyma zodpovedá danému nárečiu – *Smrllaví járek*, *Kaše lúka*, *Za viňiškó*, *Tabaška*, *Gubiarova ďiara*, *Za Farskó stodoló*, *Zadná jema*, *Žobráška*. Expresívna lexika, ktorá je obsiahnutá vo viacerých toponymách, bráni, aby boli tieto názvy štandardizované a aby sa stali súčasťou spisovných toponým. Metaforické a expresívne toponymá sú súčasťou hovorového jazyka a získať ich môžeme len terénnym výskumom. Motiváciou takýchto názvov býva vysoká poloha objektu (*Nebesá, Usrance, Pod nebom, Do raja*), nekvalitná pôda (*Chajlúky, Sráč, Zasraná medza*), zápach vody (*Kakajka, Smradľavá voda*), nečistý vodný tok (*Zasraná, Serava*) atď. (bližšie Krško 2006).

Dôležitejšou zložkou ako formálne stvárnenie toponyma je však znalosť onymického kontextu, t. j. znalosť jednotlivých onymických objektov sociálneho priestoru (lokality, chotára obce...) a znalosť proprií na označenie týchto objektov – na hranici chotára sa nachádza *Borzikova*, juhovýchodne od nej sú *Breziny*, vedľa je *Laz*, *Radzim* a *Šeršla*, južne od *Šeršle* leží *Štefankova*, potom *Zubová* a *Zadné doliny*. Na dôležitosť poznania toponým používaných v lokálnej úrovni (v úrovni society obce, alebo časti obce) pre nečlenov týchto societ poukazujú aj praktické poznatky zo života záchranárov, hasičov a podobne. V momente nešťastia komunikuje osoba dožadujúca sa pomoci v najprirodzenejšej podobe jazyka. Pokiaľ potrebuje opísať priestor, kam má pomoc prísť, využíva onymický register vlastný danej societe, teda neoficiálne toponymá (z nášho pohľadu sociálne toponymá), ktoré však záchranári nemusia poznať, pretože nepochádzajú z tejto oblasti (tzn., že nie sú súčasťou danej society) – ich orientácia je založená na oficiálnych názvoch z máp (v intenciách troch komunikačných úrovní W. Lubaśa ide o najvyššiu – celospoločenskú úroveň), prípadne z GPS systému. Aby došlo k vyrovnaniu komunikačných úrovní a „spriezračneniu" komunikácie, záchranári si do oficiálnych máp vpisujú neoficiálne (sociálne) toponymá, aby sa vedeli rýchlo a presne orientovať. Toto je dokladom dynamiky toponymie na lokálnej úrovni – orientačné názvy zanikajú, ale zároveň sa tvoria nové. Oproti tomu toponymá vo vyššej komunikačnej úrovni sú stálejšie.

Urbanonymá miest a obcí, ako súčasť toponým, schvaľujú (štandardizujú) jednotlivé zastupiteľstvá na návrh nimi zriadených názvoslovných komisií, prípadne sa znenia názvov ulíc, námestí a mestských častí prerokúvajú a schvaľujú na zasadnutiach zastupiteľstiev. Z hľadiska hovorového jazyka predstavuje urbanonymia veľmi pestrú oblasť, pretože podľa J. Davida (2015) zachytáva tri vrstvy toponým – 1. štandardizovanú, ktorú schválilo mestské zastupiteľstvo, 2. vidiecku, ktorá sa stala súčasťou mesta rozširovaním územia mesta a pohltením prímestských častí (pôvodných vidieckych obcí) a 3. živú toponymiu, ktorú J. David charakterizuje takto: „Poslední, z pohledu našeho výzkumu ovšem nejvýznamnější a nejzajímavější vrstvu, tvoří toponymie, kterou označujeme přívlastkem *živá*. Rozumíme jí zeměpisná jména, jejichž základní charakteristikou je neúřednost, primárně vyjádřená

neexistencí závazné standardizované podoby“ (David 2015: 381). Na označenie takejto neoficiálnej toponymie, ktorá je známa len obyvateľom daného mesta, teda sociálnej skupiny vymedzenej príslušnosťou k mestu, používame termín *sociálne toponymum* (Krško 2016). Každá sociálna skupina mesta a obce pomenúva svoj vnútromestský priestor po svojom a vytvára živú toponymiu, ktorá je súčasťou hovorového jazyka a existuje paralelne popri oficiálnej toponymii – v Banskej Bystrici existujú názvy Námestie slobody – *Pri Leninovi*[1], Mestský park – *Leninov park*[2], bývalé nákupné centrum, Beskydská ulica – *Obušok*[3], *Na obušku*, potraviny COOP Jednota, Rudohorská 33 – *Ida potraviny*[4], *U Idy*, potraviny CBA (dnes Kačka), Rudohorská ul. – *Ivo potraviny*[5], *U Iva*, *Pri Ivovi*. Tieto výrazné teritoriálne sociálne toponymá sa stávajú dôležitým orientačným bodom (relačným objektom), pomocou ktorého sa lokalizujú ďalšie blízko ležiace onymické body. „Teritoriálne sociálne toponymá (tak ako sociálne toponymá vo všeobecnosti) môžu pomenúvať menšie časti rozsiahlych onymických objektov – *Pri Čiernom* (obelisk na počesť vojakov Červenej a Rumunskej armády na Námestí SNP v B. Bystrici), *Pri fontáne* (stredná časť Námestia SNP v B. Bystrici), *Pod hodinami*, *Pod vežou* (horná časť Námestia SNP v B. Bystrici)“ (Krško 2016: 90). Najnovšie o výskume živej toponymie píšu napr. M. Ptáčniková (2018) a V. Lábus (2018).

Napätie medzi spisovnou jazykovou normou a nespisovnou normou hovoreného jazyka sa prejavuje v apelatívnej i propriálnej rovine. Sociolingvistické vymedzenie týchto jazykových noriem a ich využívanie v rôznych komunikačných situáciách viedlo aj v onomastike k vymedzeniu rozličných úrovní jazykového kontaktu, v rámci ktorých sa používajú rozličné druhy vlastných mien. Popri oficiálnych (štandardizovaných) antroponymách sa v nižšej lokálnej úrovni používajú spisovné i nespisovné podoby antroponým, v nižšej (individuálnej) úrovni sa používajú predovšetkým nespisovné podoby antroponým, v ktorých sa reflektuje lokálne nárečie, neštandardné názvotvorné postupy a pod. Tieto javy môžeme sledovať nielen v oblasti antroponým, ale aj v oblasti toponým. Napätie medzi spisovnou (štandardizovanou) a neštandardnou toponymiou nachádzame predovšetkým v expresívnych a metaforických toponymách a v oblasti tzv. živej toponymie mesta.

LITERATÚRA

BLANÁR, V.: *Teória vlastného mena. Status, organizácia a fungovanie v spoločenskej komunikácii*. Bratislava: VEDA, 1996.

[1] Na námestí stála socha V. I. Lenina, ktorú odstránili v roku 1989, dodnes tam stojí pôvodný mramorový podstavec.
[2] Ide o pôvodný názov mestského parku, ktorý sa zmenil po roku 1989.
[3] Motiváciou bola skutočnosť, že v osemdesiatych rokoch minulého storočia tu bolo vysunuté pracovisko polície.
[4] Názov potravín bol motivovaný menom majiteľky – Ida Drábiková a oficiálny názov bol *IDA potraviny*. Obchod odkúpila COOP Jednota koncom minulého storočia.
[5] Motiváciou názvu *IVO potraviny* bolo meno majiteľa – Ivan Apfel, obchod fungoval v rokoch 1994 – 2006 a išlo o veľmi populárne potraviny s množstvom dovtedy nepoužívaných noviniek.

BLANÁR, V.: Pragmaticko-lingvistické metódy a problematika v onomastike. In: *Jazykovedný časopis*, 2004, 1: 3 – 19.

BOSÁK, J.: Sociolingvistická stratégia výskumu slovenčiny. In: ONDREJOVIČ, S. – ŠIMKOVÁ, M. (eds.). *Sociolinguistica Slovaca 1. Sociolingvistické aspekty výskumu súčasnej slovenčiny*. Bratislava: VEDA, 1995, s. 17 – 42.

DAVID, J. – MÁCHA, P.: *Názvy míst. Paměť, identita, kulturní dědictví*. Brno: Host, 2014.

DAVID, J.: Pestré vrstvy – stratifikace toponymie města. In: VALENTOVÁ, I. (ed.) *19. slovenská onomastická konferencia*. Bratislava: VEDA, 2015, s. 379 – 385.

DOLNÍK, J.: *Teória spisovného jazyka (so zreteľom na spisovnú slovenčinu)*. Bratislava : VEDA, 2010.

HORECKÝ, J.: Východiská k teórii spisovného jazyka. In: KAČALA, J. (ed.). *Z teórie spisovného jazyka*. Bratislava: Veda, 1979, s. 13 – 22.

CHOMOVÁ, A.: *Synchrónno-diachrónne parametre posesívnosti v slovenčine*. Banská Bystrica: FHV UMB v Banskej Bystrici, 2011.

CHOMOVÁ, A.: K niektorým diachrónnym tendenciám vo vyjadrovaní posesivity (na pozadí historických textov). In: MÚCSKOVÁ G. (ed.). *VARIA XX. Zborník príspevkov z XX. kolokvia mladých jazykovedcov (Častá-Papiernička 24. – 26.11.2010)*. Bratislava: Slovenská jazykovedná spoločnosť pri SAV, Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV, 2012, s. 213 – 226.

CHOMOVÁ, A.: Živé osobné mená z východného Slovenska vo viacslovných spojeniach. In: *Acta onomastica*, 2018, 59: 69 – 89.

CHOMOVÁ, A.: *Minarovo ľeto* – zo živých osobných mien zo Zemplína. In: CHOMOVÁ, A. – KRŠKO, J. – VALENTOVÁ, I. (eds.): *Konvergencie a divergencie v propriálnej sfére. 20. slovenská onomastická konferencia (Banská Bystrica 26. – 28. júna 2017). Zborník referátov*. Banská Bystrica: Filozofická fakulta UMB; Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV, VEDA, 2019, s. 363 – 372.

KORMANCOVÁ KOPÁSKOVÁ, I.: *Komparácia obsahových modelov živých osobných mien v Krásne nad Kysucou a v Oravskej Lesnej.* Rukopis dizertačnej práce. Banská Bystrica: FHV UMB v Banskej Bystrici, 2012.

KRŠKO, J.: Vyjadrenie kvalitatívno-kvantitatívnych vzťahov v toponymii pomocou expresivity a metafory. In: *Slavica Slovaca*, 2006, 1: 61 – 68.

KRŠKO, J.: *Úvod do toponomastiky*. Banská Bystrica: Vydavateľstvo Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici – Belianum, Filozofická fakulta, 2014.

KRŠKO, J.: *Všeobecnolingvistické aspekty onymie. (Z problematiky onymického komunikačného registra).* Banská Bystrica: Vydavateľstvo Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici – Belianum, Filozofická fakulta, 2016.

LÁBUS, V.– VRBÍK, D.: *Toponyma v krajině a možnosti jejich výzkumu*. Liberec: Technická univerzita v Liberci, 2018.

LUBAŚ, W.: Społeczne warianty nazw własnych we współczesnej polsczyźnie. In: MAJTÁN, M. (ed.). *Spoločenské fungovanie vlastných mien. VII. slovenská onomastická konferencia. (Zemplínska šírava 20. – 24. septembra 1976.) Zborník materiálov*. Bratislava: VEDA, 1980, s. 25 – 30.

LUPTÁKOVÁ, V.: Bežný hovorený jazyk a jeho miesto v stratifikácii slovenského národného jazyka. In: OLOŠTIAK, M. – IVANOVÁ, M. – GIANITSOVÁ-OLOŠTIAKOVÁ, L. (eds.): *VARIA XVIII. Zborník plných príspevkov z XVIII. kolokvia mladých jazykovedcov. Prešov – Kokošovce-Sigord 3. – 5. 12. 2008*. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove – Slovenská jazykovedná spoločnosť pri SAV, 2009, s. 436 – 441.

MOKRÁ, L.: *Sociokomunikačná hodnota živých osobných mien obce Nitrianske Sučany*. Rukopis rigoróznej práce. Banská Bystrica: Filozofická fakulta Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici, 2015.

ONDREJOVIČ, S.: Výskum mestského jazyka – tradície, stav, perspektívy. In: ONDREJOVIČ, S. (ed.): *Mesto a jeho jazyk. Sociolinguistica Slovaca 5*. Bratislava: VEDA 2000, s. 13 – 27.

PATRÁŠ, V.: Sociolingvistický profil bežnej hovorenej komunikácie v Banskej Bystrici (90. roky). In: ONDREJOVIČ, S. – ŠIMKOVÁ, M. (eds.). *Sociolinguistica Slovaca 1. Sociolingvistické aspekty výskumu súčasnej slovenčiny*. Bratislava: VEDA 1995, s. 119 – 131.

PTÁČNÍKOVÁ, M.: Pražské Václavské náměstí očima nestandardizované urbanonymie. In: *Acta onomastica*, 2018, 59: 177 – 183.

RIPKA, I.: Miesto dialektov v súbore útvarov národného jazyka. In: RUŽIČKA, J. (ed.): *Jazykovedné štúdie. 15*. Bratislava: VEDA, 1980, s. 227 – 231.

RIPKA, I.: Úloha slovenských nárečí v súčasnej jazykovej situácii. In: BOSÁK, J. (ed.).: *Dynamické tendencie v jazykovej komunikácii. Materiály z vedeckej konferencie konanej v Smoleniciach 23. – 25. mája 1988*. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV, 1990.

ROŽAI, G.: *Terénne názvy hornogemerských obcí Rejdová a Vyšná Slaná*. Rožňava: Gabriel Rožai, 2017.

ROŽAI, G.: *Toponymia severnej časti Slanskej doliny. (Zdroj poznávania kultúrno-hospodárskych, etnických a jazykových osobitostí regionálneho vývinu)*. Banská Bystrica: Vydavateľstvo Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici – Belianum, Filozofická fakulta, 2018.

SLANČOVÁ, D. – SOKOLOVÁ, M.: Variety hovorenej podoby slovenčiny. In: Mlacek, J. (ed.): *Studia Academica Slovaca 23*. Bratislava: Stimul 1994, s. 225 – 240.

SZCZERBOVÁ, M.: *Živé osobné mená v slovensko-poľskom jazykovom pomedzí*. Rukopis dizertačnej práce. Banská Bystrica: Filozofická fakulta Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici, 2015.

ŠRÁMEK, R.: *Úvod do obecné onomastiky*. Brno: Masarykova univerzita, 1999.

THE TENSION BETWEEN THE STANDARD AND SPOKEN LANGUAGE IN ONYMY

Abstract: In the article, we focus on the tension between the standard and spoken language from the viewpoint of the national language stratification which manifests also in the area of proper names (in onymy). Just as the standard language is codified, there are language varieties in common communication which do not abide by the codified rules of the standard language. This tension between the standard and spoken language exists in onymy, too. In the past, V. Blanár and J. Matejčík paid a lot of attention to unofficial anthroponyms. V. Blanár coined the term 'living name' or 'living anthroponymy' and he created a system of the model analysis and eventually laid the foundations of Slovak socioonomastics. We can observe the tension between the standardized anthroponymy, which is used in official communication, and the non-standardized anthroponymy also in the area of nicknames and hypocoristic forms of birth names and last names. Various usage of these anthroponyms depends on the communication situation and the social status of the communication participants. The official toponymy, which is used in maps, official documents and so on, is also standardized and must be in accordance with the standard language. In common communication, however, non-standardized colloquial toponyms are used. These unofficial (living) names are used in relatively closed social groups. We will focus on the tension between the standardized and non-standardized toponymy in urbanonymy, toponymy and social toponyms.

Keywords: language stratification, standardization, onymy, unofficial (living) onymy.

Елена Бекасова
Филологический факультет, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург (Россия)

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация: Рассмотрение ключевых проблем истории русского литературного языка показывает необходимость их исследования в широком историко-культурном контексте с учётом закономерностей складывания системы литературного языка в условиях примыкания к традициям древнеславянского литературного языка. Сопряжение двух, генетически и функционально различающихся языковых начал требует особого подхода в воссоздании целостной картины взаимодействия южнославянских и восточнославянских по происхождению элементов и определении факторов, регулирующих процессы трансплантации, обусловившей взаимоотношение, отбор и закрепление генетически соотносительных языковых явлений в разные исторические периоды, а также исследований основных механизмов складывания и эволюции системы литературного языка в ситуации гетерогенной вариантности.

Ключевые слова: генезис и признаки литературной страты, восточнославянский литературный язык, старославянский язык, трансплантация.

Литературный язык, являясь, по справедливому утверждению В. В. Колесова, «функционально оправданной структурой, способной стать инструментом логически точной мысли и творческой деятельности современного человека» (Колесов 2004: 135), как правило, исторически обусловлен эволюцией общества. Его тесная связь с культурной и общественной жизнью народа, которая формирует и сохраняет основные понятия эпохи, логику осмысления и накопления информации, определяет проблемы не столько лингвистического, сколько историко-культурного характера. При этом движение литературного языка идёт, как правило, в направлении утраты территориального и социального варьирования (вплоть до жёсткой кодификации в грамматиках и словарях), расширения коммуникативного пространства от «высших» сфер общения к поливалентности. Стандартизация быта, нивелирование этнического и культурного разнообразия, смешение и пересечение культур, рецепции религиозных, а затем светских текстов, научно-технический прогресс приводят не только к универсализации жизни человечества, но и к сближению литературных языков. Однако и на первых этапах становления литературного языка нередко происходит приобщение к какому-либо ареалу мировой культуры, обусловливающее определённую близость разных литературных языков, что отметил ещё В. А. Жуковский: «Все языки имеют между собою некоторое сходство в высоком и совершенно отличны один от другого в простом, или лучше сказать, в простонародном» (Жуковский 1960: 411).

Близость литературных языков в определённой степени укреплялась и генетической общностью. В этом плане особый интерес представляют славянские литературные языки, где при всех хронологических и социально-исторических

различиях достаточно чётко прослеживаются сходства в словарном составе, грамматическом строе и словообразовании, обусловленные общим праславянским наследием. В частности, исследователи отмечают, что общеславянский лексический фонд, обладая неисчерпаемой продуктивностью и выразительными потенциями, «изменялся, оставаясь самим собой» (Супрун 2005: 3), а словарный состав славянских языков «расширялся прежде всего за счёт собственных ресурсов путем суффиксального словообразования для имён и префиксального наряду с суффиксальным для глаголов и наречий» (Трубачев 1994: 26). При этом все «многообразные и удивительные» семантические различия некогда единого праславянского слова «отражают реализацию первичного концептуального смысла» (Маркова, 2007: 38), который, несмотря на разные исторические судьбы, статус и специфику современных славянских литературных языков, сохраняется в единстве их разнообразия.

Такое положение усиливается развитием литературных славянских языков через сопряжение – непосредственное или косвенное – «с кирилло-мефодиевской культурно-религиозной традицией, с идеей славянской взаимности и единства» (Толстой 1988: 4). Надэтнический и наднациональный древнеславянский литературно-письменный язык, войдя в «ранг культурных международных языков Восточной Европы» (Виноградов 1978: 17), был близок «к общеславянским формам общения и сам по себе создавшийся в результате совместного речевого творчества различных ветвей славянства, всегда был доступен речевому сознанию» всего славянства, вступавшего в государственные объединения и новую религию (Мещерский 1981: 39).

Н. С. Трубецкой, рассматривая язык славянских переводов Библии «как литературный язык конца праславянской эпохи» (Трубецкой 1990 а: 127; разбивка автора – *Е. Б.*), выдвигает для характеристики («свойств») славянских литературных языков признак примыкания к определённой традиции, что позволяет ему выделить две группы литературных языков – церковнославянской традиции, связанных по преемству (русский и болгарский) и польско-чешской традиции, связанных по влиянию (Трубецкой 1990а). Н. И. Толстой, анализируя матрицы идентификации славянских литературных языков (А. С. Будилович, Д. Брозович) и представляя собственные признаки классификации, также учитывает значимость древнеславянского литературного языка, зависимость непрерывности его традиции и степень преемства для целого ряда признаков-показателей славянских литературных языков (Толстой 1988: 16 – 25).

Среди всех славянских литературных языков наиболее тесно связан с литературным языком славянских первоучителей русский литературный язык. Тем более, что церковнославянский язык на русской почве не только утвердился в своём литургическом достоинстве, но и благодаря русским идеологическим устремлениям оказывал влияние на всю культурную жизнь. Получение Древней Русью текста «как авторитетного, как образца, который обладал достоинством нормы» (Колесов 1989: 279), определяло его «давление» на все вновь составляемые или создаваемые тексты, тем более что с приходом новой религии изменялись прежние понятия и жизнь, а это

перестраивало и сам язык. В частности, И. И. Срезневский, указывая на решающее значение «развития уже не самого языка в его материальной форме, а мысли, выражающейся в языке» (Срезневский 2007: 99), утверждал, что в Киевской Руси «от самого прилива новых идей с христианством должны были измениться прежние понятия обо всём; таким образом, понятия и вся образованность народа должна сильно поколебаться и по тому самому должен был начать сильно изменяться строй языка» (Срезневский 2007: 106).

Старославянский язык как классический профетический язык, трансформировавшись в церковнославянский язык (различных изводов), активно сопутствовавший русскому литературному языку в течение веков, обогатил русское общество и культуру «множеством религиозно-философских и социально-политических идей, историко-географических и естественнонаучных сведений, облегчил древнерусским книжникам освоение традиционных для всего средневековья жанров, распространённых сюжетов, эстетических представлений» (Робинсон 1980: 76).

С другой стороны, появление сакральных текстов на основе славянского языка создали уникальную языковую ситуацию, суть которой достаточно точно раскрыта Н. А. Мещерским: «древний церковнославянский язык, близкий к общеславянским формам общения и сам по себе создавшийся в результате совместного речевого творчества различных ветвей славянства, всегда был доступен речевому сознанию восточных славян. Древний церковнославянский язык не подавил собою языкового развития восточных славян, а наоборот, дал мощный толчок развитию их природного языка, вступив в органическое единство с восточнославянскими народными говорами» (Мещерский 1981: 39).

Естественный процесс постепенного складывания русского литературного языка обусловливал его многослойность в переплетении восточнославянских и южнославянских языковых стихий, которые на различных этапах его эволюции обогащали его систему своей многовековой жизнью. В связи с этим закономерно встаёт вопрос о генезисе прежде всего восточнославянского литературного языка, который по целому ряду как лингвистических, так и нелингвистических причин перешёл в проблему русского литературного языка, представленную целым рядом нередко диаметрально противоположных точек зрения, гипотез и концепций и ставшую не только «вечным» вопросом, но «камнем преткновения» русистики (Бекасова 2008). Постулирование русского литературного языка как своего или чужого в целом не представляет той значимости, которую ей пытаются приписывать. Ещё И. И. Срезневский предупреждал отрицательный эффект подобных, во многом антинаучных «порывов ложного патриотизма или космополитизма», «слабости соображения и ложной уверенности» (Срезневский 2007: 25, 34).

Оставляя в стороне дискуссионность и в ряде случаев категоричность утверждений разной генетической принадлежности восточнославянского, а затем и развивающегося по преемству русского литературного языка, считаем необходимым подчеркнуть, что исследователи при всей научной разноголосице и резких

разногласиях отмечают главное во взаимодействии южнославянской (старославянской) и восточнославянской (исконной) языковых стихий в формировании и эволюции русского литературного языка, что метафорически осмысляется как «претворение в собственность» (Ф. И. Буслаев), «сожительство», «культурные преемства и наследия», «прививка» (Н. С. Трубецкой), «симбиоз, сращение, органическое слияние, смешение» (В. В. Виноградов), «сплав», «амальгама» (Г. О. Винокур), «двумерность» (Б. Г. Унбегаун), «радиация» (О. Н. Трубачев), «трансплантация, импортирование, инкрустирование» (В. В. Колесов, Н. И. Толстой, Б. А. Успенский) и под.

Сплетение двух культурно и функционально различных языковых начал, которое провоцирует видение противоречивых эффектов, особенно в полемическом задоре или при желании высветить определённый аспект, в полной мере подтверждают мысль Н. С. Трубецкого о том, что «русский литературный язык в отношении использования преемства древней литературно-языковой традиции стоит, по-видимому, действительно особняком среди литературных языков мира» (Трубецкой 1990б: 126).

Такое положение требует изучения русского литературного языка именно с точки зрения приятия и переработки наследия старославянского языка, который не выступал как «иноземный» язык, особенно в восточнославянский период, а «утрачивал своё иноземное обличье» и «претворялся» в русский литературный язык, что было со всей определённостью подчёркнуто А. А. Шахматовым» (Горшков 1987: 13). Подобные исследования позволяют высветить механизмы складывания особой, с неким покровом гетерогенности системы русского литературного языка. Однако в этом случае сразу же возникает проблема установления диагностических признаков южнославянского и восточнославянского происхождения. Данные различия, отмеченные как «славенские» и «росские» формы у Памвы Берынды, в трудах славянских учёных получили развёрнутое описание и объяснение. Тем не менее, в древнерусских рукописях установленные различия, как принято назвать, русизмов и славянизмов дают основание согласиться с мнением В. В. Колесова о «неорганичности их происхождения, поскольку ни один из них не восходит ни к какой конкретной системе языка. Распределение написаний типа *одежа/нощь*, свойственное древнерусским литературным текстам, не соответствуют ни старославянскому (*одежда/нощь*), ни разговорному восточнославянскому (*одежа/ночь*)» (Колесов 1989: 259).

Наши исследования показывают разнообразие соотношений различных групп диагностирующих признаков, свойственное не только древнерусским, но и церковнославянским текстам, причём столкновение разных по происхождению языковых элементов и их наборов может характеризовать рукопись в целом, входящие в неё отдельные произведения и даже тесно связанные контексты. Следует признать, что такое состояние генетического фона восточнославянского, а затем и старорусского литературного текста обусловлено в определённой степени рукописной традицией, наслаивающей, в том числе и генетические разночтения (Бекасова 2013: 150 – 208),

которые в печатных текстах в связи с корректировкой генетической чистоты необходимо было устранить, что вызывало активный протест (Бекасова 2010: 73 – 104). Исследование механизмов становления и развития языковой системы литературного языка на материале наиболее достоверных диагностирующих признаков – генетически соотносительных рефлексов праславянских сочетаний – показывает, что начиная с XI в. постепенно вырабатываются критерии их соотношения, отбора и закрепления, которые постепенно складываются в системы разной степени гетерогенности. При этом можно выделить несколько ступеней трансплантации, обусловливающей специфику реализации генетически неоднородных единиц и соответствующих систем (Бекасова 2016).

Таким образом, в литературном языке донационального периода тексты диктовали развитие страты, а это предполагало – даже при наличии большого количества сосуществующих гетерохронных, традиционных, образцовых и «священных» текстов – определённую гибкость и разнообразие, включение слова в многочисленные разноуровневые связи, вплоть до графических и акустических, не скованных схоластикой нередко надуманных правил, предписываемых человеком языку. В литературном языке национального периода сложившиеся нормы корректировались, а затем и происходила кодификация сложившейся системы, представляющей в большей или меньшей степени гетерогенность, обусловленную сопряжённостью с наследием древнеславянского литературного языка и непрерывной традицией развития русского литературного языка. В целом общее направление складывания особой системы русского литературного языка в симбиозе близкородственных языковых начал высвечивает исконный потенциал русского языка, поскольку, как справедливо утверждал Б. Гавранек, «влияние чужого языка – не только внешний фактор, но и также нечто, связанное с внутренним, имманентным развитием языка, который избирает то, что требуется соответственно его структуре и языковым условиям его развития. То, что язык избирает, становится составной частью его имманентного развития, или, другими словами, активным является заимствующий язык, а пассивным – язык заимствуемый, и было бы неверно представлять это отношение обратным» (Гавранек 1972: 107).

Такой подход к изучению истории русского литературного языка позволяет вывести одну из сложных и дискуссионных проблем русистики – проблему генезиса русского литературного языка – из бездоказательных постулатов и устоявшихся стереотипов в область собственно лингвистических исследований с учётом типологии славянских литературных языков в широком контексте истории культуры, общественной мысли и характера этнического сознания и самопознания.

ЛИТЕРАТУРА

БЕКАСОВА, Е. Н.: *Проблема происхождения русского литературного языка. Очерк гипотез и концепций*. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008.

БЕКАСОВА, Е. Н.: *Генетический фон древнерусского текста: монография*. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010.

БЕКАСОВА, Е. Н.: *Механизмы гетерогенной организации системы русского языка (на материале рефлексов праславянских сочетаний)*. Brno: Tribun EU, 2016.

БЕКАСОВА, Е. Н. – МОСКАЛЬЧУК, Г. Г. – ПРОКОФЬЕВА, В. Ю.: *Векторы интерпретации текста: структуры, смыслы, генезис.* Москва: Изд-во Спутник+, 2013.

ВИНОГРАДОВ, В. В.: *Избранные труды. История русского литературного языка*. Москва: Наука, 1978.

ГАВРАНЕК, Б.: К проблематике смешения языков. In: *Новое в лингвистике*. Вып. 6. Языковые контакты. Москва, 1972, с. 94 – 112.

ГОРШКОВ, А. И.: Отечественные филологи о старославянском и древнерусском литературном языке. In: *Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому*. Москва: Наука, 1987, с. 7 – 30.

ЖУКОВСКИЙ, В. А.: *Собрание сочинений*: В 4-х тт. Москва – Ленинград: ГИХЛ, 1960, т. 4.

КОЛЕСОВ, В. В.: *Древнерусский литературный язык*. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1989.

КОЛЕСОВ, В. В.: *Слово и дело: Из истории русских слов*. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004.

МАРКОВА, Е. М.: *Типология конвергентно-дивергентных отношений единиц праславянского лексического фонда в русском языке*: автореф. дис. …доктора филол. наук. Москва, 2007.

МЕЩЕРСКИЙ, Н. А.: *История русского литературного языка*. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1981.

РОБИНСОН, А. Н.: *Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья (XI–XIII в.)*. Москва: Наука, 1980.

СРЕЗНЕВСКИЙ, И. И.: *Мысли об истории русского языка.* Москва: КомКнига, 2007.

СУПРУН, А. Е. – СКОРОВИД, С. С.: Славянские языки. In: *Языки мира: Славянские языки*. Москва: Academia, 2005, с. 12 – 28.

ТОЛСТОЙ, Н. И.: *История и структура славянских литературных языков*. Москва: Наука, 1988.

ТРУБАЧЕВ, О. Н.: Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода. In: *Этимология 1991 – 1993*. Москва: Наука, 1994, с. 3 – 23

ТРУБЕЦКОЙ, Н. С.: Общеславянский элемент в русской культуре. In: *Вопросы языкознания*, 1990а, № 2: 122 – 139.

ТРУБЕЦКОЙ, Н. С.: Общеславянский элемент в русской культуре. In: *Вопросы языкознания*, 1990б, № 3: 114 – 134.

PROBLEMS OF HISTORY OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE IN THE CONTEXT TRADITION KIRILLO-MEFODIEVSKOY

Abstract: Consideration of key problems of history of the Russian literary language shows need of their research for a wide historical and cultural context taking into account regularities of folding of a system of the literary language in the conditions of an adjunction to traditions of the Old Slavic literary language. Interface of two, genetically and functionally differing language beginnings demands special approach in reconstruction of a complete picture of interaction elements South Slavic and East Slavic by origin and definition of the factors regulating processes of the transplantation which caused relationship, selection and fixing of genetically correlative language phenomena in different historical the periods and also researches of the main mechanisms of folding and evolution of a system of the literary language in the conditions of a heterogeneous variance.

Key words: genesis and signs of a literary stratum, East Slavic literary language, old Slavic language, transplantation.

Анатолий Гируцкий
Филологический факультет, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка; Международный государственный экологический институт имени А. Д. Сахарова, Белорусский государственный университет, г. Минск (Беларусь)

ЭКОЛОГИЯ БЕЛОРУССКОГО И РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ В СИТУАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

Аннотация. В научной статье изучается язык как часть семиосферы, которая включена в биосферу и ноосферу, образуя с ними общее информационное пространство. Отмечается, что проблема экологии языка должна рассматриваться в общем контексте экологии планетарного информационного пространства. Анализируются особенности языковой ситуации в Республике Беларусь. Показана специфика этой ситуации, связанная с наличием двух близкородственных языков, выступающих в роли государственных. На конкретных примерах проиллюстрировано взаимовлияние двух языков на различных уровнях. Делается вывод о том, что работа по повышению языковой и речевой культуры в республике пользователями двух литературных языков не потеряла своей актуальности.

Ключевые слова: эколингвистика, экология семиосферы, биосфера и ноосфера, языковая ситуация, экология языка и речи.

Введение

Возросшее в последние годы внимание к проблемам экологии, их широкое обсуждение в общественной и научной жизни затронуло и язык. К языку как объекту экологии стали обращать свой взор не только гуманитарии (что естественно) – лингвисты, литературоведы, философы, историки, религиоведы, – но и представители физико-математических и естественных наук. При этом многие ученые полагают, что проблема экологии языка должна рассматриваться в предельно широком контексте: не только в рамках синтеза научного знания, но и как единение науки и религии в условиях глобального экологического кризиса (Гируцкий 2019: 13).

К концу XX века в языкознании сформировалось новое научное направление – эколингвистика. Современные учёные, занимающиеся проблемами эколингвистики, дают самый широкий спектр исходных позиций как в определении предмета науки, её целей и задач, так и возможностей взаимодействия с другими научными дисциплинами.

Е. В. Иванова в статье «Цели, задачи и проблемы эколингвистики» рассматривает историю возникновения новой лингвистической дисциплины, определяя её родоначальником американского лингвиста Эйнара Хаугена, который в 1970 г. прочел доклад «Экология языка», сформулировав предмет, идеологию и содержание нового направления. К предмету эколингвистики Е. И. Иванова относит взаимодействие между языком, человеком как языковой личностью и окружающей его средой. Язык при этом рассматривается как неотъемлемый компонент цепи взаимоотношений между человеком, обществом и природой, образующих экосистему.

В качестве важнейших составляющих экосистемы называются семь экологических переменных Х. Хаарманна, определяющих функционирование языка и языковое поведение: демографические, социальные, политические, культурные, психические, интеракционные, лингвистические (Иванова 2007).

Н. В. Дрожащих рассматривает эколингвистику как направление, предметом которого является среда обитания человека и общества, опосредованная языком. Он подчеркивает тесную связь этого направления с экологией и основное внимание в своей работе уделяет выявлению закономерностей, общих для экологии и языковой системы (Дрожащих 2010).

Е. М. Пылаева в статье «Эколингвистика как новое направление в языкознании XXI века» систематизирует существующие тенденции и намечает пути развития эколингвистики. Основными среди них выступают: 1) спасение исчезающих и малых языков; 2) выявление соотношения между культурным и биологическим многообразием; 3) поиск экологичных и неэкологичных элементов в грамматике языков; 4) анализ текстов, затрагивающих проблемы окружающей среды; 5) обучение экограмотности. Значительную часть работы она посвящает обоснованию экологии перевода (Пылаева 2011).

Анализ основных тенденций современной эколингвистики проводит А. В. Суховерхов, сравнивая российские и зарубежные исследования в данной области. В своей статье он отмечает, что отличительной особенностью зарубежных исследований является интерес не столько к экологии языка, сколько к разработке общей теории и методологии исследования языка с точки зрения новой эколингвистической парадигмы. При этом подчеркивается, что для зарубежных работ характерна неоднородность исходных общетеоретических оснований. Исследования и российских, и зарубежных ученых характеризуются расширением идей Э. Хаугена, включением подходов, заимствованных из самых различных областей науки в эколингвистику (Суховерхов 2014).

На необходимость включения экологии языка в самый широкий общенаучный контекст указывается нами в статье «Экология семиосферы: традиции и новые подходы». В ней рассматривается теснейшая связь языка с семиосферой (Лотман 1984), биосферой и ноосферой (Вернадский 2007), как отражение закона «всё связано со всем» (Гируцкий 2019). Этот закон по-разному интерпретируется в различных областях знания. В диалектике он выступает как принцип всеобщей связи явлений, в экологии – как её первый закон, в теоретической физике – как связь всех фундаментальных сил и взаимодействий. Однако во всех случаях он является результатом деятельности сознания и мышления человека, результатом познания, нашедших свое последнее прибежище для всех, принимающих этот закон, в качестве истины, воплощенной в краткую словесную форму. Экология языка как связующего звена теоретической и опытно-экспериментальной деятельности человека в единое информационное пространство есть одновременно и значительнейшая часть экологии «всего». Сознание и мысль человека, воплощённые в ложные информационные потоки, прежде всего формы языка, выступая источником практической деятельности

людей, способны разрушать окружающую среду: и семиосферу, и ноосферу, и биосферу. Впрочем, неадекватная расшифровка человеком информационных сигналов окружающей среды, в свою очередь, может иметь вредные для него последствия.

Ю. М. Лотман, тесно увязывая свои идеи о семиосфере с учением В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере, отмечал: «Жизнь всякого существа представляет собой сложное взаимодействие с окружающей его средой. Организм, не способный реагировать на внешние воздействия и к ним приспособляться, неизбежно погиб бы. Взаимодействие с внешней средой можно представить себе как получение и дешифровку определенной информации. Человек оказывается с неизбежностью втянутым в напряжённый процесс: он окружён потоками информации, жизнь посылает ему свои сигналы. Но сигналы эти останутся неуслышанными, информация – непонятой и важные шансы в борьбе за выживание упущенными, если человечество не будет поспевать за всё возрастающей потребностью эти потоки сигналов дешифровать и превращать в знаки, обладающие способностью коммуникации в человеческом обществе» (Лотман 1984: 17). Фактически здесь ставится проблема безопасности человечества, связанная с пониманием им важности семиосферы в человеческой жизни и с необходимостью экологии информационного пространства.

Экология языка, не имея подобного терминологического обозначения, возникла в Древней Индии в незапамятные времена вместе с распространением священных текстов как экология религии. Естественный язык как главное знаковое воплощение религиозной семиосферы стал нуждаться в защите для сохранения сакральности священных текстов. Это произошло тогда, когда разговорные языки Древней Индии стали всё больше и больше отличаться от языка священных текстов. Этот экологический процесс послужил толчком к развитию языкознания как науки у индусов. Бережно относиться к языку, слову призывали и философы античной средиземноморской цивилизации, связывая это с сохранением гармонии в космосе и обществе.

Если говорить о сохранении языков в современном мире, то картина будет здесь разниться по странам и континентам в зависимости от той языковой ситуации, в которой существуют конкретные языки. Такой общей статистики не существует, однако общую характеристику языковой ситуации в мире по поводу сохранности языков и прогноз на ближайшее будущее предпринимает Вяч. Вс. Иванов.

По его мнению, из более чем 6000 существующих в мире языков в ближайшие десятилетия останется около 600. В связи с этим вырастает роль нескольких основных языков, которыми, по его прогнозу (со ссылкой на данные The English Company U.K.), к 2050 году станут:

Китайский язык – 1384 млн носителей языка
Хинди и урду – 556 млн
Английский – 508 млн
Испанский – 486 млн
Арабский – 482 млн (Иванов 2002: 43 – 45).

Языковая ситуация в Республике Беларусь

Современная Беларусь – многонациональное государство с высокой степенью индивидуального и общественного двуязычия и многоязычия. По данным переписи населения Беларуси 2009 г. в республике проживают более 9,5 млн. человек, включающих представителей около 140 национальностей. Из них белорусы составляют около 8000 тыс. человек, русские – свыше 785 тыс., поляки – около 295 тыс., украинцы – около 160 тыс. (см. таблицу 1.1.). Общее количество некоренного населения составляет более 1,5 млн. человек.

1.1. НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ETHNIC COMPOSITION OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

	Республика Беларусь *Republic of Belarus*	Области / *Regions*						
		Брестская *Brest*	Витебская *Vitebsk*	Гомельская *Gomel*	Гродненская *Grodno*	г.Минск *Minsk City*	Минская *Minsk*	Могилевская *Mogilev*
Все население *Total population*	**9 503 807**	**1 401 177**	**1 230 821**	**1440 718**	**1 072 381**	**1 836 808**	**1 422 528**	**1 099 374**
Белорусы *Belarusian*	7 957 252	1 233 377	1 047 978	1 271 019	715 249	1 455 825	1 258 657	975 147
Русские / *Russian*	785 084	89 685	124 958	111 085	87 451	184 070	101 579	86 256
Поляки / *Polish*	294 549	17 539	11 141	1 958	230 810	13 420	17 908	1 773
Украинцы *Ukrainian*	158 723	40 046	14 557	30 920	14 983	27 362	17 745	13 110
Евреи / *Jewish*	12 926	570	2 127	2 341	537	5 187	703	1 461
Армяне *Armenian*	8 512	946	1 149	915	905	1 955	1 705	937
Татары / *Tatar*	7 316	725	822	776	1 710	1 547	1 239	497
Цыгане / *Roma*	7 079	715	1 186	2 501	372	573	1 002	730
Азербайджанцы *Azerbaijani*	5 567	529	646	653	678	1 517	948	596
Литовцы *Lithuanian*	5 087	355	624	271	2 153	935	476	273
Молдоване *Moldovan*	3 465	495	522	798	319	392	564	375
Туркмены *Turkmen*	2 685	184	315	395	247	1 016	74	454
Немцы / *German*	2 474	468	268	442	329	264	425	278
Грузины *Georgian*	2 400	186	285	295	264	687	315	368
Китайцы / *Chinese*	1 642	59	93	86	10	1 349	7	38
Узбеки / *Uzbek*	1 593	206	221	273	150	267	262	214
Латыши / *Latvian*	1 549	150	499	136	180	283	190	111
Казахи / *Kazakh*	1 355	118	170	196	121	386	235	129
Арабы / *Arab*	1 330	27	163	138	129	787	42	44
Чуваши / *Chuvash*	1 277	179	221	167	156	207	198	149

Источник: http//belstat.gov.by/homep/ru Итоги переписи населения Беларуси 2009 г.

60 процентов жителей республики считают своим родным языком белорусский, а 40 процентов – языки своей национальности. Наиболее распространёнными среди этой части населения являются языки: русский, польский, украинский, еврейский, литовский. В современной Беларуси официальным является белорусско-русское двуязычие, при котором два языка – белорусский и русский – имеют государственный статус. По данным переписи, постоянно пользуются русским языком 70 процентов населения республики, белорусским – 30 (Зиновский 2010: 116).

Характерной особенностью белорусско-русского двуязычия является то, что оно носит близкородственный характер, который обусловлен не только генетической общностью, но и близостью систем двух языков. Генетическое родство и близость систем двух языков выступают в качестве мощного психолингвистического фактора, определяющего особенности взаимовлияния двух языков, которое проявляется в многочисленности и устойчивости интерференционных явлений.

Культурно-исторические особенности контактирования и взаимовлияния двух языков в различные периоды были разнонаправленными имели различную степень интенсивности. В XVI – XVII вв. белорусский язык оказывал заметное влияние на русский язык, в XIX – XX вв. более интенсивным и разносторонним становится влияние русского языка на белорусский. Век XVIII и первая половина XIX были по известным причинам периодом упадка белорусского литературного языка (Гируцкий 1990: 41 – 42).

В приграничных районах совместного проживания белорусов с другими народами сформировалось соответственно: белорусско-польское, белорусско-литовское, белорусско-украинское, белорусско-латышское двуязычие. Используя известную формулу Ч. Фергюсона, языковую ситуацию в современной Беларуси можно подать в следующем виде:

4L mj + 6L min + XL spec,

где 4L mj – 4 больших языка (major language) с количеством носителей не менее 150 тыс. – белорусский, русский, польский, украинский языки; 8L min – 6 малых языков (minor language) – с количеством носителей не менее 5000 человек – еврейский, армянский, татарский, цыганский, азербайджанский, литовский языки; XL spec – специальные языки (language of special status).

К специальным языкам в данном случае относятся: 1) иностранные языки (английский, французский, немецкий и др.), которые изучаются в высших и средних специальных заведениях, а также обслуживают определённые сферы социальной жизни – науку, литературу, культуру и т. д.; 2) ритуальные (культовые) языки – церковнославянский и латынь, обслуживающие православную и католическую церковь на территории республики. По данным переписи количество свободно владеющих английским языком по сравнению с 1999 годом выросло в 3,2 раза, немецким – в 2,2 раза (Гируцкий 2012: 9).

Вопрос об экологии белорусского и русского языков на территории республики как сохранение систем двух литературных языков, языкового многообразия ввиду их государственного статуса не стоит. Речь можно вести только о сферах их

функционирования. Не секрет, что объём одинаковых функций, выполняемых и тем и другим языком, у белорусского языка в большинстве случаев у́же по сравнению с русским. Если иметь в виду набор функций, то они практически совпадают: и тот, и другой язык используются в области образования, науки, культуры, литературы, средствах массовой информации, в делопроизводстве, быту и т. д. Однако фактически по массовости, частотности употребления в той или иной сфере белорусский язык значительно уступает русскому. В настоящее время в республике обозначилась тенденция к расширению использования белорусского языка во всех общественно значимых функциях.

Контактное двуязычие и многоязычие в билингвальных и полилингвальных регионах приводит к разнородным формам взаимовлияния языков. Для таких регионов важной становится экология речи, в первую очередь, как проблема культуры литературной речи.

Формы взаимовлияния языков существенно различаются в кодифицированной речи (язык средств массовой коммуникации, письменная речь) и в некодифицированных сферах общения (бытовой диалог, общение на работе, в магазине, транспорте и т. п.). В первом случае преобладает стремление сохранять нормы общелитературного языка, во втором – наблюдаются массовые отклонения от них, вызванные влиянием двуязычной ситуации. Как правило, двуязычная или многоязычная ситуация в лингвистическом плане всегда порождает проблему вариантности и нормы. Даже кодифицированная речь подвергается влиянию другого языка, что приводит к разного рода отклонениям от нормы на всех уровнях языковой системы. Такие отклонения могут проявляться в большей или меньшей степени в зависимости от разных факторов: сферы употребления языка, ситуации общения и др. (Гируцкий 2012: 13).

Влияние белорусского языка на русский в большей степени и практически на всех уровнях языковой системы проявляется в устной некодифицированной речи белорусов, в меньшей степени – в письменной речи и строго контролируемой устной. В этом плане устная разговорная русская речь противопоставляется её кодифицированным сферам: языку радио, телевидения, кино, театра и т. д. Интерференционные процессы в устной некодифицированной речи проявляются в различных областях: произношении, формообразовании, выборе слов, синтаксисе.

В области фонетики типологически значимую особенность русской речи белоруса составляют: только твёрдые звуки [ч] и [р], фрикативный [γ], звуки [дз’], [ц’] и некоторые другие. Имеет место акцентологическое влияние белорусского языка на произношение ряда русских слов: *некото́рые, чайна́я, ко́клюш, ре́мень, кре́мень, досу́ха, набо́к, ше́стьдесят, кашляну́ть, стра́шить, мо́ргать* и др. Наиболее частыми морфологическими проявлениями влияния белорусского языка на русский выступают: отнесение существительных типа *собака, шинель, медаль* и некоторых других к мужскому роду; унификация флексий множественного числа существительных в именительном падеже (*озёры, окны, городы, сыны* и др.); иные случаи интерференции в падежных формах (*об Олегу, с Мишком, по сторонах, в летним*

парку); замена сравнительной степени прилагательных на *-е*, *-ее, -ей* белорусскими формами (*он мне дорожейший; спроси у того, кто грамотнейший; этот ребёнок слабейший*). Типичными синтаксическими белорусизмами следует считать конструкции *смеяться с него, заведующий клуба, лучше из всех, вернуться со школы* и некоторые другие (Гіруцкі – Міхневіч 2009: 31 – 32).

Лексические заимствования в сфере разговорной речи исключительно разнообразны. В первую очередь к ним следует отнести безэквивалентную и номенклатурную лексику: *полещук, местечко, басетля, замчище, песняр, мачанка, свитка, намитка, брыль, слуцкий пояс, рушник, молодик, цимбалы, дожинки, лявониха* и др. Показательны белорусизмы с экспрессивной окраской: *гарэза* – ‘сорванец’, *абибок* – ‘лентяй, лодырь’, *гультай* – ‘бездельник’, *ляснуць* – ‘ударить, сломаться’, *брахаць* – ‘врать’, *заўзяты* – ‘упрямый, напористый’); эмфатические единицы: *аж, хай, няхай* и др.; фразеологизмы: *бить бибики, на цырлах ходить, коту по пяту, задать дыхту* и под., а также иные устойчивые образования: *ни крупник, ни каша; замуж хоть в пятницу; как пугой по воде; не в сук, то в камень; детей, как бобу в решете; слетелись, как сороки; куцый, как у зайца хвост*; *Кто порося украл, у того в ушах пищит; Губа меру знает; Видно пана по халяве; Старой бабке хорошо и в шапке* и т. д. (Гіруцкі – Міхневіч 2009: 32 – 33).

В условиях контактирования и взаимодействия на территории республики двух государственных языков (белорусского и русского) существует не только влияние белорусского языка на русский, но и обратный процесс – воздействие русского языка на белорусский. Этот процесс по своим формам, языковым уровням, сферам протекания соответствует в целом описанному выше влиянию белорусского языка на русский. Специфические только для белорусского языка звуки, грамматические формы, лексические единицы часто подменяются русскими, что существенно не нарушает коммуникацию, учитывая близкородственность языков. Вместе с тем кодифицированные сферы языка, а это, прежде всего, сфера литературного языка, того или иного двуязычного или многоязычного региона, всегда будут нуждаться в защите как для сохранения системы литературного языка, так и языкового многообразия региона. Как справедливо отмечает В.М. Ляшук, направленность культуры языка и речи на соответствующий национальный язык в каждой конкретной языковой ситуации специфическим образом распределяет по значимости вопросы и аспекты, ориентированные на языковую практику и определение перспективы. Литературные белорусский и русский языки, имея статус государственных на территории республики, при общих принципах понимания их культуры получают интерпретацию как самостоятельная разновидность, функционирующая и контактирующая между собой в одном государственном пространстве (Ляшук 2017: 85 – 86).

Проблема коррекции нарушений нормы, типологии контекстных употреблений национально-культурных языковых единиц в литературных языках, функционирующих в билингвальных и полилингвальных регионах, заслуживает своего особого и пристального изучения с точки зрения экологии этих языков.

Заключение

Эколингвистика, возникшая под влиянием развития экологии как науки, к настоящему времени сформулировала свои цели и задачи, разработала методологический аппарат, установила широкие связи с другими науками, получила конкретное воплощение в практических разработках, направленных на развитие культуры языка и речи, их внедрения в образовательный процесс в вузах и школах. Вместе с тем остается масса нерешённых проблем, связанных с экологией как конкретных языков, так и информационного пространства в целом, бóльшую часть которого в обществе формируют естественные языки.

ЛИТЕРАТУРА

ВЕРНАДСКИЙ, В. И.: *Биосфера и ноосфера*. Москва: Айрис-пресс, 2007.

ГИРУЦКИЙ, А. А.: *Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы*. Под ред. П. П. Шубы. Минск: Университетское, 1990.

ГИРУЦКИЙ, А. А.: Билингвизм: исходные понятия и предпосылки, типология. In: ГИРУЦКИЙ, А. А. – СТАРИЧЕНОК, В. Д. – БАЛУШ, Т.В. и др.; под ред. д-ра филол. наук, проф. А. А. Гируцкого. *Двуязычие: теория и практика: монография*. Минск: БГПУ, 2012, с. 5 – 14.

ГИРУЦКИЙ, А. А.: Экология семиосферы: традиции и новые подходы. In: *Журнал Белорус. гос. ун-та. Экология,* 2019, 1: 4 – 17.

ГІРУЦКІ, А. А. – МІХНЕВІЧ, А. Я.: *Мовы, блізкія нам змалку…* Мінск: Нац. ін-т адукацыі, 2009.

ДРОЖАЩИХ, Н. В.: Экология языка и культуры: рекуррентность смысла природа. In: *Материалы междунар. науч.-практ. конф.* Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2010, с. 29 – 34.

ЗИНОВСКИЙ, В. И.: Численность, размещение и состав населения РБ по данным переписи 2009 г. In: *Социология*, 2010, 3: 111 – 116.

ИВАНОВ, Вяч. Вс.: Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. In: *Языкознание: взгляд в будущее*. Под ред. проф. Г.И. Берестнева. Калининград: ФГУИПП «Янтар. сказ», 2002, с. 6 – 86.

ИВАНОВА, Е. В.: Цели, задачи и проблемы эколингвистики. In: ПОПОВА, Н. Б. (отв. ред.): *Прагматический аспект коммуникативной лингвистики и стилистики: сборник научных трудов*. Челябинск: Изд-во ИИУМЦ «Образование», 2007, с. 41 – 47.

ЛОТМАН, Ю. М.: О семиосфере. In: *Труды по знаковым системам. Ученые записки Тартуского университета.* Тарту, 1984, 17, 641: 5 – 23.

ЛЯШУК, В. М./ LIASHUK, V.: *Теория славянских литературных языков в диахронии и синхронии: научная монография.* Banská Bystrica: Vydavateľstvo Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici. Edícia: Filozofická fakulta, 2017.

ПЫЛАЕВА, Е. М.: Эколингвистика как новое направление в языкознании XXI века. In: *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики,* 2011, 5: 106 – 113.

СУХОВЕРХОВ, А. В.: Современные тенденции в развитии эколингвистики. In: *Язык и культура.* 2014, 3: 166 – 175.

ECOLOGY OF BELARUSIAN AND RUSSIAN LANGUAGES IN SITUATIONS OF STATE OF BILINGUALISM

Abstract: The paper considers language as a part of semiosphere, which is included in biosphere and noosphere, forming with them a common information space. It is noted that the problem of the ecology of language should be considered in the general context of the ecology of the planetary information space. The features of the language situation in the Republic of Belarus are analyzed. The specificity of this situation, which is associated with the presence of two closely related languages acting as state ones, is shown. The specific examples illustrate the interaction of two languages at different levels. It is concluded that the work to improve the language and speech culture in the republic by users of two literary languages has not lost its relevance.

Key words: ekolinguistics, ecology of the semiosphere, biosphere and noosphere, language situation, ecology of language and speech.

Гапоненка Ірына Алегаўна
Філалагічны факультэт, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, г. Мінск (Беларусь)

СПЕЦЫФІКА НАРМАТЫЎНАГА ПРАЦЭСУ Ў БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ МОВЕ ПАЧАТКУ ХХ СТ. (НА ІНШАСЛАВЯНСКІМ ФОНЕ)

Анатацыя: У артыкуле абгрунтавана актуальнасць вывучэння паняцця нормы ў святле сучасных лінгвістычных парадыгмаў, а таксама тэарэтычная і практычная значнасць даследавання нарматыўных характарыстык у дыяхранічным аспекце. Ахарактарызавана спецыфіка беларускага нарматыўнага працэсу перыяду моўнага станаўлення (пачатак ХХ ст.) у параўнанні з аналагічнымі працэсамі ў іншых славянскіх мовах па наступных параметрах: а) характар сувязі з папярэднім этапам моўнага развіцця; б) ступень развітасці нарматыўнай базы; в) агульная канцэпцыя мовы; г) тып моўнай асновы. У выніку выяўлены асноўныя ўнутрымоўныя і знешнія фактары, якія прадвызначалі своеасаблівыя рысы працэсу нарматыўнай стабілізацыі ў беларускай літаратурнай мове пачатку ХХ ст., і вызначана, што тагачасная беларуская мова адпавядала інтэнцыяльнаму тыпу моўнай стандартнасці.

Ключавыя словы: норма, моўная пераемнасць, нарматыўная база, тып моўнай асновы, канцэпцыя мовы.

0. У сучаснай лінгвістыцы ўсё большую актуальнасць набывае даследчы кірунак, у рамках якога мова разглядаецца не як статычная, а як жывая дзеючая з'ява з адзнакамі перманентнага развіцця. Даследаванне працэсаў моўнага функцыянавання выводзіць на першы план вывучэнне *нормы*, бо ў агульнай тэорыі моўнай рэалізацыі паняцце нормы выступае ў якасці арганізуючага цэнтра. Невыпадкова пытанні стандартызацыі і характару нарміравання славянскіх моў уваходзілі ў пералік прыярытэтных даследчых тэм на XVI Міжнародным з'ездзе славістаў ў Бялградзе 2018 года (паводле Liashuk 2017: 8).

З усёй шматграннай праблематыкі нормы адным з найбольш істотных аспектаў бачыцца вывучэнне нормы ў дыяхронным плане, перш за ўсё таму, што літаратурныя мовы фарміруюцца ў пэўных гістарычных умовах, і на розных моўных стадыях у залежнасці ад культурна-гістарычных сітуацый могуць развівацца арыгінальныя тыпы нармалізацыйных працэсаў (гл. Порхомовский – Семенюк 1996: 11). Навукоўцы лічаць, што «неабходнасць апісання характарыстык нормы ў розныя эпохі відавочная, бо сама эвалюцыя літаратурнай мовы – гэта змена яе нормаў» (Киянова 2007: 1).

Для сучаснай беларускай мовы разгляд нормы ў дыяхронным аспекце надзвычай актуальны, бо на сённяшні дзень перад беларускімі лінгвістамі ўсё яшчэ востра стаяць пытанні, датычныя моўнай стандартызацыі і нармалізацыі. У ходзе іх вырашэння абавязкова павінны ўлічвацца шляхі і ўмовы станаўлення нормы, бо «карані сучасных моўных праблем маюць значную гістарычную глыбіню» (Яворська 2000: 154). Асабліва важным бачыцца вызначэнне спецыфікі моўнай нормы ў перыяд XIX – пачатку ХХ ст., калі закладваўся фундамент сучаснай беларускай мовы і яе сістэмы нормаў.

Беларускае моўнае станаўленне XIX – пачатку XX ст. вызначаецца шэрагам спецыфічных рыс у параўнанні з аналагічнымі перыядамі ў іншых славянскіх мовах, якія знаходзяцца на стыку паміж старой і новай стадыямі моўнай гісторыі. Паспрабуем вызначыць асаблівасці тагачаснага беларускага нарматыўнага працэсу на іншаславянскім фоне. Гэта можа садзейнічаць выяўленню ўніверсальных заканамернасцей у фарміраванні нормы, якія мэтазгодна прымаць пад увагу пры сучасным моўным рэфармаванні. Такое даследаванне лагічна ўключаецца ў існуючы шэраг прац параўнальна-гістарычнага характару, бо «разгляд славянскіх літаратурных моў у сінхронна-дыяхронных рамках складае ўстойлівую і неперарыўную лінгвістычную традыцыю, адлюстроўвае дынаміку і канцэптуалізацыю лінгвістычнай думкі ў разуменні і вывучэнні славянскіх моў» (Liashuk 2017: 19).

Пры аналізе мы зыходзілі з таго, што паняцце нормы, як і іншыя лінгвістычныя паняцці не ўніверсальнае, а гістарычна зменнае. А значыць нельга прыкладаць сучасныя ўяўленні пра норму да мовы іншага храналагічнага перыяду і «ацэньваць адну норму ў параўнанні з другой. Кожную неабходна разглядаць у перыяд яе дзеяння» (Йонке 1976: 112). Без уліку гэтага можна зрабіць памылку і пачаць прыпісваць наяўнасць сувязі літаратурнай мовы і нормы толькі для сучасных стандартных літаратурных моў, а мовы старэйшага перыяду адносіць да неўнармаваных (гл. Русановский 1970: 54).

Працэс станаўлення адзінай нормы ў беларускай літаратурнай мове XIX – пачатку XX ст. насіў складаны і непросталінейны характар. У цэлым тагачасную норму можна назваць *слабой, слаба развітай* або *лабільнай*, *расплывістай, са слаба акрэсленымі, хісткімі межамі* (падрабязна гл. Гапоненка 2013). Узнікненне нормы такога тыпу прадвызначалася шэрагам экстра- і інтралінвістычных прычын.

1. Важнай адзнакай нарматыўнага працэсу з'яўляецца ***характар сувязі з папярэднім этапам развіцця мовы***. Для большасці славянскіх моў пераход ад так званай старой мовы да новай ажыццяўляўся эвалюцыйным шляхам, пры якім адна стадыя арганічна змяняла другую пад уплывам перш за ўсё натуральных моўных заканамернасцей і працэсаў у іх узаемасувязі і ўзаемазалежнасці. Так, напрыклад, адбылося з рускай мовай, у якой агульнанацыянальная норма пачала складвацца на базе папярэдняй традыцыі за кошт паступовага ўрэгулявання адносін паміж двума моўнымі пластамі – царкоўнаславянскім і рускім. Неперарыўнасцю характарызуецца і працэс станаўлення нормаў літаратурнай мовы большасці іншых славянскіх моў: польскай, сербалужыцкай, харвацкай і г. д.

У некаторых жа славянскіх народаў узаемаадносіны з моўнай традыцыяй былі больш складанымі. Так, адносна сербскай і славацкай моў даследчыкі канстатуюць наяўнасць свядомага адмаўлення ад традыцый старой літаратурнай мовы і зацвярджэнне ў якасці нацыянальнага літаратурнага прынцыпова новага моўнага варыянта (Оти: 114 – 115)[1].

[1] Аднак факт татальнага свядомага разрыву с традыцыяй у гэтых мовах не мае ўсеагульнага прызнання. Так, С. Б. Бернштэйн называе сербскую мову мовай з аслабленымі пісьмовымі традыцыямі і ўказвае, што хоць

Факт прыпынення літаратурна-пісьмовых традыцый вядомы таксама ў дачыненні да чэшскай мовы, якая падчас панавання ў Чэхіі дынастыі Габсбургаў цалкам выйшла з афіцыйнага ўжытку і доўгі час была беспісьмовай. Але яе адраджэнне пачалося са звароту да старых пісьмовых узораў, зыходзячы з асаблівасцей якіх стварылася чэшская граматыка І. Добраўскага (1809), што звязала старую і новую мовы і па сутнасці ліквідавала наступствы часовага моўнага заняпаду (гл. Жураўскі 1967: 369 – 370).

Беларуская мова трапляе ў групу славянскіх моў, у якіх эвалюцыйная сувязь паміж рознымі моўнымі этапамі па тых ці іншых прычынах была парушана. У беларускім мовазнаўстве няма адзінага пункту погляду адносна ступені і характару пераемнасці паміж старабеларускай і новай беларускай мовай. Адны мовазнаўцы ўказваюць, што новы літаратурны варыянт беларускай мовы сфарміраваўся ў вялікім часавым адрыве ад старога. Гэта ў выніку прывяло да перарыву ў пісьмовых традыцыях і страце прамой пераемнасці паміж старой і новай беларускай літаратурнай мовай (напрыклад, гл. Крамко – Юрэвіч – Яновіч 1968: 335; Жураўскі 1967: 368; Сямешка 1998: 147). Іншыя прызнаюць апасродкаваную пераемнасць, пры якой сувязным звяном выступае вусная народная творчасць (гл. Шакун 2001: 29). Асобныя вучоныя (у тым ліку ўкраінскія) абгрунтоўваюць неперарыўнасць развіцця беларускай літаратурнай мовы і адстойваюць думку аб прамой пераемнасці паміж старой і новай мовай (напрыклад, Анічэнка 1978: 57; Русанівський 1985: 213). У апошні час усё больш прыхільнікаў знаходзіць сцвярджэнне, што, хоць і нельга цалкам адмаўляць факт перарыву *пісьмовых* традыцый, тым не менш каштоўны вопыт моўнага будаўніцтва не мог быць назаўсёды страчаным і ні ў якой ступені не запатрабаваным, а значыць магчыма прызнаць новую беларускую літаратурную мову спадкаемцай старой літаратурнай мовы і перш за ўсё на лексічным узроўні (гл. Лемцюгова 2005: 19 – 20).

Такім чынам, на фоне іншых славянскіх моў беларуская сітуацыя мела свае асаблівасці ў тым сэнсе, што тут не назіралася як намеранай адмовы ад старых нормаў, так і свядомага намеранага ж імкнення да іх літаральнага ўзнаўлення. Аслабленне традыцый было натуральна выклікана часавым адрывам дзвюх моўных стадый, а развіццё мовы на новым этапе не звязана з якой-небудзь канкрэтнай асобай.

У адносінах да ўкраінскай мовы, якая развівалася ва ўмовах, надзвычай падобных на беларускія, украінскія лінгвісты фактычна адзінадушна сцвярджаюць, што ва Украіне генетычная сувязь паміж даўняй пісьмовай мовай, якая па меншай меры рэгіянальна адстойвала некаторыя свае функцыі да канца XVIII ст., і новай украінскай літаратурнай мовай не была перарваная (гл. Bieder 2005: 82).

2. Інтэнсіўнасць і характар нарматыўнага працэсу непасрэдным чынам залежыць ад ***развітасці нарматыўнай базы.*** Да пачатку XX ст. нормы большасці

літаратурная мова ў сербаў узнікала ў выніку наватарскай дзейнасці асобных прадстаўнікоў славянскага адраджэння, але «…поўнага разрыву с традыцыямі тут не было. Даследаванні <…> паказалі, што Караджыч у многім ішоў за старой пісьмовай мовай» (Бернштейн 1978: 110).

славянскіх моў былі апрацаваныя ў граматыках і лексікаграфічных выданнях, а ў многіх выпадках таксама з'яўляліся неабходным элементам школьнага навучання. У рускай мове існаваў нарматыўны даведнік Я. К. Грота *Русское правописаніе* (1885), чатырохтомны *Толковый словарь живаго великорускаго языка* Ул. Даля (1880 – 1882), *Учебник русской грамматики, сближенной с церковнославянскою, с приложением образцов грамматического разбора* Ф. І. Буслаева (1889) і інш. Славацкая літаратурная мова была кадыфікаваная ў 1846 г. Л. Штурам. У харвацкай мове на падставе канцэпцыі літаратурнай мовы, прапанаванай Вукам Караджычам, быў створаны цэлы нарматыўны комплекс, які складаўся з правапіснага даведніка (*Hrvatski pravopis* Броза, 1892), граматыкі (*Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnoga jezika* Марэціча, 1899) і слоўніка (*Rječnik hrvatskoga jezika* Броза і Івекавіча, 1901). У палякаў выйшаў грунтоўны сямітомны *Słownik języka polskiego ułożony pod redakcją Jana Karłowicza, Adama Kryńskiego i Władysława Niedźwiedzkiego* (1900 – 1919), дзейнічала *Gramatyka języka polskiego* А. Крыньскага (1900). Кадыфікацыяй ніжнялужыцкага "аналагічнага" правапісу займаўся Б. Швеля і ў 1903 г. завяршыў гэтую працу. Ва Украіне спробы стварэння нарматыўных зборнікаў адносяцца да пачатку XIX ст., напрыклад, *Грамматика Малороссійскаго нарѣчія* А. Паўлоўскага (1818), пазней з'явіліся падручнікі С. Смаль-Стоцкага і Ф. Гартнера *Руска граматика* на аснове правапіснай сістэмы Е. Жэляхоўскага (1893), *Руска правопись зі словарцем*, выдадзеная пад эгідай Навуковага таварыства імя Шаўчэнкі (1904), *Українська граматика* Е. Цімчанкі (1907), *Коротка граматика української мови* П. Залознага (1912), *Граматика українського язика* І. Нячуй-Лявіцкага (1914). Акрамя асобных выданняў, нарматыўныя рэкамендацыі ўключаліся ў прадмовы ўкраінскіх аўтараў таго часу: М. Максімовіча, А. Мятлынскага і інш. Пытанні ўпарадкавання ўкраінскага правапісу абмяркоўваліся дастаткова шырока (у прыватнасці, на пасяджэннях Пецярбургскай акадэміі навук), напрыклад, правапісны варыянт Куліша-Жэляхоўскага. Лексіка ўкраінскай мовы атрымала лексікаграфічную апрацоўку ў *Словаре української мови* (т. I – IV, 1907 – 1909) Б. Д. Грынчэнкі.

У беларускай жа мове на пачатку XX ст. яшчэ не існавала ні навукова апрацаванага правапісу, ні граматыкі. Неапублікаваныя граматыкі П. Шпілеўскага і К. Нядзведзкага XIX ст. не маглі ўплываць на нармалізацыйны працэс, спробы ўпарадкаваць беларускі правапіс на пачатку XX ст. (Б. Пачобкі, А. Луцкевіча і інш.) таксама па розных прычынах не мелі поспеху. Фактычна да выхаду ў свет *Беларускай граматыкі для школ* Б. Тарашкевіча (1918) станаўленне беларускіх моўных нормаў праходзіла ва ўмовах поўнай адсутнасці нарматыўных кодэксаў. Да істотных дасягненняў навуковага асэнсавання фактаў беларускай мовы можна аднесці *Словарь бѣлорусского нарѣчія* І. Насовіча (1870), які, аднак, не прэтэндаваў на ўсеагульны ахоп беларускага лексічнага фонду.

3. Паказальным параметрам працэсу моўнай нармалізацыі з'яўляецца таксама ***канцэпцыя мовы***. У гэтым сэнсе найбольш выразныя вынікі дае параўнанне

беларускай мовы з украінскай і чэшскай, якія, як і беларуская, зазналі перыяд вымушанага заняпаду.

У цэлым у беларускай і ўкраінскай мове пераважала моўная канцэпцыя, пры якой фарміраванне мовы адбываецца з апорай на жывую дыялектную аснову. На Беларусі яна праводзілася дастаткова паслядоўна на працягу ўсяго перыяду моўнага станаўлення. Ва Украіне ж, падзеленай палітычнымі кардонамі, развіваліся розныя канцэпцыі новай украінскай мовы. На ўсходніх і цэнтральных тэрыторыях пры фарміраванні новай літаратурнай мовы, як і ў выпадку з беларускай мовай, асноўнай апорай служылі не старыя нормы, а асаблівасці ўкраінскага вуснага маўлення. У заходніх рэгіёнах прадстаўнікі старарусінскага, масквафільскага руху выступалі за працяг украінска-царкоўнаславянскай моўнай традыцыі, карыстаючыся пры гэтым у сваёй пісьмовай практыцы так званым “язычием”. Ужо ў XIX ст. спецыялісты лічылі такую моўную разнавіднасць штучным нежыццяздольным утварэннем макаранічнага тыпу, якое аб’ядноўвала рускія, польскія, дыялектныя ўкраінскія і царкоўнаславянскія элементы. А младарусіны, у прыватнасці, члены і паслядоўнікі “Русской троицы”, арыентаваліся на моўныя ўзоры, сфарміраваныя ва ўсходніх украінскіх абласцях, але дапаўнялі іх мясцовымі галіцкімі асаблівасцямі (гл. Bieder 2005: 83; Плющ 1971: 288 – 289).

У чэшскай мове, як ужо гаварылася раней, была прадстаўлена прынцыпова іншая і, што вельмі важна, свядомая моўная канцэпцыя: на новым этапе моўнага развіцця нормы фарміраваліся за кошт літаральнага ўзнаўлення старых пісьмовых традыцый, узорамі для якіх былі старапісьмовыя помнікі. Пэўныя інавацыі тут назіраліся толькі ў плане ўзбагачэння слоўніка (гл. Оти 1978: 113).

4. Спецыфічныя адрозненні адзначаюцца ў розных славянскіх мовах у плане той ***асновы***, на якой пачаліся працэсы фарміравання нацыянальнай мовы. Гэта вельмі важны момант, паколькі асаблівасці дыялектнай асновы мовы ці яе матэрыяльнай асновы прадвызначаюць агульны моўны патэнцыял.

На славянскім моўным полі існуюць мовы з рознымі базавымі тыпамі. Так, сербская мова склалася на базе так званай народнай мовы, якая засноўвалася пераважна на шумадзійска-ваеводзінскім дыялекце (гл. Младенович 1976: 118). Руская мова фарміравалася на фоне своеасаблівага двухмоўя: славяна-кніжнага і ўласна-рускага (паводле азначэння В. У. Вінаградава), яе нормы паступова выпрацоўваліся ў выніку сутыкненняў розных сацыяльна-групавых узусаў і розных стылістычных школ. У некаторых мовах дыялектная аснова яшчэ да стандартызацыі падлегла пэўнай стылізацыі фальклорнага тыпу (украінская, македонская мовы) або вылучалася ў рамках так званага культурнага інтэрдыялекту (польская, чэшская, руская мовы) (гл. Брозович 1976: 132).

Паводле гэтага параметру беларуская мова мае шмат агульных рыс з украінскай, якая, як і беларуская мова новага перыяду, сфарміравалася на дыялектнай аснове. Пры гэтым традыцыйна лічыцца, што сучасныя беларуская і ўкраінская літаратурныя мовы маюць пераважна гамагенную дыялектную аснову.

У беларускім мовазнаўстве найчасцей роля базавага дыялекту пры фарміраванні літаратурнай мовы адводзіцца сярэднебеларускім гаворкам. Прыярытэт данай дыялектнай групы на сённяшні дзень абгрунтаваны ў шматлікіх работах па дыялекталогіі і гісторыі мовы (гл. Вайтовіч 1954; Крывіцкі 1961; Германович 1963 і інш.). Асобныя даследчыкі ўказваюць больш канкрэтную тэрытарыяльную лакалізацыю базавага дыялекту, вылучаючы у межах цэнтральнай паласы беларускіх гаворак яе заходнюю частку (гл. Крамко – Юрэвіч – Яновіч 1967). З улікам занальнага падзелу першапачатковай асновай сучаснай літаратурнай мовы лічыцца паўночна-заходняя дыялектная зона беларускай мовы (гл. Крывіцкі 2003).

Ва ўкраінскай мове з двух асноўных варыянтаў станаўлення новай украінскай літаратурнай мовы, якія абазначыліся ў XIX ст., – усходнеўкраінскага, заснаванага на паўднёва-ўсходніх гаворках, і заходнеўкраінскага, які базуецца на паўднёва-заходніх гаворках, усходнеўкраінскі варыянт у працэсе гістарычнага развіцця вылучыўся ў якасці асноўнага (гл. Жилко 1958: 14 – 15). На сённяшні дзень ва ўкраінскім мовазнаўстве прызнаецца, што сучасная ўкраінская літаратурная мова сфарміравалася менавіта на базе паўднёва-ўсходняга дыялекту – гаворак сярэдняй Наддняпраншчыны (гл. Бевзенко 1980: 306).

Аднак адзінства дыялектнай базы ў беларускай і ўкраінскай мовах не абсалютнае. Любая літаратурная мова ўтвараецца на аснове пэўнага дыялекту, але не з'яўляецца цалкам яму ідэнтычнай. Для беларускай мовы істотна таксама, што базавыя сярэднебеларускія гаворкі адносяцца да ліку пераходных і аб'ядноўваюць у сабе асаблівасці двух асноўных беларускіх дыялектаў – паўночна-ўсходняга і паўднёва-заходняга, г. зн., што рэальная дыялектная база беларускай літаратурнай мовы з'яўляецца дастаткова шырокай, заснаванай на інтэрдыялектнай аснове. Украінская літаратурная мова таксама выходзіць за межы асноўнага дыялекту, паколькі, напрыклад, нельга адмаўляць наяўнасць на пачатковым этапе яе фарміравання пэўнага ўплыву галіцкага моўнага варыянту на ўсходнеўкраінскі.

Такім чынам, і ў беларускай, і ва ўкраінскай мове пры наяўнасці асноўнага дыялекту, які абумоўлівае рысы літаратурнай мовы, на пачатковым этапе развіцця больш ці менш адчувальнымі былі і ўплывы іншых дыялектных груп. Адпаведна беларускую мову, як і мову ўкраінскую, польскую, балгарскую, у некаторай ступені славенскую, можна адносіць да моў з *негамагеннай дыялектнай асновай*. Як правіла, шлях да стабілізацыі моўнай нормы ў такіх мовах даволі працяглы, паколькі для дасягнення нарматыўнай устойлівасці неабходны складаны працэс адбору нарматыўных варыянтаў з ліку патэнцыяльна верагоднасных.

У цэлым можна канстатаваць, што беларускі моватворчы працэс праходзіў у рэчышчы, аналагічным з іншымі славянскімі мовамі, але вылучаўся на агульнаславянскім фоне пэўнай спецыфічнасцю. Працэс нармалізацыі беларускай мовы, распачаты ва ўмовах своеасаблівай, непрамой сувязі з ранейшай моўнай традыцыяй, у неспрыяльных сацыякультурных умовах, не забяспечаны неабходнай навуковай базай (а гэта значыць стыхійны), заснаваны на негамагеннай дыялектнай аснове, тым не менш даў свае станоўчыя вынікі. У цэлым на пачатковым этапе працэс

фарміравання сучаснай беларускай літаратурнай мовы з'яўляўся свайго роду практычным эксперыментам, штуршком для якога паслужыў уздым нацыянальнага руху. У выніку гэтага эксперыменту была падрыхтаваная глеба для таго, каб беларуская мова перайшла ў разрад стандартных моў, ва ўсякім разе склаліся ўмовы для закладвання асноў правядзення нарматыўнай стабілізацыі. Беларуская мова пачатку XX ст. паводле сукупнасці нарматыўных паказчыкаў адпавядала *інтэнцыянальнаму* тыпу стандартнасці, які праяўляецца пры арыентацыі на абнаўленне нормаў, абарону мовы як сімвалу нацыянальнай самасвядомасці.

ЛІТАРАТУРА

АНІЧЭНКА, У. В.: *Гістарычная лексікалогія ўсходнеславянскіх моў*. Гомель: Гомел. дзярж. ун-т, 1978.

БЕВЗЕНКО, С. П.: *Українська діалектологія*. Київ: Вища школа, 1980.

БЕРНШТЕЙН, С. Б.: Культурный язык – письменный язык – литературный язык. In: МАРКОВ, Д. Ф. (ed.) [и др.].: *Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских нации XVIII–XIX вв.* Москва: Наука, 1978, с. 106 – 111.

БРОЗОВИЧ, Д.: Об общих и специфических особенностях узусной и кодификационной языковой нормы в славянском мире. In: ФИЛИН, Ф. П. – ГОРШКОВ, А. И. (eds.): *Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах*. Москва: Наука, 1976, с. 128 – 138.

ВАЙТОВІЧ, Н. Т.: Да пытання аб дыялектнай аснове беларускай літаратурнай мовы. In: *Працы Інстытута мовазнаўства акадэміі навук Беларускай*, 1954, вып. 2: 155–181.

ГАПОНЕНКА, І. А.: Спецыфіка нормы беларускай літаратурнай мовы XIX – пачатку XX ст. In: *Веснік БДУ*, сер. 4, 2013, 3: 25–32.

ГЕРМАНОВИЧ, И. К.: *Нормализация лексики белорусского литературного языка в 20–30-х годах XX века*: автореф. дис. … канд. филол. наук. Минск: [б. в.], 1963.

ЖИЛКО, Ф. Т.: *Говори української мови*. Київ: Радянська школа, 1958.

ЖОВТОБРЮХ, М. А.: *Мова української періодичної преси (кінець XIX – початок XX ст.).* Київ, 1970.

ЖУРАЎСКІ, А. І.: *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы.* У 2-х тамах. Т. 1. Мінск: Навука і тэхніка, 1967.

ЙОНКЕ, Л.: Проблематика нормы хорватского литературного языка в синхронном и диахронном аспектах. In: ФИЛИН, Ф. П. – ГОРШКОВ, А. И. (eds.): *Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах*.. Москва: Наука, 1976, с. 107 – 116.

КИЯНОВА, О. Н.: *Проблемы языковой нормы русских летописных текстов конца XVI – XVIII вв.*: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Москва: [б. в.], 2007.

КРАМКО, І. І. – ЮРЭВІЧ, А. К. – ЯНОВІЧ, А. І.: Эвалюцыя мовы беларускіх друкаваных выданняў новага перыяду. In: *Весці Акадэміі навук Беларускай ССР*, сер. грам. навук, 1967, 3: 41 – 49.

КРАМКО, І. І. – ЮРЭВІЧ, А. К. – ЯНОВІЧ, А. І.: *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы*. У 2 т. Т. 2. Мінск: Навука і тэхніка, 1968.

КРЫВІЦКІ, А. А.: *Сучасная беларуская літаратурная мова і народныя гаворкі*. Мінск: [б. в.], 1961.
КРЫВІЦКІ, А. А.: *Дыялекталогія беларускай мовы.* Мінск: Вышэйшая школа, 2003.
ЛЕМЦЮГОВА, В. П. (ed.) [і інш.]: *Мова «Нашай Нівы», 1906 – 1915: варыянтнасць, сінанімія*. Мінск: Беларуская навука, 2005.
МЛАДЕНОВИЧ, А.: Норма и книжный язык у сербов во второй половине XVIII – первых десятилетиях XIX вв. In: ФИЛИН, Ф. П. – ГОРШКОВ, А. И. (eds.): *Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах*. Москва: Наука, 1976, с. 117 – 127.
ОТИ, Р.: Традиция и инновация в развитии славянских литературных языков. In: МАРКОВ, Д. Ф. (ed.) [и др.].:*Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв.*. Москва: Наука, 1978, с. 112 – 116.
ПЛЮЩ, П. П.: *Історія української літературної мови.* Київ: Вища школа, 1971.
ПОРХОМОВСКИЙ, В. Я. – СЕМЕНЮК, Н. Н. (eds.): *Языковая норма. Типология нормализационных процессов*. Москва: Институт языкознания РАН, 1996.
РУСАНІВСЬКИЙ, В. М.: *Джерела розвитку східнослов'янських мов*. Київ: Наукова думка, 1985.
РУСАНОВСКИЙ, В. М.: Вопросы нормы на разных этапах истории литературного языка. In: *Вопросы языкознания*, 1970, 4: 54 – 65.
СЯМЕШКА, Л.: Новая (нацыянальная) беларуская літаратурная мова. In: БРЫГАДЗІН, П. (ed.): *Беларусазнаўства*. Мінск: [б.в.], 1998, с. 146 – 151.
ШАКУН, Л. М.: Образование белорусского национального языка. In: ШАКУН, Л. М.: *Карані роднай мовы*. Мінск: БДУ, 2001, с. 26 – 36.
ЯВОРСЬКА Г. М.: *Прескрептивна лінгвістика як дискурс: мова, культура, влада*. Київ: Нац. акад. наук України, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні, 2000.
BIEDER, H.: Розвиток української і білоруської літературних мов в XIX – XX ст.: конвергентні і дивергентні процеси. In: *Studia Russica*, 2005, т. 22: 82 – 88.
LIASHUK, V.: *Теория славянских литературных языков в диахронии и синхронии.* Belianum: Vydavateľstvo Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici, 2017.

THE SPECIFICITY OF THE REGULATORY PROCESS IN THE BELARUSIAN LITERARY LANGUAGE OF THE BEGINNING OF XX CENTURY (AGAINST THE BACKGROUND OF OTHER SLAVIC LANGUAGES)

Abstrakt: In the article the relevance of research of the concept of norm in the light of modern linguistic paradigms, as well as the theoretical and practical significance of the normative characteristics in diachronic aspect are proved. The specificity of the Belarusian normative process of the period of language formation (the beginning of XX century) in comparison with similar processes in other Slavic languages is characterized by the following parameters: a) the character of the relationship with the previous stage of language development; b) the degree of development of the regulatory framework; c) the general concept of language; d) the type of language basis. As a result, the main internal and external factors that predetermined the peculiar features of the process of normative stabilization in the Belarusian literary language of the beginning of XX century were identified, and it was determined that the Belarusian language the beginning of XX century corresponded to the intentional type of language standard.

Key words: norm, linguistic continuity, and regulatory framework, the type of language framework, the concept of language.

Елена Ивановна Бреусова
Филологический факультет, Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут (Россия)

ОБ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАХ РЕФОРМ ПРАВОПИСАНИЯ

Аннотация: В послеоктябрьский период попытки усовершенствования орфографии предпринимались практически каждое десятилетие. Отсутствие общей теории орфографических реформ стало заметным тормозом в деле обсуждения орфографических проектов. Между тем исследование этой проблемы необходимо и возможно. Частично ее можно изучать на исторической базе. Исторический опыт реформирования орфографии позволяет выделить ряд теоретических основ реформирования правописания: рациональность, радикальность, системность, частота проведения реформ, своевременность, темп перехода на новое правописания, предел продолжительности влияния книг, изданных по старой орфографии. Вопросы общего подхода к теории реформ орфографии можно изучать и на базе истории других орфографических систем.Радикальность преобразования правописной системы, один из аспектов общего подхода к теории реформ орфографии, возможно изучать и экспериментальным путем. Экспериментально можно установить минимум новых написаний, при которых наступает порог достаточно быстрого разграничения текстов, написанных по новой и старой (привычной) орфографиям.

Ключевые слова: новая и старая орфография, орфографические проекты, эксперимент.

После реформы 1917 года попытки усовершенствования орфографии предпринимались практически каждое десятилетие. Отсутствие общей теории орфографических реформ стало заметным тормозом в деле обсуждения орфографических проектов. Это фактически подтверждается тем, что дискуссии по усовершенствованию орфографии, проводимые в послеоктябрьский период, строились на обсуждении одних и тех же вопросов, идущих зачастую по кругу.

Между тем исследовать проблему реформирования орфографии не только необходимо, но и возможно.

Частично ее можно изучить на исторической базе. В этом плане уже были проведены определённые наблюдения. Так, в работах Б. И. Осипова и С. А. Шуйской продемонстрировано, что практический переход на новую орфографию осуществляется долго даже её сторонниками. Об этом свидетельствуют наблюдения над рукописями владевших дореформенной орфографией людей, а именно: В. И. Ленина, «в совершенстве владевшего старой орфографией, имевшего устойчивые навыки письма по этой орфографии, но при этом критически по отношению к ней настроенного», наркома просвещения А. В. Луначарского, академика П. Н. Сакулина, «одного из самых неутомимых защитников реформы», сибирского писателя Антона Сорокина (Осипов – Шуйская 1997). Результаты анализа их рукописей, приведённые исследователями, не только подтверждают тезис о том, что переход на новую орфографию совершается не сразу, для этого требуется определённый временной промежуток, но и показывают, что этот временной отрезок индивидуален в силу различных обстоятельств. Так, «деятелям, с политикой которых

связано проведение орфографической реформы на заре советской власти (В. И. Ленину и А. В. Луначарскому), потребовалось довольно значительное время – порядка трёх лет – чтобы до конца преодолеть старые орфографические привычки в собственной практике письма» (Осипов – Шуйская 1997: 59).

В результате наблюдений было выявлено, что темп перехода на новую орфографию у П. Н. Сакулина и А. В. Луначарского практически одинаков и несколько более быстрый, чем у В. И. Ленина, а у всех троих он опережает темп сибирского писателя, у которого в рукописях 1923 года зафиксированы еще рецидивы дореформенных написаний (Осипов – Шуйская 1997: 60).

Таким образом, всякая реформа правописания требует от грамотного человека значительных усилий. Данное положение также подтверждено проделанными наблюдениями. Б. И. Осиповым и С. А. Шуйской был установлен и тот факт, что переход на новую орфографию происходит в определённой последовательности: «сначала обнаруживают себя наиболее частотные из новых орфограмм», «особенно цепкими оказываются те из старых орфограмм, которые реже других встречаются в тексте» (Осипов – Шуйская 1997).

Работы же Т. М. Григорьевой позволяют сделать вывод, что школа реагирует на реформу активнее, чем печать, так как легче научить того, кто ещё не знаком с грамотой, чем того, кто уже ей обучен и при этом не желает переучиваться. Поэтому печать, в свою очередь, будет тормозить переход на новую орфографию (Григорьева 1993, 1996, 1997, 1998).

Исторический опыт коренной перестройки свидетельствует также, что реформа на первых порах снижает массовую грамотность. На этот факт первым указал Л. В. Щерба (Щерба 1927). Он заметил, что «после проведения реформы орфографии, которая и была задумана в значительной мере в целях облегчения достижения полной грамотности, результаты получились как раз обратные ожидаемым» (Щерба 1927). Многие склонны были видеть причину этого в разрухе, в общем снижении методического уровня преподавания из-за недостатка квалифицированных учителей (см. об этом: В. В. Данилов, Л. В. Щерба, В. Ф. Иванова, Б. И. Осипов, Т. М. Григорьева), поскольку, по справедливому замечанию В. Ф. Ивановой и Б. И. Осипова, «учителя, в полной мере хлебнувшие трудностей с обучением грамоте по существующим правилам, не все заинтересованы в реформе: тот, кто в совершенстве овладел методикой орфографии в её сегодняшнем виде, в ситуации реформы окажется вновь методически безоружным» (Иванова – Осипов 1995: 11).

В случае любой реформы педагогам предстоит повышать свою квалификацию, вооружаться методическими приемами преподавания уже новой орфографии. В условиях первых послеоктябрьских лет это наталкивалось на большие трудности, и снижение уровня преподавания, конечно, нельзя было сбрасывать со счетов.

Однако главную причину падения грамотности учёные (Л. В. Щерба, В. Ф. Иванова, Б. И. Осипов) усматривают в самом факте реформирования правописания, поскольку всякая реформа на какое-то время подрывает его авторитет (на это в разное время указывали Л. В. Щерба, Б. И. Осипов), что открывало

возможность утвердиться мысли об орфографической анархии, о правописной вседозволенности.

В переходный период от старой орфографии к новой очевидным будет столкновение привычных орфографических представлений с новыми. Письмо по новой орфографии будет требовать от уже обученных по одной орфографии людей постоянного самоконтроля, пока новые правила не будут отработаны до автоматизма, при этом данный процесс определённое время будет тормозиться сосуществованием текстов, напечатанных по старой и новой орфографии.

Неоднородность зрительных восприятий, безусловно, скажется и на учащихся, включённых в процесс обучения письму по новой грамоте, что, в свою очередь, может привести к расшатыванию правописных навыков, вырабатываемых у учащихся. «Реформирование орфографической системы – операция трудная и всегда требует известного длительного промежутка времени для того, чтобы новые элементы письма вошли действительно в плоть и кровь массового употребления» (Обнорский 1934: 457).

Опыт проведения мероприятий по усовершенствованию орфографии в послеоктябрьский период также позволяет сделать определенные выводы. Как видим из попыток реформирования правописания, предпринимавшихся практически каждое десятилетие после 1917 – 1918 годов, только одна получила статус официального документа. В связи с этим возникает вопрос о своевременности проведения подобных мероприятий. Так, проект 1930 года не был реализован в определённой степени именно по причине его несвоевременности, поскольку для общества, только что адаптированного к новым написаниям, пережившего коренную ломку привычных орфографических представлений, будет естественной реакция неприятия очередного проекта реформирования. Из этого следует, что частые орфографические реформы вредоносны как для общества, так и для самой правописной системы. В связи с этим верно замечание А. Пешковского о том, «что устраивать частые реформы правописания невыгодно, что гораздо выгоднее произвести единовременно капитальный ремонт всего орфографического здания, чем ремонтировать время от времени комнату за комнатой, всякий раз нарушая нормальную жизнь жильцов его. Лучше уж раз помучиться подольше, да зато создать себе более удобное жилье на возможно более долгий срок» (Пешковский 1930: 53 – 54).

Частота проведения реформ обусловлена степенью их радикальности. Так, реформа 1917 – 1918 годов по степени радикальности является все же умеренной, так как она слабо затронула принципиальные основы орфографии, тем самым упрочив позиции установившегося к тому времени ведущего принципа орфографии – морфологического (на этот факт указывают В. Ф. Иванова, Б. И. Осипов).

Несмотря на радикальность, частотность, своевременность и прочие вопросы теории реформ орфографии, любое совершенствование правописания подразумевает прежде всего создание рациональной правописной системы. Исходя из этого, справедливо мнение Л. Р. Зиндера (Зиндер 1969: 59), что главным критерием

реформирования любой орфографии является рациональность. Так, опыт анализа проектов усовершенствования орфографии, а также «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 года показал, что в ряде случаев они нарушают логику правописной системы, ими же устанавливаемой.

Наряду с вопросом рационального построения орфографии необходимо рассматривать проблему системности правописания. Поскольку любая орфография представляет собой систему, не только взаимодействующую с языком, но также имеющую системные связи внутри себя, постольку, оценивая любую правописную систему, говорят о стройности или нестройности этой системы, последовательности или непоследовательности проявления системных связей.

Итак, исторический опыт реформирования орфографии позволяет выделить следующие общетеоретические основы реформ правописания:

1) Рациональность правописной системы. Система должна отражать языковые изменения, не противоречить тенденциям развития языка.

2) Системность орфографии. Необходимо учитывать, как вводимые правила будут взаимодействовать между собой и как будут соотноситься с языковой системой.

3) Радикальность реформы. Определение оптимальной меры радикальности реформ будет зависеть: а) от объёма новых орфограмм, при котором текст узнается как отличный от старой орфографии; б) от степени контрастирования новых орфограмм со старыми (чем больше новые написания будут отличаться от старых, тем быстрее зрительная память будет реагировать на нововведения, т. е. быстрее их воспринимать и фиксировать); в) от частотности употребления новых орфограмм (часто встречающиеся орфограммы быстрее проявят себя, чем те, которые встречаются значительно реже).

4) Частота проведения реформ. Чем существеннее будут радикальные преобразования, тем частота их проведения будет реже, и наоборот.

5) Своевременность проведения реформ. Этот пункт связан с предыдущим, но имеется в виду ещё и готовность общества к переменам, которая зависит не только от состояния языка, но и от социально-экономической обстановки.

6) Темп перехода на новое правописание людей, владеющих старой орфографией. Темп, как было указано выше, индивидуален в силу определённых обстоятельств, и это должно учитываться реформаторами: реформа должна предусматривать достаточно длительный переходный период.

7) Предел продолжительности влияния книг, изданных по старой орфографии. Необходимо учитывать при реформе и хронологию спроса на литературу, и темпы переиздания книг.

Данный перечень общетеоретических вопросов реформ правописания, вероятно, не является исчерпывающим. Круг этих вопросов можно исследовать на базе истории других орфографических систем, кроме русской. Орфографические преобразования проводились в массе европейских языков: немецком, норвежском, шведском, болгарском, сербском и др. Реформы проходили, в частности, и в большинстве славянских языков. Так, украинская правописная система трижды

в XX столетии подвергалась реформированию. Из этого следует, что в области проведения подобных мероприятий накоплен уже достаточно большой опыт. Обобщив и изучив его, проблему научной обоснованности реформ можно представить в достаточно полном объёме, а последующую унификацию орфографии проводить, исходя из теоретических основ реформирования правописания.

ЛИТЕРАТУРА

ГРИГОРЬЕВА, Т. М.: *История русской орфографии: XX век*. Спецкурс. Учебное пособие. Красноярск, 1993.

ГРИГОРЬЕВА, Т. М.: Размышления о реформе орфографии 1917 г. In: *Фонетика – Орфоэпия – Письмо*. Вып.1. Красноярск, 1997, с. 66 – 75.

ГРИГОРЬЕВА, Т. М.: *Русское письмо: от реформы графики к реформе орфографии*. Красноярск, 1996.

ГРИГОРЬЕВА, Т. М.: *Русская орфография: XX в. (послереформенный период)*. Красноярск, 1998.

ЗИНДЕР, Л. Р.: К итогам дискуссии об усовершенствовании русской орфографии. In: *Вопросы языкознания*. 1969, 6: 59.

ИВАНОВА, В. Ф. – ОСИПОВ, Б. И. (eds.): *Хрестоматия по методике русского языка: Преподавание орфографии и пунктуации в общеобразовательных учебных заведениях*. Пособие для учителя. Москва, 1995, с. 3 – 280.

ОБНОРСКИЙ С.П. Русское правописание и язык в практике издательств. In: *Известия АН СССР*, 1934, 6: 455 – 483.

ОСИПОВ, Б. И. – ШУЙСКАЯ, С. А.: Переход носителей старой орфографической нормы на новую орфографию после реформы 1917–18 годов. In: *Фонетика – Орфоэпия – Письмо*: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1. Красноярск, 1997, с. 52 – 62.

ПЕШКОВСКИЙ, А.: Реформа или урегулирование? (По материалам проекта реформы орфографии, выработанного Главнаукой). In: *Русский язык в советской школе*. 1930, 3: 93 – 110.

ЩЕРБА, Л.В.: Безграмотность и её причины. In: ИВАНОВА, В. Ф. – ОСИПОВ, Б. И. (eds.): *Хрестоматия по методике русского языка: Преподавание орфографии и пунктуации в общеобразовательных учебных заведениях. Пособие для учителя*. Москва, 1995, с. 51 – 52.

ON THE GENERAL THEORETICAL FOUNDATIONS OF SPELLING REFORMS

Abstract: In the post-October period, attempts to improve spelling were made almost every decade. The lack of a general theory of spelling reforms has become a noticeable hindrance in the discussion of spelling projects. Meanwhile, the study of this problem is necessary and possible. Partially it can be studied on a historical basis. The historical experience of spelling reforming allows us to identify a number of theoretical foundations of spelling reformation: rationality, radicalism, systemic nature, frequency of reforms, timeliness, the pace of transition to new spelling, the limit on the duration of the influence of books published according to old spelling. Questions of a general approach to the theory of spelling reform can also be studied on the basis of the history of other spelling systems. The radical transformation of the spelling system, one of the aspects of the general approach to the theory of spelling reform, can also be studied experimentally. Experimentally, it is possible to establish a minimum of new spellings at which the threshold of a fairly rapid delimitation of texts written in new and old (familiar) spelling comes.

Key words: new and old spelling, spelling projects, experiment.

Anita Račáková
Filozofická fakulta, Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici, Banská Bystrica (Slovensko)

POPULARIZÁCIA OTÁZOK JAZYKOVEJ KULTÚRY NA SLOVENSKU A V POĽSKU

Anotácia: V príspevku sa venujeme komparatívnej analýze textov uverejnených v stálych jazykovedných rubrikách na stránkach poľského vedecko-popularizačného časopisu *Wiedza i Życie* a slovenského magazínu o vede a technike *Quark*, ktoré popularizujú široké spektrum aktuálnych poznatkov z rôznych oblastí vedy a techniky. Napriek tomu, že v nich prevládajú prírodovedné a technické témy, svoje pevné miesto si tu našli aj otázky spisovného jazyka a jazykovej kultúry. Zaujímali nás autormi zvolené prístupy k vedecko-popularizačnému komunikačnému aktu a jeho realizácia. Sústredili sme sa na výber jazykových javov, ktoré sa autori snažia čitateľom priblížiť, ich komunikačný zámer, zvolené jazykové prostriedky a postupy či výstavbu textu. Na základe porovnávacej analýzy vyššie uvedených parametrov popularizačnej komunikácie o otázkach spisovného jazyka a jazykovej kultúry zacielenej na širšiu verejnosť sme sa snažili poukázať na rozdielnosť prístupov slovenských a poľských popularizátorov lingvistických tém.

Kľúčové slová: vedecko-popularizačný časopis, text, jazykové prostriedky, poľský jazyk, slovenský jazyk.

1. Úvod

V súčasnej globalizovanej dobe, využívajúcej vedecký, technický a technologický pokrok na budovanie jazykovo, kultúrne i odborovo rôznorodých vedeckých spoločenstiev spojených výskumným záujmom, sa transformuje nielen paradigma vedy, ale aj význam a rozsah šírenia nových poznatkov, ktoré možno zdieľať bez časových a priestorových obmedzení. Dynamické zmeny v oblasti organizácie vedeckého bádania majú dopad aj na ciele a spôsoby prezentácie jeho výsledkov širokej verejnosti. Kým v posledných desaťročiach 20. storočia sa hovorilo o potrebe zlepšenia vedomostnej úrovne verejnosti prostredníctvom zintenzívnenia popularizácie poznatkov, dnes sa dostáva do popredia model založený na verejnej spolutvorbe znalostí (Szapuová – Nuhlíček 2015).[1] J. Dolník v tejto súvislosti pracuje s pojmom sociovedecká komunikácia[2].

Predmetom popularizácie je stále širšie spektrum výsledkov kognitívnej činnosti človeka. Výber tém určených na verejné zdieľanie je úzko prepojený recipročným vzťahom s funkciami popularizačného komunikačného aktu[3]. Ak je cieľom popularizácie zabaviť,

[1] Pozri aj BAUER, M. W: The Evolution of Public Understanding of Science - Discourse and Comparative Evidence. In: *Science, Technology and Society,* 2009, 14: 221 – 240; BODMER, W. F. et al.: *The Public Understanding of Science.* London: The Royal Society, 1985; BEDNÁRIKOVÁ, R. – HOLUBOVÁ, B. – REPKOVÁ, K.: Zručnosti vedeckej komunikácie mladých spoločenskovedných výskumníkov. In: *Rodina a práca*, 2008, 1; BEDNÁRIK, R. a kol.: *Vedecká komunikácia. Hodnotenie kvality zručností vedeckej komunikácie.* Bratislava: Inštitút pre výskum práce a rodiny, 2007.

[2] Sociovedeckú komunikáciu definuje J. Dolník ako „komunikáciu medzi vedou a verejnosťou [...], v ktorej sa nastoľujú sociovedecké témy, chápané ako vedecké otázky rezonujúce v spoločnosti ako problémy a tým vyvolávajúce potrebu zaujať postoj k nim [...]“ (2015: 264).

[3] K základným funkciám súčasnej popularizácie zaraďujeme: 1. informovanie o vedeckých objavoch a faktoch; 2. pomoc pri pochopení vedeckých faktov, ich vysvetlenie; 3. priblíženie princípov vedeckého vnímania a spracovania reality laikom, poukázanie na to, že veda je hodnotou; 4. predstavenie možností praktického

expedient často preferuje témy, ktoré sú percipientovi blízke, hoci z pohľadu vedy môžu byť okrajové.[4] Ak chce informovať o najnovších vedeckých objavoch, siahne po nezvyčajných výskumoch alebo fakty predstavuje ako senzácie. Snaha o vybudovanie obojstranného, participatívneho prístupu a vtiahnutie verejnosti do riešenia vedeckých problémov zasahujúcich do jej života sa presadzuje iba pomaly.

2. Popularizácia lingvistických tém

Hoci dnes v populárno-náučnom diskurze na Slovensku a v Poľsku (ale aj inde) výrazne prevládajú témy z exaktných vied a techniky, stále si v ňom nachádza priestor i humanitnovedné poznanie, ktorého integrálnou súčasťou je jazyk – princípy jeho fungovania, používania a vývinu. Na rozdiel od vyššie uvedených oblastí sa jazykoveda zriedka zviditeľňuje výnimočnými alebo ohurujúcimi zisteniami či riešeniami. Z jej povahy vyplýva, že sa dotýka potreby človeka (komunikovať), ktorá je vnímaná ako bežná, celkom obyčajná realita. Od obdobia, keď jazykovedci začali cielene širokým vrstvám spoločnosti sprístupňovať otázky súvisiace s jazykom, v popularizačnom diskurze dominovala problematika jazykovej kultúry[5]. Svedčia o tom aj najstaršie špecializované jazykovedné časopisy určené širokej slovenskej alebo poľskej verejnosti – *Kultúra slova*[6] a *Poradnik Językowy*[7]. V úvode prvého čísla *Kultúry slova* sa funkcia periodika definuje nasledovne: „Predkladáme slovenskej kultúrnej verejnosti prvé číslo časopisu *Kultúra slova* so želaním, aby sa stal obľúbeným a účinným poradcom v otázkach kultúry súčasnej spisovnej slovenčiny. Popri ostatných jazykovedných časopisoch – ktoré majú výlučne výskumný ráz: [...] bude mať Kultúra slova ráz prevažne praktický“ (Ružička 1967a: 3). Podobne sa zameranie vymedzuje v *Poradniku Językowom*: „Z jednej strony tedy będzie w jak najprzystępniejszy sposób objaśniał zjawiska językowe, przypominał zasady i prawa, usuwał wątpliwości i niepewności w poprawnem użyciu języka i tym sposobem prostował błędy, –

---

uplatnenia vedeckých poznatkov; 5. podnietenie k intelektuálnej činnosti, zmena správania a stereotypných vzorcov myslenia; 6. zábava. V konkrétnych komunikátoch sa, samozrejme, jednotlivé funkcie prelínajú. Zriedka sa vyskytujú v čistej podobe.

[4] Ako príklad môžeme uviesť prednášku doc. Ing. Petra Szolczányiho, PhD. pod názvom *O čokoláde ... nielen na Vianoce* organizovanú v rámci platformy Veda v centre. Sám autor v nej uvádza, že nejde o formálnu prednášku, ale o výpoveď človeka, ktorý rád konzumuje čokoládu a súčasne je chemikom. [online]: https://www.youtube.com/watch?v=w5eZqCFOlOA.

[5] J. Ružička hovorí o štvorakom chápaní jazykovej kultúry v slovenskej lingvistike 60. rokov 20. storočia: 1. vypracovanosť jazyka, 2. cibrenie jazyka, 3. úroveň jazykovej praxe, 4. jazyková výchova. Jazykovú kultúru vníma ako jeden z centrálnych problémov teórie spisovného jazyka. Pozri RUŽIČKA, J.: Problémy jazykovej kultúry. In: *Kultúra spisovnej slovenčiny.* Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied , 1967b, s. 9. M. Bugajski v práci *Język w komunikowaniu* sumarizujúcim spôsobom predstavuje poľské prístupy k problematike definovania pojmu jazyková kultúra: „Po pierwsze odnosi się do stopnia opanowania języka przez jego użytkowników; [...] Po drugie oznacza działalność praktyczną mającą na celu pielęgnację języka, jego ochronę przed wszelkimi niepożądanymi zjawiskami oraz dbałość o sprawne i elastyczne formułowanie wypowiedzi. Po trzecie kulturę języka można rozumieć jako odrębną dyscyplinę lingwistyczną, opisującą zasady społecznego funkcjonowania języka [...]“ (2007: 36).

[6] *Kultúra slova* sa aj v súčasnosti vymedzuje ako vedecko-popularizačný časopis pre jazykovú kultúru a terminológiu.

[7] *Poradnik Językowy* patrí do trojice najstarších jazykovedných časopisov v Poľsku. Vychádza od r. 1901.

z drugiej zaś przez skrzętne zapisywanie zjawisk nowych będzie kroniką bieżących faktów z życia i rozwoju mowy polskiej. Część pierwsza praktyczna, służyć będzie jako rada w pospolitem używaniu języka, część druga będzie gromadzić materyał dla historyka języka polskiego i dla każdego językoznawcy" (1901, 1: 1). V oboch prípadoch mala popularizácia jazykovedných tém primárne funkciu praktickú, edukačnú a úzko sa viazala s pestovaním vzťahu k spisovnému jazyku, ktorý J. Dolník aj dnes považuje za výraznú lingvistickú sociovedeckú tému. Podľa jeho koncepcie je k tejto problematike možné pristupovať dvojako: z pozície systémovej lingvistiky alebo lingvistickej pragmatiky, pričom v slovenskej tradícii má silnejšie postavenie prvé stanovisko, založené na preskripcii, „vytváraní obrazu spisovného jazyka riadeného zákonitosťami" (Dolník 2015: 271). Podľa lingvistickopragmatického prístupu sa spisovná slovenčina chápe ako „špecifický sociálno-kultúrny objekt, ktorého povaha zodpovedá tomu, ako vznikol a ako sa rozvinul do súčasného stavu" (Dolník 2015: 271). Tento nový pohľad na jazyk ako prirodzený nástroj komunikácie formovaný používateľmi, nie jazykovedcami, si aj v slovenskej lingvistike buduje postupne svoje miesto.

Poľskí lingvisti transformovali funkciu jazykovokultúrnych popularizačných aktivít, ich zacielenie, obsahovú náplň i formy už pred niekoľkými desaťročiami. Významný podiel na tomto procese má Rada Języka Polskiego PAN, ktorá sa konštituovala v r. 1996. V deklarácii prijatej na jej prvom zasadnutí sa uvádza: „Rada Języka Polskiego, która dziś rozpoczyna swoją działalność, zwraca się do społeczeństwa polskiego w kraju i za granicą z prośbą o współpracę w istotnych dla całego narodu staraniach o właściwy kształt i rozwój języka polskiego we wszystkich jego społecznych zastosowaniach. Obca jest nam postawa puryzmu, natomiast zdajemy sobie sprawę z potrzeby kodyfikacji norm językowych tam, gdzie są one zachwiane, wymagają uwspółcześnienia lub dopiero się tworzą, a także z potrzeby upowszechniania i publicznego dyskutowania podstawowych założeń kultury słowa [...]" (Rada Języka Polskiego 1997: 2). Z uvedeného vyplýva, že poľský prístup nesie znaky participatívneho modelu popularizácie. Verejnosť je vťahovaná do diskusií o svojom komunikačnom správaní a jazyku ako kultúrnej hodnote a zároveň je na úlohu partnera v komunikácii o jazykových otázkach aj odborne pripravovaná.

3. Jazyková kultúra na stránkach populárno-náučných časopisov

Implementáciu uvedených teoretických východísk do praktickej jazykovokultúrnej popularizačnej činnosti sme sledovali v tematicky široko koncipovaných prestížnych populárno-náučných časopisoch *Wiedza i Życie* a *Quark.* Pri výbere zdrojov sme zámerne nesiahli po vyššie uvedených vedecko-popularizačných časopisoch pre jazykovú kultúru, pretože tie majú užšie špecifikovaného adresáta – profesionálneho používateľa jazyka (redaktora, korektora, prekladateľa, terminológa, učiteľa a pod.), pri ktorom sa predpokladá istá úroveň znalostí z oblasti lingvistiky a cielené vyhľadávanie odborných jazykovedných poznatkov. Zvolené periodiká sú určené širšej laickej i odbornej verejnosti, ktorá nemusí mať o otázky jazykovej kultúry záujem. Sústredili sme sa na výber jazykových javov, ktoré sa autori snažia čitateľom priblížiť, ich zámer, zvolené jazykové prostriedky a postupy.

Diferencie medzi slovenskými a poľskými komunikátmi sú badateľné už v názvoch samotných rubrík.
Príklady:

Quark: Opýtali sme sa jazykovedcov ...;

Wiedza i Życie: Rozmyślajcie nad mową (názov sa používal od r. 2000 a autorom článkov bol Jan Miodek), *Na końcu języka* (názov sa používal už od r. 2007, autorom príspevkov bol Jerzy Bralczyk).

Ako vidieť, slovenský percipient môže očakávať, že sa mu v textoch budú predostierať hotové odpovede na otázky sformulované autorom. Cieľom expedienta bude primárne vysvetľovať a poúčať. Dominovať teda bude informatívno-didaktická funkcia.

Poľský čitateľ je pomocou výrazného persuazívneho prostriedku – rozkazovacieho spôsobu (neskôr viacvýznamového a metaforického názvu rubriky), nabádaný k intelektuálnej činnosti. Autor sa snaží presvedčiť percipienta, aby sám uvažoval o jazyku, resp. o svojom komunikačnom správaní.

3.1 Motivácia a výber témy

V úvode poľských textov sa explicitne vyjadruje motivácia pre výber a spracovanie danej témy. Väčšinou je to konkrétna udalosť, situácia, s ktorou sa autor stretol a ktorá sa viaže s istým jazykovým javom. Výber témy poukazuje na pragmalinvistický prístup. Úvodná časť textu je vybudovaná na princípe informačnej modelovej štruktúry[8], ale často má aj prvky rozprávania či úvahy a vykazuje väčšiu alebo menšiu mieru prítomnosti autorského subjektu (strieda sa 1. os. sg. s inkluzívnym plurálom).

Príklady[9]
„Bezpośrednim impulsem do napisania tego odcinka jest ... Karel Gott [...]“ (2001, 4);
„Lektura pierwszych stron książki prof. Teresy Grzybkowskiej pt. „Gdańsk“ [...] przyniosła tak obfite żniwo onomastyczne (nazewnicze), że postanowiłem mu poświęcić cały dzisiejszy odcinek“ (2001, 3);
„Lekarze w czasie różnych konferencji używają wymiennie form *alergenny* (częściej) i *alergogenny*. Ja opowiadam się za drugą postacią. Kto ma rację?“ (z listu čitateľky do redakcie; 2001, 5).

Slovenské texty spracúvajú javy, ktorých realizáciu v bežnej komunikácii hodnotia jazykovedci alebo používatelia, kladúci jazykovedcom otázky, ako nekorektnú, problematickú, resp. spôsobujúcu používateľovi ťažkosti. Autorský subjekt sa priamo nemanifestuje.

---

[8] Termín informačná modelová štruktúra preberáme od J. Findru. Pozri FINDRA, J.: *Štylistika súčasnej slovenčiny.* Martin: Vydaveteľstvo Osveta, 2013.
[9] Všetky poľské príklady sú čerpané z elektronického archívu časopisu *Wiedza i Życie*. [online]: http://archiwum.wiz.pl/spis_numerow.asp alebo https://www.wiz.pl/18.html. V bibliografických odkazoch preto uvádzame iba ročník a číslo.

Príklady[10]
„Dostali sme otázku, aký je správny preklad anglického výrazu *time lapse* [...]“ (2015, 3);
„V súčasnosti sa nezriedka stretávame so slovom konzervant napríklad v takýchto výpovediach: [...]“ (2015, 1).

3.2 Rámcové zložky textu – titulok

Poľské príklady ukazujú, že nie vždy musí byť titulok tesne zviazaný s obsahom textu. Môže byť oslabená jeho informačná funkcia a posilnená emocionálnosť, čo je typické pre súčasné publicistické texty. Použitie uvedenej persuazívnej stratégie je opodstatnené, pretože lingvistické otázky, ako sme už uviedli, zostávajú poväčšine mimo záujmu širokej verejnosti a názvy obsahujúce iba pomenovania konkrétnych jazykových javov neprilákajú pozornosť percipientov.

Príklady
1. titulok priamo predznamenáva obsah textu
Reich-Ranicki, Niemen-Wydrzycki, Curie-Skłodowska (2001, 1),
Nieruchomiejące końcówki (2001, 2),
O Lubieszewie, Starogardzie, Warcisławie i Gdańsku (2001, 3),
Oczima – oczyma – oczami (2001, 4),
Alergogenny – jak kryminogenny (2001, 5);
2. titulok odkazuje na obsah sprostredkovane (môže byť emocionálne zafarbený)
Słowo proste i konkretne (2010, 12),
Mierz siłę na zamiary, nie zamiar podług sił (2011, 1),
Ciało lotne (2011, 2),
Jadotrucie (2011, 3),
Komin najlepszy towarzysz (2015, 12).

Slovenské titulky sa konštantne začínajú tromi bodkami, ktoré vytvárajú formálne a grafické prepojenie s názvom rubriky (*Opýtali sme sa jazykovedcov ...*). Sú nocionálne a informačne maximálne nasýtené. Vždy korešpondujú s pomenovaním vysvetľovaného lingvistického javu, vďaka čomu percipient vie predpokladať obsah.

Príklady
... na skloňovanie zvieracích podstatných mien mužského rodu (2007, 1),
... na používanie zámena koho (2008, 1),
... na utvorenie, význam a používanie prídavného mena časozberný (2015, 3).

[10] Všetky slovenské príklady sú čerpané z PDF archívu časopisu *Quark* zaznamenaného na CD nosiči, kde sa nachádza 132 kompletných čísel z rokov 2007 – 2017. V bibliografických odkazoch uvádzame iba číslo a ročník.

3.3 Jazykové prostriedky

Na postoj autora k príjemcovi, obsahovej zložke a samotnej funkcii popularizačného komunikačného aktu poukazujú aj jazykové prostriedky či výstavba textu.

3.3.1 Jazykové prostriedky v slovenských textoch

Slovenské texty sú rozsahom kratšie[11] ako poľské, sú informačne nasýtené, kohézne a koherentné. Využíva sa v nich výkladový slohový postup s úplným vylúčením subjektívneho elementu. Medzi expedientom ako odborníkom – autoritou, a príjemcom – laikom, je výrazný odstup, ktorý sa autor snaží prekonať v rovine odbornej lexiky a syntaxe. Vyhýba sa zloženým súvetiam, cudzojazyčným alebo zložitým termínom a nahrádza ich domácimi ekvivalentmi či výkladom, ktorý slúži na vysvetlenie podstaty jazykového javu. Na druhej strane sú hojne zastúpené hodnotiace výrazy (hodnotenie jazykového prostriedku z hľadiska súladu s normou), príslovky s preskripčnou alebo odporúčacou funkciou, ktoré vyvolávajú dojem autoritatívnosti a zvyšujú odstup medzi komunikačnými partnermi.

Príklad vysvetlenia podstaty jazykového javu
„Miesto, vnútri ktorého sa niečo deje alebo niečo je, pri názvoch štátov a krajín sa v slovenčine zvyčajne vyjadruje predložkou v (vo) s lokálom, [...]. Predložka *na* s lokálom sa v miestnom význame používa pri názvoch pomenúvajúcich ostrovné štáty a krajiny, napr. [...]“ (2016, 1).

3.3.1.1 Hodnotiace výrazy

Hodnotenie jazykového prostriedku autorom sa často pohybuje na osi správne – nesprávne vo vzťahu k norme a kodifikácii. V tejto súvislosti sme si všimli aj vysokú frekvenciu atribútov *spisovný/nespisovný*.

Príklady (vyznačené kurzívou)
„Nepoužíva sa *náležitý* akuzatívny tvar zhodný s nominatívom množného čísla [...]. *Správne* sú však iba vyjadrenia [...]“ (2007, 1);
„*Nesprávne* používanie zámena koho vo výpovediach typu [...]“ (2008, 1);
„Medzi anglické výrazy, ktoré sa *zbytočne* dostávajú do slovenského textu [...] (2008, 7);
„Názov *Rázsochy* je *spisovný* a podoba *Rásochy* je *nespisovná*, nárečová“ (2013, 1).

3.3.1.2 Vetné príslovky v preskripčnej alebo odporúčacej funkcii

Najčastejšími vetnými príslovkami vyjadrujúcimi možnosť alebo nevyhnutnosť (ne)použiť jazykový prostriedok sú výrazy *treba* a *možno*.

Príklady
„[...] preto *netreba* zaň hľadať inú náhradu“ (2015, 3);

[11] Rozsah textu môže závisieť od požiadaviek redakcie.

„[...] *treba* mať na pamäti, že slovenčina má na vyjadrenie vlastníka či pôvodcu [...]“ (2008, 1);
„Vo všetkých vetách citovaných na začiatku, ktoré sme si vypísali z webových stránok, *možno* použiť domáce slovo [...]“ (2008, 7);
„Z naznačeného vyplýva, že slovo *čítač* ako termín z oblasti informatiky zatiaľ *nemožno* odmietať, hoci niektorí odborníci majú k nemu výhrady [...]“ (2016, 9).

Preskripčnosť sa vyjadruje aj adjektívami *prípustný/neprípustný*, napr. „Z uvedeného vyplýva, že zmena spisovného názvu lokality *Rázsochy* na nespisovnú podobu *Rásochy nie je prípustná*“ (2013, 1).

3.3.1.3 Podmieňovací spôsob

V analyzovaných textoch slúži podmieňovací spôsob predovšetkým na vyjadrenie odporúčania. Často sa využíva vtedy, keď opisovaný jav nie je zachytený v kodifikačných príručkách.

Príklady
„*mali by sme* vždy *postupovať* kriticky a zodpovedne a nepreberať slová [...]“ (2008, 7);
„([...] pri tvorbe termínu *by sa* totiž *malo vychádzať* z nedokonavého slovesa *sčítavať*, teda *mal by mať* podobu *sčítavač*)“ (2016, 9).

3.3.1.4 Inkluzívny plurál

Odstup medzi komunikačnými partnermi (odborníkom a laikom) do istej miery zmenšuje hojne využívaný inkluzívny plurál, ktorému konkurujú neosobné konštrukcie vytláčajúce účastníkov komunikácie na okraj.

Príklady
„V rečových prejavoch sa niekedy *môžeme* stretnúť s tým, že pri slovesách, ktoré sa viažu s akuzatívom [...]“ (2007, 1);
„Pri sledovaní tlačených aj elektronických médií *si môžeme* všimnúť [...]“ (2016, 1);
„Ani námietky, že sa názov Česko v minulosti na Slovensku nepoužíval, neobstoja, o čom *sa možno presvedčiť* nielen v slovníkových prácach [...]“ (2017, 9);
„V slovných spojeniach uvedených na začiatku *je* však *vhodné používať* prídavné meno *prírodný* [...]“ (2012, 11).

3.3.2 Jazykové prostriedky v poľských textoch

V analyzovaných poľských textoch sme zaznamenali podobné jazykové prostriedky (hodnotiace výrazy, príslovky a adjektíva v preskripčnej a odporúčacej funkcii, inkluzívny plurál, kondicionál), ale s odlišnou frekvenciou, a zároveň elementy, ktoré sa v slovenských textoch vôbec nevyskytli alebo mali okrajové zastúpenie. Ide predovšetkým o persuazívne nástroje a prítomnosť autorského subjektu (1. os. sg, oslovenie percipienta, fiktívny dialóg). Okrem výkladového slohového postupu, dominujúceho v slovenských textoch, sme v poľskom materiáli identifikovali aj prvky rozprávania.

3.3.2.1 Hodnotiace výrazy

Hodnotiace výrazy vo vzťahu k norme sú menej frekventované ako v slovenských textoch.

Príklady

„Nie wyczuwają, że jest to jednak w wypadku dużej różnicy wieku zachowanie stylistycznie *naganne* – tak jak pewien bardzo znany Polak nie może się oduczyć *bardzo prostackiego* panie przy zwracaniu się do kogoś [...]“ (2001, 7).

„(wcale niemała jest grupa osób, która tworzy – nawiązując do nich – *niepoprawne* mianownikowe postacie typu „Amerykan“ [...]“ (2000, 10).

3.3.2.2 Vyjadrovanie preskripcie alebo odporúčania

Podobne ako hodnotiace výrazy, menej často sa v poľských textoch vyskytujú aj prostriedky vyjadrujúce preskripciu alebo odporúčanie.

Príklady

„[...] (oczywiście, *powinien się posłużyć* neutralnym stylistycznie zwrotem proszę pana)“ (2001, 7);

„*nie może być* nigdy pod akcentem [...]“; „Pod akcentem mogą się znajdować tylko pełne formy zaimkowe: [...]“ (2001, 10).

„A jednak *warto się opowiedzieć* raczej za wariantem z końcówką –ów, czyli wegetariantów, *polecanym* przez większość słowników i wydawnictw poprawnościowych [...]“ (2000, 10);

„*Dopuszczalne* są również męski ten zawias i rzadsza żeńska *ta zawiasa* [...]“ (2000, 8).

3.3.2.3 Podmieňovací spôsob

Kondicionál má omnoho širšie využitie ako v slovenských textoch a plní tiež pestrejšie spektrum funkcií. Expedient po ňom siaha najmä v situácii, keď nechce príjemcovi diktovať názor (resp. chce zjemniť diktát), ale ponúknuť mu možnosť zamyslieť sa, prehodnotiť použitie jazykového prostriedku. Vyvažuje preskriptívne časti textu.

Príklady

„Nie chcąc w środowisku alergologicznym wywoływać językowego zamieszania, *chciałbym* jednak wziąć w obronę tych, którzy tak jak Korespondentka używają wariantywnej postaci *alergogenny*“ (2001, 5);

„W nich *widziałbym* z kolei swoistą protekcję polszczyzny jutra“ (2001, 8).

3.3.2.4 Konkurencia inkluzívneho plurálu a 1. os. sg.

Ako sme už uviedli, inkluzívny plurál je jedným z nástrojov persuázie, ktorý zmenšuje odstup medzi expedientom a percipientom. 1. os. sg. zas prináša do textu subjektívny element a v analyzovanom poľskom materiáli sa vyskytovala pomerne často (v slovenských textoch sme uvedený prostriedok nezaznamenali).

Príklady

„A skoro już o kopertach mowa, *dodajmy*, że starsi rodacy, kiedy nie korzystają z usług poczty, lecz taką czy inną wiadomość zostawiają [...]“ (2001, 7);
„*Zajmijmy* się najpierw rzeczownikiem *setkani* i przyimkiem *s*.“ (2001, 8);
„*Przejdźmy* teraz do drugiego zdania z billboardu – *mi się zdarzy*“ (2001, 10).

„Na jednym z billboardów *widzę* slogan reklamowy: *Misiu marzy, mi się zdarzy*.“ (2001, 10);
„*Gdybym* zatem *był* autorem billoboardu i *miał* opisać marzenie misia, skonfrontowane z tym, co ma się zdarzyć mojej osobie, na pewno *zdecydowałbym się* na konstrukcję: *Misio marzy, mnie się zdarzy*. Walor brzmieniowy sloganu *ograniczyłbym* więc tylko do prostego rymu marzy – zdarzy“ (2001, 10).

3.3.2.5 Oslovenie percipienta

Rozdiely medzi slovenskými a poľskými textami vidíme aj pri použití oslovenia čitateľa (forma *Państwo* v spojení s 3. os. pl. alebo 2. os. pl.). Poľskí autori týmto prostriedkom nadväzujú kontakt s príjemcom, udržiavajú jeho pozornosť a zároveň ho nabádajú k aktivite (najmä v kombinácii s imperatívom).

Príklady

„Gdyby *zajrzeli Państwo* do słownika języka polskiego, *zobaczyliby Państwo* coś bardzo znamiennego: [...]. *Spotkalibyście się* tylko z formą liczby mnogiej *krętki*“ (2000, 8).

3.3.2.6 Fiktívny dialóg

Fiktívny dialóg v poľských textoch slúži ako prostriedok štrukturovania a zároveň plní persuazívnu funkciu. Vťahuje percipienta do uvažovania o jazykovom jave.

Príklady
„A dlaczego? Czyż jednak nie odpowiadają czeskim postaciom *s Wajdou*, *s Agnieszkou*?“ (2001, 8);
„I na tym wskazaniu można by poprzestać, ale byłoby to uprawianie jedynie praktycznego poprawnościowego poradnictwa, a nie rozmyślania nad mową! Zapytajmy więc: jakie jest źródło gramatycznego dylematu wrocławskiej studentki?“ (2000, 8).

Záver

Posledný uvedený príklad veľmi presne vystihuje rozdiel medzi prístupom slovenského autora textov popularizujúcich lingvistické otázky (jazykovú kultúru) na stránkach magazínu pre vedu a techniku *Quark* a poľskými autormi textov uverejnených v poľskom mesačníku *Wiedza i Życie*.

Analýza potvrdila, že v slovenských textoch bol preferovaný tradičný systémovolingvistický prístup k otázkam jazykovej kultúry a spisovného jazyka, pričom dominantnou je edukačná funkcia popularizácie. Poukazuje na to výkladový charakter textov s lingvistickou analýzou javov a množstvom ilustračného materiálu, vylúčenie subjektívneho elementu, hodnotenie javov na osi správny – nesprávny alebo spisovný – nespisovný, preskripčnosť alebo odporúčanie použitia, obmedzené zastúpenie persuazívnych prostriedkov pútajúcich pozornosť čitateľa a nabádajúcich ku kognitívnej činnosti.

V poľských textoch je badateľná skôr snaha nepoúčať percipienta z pozície vedeckej autority, ale vypestovať vzťah používateľa k jazyku prostredníctvom rozširovania poznatkov o ňom a aktivizovania k intelektuálnej činnosti. Dokladom sú prvky rozprávania oživujúce výklad, fiktívny dialóg s čitateľom, jeho priame oslovovanie, prítomnosť autorského subjektu (1. os. sg.), vyvažovanie preskriptívnych častí kondicionálom, ale aj samotný názov rubriky a emocionálne zafarbené titulky.

LITERATÚRA

BAUER, M. W: The Evolution of Public Understanding of Science – Discourse and Comparative Evidence. In: *Science, Technology and Society,* 2009, 14: 221 – 240.

BEDNÁRIK, R. a kol.: *Vedecká komunikácia. Hodnotenie kvality zručností vedeckej komunikácie.* Bratislava: Inštitút pre výskum práce a rodiny, 2007.

BEDNÁRIKOVÁ, R. – HOLUBOVÁ, B. – REPKOVÁ, K.: Zručnosti vedeckej komunikácie mladých spoločenskovedných výskumníkov. In: *Rodina a práca*, 2008, 1.

BODMER, W. F. et al.: *The Public Understanding of Science.* London: The Royal Society, 1985.

BUGAJSKI, M.: *Język w komunikowaniu.* Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007.

DOLNÍK, J.: Potreba lingvistickej sociovedeckej komunikácie. In: *Slovenská reč*, 2015, 5 – 6: 263 – 275).

FINDRA, J.: *Štylistika súčasnej slovenčiny.* Martin: Vydaveteľstvo Osveta, 2013.

Nasz cel. In: *Poradnik Językowy*, 1901, 1: 1.

Quark. Magazín o vede a technike. [CD-ROM]. PDF archív časopisu z rokov 2007 – 2017.

RADA JĘZYKA POLSKIEGO: Powołanie Rady Języka Polskiego. In: *Komunikaty Rady Języka Polskiego przy Prezydium Polskiej Akademii Nauk*, 1997, 1: 1 – 2.

RUŽIČKA, J.: Na ceste o kultúre reči. In: *Kultúra slova*, 1967a, 1: 3 – 6).

RUŽIČKA, J.: Problémy jazykovej kultúry. In: *Kultúra spisovnej slovenčiny.* Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied , 1967b, s. 9 – 22.

SZAPUOVÁ, M. – NUHLÍČEK, M.: Veda ako vec verejná: poznámky k súčasnej dynamike vzťahov medzi vedeckým výskumom a spoločnosťou. In: *ITLib. Špeciál*, 2015: 7 – 10.

Wiedza i Życie. [online]: http://archiwum.wiz.pl/spis_numerow.asp.

Wiedza i Życie. [online]: https://www.wiz.pl/18.html.

POPULARISING LANGUAGE CULTURE ISSUES IN SLOVAKIA AND IN POLAND

Abstract: The paper deals with the comparative analysis of texts published within the linguistic columns of the Polish popular science journal "*Wiedza i Życie*" and the Slovak science and technology journal "*Quark*". In our research we have been focused on the authors' approaches to the popular science issues that deal with standard language and language culture. Our main effort was to inspect the selection of language phenomena, authors' communication intentions, as well as chosen language means and procedures or the text construction. Based on the comparative analysis of the above parameters, we have come to the following conclusion: the traditional systematic-linguistic approach to the language culture and standard language issues has been preferred within the Slovak texts, while the educational function of popularising the science is prevailing. On the other hand, the Polish texts tend not the educate the percipient from a position of a scientific authority, but rather aim to develop the percipient's relationship with the language by expanding the language-related knowledge and thus boosting his/her intellectual activity.

Key words: popular science journal, text, language means, Polish language, Slovak language.

Príspevok je čiastkovým výstupom v rámci projektu **VEGA č. 1/0118/17** Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západo- a východoslovanský kontext.

Олена Кумеда
Факультет іноземної та слов'янської філології, Сумський державний педагогічний університет імені А. С. Макаренка, м. Суми (Україна)
Філософський факультет, Університет Костянтина Філософа, м. Нітра (Словаччина)

ДО ПИТАННЯ ПРО РОЛЬ ПАНТЕЛЕЙМОНА КУЛІША В ІСТОРІЇ УКРАЇНСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРНОЇ МОВИ

Анотація: Пропоновану статтю присвячено особистості впливового культурного діяча, письменника, редактора і видавця, чия визначна роль у становленні сучасної української літературної мови є незаперечною, але до сьогодні належно не поцінованою. Йдеться про Пантелеймона Олександровича Куліша – письменника-класика, одного з ідеологів і засновників нової української літературної мови, діяльність якого мала істотний вплив на формування й усталення літературних норм. Стаття дає загальне уявлення про складники мовно-нормалізаторської роботи Пантелеймона Куліша на редакторсько-видавничій, перекладацькій та власне письменницькій ниві; висвітлює його активну участь у часописах *Основа*, *Правда* та ін. у зв'язку з популяризацією східноукраїнського мовно-літературного стандарту; актуалізує питання поглибленого вивчення механізмів формування нормативних кодексів сучасної української літературної мови.

Ключові слова: говір, діалектна основа, літературна мова, мовна норма, мовно-літературний стандарт.

7 серпня 2019 року виповнюється 200 років від дня народження Пантелеймона Олександровича Куліша (1819–1897) – багатогранної особистості, чий талант і невтомна праця (фольклорно-етнографічна, мовознавча, літературознавча, власне літературна, зокрема й перекладацька, редакторсько-видавнича, а також культурно-громадська) залишили помітний слід в історії української культури.

Тривалий час мовна практика П. О. Куліша не вкладалася в схеми оцінок, використовуваних щодо мовотворчості його сучасників: мову письменника оцінювали критично, а то й відкидали як "штучно-синтезовану", надмір насичену архаїзмами (церковнослов'янізмами та старокнижною українською лексикою) (Шевельов 1996: 33). Спираючись на політичні та вульгарно-соціологічні засади, радянські науковці негативно оцінили роль П. О. Куліша в історії української літературної мови, хоча й визнали його заслуги в розвиткові художньої мови та художнього перекладу (Статєєва 1990: 11). Поза тим П. О. Куліш був "першим письменником і першим ученим, що зовсім свідомо творив українську літературну мову, а свої погляди передавав і Шевченкові" (Огієнко 1995: 144). Серед шанувальників мовотворчості П. О. Куліша були визнані знавці та співтворці української мови: Т. Г. Шевченко, І. Я. Франко, І. С. Нечуй-Левицький, пізніше М. М. Коцюбинський, С. О. Єфремов, І. І. Огієнко, В. І. Сімович, О. Б. Курило, Ю. В. Шевельов та багато інших.

Так, мовний досвід письменника високо оцінив для своєї праці укладач *Словаря української мови* Б. Д. Грінченко: "Лучшими же для нашей работы писателями мы считаем тех, которые, более или менее мастерски владея словом, в то же время черпали свой словесный материал непосредственно из народной речи. К таким мы относим

более старых писателей: Котляревского, Гулака-Артемовского, Квитку… и затем П. Кулиша, особенно в его произведениях 50-х и 60-х годов, часто очень удачно соединявших чисто народный материал с материалами старого книжного языка" (Словарь: I, 26).

І. І. Огієнко, В. І. Сімович, В. К. Чапленко, Ю. В. Шевельов визнавали в П. О. Кулішеві свідомого творця української літературної мови. На думку Ю. В. Шевельова, "мова Кулішева взагалі, а в його листах зокрема зберегла глибоко український характер" (Шерех 1998: 21). При цьому дослідник у своїх висновках спирався на спостереження О. Б. Курило, яка підкреслювала розвинене чуття мови в П. О. Куліша, пов'язуючи те чуття з народнорозмовними джерелами, та думку В. І. Сімовича, який назвав митця "великим джерелом пізнання української мови" (Шерех 1998: 22). Останній уважав, що "Куліш творив свою мову – нашу літературну мову – з поглядом на майбутнє" (Сімович 2005: 404). Різноманіття мовної палітри П. О. Куліша, його мовотворчі здібності вражали І. І. Огієнка: "При читанні Кулішевих творів ще й тепер кидається нам у вічі багатство авторового словника – українську мову, стару й нову, він знав глибоко й обіруч користувався з неї, чому словник його творів завжди рясний" (Огієнко 1995: 152). Такої самої думки дотримувався й В. І. Сімович: "…ми тепер уживаємо в нашій письменницькій мові силу-силенну придуманих Кулішем слів", як-от нині широковживаних *обставини*, *взаємини* (Сімович 1984: 99). В. К. Чапленко високо оцінив мовознавчий хист письменника: порівняно з П. О. Кулішем "ніхто не мав таких, як на той час досить високих, науково-філологічних даних і так наполегливо та багато не працював над українською мовою" (Чапленко 1970: 101).

В. М. Русанівський, наголосив на значній заслузі П. О. Куліша у виробленні засобів для передачі Слова Божого українською мовою, розвиткові українського епістолярію, відзначивши вагомий недолік – насиченість листів церковнослов'янізмами, що спочатку подавалися як "цитати зі священних текстів, а далі – компонент звичайнісінької розповіді" (Русанівський 2002: 237). Водночас, за спостереженням Є. К. Нахліка, перекладаючи заново *Старий Заповіт*, П. О. Куліш "не тільки вдавався при потребі до лексичних запозичень, а й старався по змозі підшукувати біблійним словам українські народні відповідники", у чому переконують, наприклад, витяги з народнопісенних збірників *Виписки з пісень про мою й Ганнину потребинý* (Нахлік 2007: II, 388).

Сьогодні важко перебільшити роль П. О. Куліша у формуванні загальноукраїнської літературної мови, основу якої становили східноукраїнські говори. Так, за півстоліття плідної праці в різних сферах художньої творчості, перекладу, науки П. О. Куліш розширив функціонально-стильові межі української мови: долучився до розбудови художнього (історичний роман *Чорна рада*, оповідання, повісті, вірші, поеми, драматургія), епістолярного (*Листи з хутора* та ін.), конфесійного (проповіді В. Гречулевича), ділового стилів, першим почав писати рідною мовою наукові праці (*Граматка*, *Дві мові, книжня і народня*, *Історія України од найдавніших часів* та ін.), чим заклав підвалини української наукової мови; створив

“першорядний етнографічний збірник” *Записки о Южной Руси* (Сімович 2005: 403); запровадив новий фонетичний правопис (“кулішівку”), який набув значного поширення, а на західноукраїнських землях трансформувався в “желехівку” (УМ 2004: 284); став “неафішованим співупорядником і редактором” *Рускої Читанки* (1870) (Федорук 2002: 12). Перекладацька діяльність П. О. Куліша (переклади Святого Письма, творів Шекспіра, Байрона, Гете, Міллера) відкрила перспективи для дальшого розвитку українського слова й зумовила “становлення українського художнього повновартісного перекладу” (Девдюк 1997: 11; Тетеріна 1997: 2).

П. О. Куліш – перший автор, що ввійшов у літературу як письменник, редактор і видавець водночас. До того ж серед авторів XIX ст. П.О. Куліш був чи не єдиним письменником, що одноосібно правив і друкував своїх твори – передусім ті, що опубліковані в *Друкарні П.О. Куліша*. Щодо інших текстів, опублікованих за життя Пантелеймона Куліша, то його авторитет був настільки значним, що корективи в ці видання вносили тільки за згодою (чи на прохання) автора. Високо цінуючи мовознавчий хист письменника, сучасники довіряли йому редагування власних творів, зокрема П. О. Куліш правив твори Т. Г. Шевченка, Марка Вовчка, Г. Ф. Квітки-Основ’яненка, Є. П. Гребінки, Я. І. Щоголева, І. С. Нечуя-Левицького, В. М. Забіли та інших авторів.

Крім того, засадничу роль П.О. Куліша у формуванні мовно-літературного стандарту треба пов’язувати, зокрема, з визначною роллю, яку відіграв щомісячний часопис *Основа* в культурному житті українців другої половини XIX ст., що серед інших видань мав “найбільше значення в історії української періодичної преси того періоду” (Жовтобрюх 1963: 226). За висновком Є. К. Нахліка, з-поміж усіх співробітників *Основи* “різнобічна участь Куліша в цьому журналі сумарно виявилася найвагомішою” – насамперед як невтомного автора численних творів (художньо-прозових, поетичних, літературно-критичних, публіцистичних, етнографічних тощо) та вимогливого редактора чужих текстів (редагував і прозу, і поезію, часто навіть переробляючи їх) (Нахлік 2007: I, 141 – 142). У зв’язку з такою “всеосяжністю” П.О. Куліша непроминальною для обох частин України стала його орфографічна інновація – “кулішівка”: фонетичний правопис, спеціально розроблений для фіксації фольклорних матеріалів й уперше застосований у двотомних *Записках о Южной Руси* (1856 – 1857), потім у *Граматці* (1857), історичному романі “Чорна рада” (1857), було використано і в альманасі *Хата* (1860), часописах *Основа* (1861–1862) та *Черниговский листок* (1861 – 1863) (Жовтобрюх, 1963: 291; Жовтобрюх 1970: 67; ІУП: 73; Нахлік 2007: I, 138, 141). На думку Ю.В. Шевельова, з 1876 р., після заборони українських друків у Російській імперії, українська літературна мова в Галичині розвивалася “на основі того, що було вироблено перед тим на Великій Україні”, зокрема й “Основою” (Шевельов 1996: 25). М.А. Жовтобрюх пише, що *Основа* мала великий авторитет серед передової частини галицької молоді і “становила зразок для наслідування”; “за прикладом *Основи* фонетичним правописом П.О. Куліша користувалися й народовські видання в Галичині – *Мета, Правда, Дуля, Нива, Русь*, які поділяли мовні погляди журналу й були зорієнтовані на фонетичні, граматичні та лексичні норми, вироблені й

до певної міри закріплені літераторами Східної України. Зокрема, обстоюючи ідею витворення єдиної української літературної мови зі східноукраїнською діалектною основою, найвпливовіші з них *Мета* (1863 – 1866) і *Правда* (1867 – 1879) активно друкували письменників-наддніпрянців (Жовтобрюх 1963: 257 – 293), серед яких, звісно, був і "рушій українофільського руху в Галичині" – Пантелеймон Куліш (Нахлік 2007: I, 245 – 307). Відомий факт, що під великим впливом *Основи* перебував найдавніший народовський тижневик "Вечерниці" (1862 – 1863) (Жовтобрюх 1963: 245 – 246). Ознайомлення молодорусинів із публіцистикою *Основи*, творами східноукраїнських письменників, передусім Т. Г. Шевченка, Марка Вовчка, П. О. Куліша, розпочалося значною мірою через їх передруки у *Вечерницях*. "Особливо велику роль відігравали передруки художніх творів, публіцистичних та літературно-критичних праць Куліша (про що свідчить хоча б те, що вони становили понад 50 відсотків усіх публікацій)" (Федорук 2002: 12). Хоча, за спостереженнями І. І. Огієнка, "Галичина вперто трималася своєї місцевої мови", однак, як уже було зазначено вище, П. О. Куліш – чи не єдиний автор з Наддніпрянщини, чиї тексти тенденційно залишалися для "Вечерниць" недоторканними (Огієнко 1995: 181).

Сам П. О. Куліш як співзасновник та один із редакторів *Правди* (як і в *Основі*, його участь тут "була найвагоміша порівнюючи з іншими авторами, редакторами та жертводавцями") (Нахлік 2007: I, 245, 257 – 260, 273; II, 393) передусім публікував твори наддніпрянських письменників, "які, на його думку, мали слугувати для галицьких літераторів взірцем народності в художніх текстах"; останню утверджував через "рішучий перехід на фонетичний правопис" (Федорук 2002: 12). Уважаючи, що галицька література повинна влитися в єдине загальнонаціональне річище, Куліш прищеплював їй східноукраїнські орфоепічні норми, насаджував діалектну лексику Східної України (Федорук 2002: 13).

Не всі сучасники сприймали мовні настанови П. О. Куліша, однак про вплив його мови на формування літературних норм свідчить використання текстів письменника у Словникові за ред. Б. Д. Грінченка[1]; на переконання Ю. В. Шевельова, визначна роль цього словника в дальшому розвиткові літературної мови – "факт безперечний" (Шевельов 1996: 173). Так само сьогодні не підлягає сумнівам і та обставина, що, живим мовним джерелом для письменника був рідний йому східнополіський говір північного наріччя (Кумеда 2011). Отже, цілком логічно припустити, що в 2-й пол. XIX ст. Пантелеймон Куліш – через розмаїття своєї активної й добре спопуляризованої мовно-літературної діяльності – був провідником північноукраїнських впливів і водночас «чернігівської традиції літературної мови», яка за часів Гетьманщини правила за книжну й зберігала тяглість тривалий час, навіть після переорієнтації літературної мови на "полтавську основу" (Шевельов 1996: 162 – 173). Черпаючи з різних діалектів і в такий спосіб дотримуючись принципу

[1] У джерельній базі "Словаря української мови" серед творів художньої літератури переважають покликання на твори П. О. Куліша – 18, 1 % (592 слова) (Скиба 2009: 54, 231, 234 – 235).

наддіалектності[2] для витворення загальноукраїнської літературної мови, П. О. Куліш, проте, міг свідомо підтримувати «чернігівські елементи» через редакторську роботу над текстами Т. Г. Шевченка (Кумеда 2015), Марка Вовчка (Сиваченко 1974: 96) та ін. авторів. З іншого боку, чимало східнополіських рис, продемонстрованих мовно-літературною практикою Куліша (зокрема, й виразних маркерів його рідномовного довкілля)[3], засвідчено в інших говорах і відбито в текстах сучасників та наступників письменника. Останнє порушує низку питань щодо механізму формування нормативних кодексів сучасної української літературної мови.

Відводячи П. О. Кулішеві одне із чільних місць в історії української літературної мови, мусимо визнати, що стан вивчення мови письменника не сприяє оприявненню його визначної ролі – мовотворця чи творця літературної мови.

ЛІТЕРАТУРА

ДЕВДЮК, І.: "Хочеться співати ще по-італійськи, по-грецьки, латиною...". In: *Дивослово*, 1997, 11: 11 – 14.

ЖОВТОБРЮХ, М. А.: *Мова української преси (до середини дев'яностих років XIX ст.)*. Київ: Вид-во Акад. наук УРСР, 1963.

ЖОВТОБРЮХ, М. А.: *Мова української періодичної преси: кінець XIX – поч. XX ст.* Київ: Наук. думка, 1970.

ІУП: *Історія українського правопису: XVI–XX століття* : хрестоматія. Упор. В. В. Німчук, Н. В. Пуряєва. Київ: Наук. думка, 2004.

КУМЕДА, О. П.: Ідіолект П. О. Куліша на тлі східнополіського діалекту: дис. ... канд. філол. н. Київ, 2011.

КУМЕДА, О. П.: Редакторський вплив Пантелеймона Куліша на мову Тараса Шевченка. In: *Культура слова* Київ, 2015, 83: 59 – 65.

НАХЛІК, Є. К.: *Пантелеймон Куліш*. У 2 т. Київ: Укр. письменник, 2007.

ОГІЄНКО, І. І.: (Митрополит Іларіон). *Історія української літературної мови*. Київ: Либідь, 1995.

РУСАНІВСЬКИЙ, В. М.: *Історія української літературної мови*. Київ: АртЕк, 2002.

СИВАЧЕНКО, М. Є.: Текстологічний аналіз "Народних оповідань Марка Вовчка". In: *Літературні та фольклорні розвідки*. Київ: Наук. думка, 1974, с. 70 – 115.

СІМОВИЧ, В.: Кулішева мова й "кулішівка". In: *Українське мовознавство*. Упор. Ю. Шевельов. University of Ottawa Press, 1984, с. 99 –103.

СІМОВИЧ, В.: Куліш. З нагоди сорокаліття смерті. In: *Праці Василя Сімовича*. У 2 т. Чернівці: Книги-XXI, 2005. Т. 2: Літературознавство. Культура, 2005, с. 402 – 404.

[2] Означений принцип засвідчують як редакторські поради Пантелеймона Куліша іншим письменникам, так і мова його творів, особливо в останні роки життя, коли орієнтувався не тільки на широке коло східноукраїнські говорів, а й на «галицьку рущину» (Кумеда 2011).

[3] Йдеться про ті східнополіські риси мови Куліша, які відбивав безальтернативно й культивував упродовж усього життя, почасти прищеплюючи їх як редактор мові інших авторів, напр.: флексія ***-е*** в наз. відм. множ. іменників, які в однині мають суфікс ***-ин-*** (*люд**е**, мир**я**не*); початковиц ***с-*** у вказівних займенниках (***сей***, ***сёго***); суфікс ***-ійш-*** у формах вищого ступеня порівняння прикметників та прислівників (*безпечн**ійш**е*, *давн**ійш**их*ъ) (Кумеда 2011).

СКИБА, І. Г.: *Регіональне та інтеррегіональне в українській лексикографії кінця XIX – початку XX століття*: дис. ... канд. філол. наук. Луганськ, 2009.

Словарь української мови. У 4 т. Упор. Б. Д. Грінченко. – Київ: Вид-во Акад. наук УРСР, 1958.

СТАТЄЄВА, В. І.: До питання про роль П. Куліша в історії української літературної мови. In: *Мова і культура нації*: тези доп. регіон. наук.-практ. конф. 9 – 10 жовт. 1990 р. Львів, 1990, с. 10 – 12.

ТЕТЕРІНА, О.: Значення перекладацької діяльності Пантелеймона Куліша. In: *Укр. мова та л-ра*, 1997,12: 2.

УМ: *Українська мова*: енциклопедія. Редкол.: В. М. Русанівський, О. О. Тараненко, М. П. Зяблюк та ін. Київ: Вид-во *Укр. енцикл.* ім. М. П. Бажана, 2004.

ФЕДОРУК, О. О.: *Пантелеймон Куліш і літературний процес у Західній Україні 60-х– початку 70-х років XIX ст.*: автореф. дис. ... канд. філол. н. Львів, 2002.

ЧАПЛЕНКО, В.: *Історія нової української літературної мови (XVII ст. – 1933 р.)*. Нью-Йорк, 1970.

ШЕВЕЛЬОВ, Ю: *Внесок Галичини у формування української літературної мови*. Львів – Нью-Йорк: Наук. т-во ім. Шевченка, Українознавча бібліотека НТШ, 1996.

ШЕРЕХ, Ю.: *Пороги і Запоріжжя*: Література. Мистецтво. Ідеології. У 3 т. Харків: Фоліо, 1998. Т. 2. Із книги *Третя сторожа*. 1998, с. 14 – 50.

TO THE QUESTION OF THE ROLE OF PANTELEIMON KULISH IN THE HISTORY OF THE UKRAINIAN LITERARY LANGUAGE

Abstract: The proposed article is devoted to the personality of an influential cultural figure, writer, editor and publisher, whose outstanding role in the development of modern Ukrainian literary language is indisputable, but to this day is not properly appreciated. This is about Panteleimon Aleksandrovich Kulish – a classic writer, one of the ideologues and founders of the new Ukrainian literary language, whose activities had a significant impact on the formation and establishment of literary norms. The article gives a general idea of the components of the linguistic-normalizing work of Panteleimon Kulish on the editorial and publishing, in the field of translation and writing; highlights his active participation in the essays Osnova, Pravda and others in connection with the popularization of the East Ukrainian language and literary standard; actualizes the issue of in-depth study of the mechanisms of formation of normative codes of modern Ukrainian literary language.

Key words: dialect, dialectal basis, literary language, linguistic norm, linguistic literary standard.

II. Aspekty fungovania východoslovanských a západoslovanských jazykov

Аспекты функционирования восточнославянских и западнославянских языков

Miroslav Vepřek
Filozofická fakulta, Univerzita Palackého, Olomouc (Česko)

K OTÁZCE BOHEMISMŮ VE STAROSLOVĚNŠTINĚ A CÍRKEVNÍ SLOVANŠTINĚ Z POHLEDU FUNKČNÍ STRATIFIKACE

Anotace: Příspěvek je věnován problematice vztahu mezi staroslověnštinou a češtinou. Jazykové jevy jsou hodnoceny z hlediska funkční stratifikace, což umožňuje chápat jazykové odlišnosti jako stylisticky příznakové varianty. Staroslověnština nebyla dobovými mluvčími pozdně praslovanských dialektů či pračeštiny chápána jako cizí jazyk, takže vzájemné prolínání češtiny a staroslověnštiny bylo přirozeným jevem. Otázka, zda je možno jazykové jevy hodnotit jako „bohemismy" ve staroslověnštině či naopak paleoslovenismy v češtině, se může jevit právě z tohoto pohledu jako nesprávně položená.

Klíčová slova: staroslověnština, církevní slovanština, čeština, spisovný jazyk.

Motivací k tomuto pojednání pro mě byla zdánlivě detailní problematika, která byla diskutována na konferenci s názvem „Nahé jsou národy bez knih", pořádané v únoru 2019 Slovanským ústavem AV ČR.[1] Při příspěvku kolegy Víta Bočka, předního českého etymologa, slavisty a taktéž znalce diachronních aspektů romanistického zkoumání, byla diskutována otázka klasifikace staroslověnského slova *križь*. Toto slovo bylo zjevně přejato z lidové latiny, pravděpodobně na západním Balkáně, a bylo šířeno k dalším Slovanům (převážně ve sféře vlivu latinské církve) včetně oblasti Velké Moravy a jazykového území pračeského (srov. ESJS: 367–368). Diskutována byla otázka, zda je tento lexém jako předcyrilometodějskou výpůjčku možno klasifikovat jako moravismus/bohemismus (případně panonismus či kroatismus) ve staroslověnštině, či naopak jako paleoslovenismus v češtině a dalších příslušných slovanských jazycích za předpokladu, že se slovo *križь* šířilo prostřednictvím staroslověnštiny. Dovoluju si považovat tuto otázku za projev jistého anachronismu, který vychází z pohledu současné, nikoli soudobé terminologie.

Praktické odborné i didaktické požadavky vedou jistě ke správné nutnosti exaktního vymezení jednotlivých jazyků a jazykových stádií, na druhou stranu však nereprezentují postavení těchto jazykových útvarů v době vlastní existence.

Abychom získali lepší pohled na tuto otázku, podívejme se na charakteristiku staroslověnštiny nejen z hlediska horizontálního – tedy z hlediska nářeční diferenciace pozdně praslovanského jazykového areálu, ale též z pohledu vertikálního, tedy z pohledu funkčně-stylové diferenciace komplexní jazykové situace. Pro období staroslověnské tuto problematiku zpracoval R. Večerka (1993). Vychází se z tradičně stanovených izoglos mapujících převážně hláskoslovné a morfologické jevy a zároveň také z přesvědčení, že lze (v hrubých rysech, ale i v některých detailech) rekonstruovat podobu velkomoravské (moravsko-panonské) staroslověnštiny. Tato rekonstrukce je založena jednak na interpretaci

[1] Konference „Nahé jsou všechny národy bez knih" konaná při příležitosti 1150. výročí úmrtí sv. Konstantina-Cyrila a vzpomínky na nedožité 90. narozeniny doc. Zoe Hauptové, Akademické konferenční centrum Praha (AV ČR, v. v. i.), 28. února – 1. března 2019.

jazykového stavu zachovaného v *Kyjevských listech*,[2] jednak z jazykových jevů doložených v mladších památkách, které lze odhalovat jako reziduum staršího stavu. Dalšími pomocnými údaji jsou potom doklady staroslověnských slov v neslovanských památkách a v neposlední řadě rovněž interpretace a rekonstrukce původního staroslověnského písma, tedy hlaholice.

Staroslověnština byla ve Velkomoravské říši zavedena do jazykově diferencované oblasti. Ve většině se jednalo o prostředí západoslovanských dialektů pozdní praslovanštiny, ovšem s přesahy do oblasti jihoslovanské, a to díky kontinuálnímu slovanskému osídlení Panonie před příchodem Maďarů. Avšak i samotné západoslovanské prostředí bylo diferenciováno vnitřně, a to zřejmě izoglosami, které snad lze vztáhnout již k 9. století. Máme na mysli zejména jazykové rozdíly mezi původním jádrem Velké Moravy a Nitranskem připojeným ve 30. letech devátého století, např. různé střídnice *rat, lat* x *rot, lot*, *dz* x *z* za původní *dj* (srov. Večerka 1999: 15).

V předcyrilometodějském období, vedle běžně mluveného jazyka, jejž ovšem nelze prakticky detailně rekonstruovat, existoval ještě i kulturní jazyk Velkomoravské říše (srov. Pauliny 1964). Užíval se v „administrativní“ komunikaci, v lidové slovesnosti a také ve spojitosti s křesťanským kultem, když zde slovanština plnila funkci tzv. „čtvrtého jazyka“ (*lingua quarta*) jako jazyk šířený misionáři z germánských a severoitalských oblastí (blíže např. Bláha 2013). Zřejmě se jednalo o jazyk, který prošel alespoň základním procesem unifikace a vzhledem k výše řečenému obsahoval dublety s potenciálem funkčního využití.

Podobně lze charakterizovat velkomoravskou staroslověnštinu. Její počátek sice spadá výhradně do oblasti jihoslovanské – Konstantin-Cyril vycházel z nářečí okolí Soluně a konfrontačním modelem mu v mnoha ohledech byla řečtina – avšak pro potřeby misie na Velké Moravě byla upravena dle tamního jazykového úzu. Jazyk *Kyjevských listů*, z nichž primárně vycházíme, obsahuje jednak jevy jihoslovanské (např. epentetické *l'*, zjednodušené skupiny *dl* a *tl* > *l*, ve shodě s vývojem středoslovenským *rat-/lat-* a *ś* při druhé a třetí palatalizaci velár), jednak jevy západoslovanské (střídnice *c* < *tj/kti*, *z* < *dj*; *šč* < *skj/stj*, koncovka instr. sg. o-kmenů *-ъmь*, imperativ 3. os. sg. i pl.).[3]

Následující úvaha bude spíše hypotetická, ale v podstatě se dostáváme k otázce terminologie nastíněné v prvním odstavci. Dnes jsme zvyklí terminologicky odlišovat staroslověnštinu a jiné slovanské jazyky, avšak pro nejstarší období vývoje spisovného slovanského jazyka platí, že je staroslověnština chápána a nazývána prostě jako „slovanský“ jazyk (srov. Večerka 2010: 92). Z dnešního pohledu ji můžeme označit jako spisovnou variantu domácího jazyka, tedy „normu“, která obsahovala jistou míru stylizace a taktéž prvky, které se mohly odlišovat od běžně mluveného jazyka. Takovou dichotomii známe prakticky z každého spisovného jazyka. Přirozené akceptování diferenčních jevů ve stylově vyšším útvaru jazyka také dobře vysvětluje, proč do knižní „normy“ mohly pronikat případné

[2] Přikláním se k interpretaci jazyka *Kyjevských listů* jako stylizovaného a záměrně upraveného psaného kódu, který vznikl reakcí na nářečně různorodou situaci nejen samotné Velkomoravské říše, ale pozdně praslovanského areálu vůbec. Hypotézu „miklošičovské“ výkladové linie, že Kyjevské listy zachovávají stav reálně existujícího slovanského nářečí, považuji za nepravděpodobnou. Blíže viz např. Večerka 1999: 14:27; Mareš 2000a; Tkadlčík 2000: 29–30.

[3] K bližší charakteristice viz např. Večerka 2010: 92–102.

další prvky mluveného jazyka a do jisté míry se tak staroslověnština přirozeně rozvíjela. F. V. Mareš považoval tuto jazykovou situaci na Velké Moravě za prakticky neopakovatelnou (Mareš 2000a: 49); v dalším vývoji se rozdíly mezi knižní staroslověnštinou a mluvenými pozdně praslovanskými dialekty zvyšovaly.

Analogická situace nastala i v dalších slovanských oblastech, do nichž byla staroslověnština přenesena po Metodějově smrti. Zvláště to platí o raných přemyslovských Čechách. Zde byla z hlediska teritoriální diferenciace praslovanštiny vlastně situace téměř totožná jako v epoše velkomoravské. České jazykové území bylo dokonce vnitřně kompaktnější, avšak na druhou stranu, právě období od konce devátého do konce jedenáctého století je charakteristické realizací celé řady změn, na jejichž základě z pozdní praslovanštiny vzniká pračeština.

Opět se navraťme k terminologickému zjednodušení a podívejme se na vztah staroslověnštiny a pračeštiny. Většina jazykových prostředků byla jistě shodná – většina fonologického repertoáru, taktéž morfologické a lexikální jednotky i základní syntaktické prostředky. Co se týče lexikální roviny, k pozoruhodným zjištěním dospěli Václav Blažek a Petra Novotná. Na základě lexikostatistických výpočtů (dle metody glottochronologie) zjistili, že nejvíce shod ze živých slovanských jazyků vykazuje staroslověnština s češtinou (blíže Blažek – Novotná 2007: 199–200).

Hláskoslovné rozdíly vyplývaly nejprve z diferencí založených na jihoslovanském původu staroslověnštiny. V českém prostředí 10. a 11. století však docházelo k další bohemizaci nejstaršího slovanského spisovného jazyka. Jak dosvědčují *Pražské zlomky*, jedinečný zdroj poznání české redakce staroslověnštiny,[4] bylo odstraňováno epentetické *l'*, zavedena byla taktéž střídnice *š* při druhé a třetí palatalizaci veláry *ch*, restituovány byly skupiny *tl* a *dl*, projevovala se denazalizace nosovek a vývoj jerů (mimo jiné tendencí k jednojerovému pravopisu ve shodě s jedinou střídnicí za oba jery, které písaři nemohli dle svého úzu restituovat na rozdíl od situace např. v ruské církevní slovanštině).[5] Sporadicky je též doložena pravidelná slabičná kontrakce, i když v případě reflexe této změny je situace značně složitější (srov. Vepřek 2018b). Stopy v opisech památek českého původu dochovaných v jiných redakcích (především v redakci ruské) dosvědčují i další jevy – slabikotvorné *r* a *l*, vývoj nosovek či počátky změny *g* > *γ* > *h* (viz Mareš 1963: 425).

Mimoto ale stále i v rovině hláskoslovné zachovala česká církevní slovanština některé jevy jihoslovanské. Můžeme předpokládat, že se mohly stát též lexikalizovanými příznaky slov knižního jazyka, jak ukazují např. pozoruhodné formy s okrajovým výsledkem metateze likvid ve skupinách **ort-/olt-, např. alъkanije, alъčь* (srov. Večerka 1999: 67–68). Totéž by mohlo platit i pro stažené tvary adjektivní složené deklinace typu *dobrago, dobrumu*, které jsou doloženy z csl. památek rukopisně pocházejících přímo z Čech (opět *Pražské zlomky* či *Glosy Vídeňské/Jagićovy*).

[4] Pro tuto fázi vývoje nejstaršího slovanského spisovného jazyka považuji za přesnější užívání termínu *církevní slovanština*, a to dle vymezení F. V. Mareše (2000b: 263–264). V odborné literatuře však v distribuci termínů *staroslověnština* a *církevní slovanština* nepanuje jednota.

[5] K detailnější charakteristice jazykových jevů české církevní slovanštiny viz např. Vepřek 2013.

V tvarosloví se do církevní slovanštiny české redakce dostávaly další lokální pračeské jevy, a to např. zájmenný tvar *mne*, koncovka *-imь* v instrumentálu singuláru *ijo*-kmenů, koncovka *-my* v první osobě plurálu slovesné flexe, nulová koncovka ve třetí osobě singuláru a plurálu indikativu prézentu či nulový tvar pomocného slovesa *byti* v třetích osobách perfekta. Odlišnosti mezi knižní staroslověnštinou a mluvenou pračeštinou lze shledávat jistě v rovině syntaktické, avšak tyto diference vyplývají z velké části z obecné dichotomie mluvený versus psaný jazyk. Mimoto se v českém prostředí částečně zachovala specifická archaická vazba dativu absolutního, která však bývá nahrazována jinými pádovými vazbami, především instrumentálem (srov. Bláhová 1993: 437; Konzal 2012). Zdá se, že jiná obdobná vazba přičítaná spíše jihoslovanskému substrátu ve staroslověnštině, tedy dativ adnominální, mohla mít svoji částečnou oporu ještě v syntaxi pračeštiny, neboť jsou takováto syntagmata doložena dokonce jako tvůrčí záměr překladatelů církevněslovanských památek z latiny navzdory paralelním vazbám v latinských předlohách (blíže Vepřek 2018a).

Samostatnou a zvláštní pozornost si zaslouží konečně jevy roviny lexikální. Přes značné shody (viz výše) představují analýzy slovní zásoby mnohdy zásadní přínos nejen k poznání pračeštiny na straně jedné a církevní slovanštiny na straně druhé, ale též nástroj k určování původu památek. Je obecně známým jevem, že lexikální rovina bývá nejstabilnější při jazykových úpravách památek při jejich transferu do jiného prostředí, a často jsou to právě lexikální jednotky s určitou frekvenční charakteristikou či nářečně praslovanským a jiným lokálním příznakem, které nebyly odstraněny v procesu opisování textů a jež umožňují podpořit hypotézy o jejich českém původu.

Vztahy v lexikální rovině však musíme vnímat i z opačného pohledu – staroslověnština či církevní slovanština totiž zprostředkovala řadu slov češtině (hovoříme tak o paleoslovenismech v české slovní zásobě). Příznačná je v tomto pohledu zejména sémantická oblast křesťanské terminologie, v níž existuje shoda v cca 75 % (Večerka 2010: 121). Své staroslověnské kořeny však mají i lexémy z dalších významových okruhů.

Prostřednictvím této problematiky jsme se vlastně dostali k otázkám předloženým v úvodu našeho příspěvku, tedy jaký je vztah češtiny a staroslověnštiny, respektive církevní slovanštiny. O obou těchto jazycích dnes hovoříme jako o svébytných a autonomních kódech, někdy je z nutných důvodů dokonce stavíme do kontrastu. Pro období koexistence pouze mluvené pozdní praslovanštiny v západoslovanském nářečním rouše či pračeštiny na straně jedné a pouze psané staroslověnštiny/církevní slovanštiny na straně druhé však takového konfrontační hledisko nemůže být beze zbytku uplatňováno.

Domnívám se, že vztah těchto jazyků byl dobovými uživateli vnímán jako vztah dvou variant jazyka jednoho. Jazykové jevy, které ve staroslověnštině mají původ v nářečně odlišné oblasti pozdně praslovanského areálu, byly chápány jako specifické dublety příslušící spisovnému jazyku. Otázka bohemismů ve staroslověnštině či naopak paleoslovenismů v češtině má své opodstatnění pouze z pohledu současného bádání; pro samotnou jazykovou situaci v 9. – 11. století může být chápana jako nesprávně položená. Jsem přesvědčen, že pouze kombinací horizontálního a vertikálního pohledu lze získat reálný náhled na stratifikaci jazykové situace pračeštiny a staroslověnštiny.

LITERATURA

BLÁHA, O.: Jazykové stopy předcyrilometodějských křesťanských misií v Panonii a na Moravě. In: JEMELKOVÁ, S. (ed.): *Mezi východem a západem: Svatí Cyril a Metoděj v kultuře českých zemí*. Olomouc: Muzeum umění, 2013, s. 34 – 36.

BLÁHOVÁ, E.: Ke klasifikaci českocírkevněslovanských památek. In: *Slavia*, 1993, 62: 427 – 442.

BLAŽEK, V. – NOVOTNÁ, P.: Glottochronology and its application to the Balto-Slavic languages. In: *Baltistica*, 2007, 42/2: 185 – 210.

ESJS: Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Academia, Tribun EU: Praha, Brno, od r. 1989.

KONZAL, V.: Latinský ablativ absolutní v staroslověnském překladu (Responze latinské syntaxe v českocírkevněslovanských památkách III.). In: *Slavia*, 2012, 81: 190 – 204.

MAREŠ, F. V.: Česká redakce církevní slovanštiny v světle Besěd Řehoře Velikého (Dvojeslova). In: *Slavia*, 1963, 32: 417 – 451.

MAREŠ, F. V.: Staroslovanský spisovný jazyk ve Velkomoravském státě. In: MAREŠ, F. V.: *Cyrilometodějská tradice a slavistika*. Praha: Torst, 2000a, s. 46 – 60.

MAREŠ, F. V.: Církevněslovanské písemnictví v Čechách. In: MAREŠ, F. V.: *Cyrilometodějská tradice a slavistika*. Praha: Torst, 2000b, s. 256 – 327.

PAULINY, E.: *Slovesnosť a kultúrny jazyk Veľkej Moravy*. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1964.

TKADLČÍK, V.: Cyrilometodějský překlad bible – úkoly a problémy rekonstrukce. In: AMBROS, P. – BAUEROVÁ, H. – POJSL, M. (eds.): *Cyrillomethodiana. Sborník k uctění památky Mons. prof. ThDr. Vojtěcha Tkadlčíka*. Olomouc – Praha : Euroslavica, 2000, s. 23 – 36.

VEČERKA, R.: Postavení staroslověnštiny v komplexní jazykové realitě staré Moravy. In: *Slavia*, 1993, 62: 227 – 233.

VEČERKA, R.: *Počátky slovanského spisovného jazyka. Studie z dějin staroslověnského jazyka a písemnictví do konce 11. století*. Praha: Univerzita Karlova, 1999.

VEČERKA, R.: *Staroslověnská etapa českého písemnictví*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2010.

VEPŘEK, M.: Čeština a kontinuita cyrilometodějské tradice. In: DITTMANN, R. – ULIČNÝ, O. (eds.): *Studie k moderní mluvnici češtiny. 3, Čeština a dějiny*. Olomouc: Univerzita Palackého, 2013, s. 11 – 25.

VEPŘEK, M.: K adnominálnímu dativu ve staroslověnštině a staré češtině. In: MALČÍK, P. (ed.): *Vesper Slavicus. Sborník k nedožitým devadesátinám prof. Radoslava Večerky*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2018a, s. 203 – 211.

VEPŘEK, M.: K příčinám pozdně praslovanské slabičné kontrakce (nejen) z pohledu gramatikalizační teorie. In: *Slavia*, 2018b, 87: 382 – 392.

TOWARDS THE QUESTION OF BOHEMISMS IN OLD CHURCH SLAVONIC FROM THE POINT OF VIEW OF FUNCTIONAL STRATIFICATION

Abstract: The contribution is focused on the problematics of the relation between Old Church Slavonic and Czech. Selected language features are classified from the point of view of the functional stratification which enables to understand language differences as typical marks of stylistic variances. In this context, Old Church Slavonic was not a foreign language in the perspective of speakers using the late Common Slavonic dialects or Proto-Czech language, so the blending of Czech and Old Church Slavonic was natural. The question if some language features were "bohemisms" in Old Church Slavonic or, vice versa "paleoslovenisms" in Czech, appears to be sometimes incorrectly formulated.

Key words: Old Church Slavonic, Czech, standard language.

Tadeusz Lewaszkiewicz

Instytut Filologii Polskiej, Wydział Filologii Polskiej i Klasycznej, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, Poznań (Polska)

Z BADAŃ NAD JĘZYKIEM PIŚMIENNICTWA NOWOGRÓDZKIEGO Z OKRESU MIĘDZYWOJENNEGO. 2. JĘZYK ALEKSANDRA ŚNIEŻKI

Streszczenie: Podstawę artykułu stanowią dwie książki A. Śnieżki z 1937 i 1939 r. Autor omawia północnokresowe cechy językowe z zakresu fonetyki, słowotwórstwa, fleksji, składni i leksyki, jak również kresowizmy frekwencyjne i różnego typu archaizmy. Po drugiej wojnie światowej teksty A. Śnieżki poświadczają znacznie mniej kresowych właściwości językowych.

Słowa kluczowe: Aleksander Śnieżko, polszczyzna północnokresowa, piśmiennictwo nowogródzkie okresu międzywojennego.

Niniejszy artykuł to druga publikacja dotycząca języka piśmiennictwa nowogródzkiego z okresu międzywojennego (Lewaszkiewicz 2019). W następnych latach zamierzam zająć się także językiem książek innych autorów pochodzących z Nowogródczyzny lub działających na jej obszarze, jak również językiem prasy nowogródzkiej. Chodzi mi o wydobycie z tych tekstów typowych językowych właściwości północnokresowych – fonetycznych, fleksyjnych, słowotwórczych, składniowych i leksykalnych, kresowizmów frekwencyjnych[1], różnego typu archaizmów i właściwości idiolektalnych. Tak więc przynajmniej częściowo zebrany materiał językowy nie reprezentuje „języka kresowego", ale warto go przedstawić, ponieważ może być w przyszłości przydatny w syntetycznych opisach północnokresowej rzeczywistości językowej.

Podstawę artykułu stanowią dwie książki Aleksandra Śnieżki: *Kościół farny w Mirze. Szkic monograficzny 1587 – 1937*, Lida 1937, ss. 68 (skrót ŚKF); *Dworek Mickiewiczowski w Nowogródku*, Lida 1939, ss. 80 (skrót: ŚDM). Druga pozycja – wydana w nakładzie tysiąca egzemplarzy – jest prawdopodobnie zmienioną edycją druku opublikowanego w Wilnie w 1930 r. (*Dworek Mickiewiczowski w Nowogródku. Monografia historyczna*). Do wydrukowania obu tytułów przyczynił się Władysław Abramowicz, redaktor „Ziemi Lidzkiej", który w opracowaniu dotyczącym dworku Mickiewiczów zamieścił jednostronicowy wstęp. A. Śnieżko opublikował przed II wojną światową jeszcze przynajmniej trzy druki samoistne (*Konkurs dobrego czytania książki*, Lida 1939; *Powiat lidzki w latach 1917 – 1919 w świetle pamiętników Wandalina, Szukiewicza*, Lida 1939; *Zamek mirski*, Lida 1939), ale nie miałem możliwości dotarcia do nich.

[1] Kresowizmy frekwencyjne to formy językowe (głównie słownictwo) znane w innych regionach Polski etnicznej, ale częściej używane na kresach północno-wschodnich i południowo-wschodnich. Termin *kresowizm frekwencyjny* wprowadziłem pod wpływem artykułu Kwiriny Handke (1986/1987).

Nie wiadomo, gdzie się A. Śnieżko urodził i gdzie pracował przed wojną, ale pewne cechy językowe dowodzą, że pochodził z kresów północno-wschodnich. Mieszkał w Lidzie lub w Wilnie.

Jak informuje Wikipedia (Aleksander Śnieżko (1896-1975), dostęp: 22.07.2019), interesujący nas autor był po wojnie organizatorem i pierwszym dyrektorem Muzeum Poczty i Telekomunikacji we Wrocławiu. Jest znany jako historyk poczty i filatelistyki, kolekcjoner ekslibrysów, autor około 400 publikacji, w tym kilkunastu książkowych. Wydał m.in. (oprócz pozycji wymienionych wcześniej): *Szkice z dziejów poczty śląskiej* (Zamość 1957); *Ekslibrysy filatelistyczne* (Wrocław 1957); *Poczta polska w Stambule 1766-1922* (Warszawa 1960); *Dawne szyldy pocztowe* (Wrocław 1962); *Motyw pocztowy w ekslibrysie* (Wrocław 1963).

Materiał językowy skonfrontowałem z wybranymi monografiami polszczyzny północnokresowej (Dwilewicz 1997, Karaś 2001, Kurzowa 1993, Lewaszkiewicz 2017, Mędelska 1999-2004, Zdaniukiewicz 1972); słownictwo dodatkowo z dziełami leksykograficznymi: SJPDOR, NSPP, RIEG-MAS-RUT, RIEGBRAS.

1. Fonetyka

Pisownia *prob**ó**stwo* ŚKF 56 może wskazywać na północnokresowe *u* (w pisowni *ó*) zamiast ogólnopolskiego *o*. Opracowania naukowe wymieniają wiele tego typu przykładów, np. *gołosł**ó**wny*, *obł**ó**żnie*, *rozm**ó**wni*.

Zapis *pia**s**czystym* ŚKF 64 (z *s* zamiast ogólnopolskiego *š*) nawiązuje do kilkunastu użyć *pia**s**czysty/pia**s**czystą* w polskiej prasie wileńskiej (Mędelska II: 39; III cz. 1: 64); w sprawie *šč* > *sč* – zob. Lewaszkiewicz 2017: 147. Dyspalatalizację spółgłosek odzwierciedlają zapewne przykłady: *wła**s**nie* ŚKF 53, *do (...) Nie**dz**wiadki* ŚKF 64, *wile**n**skiego* ŚDM 80.

Forma *zagin**ąc*** ŚKF 34 być może świadczy o północnokresowej zmianie *-ć* > *-c* (Lewaszkiewicz 2017: 149-163).

Warto odnotować również uproszczenie geminat: *-ss-* > *-s-* (*ro**s**taju* ‘rozstaju’: *przy ro**s**taju dróg* ŚKF 64) oraz *-nn-* > *-n-* (*Najświętsza Pa**n**a* ‘Panna’ ŚFK 66) (Lewaszkiewicz 2017: 210-211).

2. Słowotwórstwo

2.1. Stopniowanie przymiotników

Autorzy *Gramatyki języka polskiego. Morfologia* (Grzegorczykowa, Laskowski, Wróbel 1984: 437-441) zaliczają stopniowanie przymiotników i przysłówków do słowotwórstwa, ponieważ tworzenie form stopniowania nie jest tak regularne jak tworzenie form fleksyjnych.

W polszczyźnie północnokresowej spotyka się często syntetyczne (sufiksalne) formy stopnia wyższego i najwyższego przymiotników, które się w języku ogólnopolskim nie stopniują lub stopniują w sposób analityczny. Zdarzają się jednak wątpliwości dotyczące stopniowania syntetycznego i analitycznego.

Z tekstów A. Śnieżki wyekscerpowałem dwa osobliwe przykłady: *najulubieńszy* ŚDM 11, *najpoczytniejszy* ŚKF 16. Pierwszą formę NSPP: 1098 uznaje za poprawną, choć rzadko używaną (*st. w.* bardziej ulubiony, *rzad.* ulubieńszy); SJPBAŃ II: 109 zamieszcza formę *najpoczytniejszy* (najpoczytniejsza pozycja ostatnich lat).

2.2. Osobliwe czasowniki prefiksalne

Chodzi o cztery hasła czasownikowe, którym we współczesnym języku polskim odpowiadają inne prefiksy. Oto przykłady: *napędzić* (1) 'dopędzić' ŚKF 35 SJPD *przestarz.*; *odrysować* (1) 'narysować' ŚDM 51 SJPD; *pobudować* (2) 'zbudować' ŚDM 10, 52 SJPD rzad.; *spamiętać* (1) 'zapamiętać' ŚDM 65 SJPD. Są to archaizmy i właściwie kresowizmy frekwencyjne (formacja *pobudować* podtrzymywana pod wpływem błr. *пабудаваць* i ros. ***по**стро́ить*).

2.3. Osobliwości fleksji rzeczowników

Chodzi o dwa przykłady: mianownik lm r.m. *pn**i*** (1) ŚKF 64 – końcówka *-i* pod wpływem języka białoruskiego (zamiast ogólnopolskiego *-e*); dopełniacz lp r.m.: *mieszkaniec Mir**a*** ŚKF 6 (zamiast *Mir**u***).

2.4. Zaimek względny *który* użyty w dopełniaczu zamiast w bierniku

Przykład: *W nich to Chłopicki opisał dworek Mickiewicza, którego oglądał osobiście (...)* ŚDM 65.

2.5. Forma niemęskoosobowa imiesłowu przymiotnikowego zamiast męskoosobowej oraz forma męskoosobowa czasownika zamiast niemęskoosobowej

Przykłady: *(...) wyższa szkoła rabinacka, (...), do której zjeżdżają się synowie Izraela z całej Polski i z zagranicy, łaknąc**e** wiedzy religijnej* ŚKF 9; *A pni ich do widm podobne, zdają się strzec dusz, które w cieniu tego sosnowego lasku na wieki spocz**ęli*** ŚKF 64.

3. Składnia

Dwukrotnie autor użył podrzędnych zdań przydawkowych z *co* zamiast typowego w polszczyźnie ogólnej *który*. Przykłady: *Mury zamku są dziwne, złożone z nawarstwień kamieniami i cegły czerwonej, co rosły wiekami* ŚKF 11; *(...), a w starych ramach Najświętsza Pana* [Panna]*, co w Ostrej Świeci Bramie* ŚFK 66.

Rekcja bezprzyimkowa czasownika zamiast ogólnopolskiej rekcji przyimkowej. Przykład: *czekać rozkazu* 'czekać na rozkaz' ŚDM 49: *(...) i kilku sotni kozaków, którzy tylko czekali ulubionego rozkazu*. Model dosyć często realizowany w polszczyźnie północnokresowej: czasownik *czekać* + dopełniacz zamiast konstrukcji ogólnopolskiej: czasownik *czekać* + *na* + biernik; (zob. Lewaszkiewicz 2017: 375 – 376).

4. Wyrazy pojedyncze i połączenia wyrazowe (75)

4.1. Pojedyncze jednostki leksykalne (60)

4.1.1. Rzeczowniki (21): bramka (1) 'furtka' ŚDM 57: *(...) – dostęp do prywatnego dworku był utrudniony, gdyż bramka stale była zamknięta* – SJPD; **dziatki** (1) 'dzieci' ŚDM 13: *Matka zajmowała się gospodarstwem i wychowaniem „dziatek"* – SJPD *blp przestarz.* dziś *żart.*; **ganeczek** (1) 'ganek' ŚDM 10: *Prawdopodobnie był to jednak domek drewniany, pobielony z ganeczkiem wsparty na kolumienkach* – SJPD; **gimnazista** (1) 'gimnazjalista' ŚDM 48 – SJPD *przestarz.*; **grusza** (1) 'drzewo gruszy/gruszki' ŚKF 52 – SJPD, RIEGBRAS; **jagoda/jagody** (1) 'drobny mięsisty, soczysty owoc (np. truskawek, porzeczek, malin itd.)' ŚDM 13: *Potem w ogrodzie zrywał z krzewów słodkie jagody* – SJPD, RIEG-MAS-RUT, RIEGBRAS; **lamus** (1) 'rodzaj budynku do przechowywania zboża lub różnych przedmiotów' ŚDM 52 – SJPD; **mogiła** (1) 'grób' ŚKF 42 – SJPD, RIEG-MAS-RUT, RIEGBRAS; **mogiłki** (1) 'cmentarz' ŚDM 68: *Pochowany został na mogiłkach kobryńskich, tuż obok ojca i matki* – SJPD, RIEGBRAS; **możność** (1) 'możliwość' ŚDM 21 – SJPD; **mus** (1) 'przymus' ŚFK 65: *mus wewnętrzny* – SJPD; **napad** (1) 'atak, wtargnięcie do obcego kraju' ŚKF 12: *Najbardziej Mir ucierpiał podczas napadu Moskali* – SJPD; **nowina** (1) 'nowa wiadomość' ŚDM 28: *(...) wielką sprawił jej przyjemność, przynosząc tę nowinę* – SJPD; **obywatelstwo** (1) 'obywatele ziemscy' ŚDM 36: *Przy poparciu przyjaciół ojca i okolicznego obywatelstwa, Franciszek zostaje wybrany na rejenta nowogródzkiego* – SJPD, RIEGBRAS; **przestrach** (1) 'nagle powstały strach' ŚDM 48: *To też trzeba było widzieć przestrach **m**oskali* – SJPD; **przezwisko** (1) 'nazwisko' ŚKF 14: *(...) znany jest pod przezwiskiem „Sierotki"* – SJPD *daw.* 'nazwa, nazwisko'; **prząstka** (1) 'przędzenie' ŚDM 15: *Umiała ona na pamięć wiele baśni, legend i pieśni ludowych, które często śpiewała z dziewczętami przychodzącymi do Mickiewiczów na „prząstkę"*; **pud** (1) '16,38 kg' ŚKF 54 – SJPD, RIEG-MAS-RUT, RIEGBRAS; **tłomok** (1) 'pakunek podróżny, węzełek' ŚDM 30 – SJPD *przestarz.*, RIEGBRAS; **wrota** (1) 'brama, wielkie drzwi' ŚDM 11: *wrota wjazdowe* – SJPD, REIGBRAS; **zbliżenie** (1) 'bliskość' ŚDM 50: *Bijołtowa zachorowała b. poważnie na gorączkę i czując zbliżenie śmierci kazała sporządzić testament* – SJPD.

4.1.2. Przymiotniki[2] (15): dziecinny (3) 'dziecięcy' SDM 13, 18, 41: *(...), szukając latami zatartych śladów, któreby dziecinne jego lata przypominać mogły*, s. 41 – SJPD; **kredytorski** (1) 'kredytowy' ŚDM 38: *(...), Terajewicz prosił Bijołta, by konkurował w wykupie posesji Mickiewiczów z rąk kredytorskich*; **mogilny** (1) 'grobowy' ŚKF 64: *Te mogilne głazy* – SJPD *przestarz.*; **narośnięty** (1) 'porośniety' ŚKF 6: *(...) kościół mirski, narośnięty pyłem*; **obowiązany** (1) 'zobowiązany' ŚKF 60: *(...) każdy rzemieślnik obowiązany był wnosić do skrzyni cechowej po 3 grosze litewskie* – SJPD *przestarz.*; **odremontowany** (1) 'wyremontowany, odnowiony' ŚDM 59: *Odremontowany dworek Mickiewiczów* – SJPD, RIEGBRAS; **pamiętny** (1) 'zapamiętany, niezapomniany' ŚDM 70:

[2] W grupie tej znalazły się również przymiotniki, które są z historycznego punktu widzenia imiesłowami przymiotnikowymi.

(...), skąd wyruszył do Nowogródka, by zwiedzić miejscowości znane mu i pamiętne z opowiadań ojca – SJPD, RIEG-MAS-RUT; **pobielony** (1) 'pomalowany na biało' ŚDM 10: *Prawdopodobnie był to jednak domek drewniany, pobielony z ganeczkiem wsparty na kolumienkach* – SJPD; **porosły** (1) 'porośnięty' ŚKF 64: *Na cmentarzu można spotkać gdzieniegdzie mchem brodatym porosły krzyż drewniany* – SJPD; **przyległy** (1) 'przylegający' ŚDM 49/50: *Spłonęło jeszcze kilka innych budynków przyległych* – SJPD; **przyswojony** (1) 'udomowiony' ŚDM 14: *Ze zwierząt przyswojonych, zasłużył on na szczególną pamięć Adama*; **rozrośnięty** (1) 'rozrosły' ŚDM 8: *Aleja wiodąca do domu wysadzona jest bujnie rozrośniętymi krzewami* – SJPD; **wiadomy** (2) 'znany' ŚKF 45, 50: *Wiadomym było, że (...)*, s. 45 – SJPD; **wyniosły** (1) 'wysoki' ŚDM 40: *wyniosłe topole* – SJPD; **zabarwiony** (1) 'mający jakąś barwę' ŚDM 11: *(...) było dużo kwiatów, ładnie wyrośniętych, pięknie zabarwionych i mile pachnących* – SJPD.

4.1.3. Przysłówki (5): bujnie (1) 'mocno, nadzwyczaj' ŚDM 8: *Aleja wiodąca do domu wysadzona jest bujnie rozrośniętymi krzewami* – SJPD; **ładnie** (1) 'bardzo, znacznie' ŚDM 11: *(...) ogródek kwiatowy, w którym było dużo kwiatów, ładnie wyrośniętych* – SJPD; **onczas** (1) 'wówczas' ŚDM 21: *W domu Mickiewiczów zbierała się onczas cała miasteczkowa elita*; **ongi** (1) 'kiedyś' ŚKF 14: *(...) stał ongi kościółek drewniany* – SJPD 1. *książk.*; **silnie** (1) 'mocno; bardzo' ŚKF 41: *(...), silnie uszkodzona* – SJPD, RIEGBRAS (*silno* 'mocno, bardzo').

4.1.4. Czasownik (19): ciekawić się (1) 'interesować się' ŚDM 65: *(...) i jego losem się ciekawił*; **grzać się** (1) 'ogrzewać się' ŚDM 27: *Na ulicach Nowogródka rozpalono ogniska, przy których się wojsko grzało* – SJPD; **kryć się** (1) 'ukrywać się, chować się' ŚKF 64: *(...) na piasczystym wzgórzu w lasku sosnowym, kryje się cichy katolicki cmentarz* – SJPD; **obrócić** (1) 'zmienić' ŚKF 48: *Gdy kościół obrócono na cerkiew*; **odmurować** (1) 'odbudować' ŚDM 51: *(...) odmuruje dom* – SJPD 2. *przestarz.*; **pochlubić się** (1) 'pochwalić się' ŚDM 16: *(...) pochlubić się mogę, że sławnego poetę polskiego Adama Mickiewicza czytać uczyłem* (Pawłowicz, *Wspomnienia*, s. 421) – SJPD; **posmutnieć** (1) 'zasmucić się' ŚDM 18: *Na wieść o chorobie chłopca wszyscy posmutnieli* – SJPD; **prażyć** (1) 'grzać, dokuczać gorącem' ŚDM 49: *(...) – zrzucił płaszcz, bo już od ognista zanadto prażyło* – SJPD; **przebyć** (1) 'przeżyć' ŚDM 69: *Przebył w Łukowie lat dwadzieścia siedem* – SJPD; **przepisywać się** (1) 'przechodzić, zmieniać wyznanie' ŚKF 64: *(...) – chętnie przepisują się na katolicyzm*; **przypatrywać się** (1) 'przyglądać się' ŚDM 69: *Franciszek* [Mickiewicz] *bardzo tęsknił za rodzinnym Nowogródkiem. Przed śmiercią kazał sobie podać fotografię Nowogródka i długo, ze łzami w oczach jej się przypatrywał* – SJPD; **przytykać** (1) 'przylegać' ŚDM 48: *Do niej przytykała kuchnia* – SJPD; **strwożyć się** (1) 'przestraszyć się' ŚDM 49: *(...) – tylko po strzale znać, że się strwożył* – SJPD; **trzymać się** (1) 'przebywać, żyć' ŚDM 14: *Lis długo się trzymał w domu, najporządniej się prowadząc* – SJPD; **walać się** (1) 'tarzać się po ziemi, leżeć gdzie popadnie' ŚKF 26: *Tablica (...) wrzucona do piwnicy plebanii, gdzie walała się potrzaskana w zapomnieniu* – SJPD, RIEG-MAS-RUT; **wysypać się** (1) 'pojawić się w wielkiej liczbie' ŚDM 48/49: *Uderzono na trwogę, wysypały się wojska*

na plac – SJPD; **zajadać** (1) ‘jeść ze smakiem’ ŚDM 12: *Raz siedział na ganku, zajadał porcję chleba z masłem* – SJPD; **zmówić się** (1) ‘porozumieć się, dogadać się, umówić się’ ŚDM 14: *Zmówili się w końcu synowie Izraela i złapawszy złodzieja na gorącym uczynku, zamordowali* – SJPD, RIEGBRAS; **znać** (1) ‘poznać; wiedzieć’ ŚDM 49: *(...) – tylko po strzale znać, że się strwożył* – SJPD, RIEG-MAS-RUT, RIEGBRAS.

4.1.5. Wyrażenia (2): ogródek kwiatowy (3) ŚKF 10, 11, 48: *(...), w małym ogródku kwiatowym wznosi się pomnik Tadeusza Kościuszki*, s. 10; **ogród warzywny i owocowy** (1) ŚDM 48.

4.1.6. Zwroty (13): czynić pierwsze ścieżki (1) ‘dokonywać odkryć’ ŚFK 8: *Przekonany jednak jestem, iż czynię pierwsze ścieżki po okolicach*; **łamać głowę/głowy** (1) ‘intensywnie zastanawiać się’ ŚDM 19: *Kiedy panie, podczas kwesty łamały głowy nad sposobem zdobycia funduszów na rzecz pogorzelców, dwunastoletni Adam, przejęty litością napisał „odę o pożarze”*; **nabrać ceny** (1) ‘stać się drogim’ ŚDM 39: *(...), że dom ten, jako dom rodzinny Adama Mickiewicza, nabrał wielkiej ceny*; **położyć zasługi** (1) ‘zasłużyć się’ ŚKF 68: *(...), jako bezpośredni organizator odrodzonej parafii położył kolosalne zasługi w dziele pozyskania starodawnego kościoła*; **porobić umowy** (1) ‘zawrzeć umowy’ ŚDM 51/52: *(...), i tu na miejscu porobił odpowiednie umowy z rzemieślnikami*; **robić najazdy** (1) ‘dokonywać wypadów’ ŚDM 14: *Miał to być wierny przyjaciel domowy* [lis – T.L.], *używający wszelkiej swobody, ale w nocy ciągle robił najazdy na kurniki żydów nowogródzkich*; **schodzić ze świata** ‘umrzeć’ ŚDM 34: *W tym czasie dzierżawca dworku Mickiewiczów – aptekarz, schodzi nagle z tego świata*; **urządzić muzeum** (1) ‘zorganizować muzeum’ ŚDM 55: *Dnia 10 maja 1930 r. na posiedzeniu komitetu postanowiono urządzić w Nowogródku muzeum mickiewiczowskie;* **używać swobody** (1) ‘mieć swobodę, cieszyć się swobodą’ ŚDM 14: *używający wszelkiej swobody*; **używać zabaw** (1) ŚDM 16: *W godzinach wolnych od nauk używał młody Adam zabaw swego wieku*; **wyjść na emeryturę** (1) ‘przejść na emeryturę’ ŚDM 39: *Kiedy w roku 1858 wyszedł na emeryturę (...)*; **zabawiać się w teatr** (1) ‘urządzać przedstawienia teatralne’ ŚDM 17: *Kiedy zimą zabawiano się w teatr, z nastaniem wiosny powracano do zabaw, naśladując wojnę*; **zażywać sławy** (1) ‘cieszyć się sławą’ ŚDM 40: *(...), że Bijołtowi nie chodziło o „spekulację”, bowiem wtenczas nie zażywał jeszcze takiej sławy Adam Mickiewicz.*

*

Dwa teksty książkowe A. Śnieżki poświadczają w zakresie fonetyki, morfologii i składni niewiele typowych kresowizmów oraz kresowizmów frekwencyjnych. Gdy chodzi o jednostki leksykalne, tego typu przykładów jest znacznie więcej, ale niemal wszystkie poświadczone są tylko jednokrotnie. Osobliwość zaprezentowanej leksyki polega głównie na tym, że są to wyrazy wychodzące z użycia w okresie międzywojennym oraz późniejszym – na kresach północno-wschodnich chyba dłużej używane powszechnie lub przynajmniej idiolektalnie jako w pełni żywotne jednostki leksykalne.

A. Śnieżko również po 1945 r. publikował książki i artykuły. Przejrzałem dwa jego druki zwarte pod kątem ewentualnej obecności cech „kresowych" lub archaicznych. Oto ich tytuły: *Ekslibrisy filatelistyczne* (Wrocław 1957); *Stanisław Mikstein. Nestor polskiej filatelistyki* (Wrocław 1958).

W pierwszym tekście na odnotowanie zasługuje kilka kwestii, które mogą być związane z północnokresowym życiorysem językowym autora. Kilka razy A. Śnieżko stosuje rekcję niezgodną z normą ogólnopolską: czasownik *używać* + biernik zamiast dopełniacza: *używać rysunek* 'używać rysunku': *Ten sam rysunek i układ używa muzeum na swych blankietach firmowych i kopertach*, s. 42; *Ten sam rysunek paryskie Muzeum używa na swoich blankietach firmowych*, s. 44 (oprócz tego poświadczenie *używać rysunek* na s. 38); *używać znak* 'używać znaku': *Ten sam znak muzeum używa na blankietach firmowych i kopertach*, s. 46. Ale na s. 42 poświadczona jest poprawna struktura z czasownikiem *używać*: *Muzeum belgijskie używa oryginalnego exlibrisu*.

Niezgodne z normą ogólnopolską jest także użycie biernika zamiast dopełniacza po czasowniku zaprzeczonym: *(...), nie zaprzestał gorąco popierać ten projekt swym wybitnym wpływem*, s. 42.

Osobliwy jest zwrot *posłużyć wzorem* 'posłużyć jako wzór': *Ciekawe, że na powstanie belgijskiego muzeum posłużyło wzorem polskie muzeum pocztowe w Warszawie*, s. 42.

Za osobliwe hasła wyrazowe uważam następujące wyrazy: *możność* (s. 42) 'możliwość', *upiększenie* (s. 9) 'ozdoba': *(...), exlibris zawiera motywy rysunkowe, jest więc nadto upiększeniem książki*, s. 9.

W drugim tekście nie zauważyłem osobliwości językowych wartych odnotowania.

Po drugiej wojnie światowej A. Śnieżko wyzbył się z pewnością większości swoich szeroko rozumianych cech kresowych. Być może usuwali je również z jego drukowanych tekstów redaktorzy i korektorzy wydawnictw. Czasem jednak autor nie potrafił przezwyciężyć niektórych przyzwyczajeń językowych. Takich przykładów jest z pewnością znacznie więcej w licznych powojennych publikacjach A. Śnieżki.

SŁOWNIKI

ISJBAŃ: BAŃKO, M. (red.): *Inny słownik języka polskiego PWN.* T. 1 – 2. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2000.

NSPP: MARKOWSKI, A. (red.): *Nowy słownik poprawnej polszczyzny PWN*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999.

RIEG-MAS-RUT: RIEGER, J., MASOJĆ, I., RUTKOWSKA, K.: *Słownictwo polszczyzny kresowej na Litwie*. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2006.

RIEGBRAS: RIEGER, J.: *Słownictwo polszczyzny gwarowej na Brasławszczyźnie*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe SUB LUPA, 2014.

SJPDOR: DOROSZEWSKI, W. (red.): *Słownik języka polskiego*. T. 1 – 11. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1958 – 1969.

LITERATURA

DWILEWICZ, B.: *Język mieszkańców wsi Bujwidze na Wileńszczyźnie*. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 1997.

GRZEGORCZYKOWA, R., LASKOWSKI, R., WRÓBEL, H.: *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1984.

HANDK, K.: O regionalizmie frekwencyjnym, Studia Polonistyczne, 1986/1987, 14 – 15, s. 71 – 76.

KARAŚ, H. (red.; autorki: KARAŚ, H., RUTKOWSKA, K., GEBEN, K., UŠINSKIENĖ, W.): *Język polski na Kowieńszczyźnie. Historia. Sytuacja socjolingwistyczna. Cechy językowe. Teksty*. Warszawa–Wilno: Dom Wydawniczy ELIPSA, 2001.

KURZOWA, Z.: *Język polski Wileńszczyzny i kresów północno-wschodnich XVI–XX w.* Warszawa-Kraków: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1993.

LEWASZKIEWICZ, T.: *Język powojennych przesiedleńców z Nowogródka i okolicy*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2017.

MĘDELSKA, J.: *Język polski prasy wileńskiej (1945 – 1979)* – T. 1: *Wileńska prasa i jej twórcy* (1999), T. 2: *Lata 1945–1959* (2000), T. 3: *Lata 1960–1979* – cz. 1 (2001), cz. 2 (2004). Bydgoszcz: Wydawnictwo Akademii Bydgoskiej im. Kazimierza Wielkiego, 1999 – 2004.

ŚNIEŻKO, A.: *Kościół farny w Mirze*. *Szkic monograficzny 1587-1937*. Lida: Nakładem Wydawnictwa „Ziemi Lidzkiej", 1937.

ŚNIEŻKO, A.: *Dworek Mickiewiczowski w Nowogródku*. Lida: Nakładem Wydawnictwa „Ziemi Lidzkiej", 1939.

ZDANIUKIEWICZ, A. A.: *Gwara Łopatowszczyzny. Fonetyka, fleksja*, *słownictwo*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1972.

ŻMIGRODZKI, J.: *Nowogródek i okolice.* Wilno: Nakładem Nowogródzkiego Oddziału Polskiego Towarzystwa Krajoznawczego (wyd. III), 1931.

SOME STUDIES ON THE LANGUAGE OF NOWOGRÓDEK LITERATURE IN THE INTER-WAR PERIOD. 2. THE LANGUAGE OF ALEKSANDER ŚNIEŻKO

Abstract: The basis for the article are Śnieżko's two books dated 1937 and 1939, in which the author discusses North Eastern Borderlands language features related to phonetics, declension, syntax and lexicon, including frequency lists of Borderlands Polish vocabulary and various kinds of archaisms. After the Second Word War, Borderlands Polish characteristics are much rarer in Śnieżko's texts.

Key words: Aleksander Śnieżko, North Eastern Borderlands Polish, Nowogródek literature in the inter-war period.

Stanislava Šuščáková
Ústav jazykových kompetencií, Centrum celoživotného a kompetenčného vzdelávania, Prešovská univerzita v Prešove, Prešov (Slovensko)

SVIATKY POMENOVANÉ PODĽA SVÄTCOV ZIMNÉHO OBDOBIA

Anotácia: V príspevku sa venujeme sviatkom pomenovaným podľa známych svätcov, ktoré sa slávia na prelome jesenného a zimného obdobia (sv. Martin, sv. Katarína, sv. Ondrej, sv. Barbora, sv. Mikuláš a sv. Lucia) na Slovensku, v Poľsku a v Rusku. Venujeme sa jednotlivým pomenovaniam týchto sviatkov a zvykom s nimi spojenými. Základnou bázou sú pomenovania v slovenčine. Jazykové pomenovania najprv situujeme v kultúrnom kontexte. K príslušným slovenským sviatkom hľadáme poľské a ruské ekvivalenty, s prihliadnutím na pravoslávnu vieru v Rusku. Zameriame sa aj na sviatky, resp. zvyky, ktoré sú špecifické pre jednotlivé národy a sú reprezentované tzv. bezekvivalentnou lexikou.

Kľúčové slová: sviatky, zimné zvykoslovné obdobie, pomenovania.

Úvod

Zima bola pre našich predkov preplnená rôznymi zvykmi, obradmi a úkonmi (Horváthová 1986; Mintalová Zubercová 2015; Nádaská 2012; Nej 2011; Nekrylova – Šangina 2015; Zabylin 2014; Szczypka 1984; Szymanderska 2003 a i.). Zahŕňala predvianočné obdobie, adventný pôst, začiatok cirkevného roka i obávané stridžie dni. Všetko sa začalo na konci jesene a na začiatku zimy, keď predlžovanie nocí a skracovanie dní odpradávna vyvolávalo v našich predkoch obavy a strach zo zlých, škodlivých démonov, ktorí dokážu zvíťaziť nad blahodarným slnkom. Dominantou tejto etapy bol zimný slnovrat. Oddávna bol koniec jesene a začiatok zimy, keď sa noci výrazne predlžovali na úkor denného svetla, považovaný za čas, v ktorom nadobúda prevahu zlo nad dobrom, škodliví démoni nad životodarným slnkom. Predstavy o narastajúcej aktivite nepriaznivých síl, ktorú podporovala temnota, vyvolávali v ľuďoch pocity úzkosti a strachu a následne potom úsilie čeliť domnelému nebezpečenstvu. Pomocou rôznych ochranných prostriedkov, za ktoré považovali určité predmety, rastliny, magické znaky a symbolické úkony realizované často v maskách, chceli odohnať zlé sily zo svojho okolia. Samotný slnovrat, symbolizujúci znovuzrodenie slnka, bol považovaný za počiatok novej etapy. Predchádzali mu početné rituálne úkony, ktoré mali podporiť priaznivý priebeh tejto etapy.

Zimné obdobie sa nezačínalo na celom našom území rovnako. V severnejších oblastiach sa dal očakávať prvý sneh už v polovici novembra, inde až začiatkom decembra. Kým v podhorských oblastiach Slovenska sa hovorievalo, že *Martin* (11. november) príde na bielom koni, pre južnejšie položené oblasti platila pranostika, ak je *Katarína* (25. novembra) na ľade, Vianoce budú na blate. Táto skutočnosť sa odrazila aj vo výročnom zvykoslovnom cykle, ktorého zimná časť sa začínala skôr v severnejších oblastiach ako v južných. Pre roľníkov znamenal príchod zimy nielen zmenu v charaktere práce, ale do značnej miery aj v spôsobe života, ktorého ťažisko sa prenieslo z voľných priestranstiev pod strechu domu. Popri bežnej činnosti sa pozornosť sústreďovala na práce sezónneho charakteru, ako boli oprava a zhotovovanie rôzneho náradia, pradenie, tkanie, šitie, páranie peria, zakáľačky

a niektoré ďalšie, ktoré znamenali súčasne príležitosť na vzájomné stretávanie sa susedov, príbuzných, rovesníkov a známych. Ženy a dievčatá sa pravidelne stretávali na priadkach. Dni, v ktorých sa podľa poverových predstáv nesmelo priasť, sa využívali na ľúbostné čary, spoločné zábavy, hry a tance s účasťou mládencov. Priadky trvali od novembra do jari.

V našom príspevku sa budeme venovať jednotlivým sviatkom zimného obdobia podľa poradia v kalendári, ale najprv sa pristavíme pri spoločných črtách platných pre všetky sviatky.

Etymológia pomenovaní

Ak sa pozrieme na samotné pomenovania, vidíme, že všetky sviatky sú pomenované podľa svojich patrónov. Mená svätcov sú latinského a gréckeho pôvodu. Latinský pôvod majú mená *Martin* (poľská podoba *Marcin*, ruská *Мартин, Мартын*) z lat. *Martinus* s významom *zasvätený rímskemu bohovi Marsovi, bojovný* a *Lucia* (poľská podoba *Łucja*, ruská *Люсия*) z lat. *Lucius*, *svetlý, žiariaci* (z *lux – svetlo*). Grécky pôvod majú mená *Katarína* (poľská podoba *Katarzyna*, ruská *Екатерина*) z gréc. *katharos – čistý, mravný*; *Ondrej* (slovenská podoba aj *Andrej*, poľská *Andrzej*, stará poľská podoba *Jędrzej*, ruská podoba *Андрей*) z gréc. *Andreas*, *statný, mužný, odvážny*; *Barbora* (poľská podoba *Barbara*, ruská *Варвара*) z gréc. *barbaros*, *cudzinec, ten, kto nezrozumiteľne rozpráva*; a meno *Mikuláš* (poľská podoba *Mikołaj*, ruská *Николай*) s gréc. *Nikoláos – víťaziaci medzi ľuďmi, víťaz*.

Slovenská podoba mena	**Poľská podoba mena**	**Ruská podoba mena**	**Pôvod a význam**
Martin	Marcin	Мартин, Мартын	z lat. *Martinus* s významom *zasvätený rímskemu bohovi Marsovi, bojovný*
Katarína	Katarzyna	Екатерина	z gréc. *katharos* s významom *čistý, mravný*
Ondrej, Andrej	Andrzej, Jędrzej	Андрей	z gréc. *Andreas* s významom *statný, mužný, odvážny*
Barbora	Barbara	Варвара	z gréc. *barbaros* s významom *cudzinec, ten, kto nezrozumiteľne rozpráva*
Mikuláš	Mikołaj	Николай	s gréc. *Nikoláos* s významom *víťaziaci medzi ľuďmi, víťaz*
Lucia	Łucja	Люсия	z lat. *Lucius* s významom *svetlý, žiariaci* (z *lux – svetlo*)

Dané vlastné mená sú zväčša doplnené o substantívum *deň* alebo *sviatok (dzień, święto, день, праздник)*, napr. *deň sv. Martina*, *dzień św. Łucji, Екатеринин день, Праздник Николая*

Чудотворца. V hovorovom jazyku sa na označenie sviatku často používa iba samotné vlastné meno (napr. *Andrzejki* či *Варвара*). Osobitný druh pomenovaní nachádzame v oblastiach s rusky hovoriacim obyvateľstvom. Častokrát sa tam na pomenovanie sviatku užíva spojenie vlastného mena a prívlastku, napr. *Никола Зимний, Андрей Осенний.* Tieto prívlastky označujú nejakú vlastnosť daného dňa alebo odlišujú viacero sviatkov s rovnakým vlastným menom. Často sa k menám pripája substantívum *mučeník*, *mučenica*. Podobu pomenovania si priblížime pri opise jednotlivých sviatkov.

Zimné sviatočné dni môžeme ďalej rozdeliť na dve skupiny. Do prvej skupiny zaraďujeme sviatok sv. Martina a sviatok sv. Lucie, ktoré sú obľúbené a rozšírené najmä v oblastiach s katolíckym či evanjelickým obyvateľstvom. Ostatné sviatočné dni sú zastúpené rovnako v katolíckych ako aj v pravoslávnych oblastiach. Začneme zvykmi spoločnými pre všetky sviatky.

Spoločné znaky všetkých zimných sviatkov

Stridžie dni

Zvyky a špecificky limitované normy správania v zimnej etape výročného cyklu sa začínali na Katarínu (25. novembra), viazali sa ďalej k dňom Ondreja (30. novembra), Barbory (4. decembra), Mikuláša (6. decembra), Lucie (13. decembra) a Tomáša (21. decembra). V uvedených dňoch sa predpokladala zvýšená aktivita nepriaznivých síl, no časom sa táto predstava zredukovala na povery o škodlivej činnosti stríg, preto sa spomenuté dni označovali aj ako *stridžie*. Podľa predstáv ľudu v predchádzajúcich storočiach sa strigy usilovali vniknúť predovšetkým do stajní, aby odobrali kravám mlieko. Pretože po tieto dni nikto žiadnu ženu, s výnimkou domácich, do stajne nepustil, strigy využívali svoje schopnosti premeniť sa na niektoré zviera, obvykle to mala byť mačka, aby sa tak v nestráženom okamihu dostali k dobytku.

Strigy mohli škodiť aj iným spôsobom. Stačilo, ak sa im v niektorých z uvedených dní podarilo včasráno získať ľubovoľný predmet z gazdovstva, ktorému chceli uškodiť. Pretože v spomínané dni nikto nikomu nič nedal, nepožičal ani nepredal, vzali niečo tajne, preto každú ženu, ktorá v takýto deň prišla do domu, pri odchode vyprevadili až na koniec dvora. Táto predstava prispela k sformovaniu presvedčenia, že ktorákoľvek osoba ženského pohlavia, ak príde po tieto dni do domu ako prvý návštevník, prináša domu škodu, a to aj vtedy, ak vôbec nemala takýto úmysel. Čím viac sa ľudia obávali príchodu ženy, tým vítanejší bol ako prvý hosť muž.

Počas týchto dní bolo zakázané vykonávať ťažkú prácu a ženské ručné práce (najmä pradenie, tkanie a šitie). Porušenie zákazu ženských prác a ranných návštev žien malo mať za následok hnisanie prstov v čase letných prác a rozbíjanie riadu po celý rok. Preto na Slovensku chodili po domoch chlapci s krátkymi vinšmi, aby sa riad nerozbíjal. V pravoslávnej oblasti sa dodržiaval pôst a zákazy platili až do Vianoc alebo do nového roka. Z domov sa nič nepožičiavalo a na ochranu pred nečistými silami sa používalo veľa cesnaku.

Ľúbostná mágia

Zimné sviatočné dni boli bohaté na veštby o vydaji, menej o ženbe. Tieto veštby vychádzali z predstavy, že osud človeka je v základných smeroch určený hneď po jeho narodení a že každé dievča, ktoré sa raz vydá, má osudom určeného muža, rovnako ako muž má svoju osudom určenú ženu. Prostredníctvom určitých magicko-veštebných úkonov je možné zistiť o budúcom partnerovi a manželstve niektoré údaje, pravda, len vtedy, ak sa príslušné úkony realizujú vo vhodnom čase. Tým boli práve spomínané stridžie dni. Veštilo sa rôznymi spôsobmi, ktoré si priblížime pri opise jednotlivých sviatkov.

Sviatok sv. Martina

Sviatok sv. Martina 11. novembra, 24. novembra podľa juliánskeho kalendára, by mal podľa kalendára patriť medzi jesenné sviatky, ale po stáročia ho ohlasujúci sa prvý sneh, mráz a chladné rána priradili na začiatok zimy. Preto sa o tomto dni hovorí, že Martin prichádza na bielom koni a pranostiky sú spojené s nástupom zimy. Tento sviatok (*sviatok svätého Martina, deň svätého Martina, dzień świętego Marcina, Мартынов день)* je populárny najmä v oblastiach s rozšíreným katolíckym náboženstvom, u pravoslávnych na tento deň pripadá iný sviatok – *Фёдор Студит*. Zvyky na Slovensku a v Poľsku sú takmer rovnaké, preto ich uvádzame spoločne.

V tento deň sa končilo pasenie na holiach, obecní pastieri zháňali dobytok do dedín, chodili po domoch so zelenými vetvičkami alebo prútmi, ktoré sa volali *marcin* (v poľštine *marcinka)* a domácim želali šťastie, zdravie a rozmnoženie statku. Domáci si tento prútik potom ponechali do jari a vyháňali ním prvýkrát dobytok na pašu. S týmto zvykom sa stretávame aj počas sviatkov sv. Ondreja a sv. Lucie. Za vinšovanie dostávali pastieri výslužku v podobe koláčov v tvare podkovy (*martinské rožky, podkovy, rogale marcińskie,* ***rogaliki marcińskie,*** *рожки святого Мартина, рогалики святого Мартина*, *Мартынов рог)*, alebo v tvare pastierskej trúby (*roháče*). Rozdávali sa aj chudobným ľuďom ako pamiatka na sv. Martina, ktorý rád obdarúval biednych. V tento deň sa končila aj ročná služba a mzdu a výslužku dostávali aj sluhovia a slúžky zjednaní na jeden rok.

Sviatok sv. Martina bol v období feudalizmu aj dňom poddanských dávok zemepánovi. Traduje sa, že sa ako naturálna dávka odovzdávali husi. Husi už boli dobre vykŕmené a piekli sa na hody alebo v najbližšiu nedeľu po Martinovi. Tradičným jedlom teda bola pečená hus (***pieczona gęś****, печеный гусь*), ktorá sa zajedala martinskými rožkami a zapíjala svätomartinským vínom (*świętomarcińskie wino*). Podľa hrudnej kosti pečenej husi sa veštilo počasie počas nasledujúcej zimy.

V mnohých mestách a dedinách sa o takomto čase konali výročné trhy a jarmoky. Rovnako sa týmto dňom končili práce na poli, úroda už bola pozbieraná, končil sa rybolov a konali sa zabíjačky.

Sviatok sv. Kataríny

Svätá Katarína je veľmi obľúbená svätica, v katolíckom kalendári sa jej sviatok slávi 25. novembra a v pravoslávnom 7. decembra. Pomenovania sviatku sú: *deň sv. Kataríny, sviatok sv. Kataríny, dzień św. Katarzyny, День святой Екатерины, Екатерина, Екатеринин день, Екатерина день, Екатерина-Мученица, Екатерина-Грязнуха* či *Екатерина-Санница*. Posledné dve pomenovania vyjadrujú príchod zimy a začiatok používania saní ako dopravného prostriedku.

25. november bol v ľudových predstavách prvý stridží deň, začiatok zimy. V tento deň platili rovnaké zákazy ako počas iných stridžích dní. Konali sa posledné tanečné zábavy, v mestskom a baníckom prostredí posledné bály pred adventom.

Sv. Katarína je patrónkou neviest a slobodných dievčat, preto sa v tento deň vykonávala bohatá ľúbostná mágia. V Poľsku sa do konca 19. storočia zachoval „mužský sviatok“ nazývaný *katarzynki*. Je to protiklad „ženského sviatku“ na Ondreja, *andrzejok*. Patrí medzi predadventové zábavy počas dlhých jesenných večerov v čase pred zimným slnovratom, keď sa už skončili práce na poli a slabnúce slnko spolu s nastupujúcou tmou vytvárali vhodný priestor pre kontakt s magickými silami. Pri tomto veštení sa na večer chlapci schádzali v izbe, rôznymi spôsobmi veštili, pričom recitovali veršík, akési zaklínadlo, ktoré malo umocniť silu čarovania.

No nielen chlapci chceli o svojom osude vedieť viac. Slobodné dievčatá v noci na Katarínu veštili manžela. Obľúbená bola vetvička višne postavená do vody, ak vykvitla do Vianoc alebo do dňa sv. Melánie (14. januára – teda na pravoslávny nový rok), svadba sa dala očakávať.

Keďže už nastúpila zima, zmenili sa koče na sane a v oblastiach s rusky hovoriacim obyvateľstvom sa v tento deň usporadúvali sánkovacie slávnosti – *Екатеринские гулянья* – či už to bola jazda na saniach s konským záprahom alebo spúšťanie sa na sánkach dole kopcom.

Sv. Ondrej

Ďalším zo série stridžích dní bol deň Ondreja, ktorý pripadá na 30. novembra, v pravoslávnej oblasti na 13. decembra. Pomenovania sviatku sú: sviatok sv. Ondreja, deň sv. Ondreja, dzień św. Andrzeja, Andrzej, Andrzejki, stará poľská podoba *Jędrzejki* či *Jędrzejówki*, *Андре́ев день, Андрей, Андрей Осенний, Андрей Первозванный.* U pravoslávnych pochádza posledný menovaný názov sviatku od mena apoštola Ondreja, ktorý podľa tradície prvý priniesol do ruských zemí kresťanstvo.

V predvečer Ondreja sa jedlo menej cesnaku ako v predvečer iných dní tejto kategórie. Na deň sv. Ondreja sa začínal cyklus zimných obradov, ktorý trval až do Nového roka. Zvyky na Ondreja sa pomerne výrazne orientovali k slnovratu a k nemu patriacemu zimnému novoročiu. Už v tento deň sa stretávame s predstavami a úkonmi, ktoré sa na väčšej časti nášho územia realizovali v niektorý z neskorších dní. Prelínalo sa v nich pohanské s kresťanským.

Aj v tento deň (ako aj na Martina) pastieri chodili na obchôdzky alebo na tzv. koledu. Gazdovia, keď chceli mať dobrú úrodu ovocia, triasli ploty na záhradkách. V oblastiach, kde sa používala ruština počúvali ľudia vodu (*слушали воду*) a podľa toho, či hučala alebo tiekla ticho, predpovedali počasie na zimu. Menší chlapci chodili po domoch aj s oceľou. Oceľovanie, či chodenie s oceľou, bola predvianočná alebo vianočná obchôdzka vinšovníkov – malých chlapcov s kúskom železa alebo s kameňom, ktoré symbolizovali zdravie a silu. Obchôdzka bola rozšírená do polovice 20. storočia na strednom Slovensku. Oceľovať sa chodilo aj na Barboru a Luciu.

Celoslovenskú platnosť mal v deň Ondreja zákaz pradenia, chlapi sa báli ísť na Ondreja rúbať do hory drevo, lebo verili, že by ich strom privalil. Z domu, v ktorom mali Ondreja, nechceli nič požičať, pretože by ich vraj postihla škoda na majetku.

Deň Ondreja bol predovšetkým bohatý na veštby o vydaji, pretože Sv. Ondreja pokladali za patróna neviest. Svätoondrejská noc bola popri štedrovečernej na takéto aktivity najviac vhodná. V predvečer Ondreja sa síce nepriadlo, no dievčatá sa zišli ako obvykle. Niekde párali aj perie, častejšie však jediným cieľom ich stretnutia boli rôzne *čary* (*wieczór wróżb*, *девичье гадание*).

V Poľsku sa v predvečer sviatku sv. Andreja konali *Andrzejki*, *Jędrzejki*, *Jędrzejówki* (v 17. – 18. storočí sa používala forma *Jędrzej*), *Andrzejkowe wróżby* či *Wieczór andrzejkowy*. Tento deň pripadá na koniec, resp. začiatok liturgického roka, tak boli *andrzejki* poslednou príležitosťou na organizovanie hlučných zábav pred začínajúcim adventom. Tento sviatok je akoby ženským protipólom sviatku *katarzynki*, má výlučne ľúbostný charakter, veštby sú zamerané na lásku a manželstvo, a určený bol len pre slobodné dievčatá. *Andrzejki* sa tešili veľkej úcte. Najprv sa veštby konali individuálne, neskôr sa zmenili na spoločné.

Sv. Barbora

Sviatok sv. Barbory sa oslavuje 4. decembra, podľa juliánskeho kalendára 17. decembra. Pomenovania sviatku sú: *deň sv. Barbory*, *Barbórka, Barburka*, *Варвара, Варварин день, Варвара-Великомученица, Варвара-Мученица, Варварея, Варварея-Мученица, Варварея-Мучительница.* Na väčšine Slovenska prebiehal deň Barbory ako iné dni. Väčšej úcte sa tešila Barbora medzi baníkmi, ktorí ju považovali za svoju patrónku. Na jej deň sa v stredoslovenských banských oblastiach konali slávnostné sprievody a omša s oferou; baníci jej prejavovali úctu pred každým sfáraním a po vyfáraní. V Poľsku sa tento deň oslavoval a oslavuje pod názvom *Dzień Górnika*.

V tradičnej roľníckej kultúre sa deň Barbory chápal ako jeden zo stridžích dní – platil zákaz ranných návštev žien, pradenia, šitia, párania peria. Po domoch, najmä tam, kde boli zídené priadky, chodili večer „*Barborky*“. Boli to dievčatá alebo ženy (neskôr i muži) oblečené do bielych šiat so šatkou cez tvár, aby ich nebolo poznať. V ruke mali štetku alebo metlu a husacie krídlo. S podobným zvykom sa stretávame aj na deň sv. Lucie.

Vo veľkej miere sa praktizovali zvyky spojené s ľúbostnou mágiou. Začínali sa na Katarínu, pokračovali na Ondreja a ďalej na Barboru. Dievčatá dávali do vody púčkovať

halúzky z ovocných stromov (*barborky*). Ak do Štedrého dňa alebo Nového roka vykvitli, veštilo to vydaj, lásku.

V pravoslávnych oblastiach je sviatok sv. Barbory dôležitý rituálny deň a pokladá sa za začiatok veľkého sviatku sv. Mikuláša. Sv. Barbora, Sáva a Mikuláš (Nikolaj) tvoria akýsi „trojsviatok" s veľkými oslavami. V predvečer sviatku sv. Mikuláša sa slávi tzv. *nikoľščina (никольщина)*. V. I. Daľ uvádza, že slovesá *варварить*, *саввить* sú synonymami *кутить, гулять, пить* (Daľ 1955).

Sv. Mikuláš

Deň pomenovaný podľa sv. Mikuláša sa slávi 6. alebo 19. decembra. V rusky hovoriacich oblastiach je to posledný veľký sviatok v odchádzajúcom roku. Pomenovania sviatku sú: *deň sv. Mikuláša*, *Mikołaj, Mikołajki, Никола, Никола Зимний, Никола Зимней, Никола Зимной, Никола Зимняя, Никола Морозный, Никола-Святитель, Никола-Святитель Зимний, Никола Студеный, Никола Холодный, Николай, Николай Зимний, Николин день, Николин день Зимний, Николов день, Никольдень, Никольин день Зимний, Никольщина.*

V tradičnej kultúre jeden zo stridžích dní. Ľudia sa začali pripravovať na vianočné sviatky, robili zabíjačky, nakupovali rôzny tovar; mládež si pripravovala kostýmy a masky na sviatočné hry.

Zaujímavý vývoj majú mikulášske zvyky. Počiatkom stredoveku už v prvej polovici decembra prebiehali v celej Európe predslnovratové obyčaje, ku ktorým patrila výmena darov a najmä rôzne sprievody masiek. Cirkev v úsilí nahradiť starší kult, na ktorý nadväzovali kultom kresťanským, určila v 9. storočí 6. december za deň sv. Mikuláša. Voľba sa zdala dobre premyslená, pretože Mikuláš, ktorý pôsobil v štvrtom storočí ako biskup v Mire, v Malej Ázii, si nevšednou obetavosťou a zmyslom pre spravodlivosť získal obľubu v najširších vrstvách obyvateľstva Byzantskej ríše.

V tento deň sa uskutočňovali mikulášske sprievody – v poľštine *mikołajki* (cieľom bolo dramatické stvárnenie náboženských motívov), ktoré zanikli po zákaze Jozefa II. (dary sa vymáhali násilím, strašili sa deti). Na obchôdzky sa potom chodilo v zredukovaných trojčlenných skupinách, pozostávajúcich z Mikuláša, čerta a anjela. Navštevovali len známe domy, aby odovzdali deťom sladkosti, ktoré rodičia pre ne pripravili. Rovnako ako sprievody a obchôdzky s Mikulášom, aj príprava mikulášskeho pečiva a odovzdávanie si darčekov sa v predchádzajúcich storočiach obmedzovali na mestské a šľachtické prostredie. Darčeky sa deťom dávali aj v poľskom a ruskom prostredí. Odlišná situácia bola na dedinách. Tam sa masky Mikuláša, anjela a čerta začínajú objavovať až v 19. storočí. Obdarovanie detí na Mikuláša je všeobecne rozšírený obyčaj.

V pravoslávnom prostredí je *Nikolaj Čudotvorec* považovaný za najväčšieho zo všetkých svätých hneď po Ježišovi Kristovi a Bohorodičke. Traduje sa, že v tento deň schádza svätec na zem a za jeden deň ju obíde. Slávila sa „*nikoľščina*" – veľká rodinná hostina trvajúca aj niekoľko dní, na ktorú sa schádzala celá široká rodina. Neskôr sa táto

oslava kvôli predvianočnému pôstu presunula na november, približne týždeň pred začiatkom pôstu – *zagoveniem*.

Sv. Lucia

Sviatok sv. Lucie má najmenej pomenovaní zo všetkých spomínaných sviatkov. Je to preto, že sa slávi len v katolíckych a protestantských oblastiach. Pomenovania sviatku sú: *deň sv. Lucie, Dzień św. Łucji*, na internete sme našli ruské pomenovanie *день святой Люсии*. Tento deň (13. decembra) bol pred prijatím gregoriánskeho kalendára (1582) najkratším v roku. Podľa povier v ňom vrcholila činnosť zlých síl sídliacich v tme, bol najväčším stridžím dňom a Lucia najväčšou bosorkou.

V starších predstavách bola ochrankyňou pradenia a priadok, s čím súvisel zákaz priasť a šiť. Samotný zákaz pradenia sa síce viazal k viacerým dňom zimného slnovratu, no zďaleka nie natoľko dôsledne ako na Luciu. Verilo sa, že bosorky o polnoci mútia pod mostami mlieko, preto nesmela na dvor vstúpiť cudzia žena, nesmelo sa nič požičať ani vrátiť; zlé sily sa zaháňali hlukom v obci a na krížnych cestách. Rovnako ako po iné stridžie dni, aj na Luciu ženu, ktorá ráno vošla do cudzieho domu, považovali za bosorku. Súčasťou viery v čarodejnice bola predstava, že ak niekto odhalí strigu, ktorá mu uškodila, táto mu viac nemôže ublížiť. Najpopulárnejším identifikačným prostriedkom bol na Slovensku i v Poľsku *luciový stolček*. Rovnakú službu ako luciový stolček mali urobiť aj iné predmety pripravené od Lucie do Vianoc. Významnú úlohu hrali aj obecní pastieri. Obchádzali dedinu a silným trúbením zaháňali bosorky. Trúbenie zakončili na krížnych cestách, kde sa na Luciu schádzajú bosorky. Bosorky sa vyháňali aj práskaním korbáčov, pískaním na píšťalkách a prstoch, trúbením na rohoch a trúbach, cenganím kravskými zvoncami, veľkým hlukom.

Okrem východného Slovenska boli rozšírené obchôdzky maskovaných Luciek: ženy v bielych šatách, plachtách, s tvárami obielenými múkou vchádzali vo dvojici či štvorici do domov, ometali steny a kúty husím krídlom či štetkou, zväčša mlčali, nedostávali dary. Obchôdzky prešli postupne do repertoáru mládeže a prevládla ich zábavná funkcia. Lucie boli vítaným spestrením páračiek, lebo páranie peria bola jediná ženská práca, ktorá sa v predvečer Lucie nielen nezakazovala, ale priam odporúčala s odôvodnením, že budú sliepky dobre znášať vajcia, preto boli páračky obvykle vo viacerých domoch.

Deň Lucie využívali ľudia na niektoré významné veštby, pričom nemohli chýbať ani ľúbostné veštby. Ktoré dievča nemalo konárik ovocného, obvykle čerešňového stromu vložený do vody, mohlo tak urobiť ešte na Luciu s rovnakým očakávaním ako na Katarínu, Barboru, Ondreja či Mikuláša. V Poľsku bola silná tradícia sviatku sv. Lucie najmä v podhalianskej goralskej oblasti.

Záver

Pokúsili sme sa predstaviť rad zimných sviatkov na Slovensku, v Poľsku a v Rusku, ktoré predchádzajú vianočnému obdobiu. Tieto dni majú veľa spoločného: všetky sú pomenované podľa svojich patrónov – svätcov, rôzne rituálne magické úkony majú zabrániť pôsobeniu nepriaznivých síl, sú plné zákazov i ľúbostnej mágie, ale hlavne sú bohaté na

rôzne zvyky a obrady, na ktoré sme v dnešnej dobe už zabudli a ktoré by sme si mali pripomínať a udržiavať.

LITERATÚRA

HORVÁTHOVÁ, E.: *Rok vo zvykoch nášho ľudu*. Bratislava: Tatran, 1986.

MINTALOVÁ ZUBERCOVÁ, Z.: *Tradície na Slovensku. Rodinné aj výročné sviatky a zvyky*. Bratislava: SLOVART, 2015.

NÁDASKÁ, K.: *Slovenský rok v ľudových zvykoch, obradoch a sviatkoch*. Bratislava: Fortuna Libri, 2012.

NEJ, V. A.: *Russkij prazdnik. Tradiciji i obyčaji.* Moskva: Ripon Klassik, 2011.

NEKRYLOVA, A. – ŠANGINA, I.: *Russkije prazdniki*. Sankt Peterburg: Azbuka-Attikus, 2015.

SZCZYPKA, J.: *Kalendarz polski*. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1984.

SZYMANDERSKA, H.: *Polskie tradycje świąteczne*. Warszawa: Świat Książki, 2003.

ZABYLIN, M.: *Russkij narod. Jego obyčaji, obrjady, predania, sujeveria i poezija*. Moskva, Institut russkoj civilizaciji, 2014.

BROKGAUZ, F. A. – JEFRON, I. A.: *Encyklopedičeskij slovar Brokgauza i Jefrona*. Petrohrad, 1890 – 1907 [online]: www.dic.academic.ru/contents.nsf/brokgauz_efron

DAĽ, V. I.: *Tolkovyj slovar živogo velikorussogo jazyka*. Moskva: Gosudarstvennoje izdateľstvo inostrannych i nacionaľnych slovarej, 1955. [online]: www.dal.slovaronline.com

Synonymický slovník slovenčiny. Red. M. Pisárčiková. Bratislava: VEDA, 2004.

VASMER, M.: *Etymologický slovník ruského jazyka*. Moskva: Progress, 1986. [online]: www.vasmer.slovaronline.com

HOLIDAYS NAMED AFTER SAINTS OF WINTER PERIOD

Abstract: The article deals with holidays of famous saints at the turn of autumn and winter period (St. Martin, St. Katarína, St. Ondrej, St. Barbora, St. Mikuláš and St. Lucia) in Slovakia, Poland and Russia. The fundamental basis consists of naming units in the Slovak language. The language naming units are included in the cultural context, and the Slovak naming units are completed by the Polish and Russian naming units. The given Slovak holidays are complemented by their Polish and Russian equivalents with regard to the Orthodox faith in Russia. The author focuses on holidays or customs and habits specific for the individual nations, and they are represented by so called equivalentless vocabulary.

Key words: naming units, customs, special events.

Príspevok predstavuje výstup z grantovej úlohy VEGA **č. 1/0180/17** Vplyv aktuálnych smerov lingvistického výskumu na jazykovednú terminológiu (v slovensko-poľsko-ruskom komparatívnom pláne).

Patrícia Molnárová
Filozofická fakulta, Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici, Banská Bystrica (Slovensko)

OBRAZNOSŤ V ANALYTICKEJ PUBLICISTIKE V ROKOCH 1965 – 1970

Anotácia: Príspevok prezentuje vybrané kategórie obrazných pomenovaní identifikovaných a interpretovaných v kontexte súdobej straníckej tlače na Slovensku v druhej polovici 60. rokov 20. storočia. Komentáre straníckeho denníka *Pravda* poskytujú materiál na výskum metafor na základe kognitívno-lingvistickej teórie G. Lakoffa a M. Johnsona s cieľom vytvoriť súbor konceptuálnych metafor vyskytujúcich sa v slovenských podmienkach socializmu. Sémantická modifikácia v jazyku sa realizovala aj v priestore frazeologickej lexiky, v prirovnaniach a symbolike reflektujúcej spoločensko-politické diania vybraného obdobia. Cez prizmu skúmaných kategórií obrazných pomenovaní v analytickej publicistike je cieľovým zameraním príspevku identifikovať individuálne metaforické koncepty, sledovať posun vo výskyte a modeloch jednotlivých obrazných pomenovaní a tiež interpretovať posun v uplatnení obrazných pomenovaní, ktorý je predpokladaný v súvislosti s kontextovými a spoločensko-politickými zmenami v priebehu roku 1968.

Kľúčové slová: frazeologizmus, metafora, prirovnanie, socializmus, symbol.

Dosah publicistiky na každodenný život človeka sa prejavuje v dennej tlači nielen napĺňaním informačnej funkcie, ale aj tendenciu k ohýbaniu reality využívaním jazykových prvkov alebo sémantickou zmenou prítomnou v obrazných pomenovaniach. Príspevok prezentuje štyri skupiny obrazných pomenovaní identifikovaných v straníckom denníku *Pravda* v rozsahu rokov 1965 – 1970. Výskumná vzorka pozostáva zo sedemdesiatjeden textov domácich autorských komentárov, v ktorých boli analyzované vybrané obrazné pomenovania – metafory, frazeologizmy, prirovnania a symboly.

A. Metafory predstavujú najrozsiahlejšiu časť obrazných pomenovaní prítomných v skúmaných textoch. Ich výskum je determinovaný aplikáciou kognitívnej teórie G. Lakoffa (1992) a G. Lakoffa a M. Johnsona (2002, 2014), ktorí zaviedli do lingvistiky pojem konceptuálnej metafory[1]. Rozšírením chápania a významu metafory ako mentálneho javu spojeného s vedomím používateľov, narušili tradičnú literárnu koncepciu metafory. Diferenciácia metafor na štruktúrne, orientačné a ontologické ukázala ako najčlenitejšiu skupinu štruktúrne metafory (6 – 10 rôznych modelov každý rok). Najfrekventovanejšími boli koncepty cesty, budovy, prírody, boja a choroby. Metafora ŽIVOT/SPOLOČNOSŤ JE CESTA sa spájala s vývinom a zmenami uskutočnenými v spoločnosti, napr.: *cesta k zvýšeniu právomoci sa otvára; prvé roky na socialistickej ceste; počínanie členov ZNB nebolo správne a vybočuje z medzí zákona.* Využitie metafory poukazuje na spoločenský progres/regres, na pohyb obyvateľstva v societe a je prítomná pri zaznamenávaní postupu k dosiahnutiu vytýčených cieľov. Pri metafore SPOLOČNOSŤ JE BUDOVA sa spoločenský systém (socializmus) vníma ako budova ohraničená dole základmi a hore stropom, ako

[1] Uvedení autori rozlišujú pojem metafory ako mentálneho konceptu a metaforického výrazu ako jej jazykového vyjadrenia, ktoré je sekundárne. V texte sa pridržiavame tejto terminológie.

priestor, do ktorého sa vstupuje, ktorého základy sa podkopávajú, upevňujú alebo sa na nich ďalej stavia. Zvykne sa označovať ako budovateľská metafora (Mertová 2018), napr. *odbúrali starý, skostnatený a prežitý systém riadenia; prebieha prestavba veľkoobchodných cien; princíp práce a výstavby strany.* Metafory sa vo vedomí používateľov často reflektujú prostredníctvom prírodných javov realizovaných metaforickým konceptom SPOLOČNOSŤ JE PRÍRODA, napr. *kým nemoc neprihrmí; zrážky s políciami otriasajú štátmi; cenové zmrazenie.* Medzi rozšírené modely patrila metafora ŽIVOT/SPOLOČNOSŤ JE BOJ dominujúca v rokoch 1968 a 1970 v dôsledku okupácie Československa a následnej normalizácie. Opätovne zavedenie cenzúry motivovalo aj podmieňovalo výraznejšie uplatnenie metaforiky. Lexika sa orientovala k motívom boja, zbraní, víťazstva alebo prehry, napr. *porazení predstavitelia pravice; výdobytky socializmu; tradícia zvíťazila, porazila strojovú prácu.* S výnimkou roku 1970 sa pravidelne opakoval model KRÍZA JE CHOROBA, v ktorom spoločenská kríza je metaforizovaná do podoby choroby vyžadujúcej liečbu: *typicky nezdravý jav; z postihnutej oblasti.*

Orientačné metafory zamerané na priestorové vnímanie boli najčastejšie zastúpené modelom HORE JE VIAC – DOLE JE MENEJ, s ktorým súvisí model AUTORITA JE HORE – PODRIADENOSŤ JE DOLE, napr. *čo možno najvyššie prekračovať plán; vzbudili príslušný záujem; úspešne dovŕši obrodný proces; nie sme totiž až tak na dne; pod túto hranicu.* Stupňujúcim pravicovo-ľavicovým napätím v rokoch 1969 a 1970 sa objavil politicky príznakový model PRAVO-ĽAVÁ ORIENTÁCIA realizovaný v podobách *broja proti nebezpečenstvu zľava; a potom to využiť z pravej pozície* a i. Výpovedná a obrazná hodnota orientačných metafor je v komparácii so štruktúrnymi nižšia, hoci ich zastúpenie je početnejšie, najmä pri ekonomických a národohospodárskych témach a hodnotení štruktúry orgánov v politickom systéme (vyššie a nižšie orgány).

Ontologické metafory realizované konceptom NÁDOBY vyjadrujú nefyzický jav prostredníctvom obrazu nádoby ako objektu s objemom, dnom, povrchom, ohraničenosťou (Lakoff – Johnson 2014, Kováčová 2015), napr.: *v ďalších odsekoch obsahujú Pokyny ustanovenia; vynorila sa aj ďalšia otázka; žijeme predsa v socializme; do vnútorných záležitostí Sovietskeho zväzu*. Častým javom je kooperácia tejto metafory s vertikálnym modelom orientačných metafor, čo sa môže prejaviť nejednotnou klasifikáciou metaforických výrazov, napr. v prípadoch *stúpol aj objem vyplatených miezd; vynorili sa nečakané ťažkosti; môže hlboko zasiahnuť najmä do vzťahov.* Súčasťou ontologických metafor sú personifikácie a metonymie, ktoré mali dominantné zastúpenie v straníckej tlači. Personifikovala sa najmä schopnosť reči a najčastejším metonymickým konceptom bolo nahrádzanie individualít inštitúciou.

Pri metaforách pred rokom 1968 môžeme pozorovať dominanciu tém spojených so správou a riadením, ekonomikou, hospodárstvom, dopravou či priemyslom. V roku 1968 a neskôr sa zvýraznili politické a personálne témy reflektujúce súboj pravicovo a ľavicovo orientovaných politikov. V dôsledku augustových udalostí sa využívanie metafor, najmä štruktúrnych, stalo bohatším.

B. Frazeologizmy v skúmanej publicistike môžeme vnímať v dvoch rovinách: frazeologizmy v tradičnom chápaní (SSSJ, 2006; Mlacek – Ďurčo, 1995), ktoré je možné členiť podľa frazeologickej teórie J. Mlaceka (1984), a tzv. socialistickú frazeológiu.

V prvej kategórii sme zaznamenali päťdesiatsedem frazeologizmov z hľadiska sémantiky ďalej členených na frazeologické zrasty, celky a spojenia. Výskytom prevládali frazeologické celky obsahujúce slová s preneseným, ale do istej miery celok motivujúcim významom, napr. *chváliť deň pred večerom; vodu do mora liať; vyhadzovať do vetra.* Frazeologické zrasty majúce ekvivalentné vyjadrenie v jednoslovnom pomenovaní sa vyskytovali napr. v podobách *kameň úrazu/čertovo kopýtko* (problém)*; maľovať čerta na stenu* (desiť)*; hrať s otvorenými kartami* (priamo). Frazeologické spojenia boli ojedinelé, identifikovali sme iba sedem prípadov v celej výskumnej vzorke. Samostatnou zložkou sú citátové výrazy, ktoré sa vyskytli v dvoch prípadoch, oba v texte *Nádeje roku akosti* z 3. marca 1969. Išlo o výrazy *vis à vis*[2] a *en bloc*[3]. Podobného charakteru sú okrídlené výrazy realizované v dvoch podobách: *málo je chleba, málo obsažne zaujímavých hier*[4] a *náš chlieb a naše hry*. Primárna sémantika výrazu súvisí s časom radosti, zábavy a oddychu. V slovenskom kontexte význam korešponduje, avšak v opozitnej situácii, odkazujúcej na nedostatok vyššie uvedených stimulov. Vyskytuje sa pri opise ešte stále neskonsolidovanej situácie po okupácii vojskami krajín Varšavskej zmluvy, pri zmienke o tzv. duchovnej depresii poznačujúcej slovenské prostredie.

Funkcia uvedených frazeologizmov v publicistických textoch je najmä aktualizačná, s cieľom obzvláštniť text a upútať neobvyklým vyjadrením. V tomto type obrazných pomenovaní neidentifikujeme vplyv súdobej ideológie, ktorý sa dominantnejšie prejavoval v tzv. socialistickej frazeológii, ktorou chápeme ustálené slovné spojenie zviazané s obdobím socializmu a jeho politikou, zvyčajne bez zástupnej sémantickej a obraznej funkcie. J. Suk (2017: 139) dodáva, že sa nachádzali v jazyku ako frázy ustálené režimom, ktoré nemuseli primárne plniť nijakú funkciu, ale slúžili k posilneniu moci rečníka a boli súčasťou ideologických a propagandistických textov. V 60. rokoch ešte nebola socialistická frazeológia tak výrazná, ako v normalizačnom období. Všímali sme si najmä výrazy spájané so slovami socializmus, súdruh, strana (príp. strana a vláda), komunista a ľud, s privlastňovacím zámenom náš a tiež skratky v textoch.[5]

Kladné hodnotenie socializmu prezentované v prostriedkoch masovej komunikácie sa odrazilo v príznakovo pozitívnych slovných spojeniach typu *socializmus poskytol vymoženosti, výdobytky socializmu, socializmus prevzal starostlivosť, všetci socializmu oddaní občania, budovanie socializmu.* Zaužívané adjektívum *socialistický* vymedzuje akúkoľvek opisovanú spoločenskú zložku alebo jav ako súčasť zriadenia považovaného

[2] Francúzsky výraz vo význame tvárou v tvár. *Synonymický slovník slovenčiny* (2004) ho uvádza ako synonymum k slovu naproti s príznakom hovorovosti a zastarávania.

[3] Aj tento výraz pochádza z fr. s významom vcelku, spolu, v súčasnosti nemá hovor. príznak.

[4] Okrídlený výraz je slovenským prekladom hesla panem et circenses rímskeho satirika Juvenala. Pochádza z čias rímskeho cisárstva a v komunikácii sa stal bežnou súčasťou kultúrneho aj politického kontextu.

[5] Niektoré z uvedených termínov patria k charakteristickým prvkom socialistickej lexiky, ktorá patrila k frekventovanej a významovo kolísajúcej časti slovnej zásoby v období socializmu. Bližšie k výskumu jednotlivých slov pozri Molnárová, 2019.

súdobou ideológiou za najlepšie, napr. *socialistické hospodárstvo, socialistická súťaž, socialistická podnikavosť* alebo v prípade vystúpenia proti systému *socialistické kacírstvo*, čo už môžeme vnímať ako negatívny príznak. Výskyt spojení so slovom socializmus v analytickej publicistike výrazne stúpol od roku 1967 a najmä 1968, v dôsledku zdôrazňovania systému, považovaného v Československu za ohrozený demokratizačnými tendenciami dubčekovského vedenia. Rovnaký jav bol pozorovaný pri frazeologizmoch so slovom komunista, ktoré sa po roku 1968 zvýšili, napr. *presvedčivé slovo komunistu, komunista musí byť príkladom, je dobrý komunista,* pričom príslušník komunistickej strany sa v tomto kontexte stáva vierohodnou autoritou. Výrazné postavenie má pojem ľudu ako formujúcej masy determinujúcej stabilitu spoločenského zriadenia a dodávajúcej dôveru jej funkcionárom, ktorí pracujú *s ľudom a pre ľud* alebo v iných príkladoch: *dôvera pracujúceho ľudu, prepotrebná jednota ľudu, náš ľud, zástupcovia ľudu* atď. Častým bolo vytváranie ustálených, opakujúcich sa slovných spojení s privlastňovacím zámenom náš, ktoré môžeme považovať za prejav expresivity až emocionality. Ide o spojenia ako *naše hospodárstvo, náš občan, obrodný proces nášho socializmu, náš socialistický národný front* a i. Medzi najčastejšie sa vyskytujúce skratky môžeme zaradiť označenia politických organizácií/inštitúcií ako ÚV KSČ, ÚV KSS, ONV, KNV, MNV atď. Skratkami sa označovali združenia alebo zväzy hospodárskeho, ekonomického či kultúrneho typu, napr. ROH, JRD, ŠM, VB. Charakteristickým javom v období socializmu bolo uplatňovanie skratiek v dôsledku dlhých viacslovných pomenovaní, ktoré okrem vyššie spomenutých skupín označovali aj podniky, školy, akadémie, ale aj krajiny a medzinárodné spoločenstvá. Skratky sa tak stali automatickou súčasťou publicistických textov v socializme a podporovali kolektívne vystupovanie, na úkor zdôraznenia jednotlivcov.

C. Podľa F. Čermáka (2011: 211) patria **prirovnania** k frazeológii, zatiaľ čo J. Findra (2013: 81) ich všeobecnejšie považuje za elementárne obrazné vyjadrenia zdôrazňujúce vybranú vlastnosť predmetu alebo javu. Z dvadsiatich ôsmich identifikovaných prirovnaní sa väčšina realizovala formou pevnej prirovnávacej spojky *ako.* Podľa funkcie ich môžeme zaradiť k názorným prirovnaniam s cieľom vytvoriť vo vedomí čitateľa obraz a tým sprostredkovať porozumenie. Prirovnania so spojkou ako vytvárali obraz na základe javov a skúseností z každodenného života. Môžeme ich kategorizovať podľa zaradenia comparata k prírodným javom (*prepadlo sa bez úžitku ako **kameň do vody**; mäsa je ako **dreva**; množia sa ako **huby po daždi***), k osobným skúsenostiam dotýkajúcim sa jednotlivca (*cesty ako **boľavý zub**; prechádzajú po stavenisku so zaviazanými očami, ako keby sa hrali na „**slepú babu**“; cítiť sa ako **doma***), prirovnania odkazujúce ku kultúrnym skúsenostiam, fenoménom v živote jednotlivca alebo spoločnosti (*aby sa nám tých **neželaných „Zrzkov“** rodilo čo najmenej*[6]*; dôvera, ktorá sa nepridieľuje ako **veno nevinnej neveste**; bratislavské námestie SNP bolo zaplnené ako na **1. mája***), prípadne k oblasti financií (*správa družstva spravuje tento nemalý majetok ako **skutočný hospodár**; kolaudačné závody sú síce pre stavbárov len ako **drobné mince***). Druhým spôsobom prirovnávania je využitie inštrumentálovej podoby: *či sa plán*

[6] Odkaz na poviedku Zrzek od autora G. de Maupassanta.

výstavby splní alebo ostane akousi chimérou; príklad zo Švermových železiarní nie je ojedinelou lastovičkou; ostatní členovia boli poväčšinou len pozorovateľmi. V príkladoch môžeme pozorovať rovnaké analógie ako pri prvom spôsobe, a to prírodné (zvieracie), osobné skúsenosti a kultúrne fenomény. Na príklade *kuracou slepotou by bol ranený* môžeme vymedziť adverbiálne prirovnanie so zvieracím odkazom. Samostatne možno vyčleniť prirovnania vytvorené asyndeticky, napr. *hmotné postihy za zaradenie do nižších skupín sú síce pre výrobcu, najmä jeho zamestnancov, mrcha záležitosť; náš zákazník, náš pán*. V tejto skupine obrazných pomenovaní ide o ich využitie s cieľom priblížiť najmä politické a hospodárske aspekty spoločnosti každodennej realite, s ktorou majú čitatelia osobnú skúsenosť.

D. Výskyt **symbolov** bol nepravidelný a podmienený špecifickým kontextom. Symbol chápeme ako konkrétne vyjadrenie plniace zástupnú funkciu abstraktného konceptu, ktorého existenčnou podmienkou je jeho založenie na historicky alebo kultúrne determinovanej podobnosti evokujúcej emocionálnu reakciu (Hartl, Hartlová 2015). Z jazykovedného hľadiska F. Čermák (2011: 29) uvádza, že symbol je typ znaku *„založený iba na konvenčnom/arbitrárnom vzťahu, teda zjednodušene na nulovom, nijak nemotivovanom vzťahu.“* K charakteristickým vlastnostiam symbolu patrí jeho reprezentatívnosť, odovzdávanie tradíciou a sloboda v jeho vytvorení (Geist 1992). J. Doubravová (2002) poukazuje na častú skúsenosť so symbolmi a symbolikou najmä v totalitných režimoch a tiež na spätosť symbolu so zmyslom a skúsenosťou užívateľa, ktorý mu rozumie.

V denníku *Pravda* sa začali objavovať symboly augusta a januára od roku 1968. Obraznosť sprostredkovaná takýmto odkazom nie je výsledkom len jednej udalosti odohrávajúcej sa v januári a auguste 1968. Ide o symbolické vyjadrenie a zároveň ohraničenie priebehu demokratizačného procesu v slovenských (resp. československých) podmienkach. Podľa D. Bolingera (2008: 29) je každý symbol založený na metaforickej alebo metonymickej podobnosti. Spomenuté symboly zo straníckej tlače zaraďujeme k metonymickým, pretože sa k odkazovaným javom vzťahujú vecnou súvislosťou. Symbolika januára a augusta diferencuje historický vývoj krajiny na obdobie predjanuárové/predaugustové a potom na pojanuárové/poaugustové, pričom je spájaná s progresívnymi aj regresívnymi politickými, spoločenskými a personálnymi zmenami, napr.: *k **predjanuárovým** pomerom sa naša strana, robotnícka trieda a všetok ľud vracať nechcú a nebudú; to sú možnosti, ktoré sa núkajú našej aktivite v priestore **pojanuárového a poaugustového** obdobia.* V symbolike je obsiahnutý spoločensko-politický vývoj od nástupu A. Dubčeka do funkcie prvého tajomníka ÚV KSČ, cez demokratizačné zmeny, zrušenie cenzúry, nástup tzv. socializmu s ľudskou tvárou až po stupňovanie pravicovo-ľavicového politického napätia, stretnutia s predstaviteľmi Sovietskeho zväzu v Bratislave a Čiernej nad Tisou, vstup vojsk Varšavskej zmluvy do ČSR, začiatok okupácie a na to nadväzujúce moskovské rokovania a ich výsledky. V označení poaugustového obdobia je zároveň zahrnutý nástup normalizácie. V naznačenej symbolike došlo v roku 1969 aj k procesu proprializácie, keď sa v komentári zo dňa 1. októbra označil január veľkým

začiatočným písmenom, čím sa posunul do kategórie vlastných substantív: *po **Januári** išlo u nás o vnútrostranícky boj; ich korene siahajú ďaleko pred **Január**.*

Všetky slová majú tendenciu stať sa symbolom a v prípade vyššie uvedených symbolov došlo k ich vytvoreniu pridaním nového významu vyplývajúceho z politického kontextu. Môžeme konštatovať, že vzhľadom na neprítomnosť takejto symboliky v tlači pred rokom 1968 išlo v skúmanom období o nový prvok, ktorý mal štýlovo aktualizačnú a intenzifikačnú funkciu. Predpokladáme výskyt podobnej symboliky aj v neskoršom období, avšak častým opakovaním a automatizovaním sa zo symbolu môže vytvoriť fráza či klišé. Symboly, ktoré sa v komentároch vyskytli sú spoločensko-historicky determinované, vystupujú reprezentatívne a odovzdávajú sa v tradícií, čoho dôkazom je, že najmä augustová symbolika je silná aj v súčasnosti (čo sa prejavuje prevažne v čase osláv a výročí, keďže symbol sa zaradil k historickej pamäti).

Spoločným prvkom všetkých skúmaných obrazných pomenovaní je významový posun na úrovni lexikálnej sémantiky. Príspevok sa zaoberal spôsobmi zmeny a prenášania významu prejavujúcich sa v metaforách, frazeologizmoch, prirovnaniach a symboloch na stránkach straníckej tlače v rokoch 1965 – 1970. Najvýraznejšie zastúpenie mali metafory analyzované pomocou kognitívnej teórie G. Lakoffa a M. Johnsona. Druhou najfrekventovanejšou skupinou boli frazeologizmy, medzi ktorými prevládali frazeologické celky a bolo možné pozorovať aj výskyt socialistickej frazeológie v špecifických prípadoch. Prirovnania a symboly boli zastúpené v menšej miere, ale spĺňali svoju funkciu obraznosti. Výskyt obrazných pomenovaní v analytickej publicistike zároveň poukázal na fakt, že patria k jednému z charakteristických javov socialistického jazyka, čo sa funkčne odrazilo v obsahovej rovine niektorých politicky orientovaných metafor a symbolov, ich frekvencii a čase výskytu.

LITERATÚRA

BOLINGER, D.: *Jazyk jako nabitá zbraň: užívaní a zneužívaní jazyka v naší době.* Praha: Petr Zima, 2008.

ČERMÁK, F.: *Jazyk a jazykověda.* Praha: Karolinum, 2011.

DOUBRAVOVÁ, J.: *Sémiotika v teorii a praxi.* Praha: Portál, 2002.

FINDRA, J.: *Štylistika súčasnej slovenčiny*. Martin: Osveta, 2013.

GEIST, B.: *Sociologický slovník.* Praha: Victoria publishing, 2012.

HARTL, P. – HARTLOVÁ, H.: *Psychologický slovník.* Praha: Portál, 2015.

KOVÁČOVÁ, Z.: *Jazyk a (po)rozumenie z aspektu kognitívnej lingvistiky*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, Filozofická fakulta, 2015.

LAKOFF, G. – JOHNSON, M.: *Metafory, kterými žijeme*. Brno: Host, 2014.

LAKOFF, G.: The Contemporary Theory of Metaphor. In: ORTONY, Andrew: *Metaphor and Thought* (2nd edition). Cambridge: Cambridge University Press, 1993, s. 202 – 251.

MERTOVÁ, N.: K problematike dynamiky metaforických systémov v politickom diskurze. In: *Jazyk a politika. Na pomedzí lingvistiky a politológie III*. Ed. R. Štefančík. Bratislava: Ekonóm, 2018, s. 40 – 50.

MLACEK, J.: *Slovenská frazeológia.* Bratislava: SPN, 1984.

MLACEK, J. – ĎURČO, P.: *Frazeologická terminológia.* Bratislava: Stimul, 1995.

MOLNÁROVÁ, P.: K niektorým charakteristickým prvkom lexiky socialistického jazyka – na príkladoch zo slovenskej straníckej tlače v roku 1968. In*: Motus in verbo: vedecký časopis mladej generácie*. online, roč. 8, č. 1 (2019), s. 40 – 51. Banská Bystrica : Univerzita Mateja Bela, Filozofická fakulta, 2019.

Slovník súčasného slovenského jazyka. Bratislava: Veda, 2006.

Synonymický slovník slovenčiny. Bratislava: VEDA, 2004.

SUK, J.: *Zapomenutá slova. Připomínání totality prostřednictvím jazyka a hermenutiky.* Frýdlant nad Ostravicí: Krtek a Datel, 2017.

PRAMENE

Pravda. Orgán ústredného výboru Komunistickej strany Slovenska:

1965, roč. XLVI, č. 3, 34, 63, 90, 128, 151, 180, 212, 276, 318, 333.
1966, roč. XLVII, č. 5, 31, 86, 94, 122, 164, 184, 213, 253, 275, 301, 331.
1967, roč. XLVIII, č. 3, 33, 60, 94, 121, 149, 180, 210, 245, 275, 302, 335.
1968, roč. XLIX, č. 3, 31, 63, 93, 121, 150, 180, 211, 250, 273, 307, 325.
1969, roč. L, č. 6, 27, 52, 78, 102, 130, 158, 181, 206, 231, 258, 283.
1970, roč. LI, č. 5, 28, 51, 76, 105, 128, 154, 183, 208, 234, 261, 285.

FIGURATIVE LANGUAGE IN ANALYTICAL JOURNALISM OF 1965 – 1970

Abstract: The study is focussed towards different categories of figures of speech that have been identified and analysed in political paper *Pravda* during the second half of 1960's. The most dominant category consisted of metaphors analysed by the cognitive linguistic theory of Lakoff and Johnson. We were able to differentiate four main concepts – war, building, nature and illness that have occurred in relation to socio-political phenomena. Idioms, comparisons and symbols have been more sporadic, however they usage have been functional. The main goal of the figures of speech in analytic journalism is to help in understanding and also to bring in some added value to the text and communication itself. Occurrence of researched figures of speech in political press during 1960´s indicates their importance as one of the characteristics of socialistic language in Slovakia.

Key words: idiom, metaphor, comparison, symbol, socialism.

Príspevok vznikol v rámci riešenia vedeckého projektu VEGA **č. 1/0598/18** Štylistika mienkotvornej elektronickej tlače strednoprúdového a alternatívneho typu.

Gabriel Rožai
Filozofická fakulta, Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici, Banská Bystrica (Slovensko)

NÁREČIE GEMERSKEJ OBCE PAČA VO SVETLE VÝCHODOSLOVANSKO-ZÁPADOSLOVANSKÝCH JAZYKOVÝCH KONTAKTOV

Anotácia: Cieľom štúdie je analyzovať nárečie enklávneho spoločenstva obce Pača vo východnom Gemeri z hľadiska jazykového miešania a kontaktov dvoch slovanských jazykových vetiev – východoslovanskej, ktorej integrálnu súčasť tvoria aj rusínske nárečia na severovýchode Slovenska, a západoslovanskej, v opisovanej oblasti reprezentovanej slovenskými (na severe aj poľskými) nárečiami. Analýza vybraných historických foneticko-prozodických javov poukáže na osobitosti medzijazykových kontaktov na opisovanom území a stanoví mieru zachovania východoslovanských prvkov v najzápadnejšom dialekte juhospišských enkláv rusínskych nárečí.

Kľúčové slová: jazyková interferencia, nárečie enkláv, karpatské rusínske nárečia.

Nárečie obce Pača, lokalizovanej severovýchodne od Rožňavy v blízkosti hraníc so Spišom, patrí do skupiny juhospišských enkláv rusínskych nárečí na severovýchode Slovenska (ďalej RN)[1]. Spolu s obcou Úhorná, ležiacou na východ od Panského vrchu (okres Gelnica), tvorí juhozápadnú hranicu uvedenej nárečovej skupiny. Osobitosťou Pače je bezprostredné susedstvo s obcami, v ktorých sa komunikuje maďarskými (palóckymi) nárečiami, ako aj geografická blízkosť k slovenským obciam s gemerským nárečím pomedzného (stredoslovensko-východoslovenského) charakteru. Ide o jedinú obec okresu Rožňava, v ktorej sa dochovalo nárečie tohto typu.

Nárečia juhospišských enkláv spolu so severospišskými nárečiami charakterizuje – podobne ako rusínske/ukrajinské[2] šarišské nárečie – jazyková rozmanitosť, ktorá súvisí s bezprostredným kontaktom so západoslovanským (slovenským a na severe poľským) jazykovým živlom, v najjužnejších častiach (Pača, Hačava) aj s maďarskými nárečiami (porov. Hanudeľová 1993; Gerovskij 1934). Aj napriek silnejšiemu vplyvu obklopujúcich dialektov však tieto – z hľadiska východoslovanského jazykového priestoru okrajové – nárečia zachovávajú vo svojej jazykovej štruktúre viacero významných východoslovanských, často starobylých a svojráznych znakov, medzi ktorými G. Gerovskij (1934: 477) uvádza napríklad stopy po diftongickom znení psl. vokálu *ě* typu *vjira*, *mjira*

[1] V dostupnej literatúre sa môžeme stretnúť s rôznymi pomenovaniami danej skupiny nárečí. M. Čižmárová (2013: 263) hovorí o *ukrajinských rusínskych nárečiach*, ktoré zaraďuje „do severokarpatskej nárečovej skupiny západoukrajinského dialektu“. Z. Hanudeľová (1993) a V. Latta (1991) používajú termín *ukrajinské nárečia východného Slovenska.* V encyklopédii *Українська мова* (2004: 309) sa označujú termínmi *lemkovské* alebo *západokarpatské nárečie*, ktoré je zaraďované k dialektom *karpatskej* skupiny *juhozápadných ukrajinských nárečí*. V novších zdrojoch domácej proveniencie sa uvádza aj názov *karpatské rusínske nárečia* (Dudášová-Krišššáková 2015: 196 – 197, 199), zahŕňajúci všetky skupiny rusínskych nárečí v oblasti karpatského jazykového areálu, pričom nárečia obcí z územia Slovenska sú špecifikované ako *rusínske nárečia na severovýchodnom Slovensku*.

[2] Porovnaj Hanudeľová (1993: 179) a Dudášová-Krišššáková (2015: 198).

(v nárečí Pače dochovaných po labiálach, napr. *b'jida*[3], *mjira*, *nevjirila*), ktoré sa zachovalo vo viacerých ruských a v niektorých ukrajinských nárečiach (*vie'ra*, *mie'ra*). O tendencii k zachovávaniu archaických prvkov v periférnych východoslovanských nárečiach, stojacich v opozícii k centrálnej časti daných nárečí (s prítomnosťou inovatívnych príznakov), hovorí aj T. V. Popova (2002: 22 – 23), uvádzajúc napr. infinitív *-ти*, *-чи* (typu *писати*, *печи*; v Pači *pisati*, *peš'i*) proti *т'*, *ч* v centrálnych nárečiach (typu *писат'*, *печ*).

Materiál analyzovaný v štúdii pochádza z aktuálne prebiehajúceho terénneho výskumu pačianskeho nárečia. Vzhľadom na túto skutočnosť chceme doplniť, že predložený text si nekladie za cieľ podať vyčerpávajúcu analýzu zvolenej problematiky, pričom materiál môže byť v budúcnosti ďalej špecifikovaný. Analýzu jazykovej interferencie (so zreteľom na rozsahové možnosti príspevku) obmedzujeme na rozbor najvýznamnejších rezíduí praslovanského vývinu oboch slovanských areálov (konkrétne desiatich fonetických zmien a jedného prozodického javu, ktoré možno približne ohraničiť koncom 10. storočia – obdobia záverečnej fázy praslovanskej jednoty), odkazujúcich na ich postupné vyčleňovanie z praslovančiny. Na vytvorenie uceleného obrazu je však potrebná aj analýza neskorších zmien vo zvukovej rovine nárečia, ako aj stavu v ostatných jazykových rovinách. Z východoslovanských prvkov (charakterizujúcich celý východoslovanský jazykový areál alebo jeho najväčšiu časť) sme do štúdie zaradili predovšetkým tie, ktoré sú doložené v rusínskych nárečiach na území Slovenska. Javy spoločné pre západo- i východoslovanský areál, napr. stav za psl. *orĩt-*, *olĩt-* s podobnými výsledkami vo východoslovanskej i východoslovenskej a (prevažne aj) východogemerskej oblasti, osobitne nevyčleňujeme.

Nezápadoslovanská redukcia psl. *dl*, *tl* > *l*, neprítomná v susedných východo- a stredogemerských nárečiach (s výnimkou tvarov typu *terlica*, *herlička* doložených napr. z Rejdovej [v. v.]), sa v nárečí Pače uplatnila predovšetkým v slovesných tvaroch, typu *klali*, *pr'ali* (priadli), *nekrali* (nekradli), *nejili*, *zaplela* (zaplietla). V ostatných pozíciách dominuje západoslovanské (gemerské i východoslovenské) *dl*, *tl*, napr. *midlo*, *sadlo*, *vidli*, *navijadla* (ale *terlica*, *garlo* známe napríklad aj v spišských nárečiach: *terľica/cerľica*, *garlo* [Štolc 1946 – 1947: 322, 342]). Na ostatnom území RN dominujú redukované tvary typu *vylы/vilы* (a i.), *žalo* vrátane časti juhospišských enkláv (Латта 1991: m. 107, 108), porov. aj ukr. *мило*, *сало*, rus. *мыло*, *сало*, biel. *мыла*, *сала* a pod.

V pačianskom nárečí sme nezaznamenali východoslovanské reflexy *cv-*, *zv-* (za psl. *kv-*, *gv-* na začiatku slova pred *ě* a *i* diftongického pôvodu), napr. *kvjiťa* (častejšie *pero*), *kvjitok* (časť rastliny), *kvitne*, *xvjizda*, *Kvjitna neďiľa.* Tvary *cvit*, *cvyla*, *cvila* (a i.) sú charakteristické pre severovýchodnú časť RN, tvar *zvizda* (a i.) sa vyskytuje aj západnejšie (Латта 1991: m. 105, 106, 106a) a v podobe *svizda* sa uvádza aj v nárečí Hačavy, tvoriacom súčasť juhospišských enkláv (DK ASJ). Porov. aj ukr. *цвіт/квіт*, *звізда*, rus. *цвет*, *звезда*, biel. *кветка* i (*ліпавы*) *цвет*, *звязда* (spisovne *зорка*).

Nárečie Pače spája s východoslovanským areálom zmena veláry *x* > *s* v rámci 2. psl. palatalizácie, ktorá nastala v datíve a lokáli singuláru feminín typu (ku/pri) *mujsi*, *blijsi*,

[3] Znakom ['] označujeme mäkkú výslovnosť konsonantov. Nárečie Pače charakterizuje rozvinutá mäkkostná konsonantická korelácia (napr. *sa – js'ino*, *robiti – pekajr'*, *žena – saž'a*).

maš'ojsi (muche, blche, macoche), na rozdiel od západoslovanského *š* (s výnimkou stredoslovenských nárečí), v slovenčine s ďalším vývinom *š* > *x* vplyvom tendencie zachovávať nemennosť slovného základu a analogického vyrovnávania tvarov (Doruľa 2000: 154). Podoby *šitki/šitko* (odvodené z psl. **vьchъ*) ako výsledok 3. palatalizácie veláry *x* naznačujú západoslovanský vplyv (porov. *šitki/šitkie*, *šitko* a i. vo východogemerskom nárečí), na rozdiel od tvarov typu *usi*, *us'i* dochovaných (popri *š – ušытkы* a i.) vo východnej časti RN (Латта 1991: m. 250).

Výrazne obmedzený je výskyt epentetického *l'* v skupinách *bl'*, *pl'*, *ml'*, *vl'* (za *pi*, *bi*, *mi*, *vi*), napr. *zem* (n. *zemľa* vrátane severospišskej skupiny [Латта 1991: m. 97]), *robim/robjať*, *spim*, *terpjať*, *kupena*, *trafena* rovnako ako vo väčšine nárečí západnej skupiny RN (n. *robľu*, *terpľu*, *ľubľať/-t*, *kuplena*, *traflena* a pod. na východe a severovýchode [Латта 1991: m. 99, 101])[4]. Výnimku tvorí apelatívum *konopľi* a slovesné tvary typu *rospravľati*, *orabľati*, *pripravľala*, *popravľala* (porov. aj Hurajtová-Manková 1977).

Východoslovanský stav nachádzame za psl. *tort*, *tolt*, *tert*, *telt*, kde sa uplatnili reflexy *torot*, *tolot (telet)*, *teret*, hoci nie dôsledne, napr. *vorobeľ*, *horox*, *vorona*, *zahorodeno*, *molodi*, *molotili*, *soloma*, *solona*, *solotka*, *holos*, *polotno*, *polokati*, *dolon'*, *boloto*, *bereza*, *sered/t*, *vered/t*, *u seredu* (v stredu), *u peredn'uj* (*xiži*), *derevjana* (i *drevena*), *moloko* (popri *mľiko*), *polola* (*plela*), *selezina*, *zmololi*, ale už vplyvom slovenských (a sprostredkovane aj poľských) nárečí pravidelne *krava* (n. *korova* v Úhornej), *zahroda* (n. *zahoroda* [Šišková 2009: 187]), *slanina* (n. *solonyna* [Šišková 2009: 149]), *drevo* (n. *derevo* [Šišková 2009: 39]), *mladi z'ať* (ženích), *Mraznica* (toponymum) a rovnako ako v iných RN *xlop*, *xlopec* (vplyvom poľských nárečí, pričom tvar *xlop* je všeobecne rozšírený aj vo východoslovenských nárečiach) a pod. Práve plnohlasie považuje ukrajinský filológ I. Paňkevič za základné kritérium odlíšenia slovenských a „karpatských" nárečí (podľa: Кирай 1958: 172).

Za psl. skupiny *tj*, *dj*, *kt*, *gt* je stav ako vo východoslovanskej oblasti, tu pravda s uplatnením lokálnej konsonantickej zmeny všeobecného rusínskeho *dž*, *č* > *ž'*, *š'*:[5] *saž'a*, *pr'až'a*, *pleš'o*, *niš'elnici*, *nuš'*, *peš'i* (piecť), *š'už'i* (cudzí); porov. ukr. *пряжа*, *плече*, *ніч* (ale *пекти*), rus. *пряжа*, *плечо*, *ночь*, *печь*, biel. *пража*, *плячо*, *ноч*, *пячы*.

Z hľadiska vývinu izoglosy *je-//o-* za psl. *e* na začiatku slova dominujú v nárečí Pače západoslovanské podoby *jalen'* (n. *olyṅ*, *voliṅ* a i. na východ od údolia Laborca [Латта 1991: m. 25], porov. rus./ukr. *олень*, biel. *алень*), *jeden* (tak aj vo väčšine juhozápadných ukrajinských nárečí, napr. *ўеден*, *ўіден*, *ўід'ін* [Дзендзелівський 1993: 187]; rus./ukr. *один*, biel. *адзін*), *jazero* (rusínsky spisovne *озеро* [Dudášová-Kriššáková 2015: 175], rus./ukr. *озеро*, biel. *возера*). Východoslovanská podoba sa dochovala v lexéme *ojs'in'* (porov. rus. *осень*, ukr. *осінь*, biel. *восень*).

Za pôvodný tvrdý jer *ъ* v silnej polohe je striednica *o* aj v prípadoch ako *dož'/š'*, *doš'ka* n. *díš/dišč*, *deska/ďeska* v susedných gemerských nárečiach (porov. ukr. *дощ*, *дошка*,

[4] Porovnaj aj Dudášová-Kriššáková (2015: 210 – 211).

[5] Podobnú konsonantickú zmenu uvádza V. Latta (1991: m. 9) aj v šiestich enklávach na východe a severovýchode rusínskej nárečovej oblasti.

rus. *дождь*, *доска*, biel. *дождж*, *дошка*), a tiež v slovách *von*, *pjatok*, *jarok*, *pojr'adok* a pod. (v týchto pozíciách je *o* aj v ostatnom Gemeri, zatiaľ čo v západnom regióne východoslovenských nárečí nastala zmena *ъ* > *e*).

Denazalizácia psl. *ę* má v nárečí Pače rôzne výsledky. Nachádzame tu jednak východoslovanské *'a*, mäkčiace predchádzajúci konsonant, napr. *pin'ajzi*, *pr'až'a*, *hov'jaž'o* (mäso), *pojr'adok*, *z'at'* (zať), *kľaknuti*, jednak *a*, napr. *sa*, *dejsat'*, *devjat'*, *pamjat'*, *svjati*, *mjaki* (i *mňako*), či *e*, napr. *pet'*, *meso*, *hledati* (popri *hľadati*), *š'ejs'c'a*. Porov. ukr. *дев'ять*, *п'ять*, *м'ясо*, rus. *девять*, *пять*, *мясо*, biel. *дзевяць*, *пяць*, *мяса* a pod.

Východoslovanský pôvod má zachovávanie nekontrahovaných slovesných tvarov typu *bojali sa*, *stojali*, *sm'ijali sa*, *sijati.* Tvary *bojať/bojaťi sa*, *stojať* sa vyskytujú aj v časti gemerských nárečí (Orlovský 1982), čo však neplatí pre najbližšie gemerské obce s dôsledne kontrahovanými západoslovanskými podobami daných slovies. V porovnaní s najväčšou časťou RN tu však nachádzame stiahnuté singulárové tvary adjektív maskulína typu *poṷni*, *dobri*, *stari* (*xlop*) n. *dobryj*, *druhyj* (a i.) vo väčšine RN (Латта 1991: 51, m. 213, 214). Krátke tvary sa zachovali aj v nominatíve neutra, napr. *pekno*, *žoṷto*, *plano* (*ďiťa*) n. *-oj* severovýchodne a východne od Sniny (Латта 1991: m. 215).

Pre pačianske nárečie je charakteristický ustálený prízvuk na penultime, podobne ako v celej západnej časti RN, napr. *rob'iti*, *visok'oho*, *prin'esli*, a to vplyvom východoslovenských nárečí a poľštiny. Vo východnej časti (sninská skupina s užskou podskupinou) sa zachoval voľný východoslovanský prízvuk (Hanudeľová 1993: 180).

Na pozadí analýzy vybraných (foneticko-prozodických) zmien sprevádzajúcich praslovanskú fázu vývinu východo- a západoslovanského jazykového areálu môžeme v pačianskom dialekte (ako integrálnej súčasti rusínskych nárečí severovýchodného Slovenska) pozorovať zachovanie viacerých javov východoslovanskej proveniencie, ktoré ho vymedzujú voči okolitým slovenským nárečiam. Najstabilnejší je stav za psl. skupiny *tj*, *dj*, *kt*, *gt*, ako aj za psl. tvrdý jer (*ъ*), frekvenčne významné sú výsledky metatézy psl. *tort*, *tolt*, *tert*, *telt*. Analýza ďalších skúmaných psl. zmien naznačuje obmedzenejší rozsah uplatnenia východoslovanských podôb vplyvom kontaktov s obklopujúcim západoslovanským jazykovým prostredím, čo môžeme podoprieť (pri komparácii so situáciou v iných RN) napr. stavom za psl. *dl*, *tl*, ohraničeným výskytom epentetického *ľ* či pozične obmedzenejším výskytom nekontrahovaných tvarov. Časť javov východoslovanského pôvodu, t. j. zmena psl. *kv-*, *gv-* > *cv-*, *zv-* či voľný prízvuk, sa v miestnom nárečí nedochovala vôbec. Nárečiu skúmanej obce teda môžeme prisúdiť zmiešaný východoslovansko-západoslovanský ráz, ktorý je výsledkom niekoľko storočí trvajúceho jazykového vývinu enklávneho spoločenstva v západoslovanskom nárečovom prostredí. Výraznejšiemu prieniku ďalších západoslovanských prvkov z blízkych gemerských nárečí nepochybne bránilo bezprostredné obkolesenie maďarským jazykovým živlom, úzke jazykovo-kultúrne kontakty so susedným enklávnym spoločenstvom v Úhornej, ako aj prírodné podmienky, v ktorých sa obec nachádza.

LITERATÚRA

ČIŽMÁROVÁ, M.: Výskum ukrajinských rusínskych nárečí východného Slovenska so zreteľom na lingvistickú geografiu. In: IMRICHOVÁ, M. – KESSELOVÁ, J. (eds.): *Jazyk je zázračný organizmus... Metamorfózy jazyka a jazykovedy: zborník príspevkov venovaných prof. PhDr. Ivorovi Ripkovi, DrSc., emer. prof. PU, pri príležitosti jeho životného jubilea*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2013, s. 263 – 275.

DORUĽA, J.: Slovensko-rusínsko-ukrajinské vzťahy na úrovni nárečí a spisovných jazykov. In: DORUĽA, J. (ed.): *Slovensko-rusínsko-ukrajinské vzťahy od obrodenia po súčasnosť*. Bratislava: Slavistický kabinet SAV, 2000, s. 152 – 160.

DUDÁŠOVÁ-KRIŠŠÁKOVÁ, J.: *Vývin rusínskeho jazyka a dialektológia*. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove – Ústav rusínskeho jazyka a kultúry, 2015.

ДЗЕНДЗЕЛІВСЬКИЙ, Й. О.: *Генетична спільність закарпатських говорів з говорами південно-західного наріччя та іншими українськими діалектами.* In: ЧУЧКА, П.: Українські Карпати: Матеріали міжнародної наукової конференції «Українські Карпати: етнос, історія, культура» (Ужгород, 26 серпня – 1 вересня 1991 р.). Ужгород: Карпати, 1993, с. 184 – 197.

GEROVSKIJ, G.: Jazyk Podkarpatské Rusi. In: HUJER, O. et al.: *Československá vlastivěda. Díl III*, *Jazyk.* Praha: „Sfinx“ Bohumil Janda, 1934, s. 460 – 517.

HANUDEĽOVÁ, Z.: Územné členenie ukrajinských nárečí východného Slovenska. In: *Slavica Slovaca*, 1993, 28: 178 – 184.

HURAJTOVÁ-MANKOVÁ, I.: *Некоторые фонетические особенности говора родного села Пача* [diplomová práca]. Prešov: Pedagogická fakulta v Prešove UPJŠ v Košiciach, 1977.

КИРАЙ, П.: О переходном восточнословацко-карпато-угорском диалекте в Венгрии. In: ЧИЧЕРОВ, В. И. (ed.): *Славянская филология*, *III. Сборник статей*, *посвященный IV Международному съезду славистов*. Moskva: Издательство Академии Наук СССР, 1958, s. 163 – 173.

ЛАТТА, В.: *Атлас українських говорів Східної Словаччини. Наукове і картографічне опрацювання З. Ганудель*, *І. Рінка*, *М. Сополига*. Братислава: Словацьке педагогічне вид-во, 1991.

Новий українсько-російський російсько-український словник. 60000 слів. Red. О. П. Івакін Київ: Видавництво “Аконіт”, 1997.

ORLOVSKÝ, J.: *Gemerský nárečový slovník*. Martin: Osveta, 1982.

ПОПОВА, Т. В.: «Восточнославянские изоглоссы» и проблема дифференциации восточнославянского диалектного континуума. In: КАЛНЫНЬ, Л. Э. (гл. ред.): *Исследования по славянской диалектологии. 8. Восточнославянская диалектология*, *лингвогеография и славянский контекст.* Москва: Наука: Институт Славяноведения РАН, 2002, с. 18 – 25. [online]: http://inslav.ru/images/stories/pdf/ISD-08-2002.pdf

Русско-белорусский словарь: В 3 т. Под ред. Я. Коласа, К. Крапивы и П. Глебки. Минск: БелЭн, 1993.

ŠIŠKOVÁ, R.: *Areálová studie slovní zásoby rusínských nářečí východního Slovenska. Diferenční slovník.* Praha: Slovanský ústav AV ČR, v. v. i, Euroslavica, 2009.

ŠTOLC, J.: Slabičné, r l na pomedzí stredoslovensko-východoslovenskom. In: *JS I – II*, 1946 – 1947: 317 – 389.

Українська мова. Енциклопедія. Ред. В. М. Русанівський et al. Київ: Українська енциклопедія ім. М. П. Бажана, 2004.

Archívne zdroje

DK ASJ – Archív dialektologického oddelenia JÚĽŠ SAV. Dotazníková kartotéka k Atlasu slovenského jazyka I, II.

Zoznam skratiek

biel. – bielorusky, n. – namiesto, m. – mapa, porov. – porovnaj, psl. – praslovanský, RN – rusínske nárečia na severovýchode Slovenska, rus. – rusky, ukr. – ukrajinsky, v. v. – vlastný výskum

THE DIALECT OF THE GEMER VILLAGE OF PAČA FROM THE VIEWPOINT OF EAST SLAVIC AND WEST SLAVIC LANGUAGE CONTACTS

Abstract: The dialect of the enclave community of Pača belongs to a group of Rusyn dialects representing the western edge of the East Slavic language campus. At the same time, the village in question is the westernmost Rusyn enclave in the southern half of eastern Slovakia that is in contact with the central Slovak dialects. The analysis of selected historical phonetic-prosodic phenomena revealed the presence of many East Slavic elements that are implemented to varying degrees. For example, the most consistently preserved is state of Proto-Slavonic (p-sl.) *tj*, *dj*, *kt*, *gt*; the positional occurrence of pleophony is also frequent. A part of the language phenomena of East Slavic origin has been either preserved in the local dialect only to a limited extent (e.g. reduction of p-sl. *dl*, *tl* > *l*) or has been completely replaced by forms of West Slavic provenance (properly preserved psl. *kv-*, *gv-* at the beginning of words before *ě*, *i*; fixed accent *on a penult*). Therefore, we can attribute a mixed East Slavic-West Slavic character to the dialect of the analyzed enclave. This is the result of Rusyn enclave developing in the encirclement of the West Slavic dialects for several centuries. The encirclement of the Hungarian language, significant cultural and linguistic relations with the neighboring enclave community in Úhorná, as well as natural and geomorphological factors have undoubtedly prevented a more significant interference of other West Slavic elements from nearby Gemer dialects. However, a comprehensive view on the issue of language interference in the given dialect is possible only after adding later phonetic changes and the situation in other language levels to the analysis.

Key words: language interference, enclave communities dialect, Carpatho-Rusyn dialects.

Slavka Oriňáková
Ústav jazykových kompetencií Centra celoživotného a kompetenčného vzdelávania Prešovskej univerzity v Prešove, Prešovská univerzita v Prešove, Prešov (Slovensko)

SLOVENSKÉ OBYVATEĽSKÉ PROPRIÁ V UČEBNOM PROCESE UKRAJINSKÝCH ŠTUDENTOV

Anotácia: Pre ukrajinských študentov študujúcich na Slovensku slovenské študijné programy je nevyhnutné korektne komunikovať v slovenčine. Na dosiahnutie potrebných jazykových kompetencií slúži na Prešovskej univerzite kurz slovenského jazyka pre cudzincov. Jedným z prvých preberaných jazykových javov sú slovenské obyvateľské propriá, konkrétne ich tvorenie od geografických vlastných mien v singulári aj pluráli. Tieto lexikálne jednotky spôsobujú ukrajinským študentom ťažkosti vo verbálnom aj v písomnom prejave. V štúdii identifikujeme interferenčné javy a chyby, ktorých sa ukrajinskí študenti dopúšťajú v tejto oblasti. Zdrojom informácií sú písomné prejavy ukrajinských študentov realizované v rámci vyučovacieho procesu. Zameriavame sa na analýzu samostatne písaných písomných previerok a porovnávame ich s cvičeniami vypracovanými v domácom prostredí. V štúdii osobitne sledujeme a hodnotíme tvorenie nominatívu singuláru a plurálu, tiež tvorenie maskulín a feminín.

Kľúčové slová: Slovenčina ako cudzí jazyk. Obyvateľské propriá. Analýza chýb. Interferencia v jazyku.

Úvod

Univerzity hlavne na východnom Slovensku zaznamenávajú v posledných rokoch zvýšený záujem o štúdium zo strany ukrajinských uchádzačov. Významnými faktormi, ktoré vplývajú na rozhodovanie mladých ľudí z Ukrajiny v prospech štúdia na Slovensku v slovenskom jazyku, sú členstvo Slovenska v Európskej únii, zrušenie vízovej povinnosti, bezprostredné susedstvo Ukrajiny a Slovenska a genetická a typologická príbuznosť národných jazykov.

Prešovská univerzita v Prešove má v ponuke výberový predmet Slovenčina pre zahraničných študentov a záujem oň sa stále zvyšuje. Väčšinu frekventantov tvoria práve študenti z Ukrajiny, ktorí pociťujú potrebu zlepšiť svoj jazykový prejav. Tento predmet je určený študentom nefilologických odborov a študentom neslovanských aj slovanských filológií. Predmet nie je určený slovakistom. Študenti dennej formy štúdia majú k dispozícii dve hodiny týždenne, pričom počet semestrov závisí od ich individuálneho rozhodnutia. Podľa pravidiel fungovania výberových predmetov na Prešovskej univerzite sa spomínaný vyučovací predmet končí hodnotením *absolvoval / neabsolvoval*, čo v praxi znamená, že počas kurzov sa netestuje. Písomné previerky majú pre študenta informatívny charakter.

Cieľom našej štúdie je identifikácia konkrétnych interferenčných javov a chýb, ktorých sa ukrajinskí študenti dopúšťajú v oblasti tvorenia pomenovaní obyvateľov od toponým. Tieto propriá (podľa M. Sokolovej nepravé propriá, por. Sokolová, 2006: 205) predstavujú jeden z prvých preberaných javov v rámci kurzu slovenského jazyka pre cudzincov. Zaoberáme sa tvorením týchto vlastných mien v singulári a pluráli vo forme maskulín aj feminín. Zachovávame rovnaké metodické postupy ako pri prieskume z roku 2018, v ktorom sme sa venovali efektívnosti osvojovania si nominatívu plurálu slovenských substantív a adjektív u ukrajinských študentov (Oriňáková 2018).

Problematika obyvateľských proprií v slovenčine a ukrajinčine

Tvorenie obyvateľských mien v slovenčine sa riadi množstvom kritérií vychádzajúcich z rôznych jazykových rovín. Významnú rolu tu zohráva počet slabík slovotvorného základu, zakončenie slovotvorného základu, slovnodruhová príslušnosť slovotvorného základu ap. Tejto problematike sa v slovenskej jazykovede venovali napr. J. Horecký (2002) a M. Sokolová (2006). Ide o komplikovanú problematiku a pre potreby tejto štúdie nie je potrebné detailne uvádzať všetky zákonitosti tvorenia týchto pomenovaní. Nie je totiž vhodné ani potrebné zoznamovať cudzinca s komplikovanými pravidlami tvorenia obyvateľských proprií hneď na začiatku jeho štúdia slovenčiny. Uvedieme najčastejšie požívané sufixy v poradí podľa frekvencie a niektoré pravidlá ich používania.

1. *-an* – dominantný derivačný prostriedok, uplatňuje sa pri názvoch krajín s nulovou príponou v N sg. (napr. *Tunis – Tunisan*) a s príponou *-a* (*Európa – Európan*). Dochádza k zmäkčovaniu a palatalizácii spoluhlásky v slovotvornom základe názvu krajiny (*Afrika – Afričan*).

2. *-čan* – relevantný je jednoslabičný základ zakončený na jednu nesykavú alebo nevelárnu spoluhlásku, výnimočne zdvojenú, napr. *Čad – Čadčan*. Ak po trunkácii ostane nesykavá alebo nevelárna spoluhláska, bez ohľadu na počet slabík, obyvateľské meno bude obsahovať príponu *-čan*, napr. *Thajsko – Thajčan* (Sokolová 2006: 212).

3. nulová prípona – v názvoch obyvateľov, ktoré sú motivantmi pre názov krajiny (napr. *Srb – Srbsko*, *Švéd – Švédsko* ap.).

4. *-ec* – pri názvoch na *-ina* (*Ukrajina – Ukrajinec*) a pri názvoch krajín, ktorých slovotvorný základ (pred derivačným sufixom *-sko*) končí na *n*, napr. *Japonsko – Japonec.*

Prípony *-čan* a *-ec* sú v ojedinelých prípadoch vo variantnom vzťahu, pričom sufix *-ec* je na ústupe (napr. *Argentínčan – Argentínec*, por. Horecký 2002).

Feminatíva sa v slovenčine tvoria sufixom *-ka* (*Francúzka*, *Angličanka*), ktorý sa pripája k mužskému pomenovaniu. Výnimočne sa využíva sufix *-yňa* (*Grékyňa*, *Turkyňa*).

V pluráli majú obyvateľské propriá mužského rodu príponu vzoru chlap, t. j. *-i*, ak majú v nominatíve singuláru nulovú príponu a príponu *-ec* (*Srbi*, *Ukrajinci*), variantná prípona *-ia* sa používa pri mužských pomenovaniach zakončených na *-an* (*Európania*, *Rakúšania*). Feminatíva na *-ka* patria do vzoru žena, preto majú v pluráli *-y* (*Nemky*, *Mexičanky*), feminatíva na *-yňa* sa skloňujú podľa vzoru ulica a teda majú v nominatíve plurálu príponu *-e* (*Turkyne*).

V ukrajinskom jazyku je dominantným derivačným sufixom pre mužský rod *-ець*. Podľa nášho prieskumu v ukrajinčine obsahuje tento sufix až 77 % názvov obyvateľov (*данець*, *канадець* atď). Asi 15 % týchto názvov má nulovú príponu, napr. *фін*, *швед* atď. Zriedkavo sa využíva sufix (viac ako 4 %) *-ин*, napr. *єгиптянин*. Menej ako 4 % obyvateľských proprií je utvorených iným spôsobom. V ukrajinčine sa na pomenovanie obyvateľa niekedy používa aj prípona adjektív *-ський/-ська* (napr. *болгарський/ болгарська*). Plurál sa tvorí príponami *-i* a *-и*.

Feminatíva sa v ukrajinčine tvoria príponou -*ка* (*литовка*, *арабка*), ktorá sa pripája k slovotvornému základu. Ak je slovotvorný základ zakončený samohláskou, používa sa rozšírený variant -*йка* (*італійка*, *парагвайка*). Zriedkavejšie sú prípony -*чка* (*словачка*), -*иня* (*грекиня*) alebo -*еня* (*туркеня*). V množnom čísle je prípona -*и*.

Na základe uvedených pravidiel tvorenia v oboch jazykoch možno predpokladať negatívny transfer v ukrajinčine preferovaného sufixu -*ець* do slovenských obyvateľských proprií, hoci v slovenčine ide o periférny spôsob tvorenia týchto pomenovaní.

Je tiež dôležité upozorniť na rozdiel medzi slovenčinou a ukrajinčinou v pravopise veľkých písmen: v slovenčine sa v menách obyvateľov píše veľké písmeno, v ukrajinčine malé písmeno. To sa negatívne premieta do slovenského pravopisu.

Prieskumná skupina a výskumný materiál

Slovenské názvy krajín a ich obyvateľov/obyvateliek používa zahraničný študent od prvých chvíľ na našom území. Sú súčasťou predstavovania jeho osoby vo formálnej i neformálnej komunikácii, prostredníctvom nich identifikuje seba aj ostatných účastníkov komunikácie v multilingválnom prostredí. Nie náhodou je táto lexika zaradená v úvode štúdia slovenčiny (napr. v učebnici *Krížom – krážom slovenčina A1* autorov Kamenárová – Španová – Tichá – Ivoríková – Kleschtová – Mošaťová 2007).

Do nášho empirického výskumu sme zaradili písomné práce ukrajinských študentov absolvujúcich kurz slovenčiny prvý semester. Je to rôznorodá skupina, študenti totiž prichádzajú do prvého ročníka s rôznou úrovňou jazykových kompetencií v slovenčine (od A1 po B1 až B2). Skupina je heterogénna aj vo vzťahu k študijnému zameraniu – sú tu študenti nefilologických aj filologických študijných odborov. Práve študenti filologických odborov majú teoretické aj praktické predpoklady úspešnejšie a rýchlejšie napredovať pri nadobúdaní jazykových kompetencií v slovenčine. Vekové rozdiely v skupine ukrajinských študentov zohrávajú tiež významnú rolu. Na Slovensko prichádzajú študenti už od 17 rokov, tí sa v študijnej skupine stretávajú s frekventantmi dospelými a ojedinele aj v zrelom veku. Od veku a zrelosti študentov sa odvíjajú motivačné aspekty ich štúdia slovenčiny – od potreby kreditov za študijný predmet, až po úprimnú snahu ovládať jazyk krajiny, v ktorej študujú, na primeranej úrovni.

Na analýzu máme k dispozícii cvičenia určené na domácu prípravu a nácvik vybraného jazykového javu. Na tento účel sme použili cvičenia z cvičebnice k učebnici *Krížom – krážom slovenčina A1* (Kamenárová a kol. 2007: 32 – 65). V cvičeniach identifikujeme chyby, cvičenia podobného zamerania medzi sebou porovnávame, vyhodnocujeme problémové jazykové situácie. Úlohy pripravené v domácom prostredí porovnávame s písomnými previerkami vypracovanými samostatne počas vyučovacej hodiny. Osobitne analyzujeme tvorenie maskulín a feminín, samostatne tiež hodnotíme tvorenie singuláru a plurálu. Celkovo sme vyhodnocovali dve písomné previerky – jednu zameranú na singulárové formy lexikálnych jednotiek, jednu na plurálové formy, a šesť cvičení z domácich úloh. Z dôvodu obmedzeného priestoru uvádzame relevantný výber skúmaných úloh.

Na základe analýzy písomných prejavov, cvičení a testov odhaľujeme problémy pri osvojovaní si tvorenia obyvateľských proprií, čo nám pomôže viesť študentov k efektívnejšiemu učeniu sa.

Analýza chýb pri tvorení pomenovaní obyvateľov od toponým

Doplňovanie vynechaných názvov v tabuľke

V úlohe 1 mali študenti doplňovať názov v mužskom alebo ženskom rode, pričom v tabuľke boli niektoré lexémy už zadané. Bolo potrebné doplniť osem maskulín a osem feminín.

Pri tvorení maskulín bola dosiahnutá priemerná úspešnosť 51,97 %. Priemerný počet chýb na jedného študenta je 4,47, z toho až 57,64 % chýb predstavuje nesprávna kvantita vokálu v slovotvornom základe pomenovania (konkrétne absencia kvantity), 28,23 % chýb tvoria pomenovania napísané s malým začiatočným písmenom, v 8,23 % ide o nesprávne utvorenie obyvateľského propria (napr. *Talianec – Talian*, *Turok – Turek*, *Fínčan – Fín* ap.). Ojedinele sa objavili aj iné chyby: zámena písmena azbuky a latinky (1,76 %), vynechanie položky (5,26 %), chyba v diakritike (0,59 %).

Vo vzťahu k interferencii je potrebné podrobnejšie analyzovať chyby z oblasti slovotvorby. Asi 31 % študentov urobilo práve takúto chybu. Najčastejšie išlo o pomenovanie *Turok – Turek* (57,14 % chýb, 66,67 % študentov chybujúcich v slovotvorbe), na druhom mieste je chyba v názve *Talianec – Talian* (28,57 % chýb, 33,33 % študentov). V obidvoch prípadoch ide o transfer z ukrajinčiny. Ďalšie chyby: *Sloven – Slovák*, *Fínčan – Fín*.

Priemerná úspešnosť pri tvorení feminatív bola 55,92 %. Priemerný počet chýb na jedného študenta je 3,97. Percentuálne zastúpenie chýb je v porovnaní s maskulínami odlišné hlavne v oblasti slovotvorby – 13,24 % chýb. Porovnanie ponúkame v tabuľke 1.

Použitie slovotvorných prostriedkov pri tvorení feminatív teda spôsobovalo študentom viac problémov ako pri maskulínach. Chybu v slovotvorbe urobilo rovnako asi 31% študentov, ale počet chýb na jedného študenta bol vyšší (1,67 chyby, u maskulín 1,17 chyby). Najčastejšie sa objavili problémy s názvami *Iranka – Iračanka*, *Slovačka – Slovenka*, *Tuniska – Tunisanka* (33,33 %), *Poliačka – Poľka*, *Rakuška – Rakúšanka* (25 %). Ojedinele sa objavili tvary *Rakúštanka – Rakúšanka*, *Nemkiňa – Nemka*. Niektoré z uvedených chýb sú interferenčného charakteru (*Poliačka*, *Slovačka*, *Tuniska*), v ostatných možno vidieť skôr vnútrojazykovú interferenciu (t. j. vplyv iných jazykových javov na skúmaný jav v rámci toho istého osvojovaného jazyka), napr. v slovenčine je príponou *-yňa* utvorené feminatívum *Turkyňa*, *Grékyňa*, na základe toho došlo k transferu do pomenovania *Nemkiňa* (navyše s pravopisnou chybou v prípone).

Tabuľka 1 Porovnanie úspešnosti a zastúpenia chýb pri maskulínach a feminatívach

Úspešnosť / zastúpenie chýb	Maskulína	% študentov, ktorí urobili chybu	Feminatíva	% študentov, ktorí urobili chybu
Priemerná úspešnosť	51,97 %		55, 92 %	
Kvantita slovotv. základu	57,64 %	86,84 %	43,05 %	81,58 %
Pravopis veľkých písmen	28,23 %	36,84 %	25,83 %	31,58 %
Chybná prípona	8,23 %	31,58 %	13,24 %	31,58 %
Zámena azbuky a latinky	1,76 %	7,89 %	-	-
Diakritika	0,59 %	2,63 %	3,31 %	13,16 %
Deformácia slovotv. zákl.	-	-	2,65 %	7,89 %
Kvantita gram. prípony	-	-	3,31 %	13,16 %
Vynechaná položka	3,53 %	5,26 %	8,61 %	10,53 %

Doplňovanie singuláru obyvateľských proprií v písomnej previerke

V rámci písomnej previerky samostatne vypracovanej na vyučovacej hodine mali študenti uviesť päť obyvateľských pomenovaní v mužskom alebo ženskom tvare. Priemerná úspešnosť klesla na 40,36 %, na jedného študenta vychádza až 3,57 chyby.

Zo všetkých identifikovaných chýb 50,5 % tvorí pravopis veľkých písmen. Tento problém sa javí ako vysoko frekventovaná interferenčná chyba. 11 % chýb predstavuje nesprávne zaznamenaná diakritika, 10 % chýb sú chyby pri tvorení feminatív, menej chýb bolo pri tvorení maskulín (8,5 %), v 7,5 % chýb ide o nesprávnu kvantitu vokálu. V tejto písomnej previerke sa objavujú aj prípady, keď študent uvedie namiesto obyvateľského propria genitív krajiny s predložkou (napr. *z Poľska* namiesto *Poliak* ap., 3 %). Ostatné chyby predstavujú menej ako 5 % a uvádzame ich v tabuľke 2.

Tabuľka 2 Zastúpenie chýb pri tvorení singuláru v písomnej previerke

Úspešnosť / zastúpenie chýb	% zo všetkých chýb	% študentov, ktorí urobili chybu
Priemerná úspešnosť	40,36 %	-
Pravopis veľkých písmen	50,5 %	44,64 %
Diakritika	11 %	28,57 %
Chybná prípona feminatív	10 %	30,36 %
Chybná prípona maskulín	8,5 %	23,21 %
Kvantita slovotv. základu	7,5 %	26,79 %
Pravopis diftongov	4,5 %	16,07 %
Kvantita gram. prípony	2 %	7,14 %
Zámena rodu	1 %	3,57 %
Zámena sg./pl.	0,5 %	1,79 %
Deformácia slovotv. zákl.	0,5 %	1,79 %
Pravopis i/j	0,5 %	1,79 %
Vynechaná položka	0,5 %	1,79 %

V slovotvorbe obyvateľských proprií sme v písomnej previerke zaznamenali pestrejší súbor chýb, sú zastúpené chyby interferenčné, chyby vychádzajúce z vnútrojazykového transferu aj chyby nesystémové.

U maskulín sa vyskytuje už známa interferenčná chyba – nesprávne použite prípony *-ec* (napr. *Amerikanec – Američan*, *Španielec – Španiel*). NeSprávne použitá slovenská prípona *-an* je prejav vnútrojazykovej interferencie (napr. *Španielčan – Španiel*), podobne nulová prípona na nesprávnom mieste (napr. *Rakús – Rakúšan*). Problematickým pomenovaním bol aj *Poliak*, nachádzame tu rôznorodé formy: *Polk*, *Polija*, *Poliaky*.

Rovnako pestré formy sa nachádzajú aj pri feminatívach. Ako problémové sa ukázali feminatíva *Poľka* a *Rakúšanka* – tvary boli ovplyvnené medzijazykovou aj vnútrojazykovou interferenciou: *Poľačka*, *Poliačka*, *Poliarka*, *Polika*; *Rakúška*/*Rakuška*, *Rakúska*, *Rakúščanka*, *Rakušina*.

Transformácia plurálu mužskej formy na ženskú formu v kontexte vety

Úloha 2 spočíva v transformácii predchádzajúcich krátkych viet do ženského rodu, vzor: (Talian) *Taliani* sú dobrí speváci. *Talianky sú dobré speváčky* (Kamenárová a kol. 2007b: 65). Priemerná úspešnosť tu bola o niečo vyššia: 54,55 %, počet chýb na jedného študenta je 2,36.

Rozloženie druhov chýb je u feminatív iné ako pri mužskom rode. Tvorenie nominatívu plurálu je pri týchto lexémach v slovenčine aj v ukrajinčine rovnaké (slovenské -y, ukrajinské -и). Problém so správnou príponou nebol veľmi častý (11,54 % chýb), správna gramatická prípona *-y* bola v týchto prípadoch pripojená k nesprávnej slovotvornej prípone (napr. *Nemkiny – Nemky*, *Rakušky – Rakúšanky*, *Američky – Američanky*). V popredí stojí nesprávna kvantita slovotvorného základu (38,46 % chýb), v menšej miere sa vyskytol problém s pravopisom *i/y* (7,69 % chýb), diakritikou (3,84 % chýb) a zachovávaním alternácie *k/č* (3,84 % chýb). Nesprávne písanie veľkého písmena sa tu neobjavuje často, lebo feminatívum stojí na začiatku vety. Vysoké percento chýb predstavujú vynechané vety (34,62 % chýb).

Tvorenie a použitie plurálu obyvateľských proprií v mužskej alebo ženskej forme v kontexte vety

Úloha 3 je komplexnejšia. Zameriava sa jednak na tvorenie obyvateľského propria od zadanej krajiny, jednak na identifikáciu správneho rodu, ktorý treba použiť. Študent tu má správne odpovedať na otázku, vzor: Sú tie blondínky Švédky? (Slovensko) *Nie, tie blondínky sú Slovenky*. (Kamenárová a kol. 2007b: 60). Študenti mali odpovedať na 10 otázok. Priemerná úspešnosť v tejto úlohe bola 43,33 %, na jedného študenta pripadá až 7,3 chyby.

Rôznorodosť chýb je tu výrazná, opakujú sa problematické javy zaznamenané v predchádzajúcich úlohách, no objavujú sa aj iné. Prehľad ponúkame v tabuľke 3.

Tabuľka 3 Zastúpenie chýb pri tvorení plurálu obyvateľských proprií v kontexte

Úspešnosť / zastúpenie chýb	% zo všetkých chýb	% študentov, ktorí urobili chybu
Priemerná úspešnosť	43,33 %	-
Pravopis veľkých písmen	26,4 %	48,15 %
Pravopis i/y	14,72 %	55,55 %
Chybná prípona maskulín	13,2 %	48,15 %
Kvantita slovotv. základu	12,69 %	59,26 %
Predložkový genitív krajiny	11,68 %	22,22 %
Zámena rodu	6,09 %	37,04 %
Diakritika	3,05 %	22,22 %
Chybná prípona feminatív	3,05 %	18,52 %
Deformácia slovotv. zákl.	1,52 %	11,11 %
Kvantita gram. prípony	1,02 %	7,4 %
Zámena azbuky a latinky	0,51 %	3,7 %
Pravopis i/j	0,51 %	3,7 %
Vynechaná položka	5,58 %	11,11 %

V oblasti slovotvorby sme zachytili vysokú mieru kontaminácie tvarov vyplývajúcu z medzijazykovej aj vnútrojazykovej interferencie. Medzijazykovú interferenciu identifikujeme v tvaroch pomenovaní v singulári zakončených v slovenčine na príponu *-an*: *Američani/Američany – Američania*, *Amerikancy – Američania*, *Španielci – Španieli*, *Belgičani – Belgičania*. K tomuto druhu interferencie možno zaradiť aj použitie formy blízkej adjektívu: *Japonski – Japonci*, *Francuzski – Francúzi*). Pri tvare *Španielčania – Španieli* ide o vnútrojazykovú interferenciu. Objavili sa aj tvary s nesprávnou gramatickou príponou: *Nemce – Nemci*, *Američane – Američania*.

U feminatív sme zaznamenali menej chýb, viackrát sa objavil ukrajinský tvar *Belgijki – Belgičanky*, v ďalších chybných formách ide skôr o vnútrojazykovú kontamináciu, prípadne o pravopisný problém (napr. *Belgičianky – Belgičanky*, *Ruštianky – Rusky* ap.)

Doplňovanie plurálu obyvateľských proprií v písomnej previerke

V písomnej previerke zameranej na nominatív plurálu študenti doplňovali päť krátkych viet podľa vzoru: V Maďarsku žijú *Maďari*. Tvorili teda mužskú plurálovú formu obyvateľských proprií. Priemerná úspešnosť bola veľmi nízka: 30,45 %, na jedného študenta pripadá 4,86 chyby.

Nízku úspešnosť spôsobil opäť pravopis veľkých písmen (34,27 % všetkých chýb) a nesprávny sufix (32,39 % chýb). Prehľad chýb uvádzame v tabuľke 5.

Tabuľka 5 Zastúpenie chýb pri tvorení plurálu v písomnej previerke

Úspešnosť / zastúpenie chýb	% zo všetkých chýb	% študentov, ktorí urobili chybu
Priemerná úspešnosť	30,45 %	-
Pravopis veľkých písmen	34,27 %	36,36 %
Chybná prípona	32,39 %	84,1 %
Kvantita slovotv. základu	9,86 %	47,73 %
Chyba v alternácii k/c	7,98 %	31,82 %
Pravopis i/y	6,1 %	20,45 %
Pravopis diftongov	4,69 %	22,73 %
Diakritika	1,88 %	6,82 %
Vynechaná položka	1,88 %	2,27 %
Zámena azbuky a latinky	0,93 %	4,54 %

V oblasti slovotvorby sme identifikovali uprednostňovanie v ukrajinčine prirodzeného zakončenia *-ci* namiesto *-i*, najviac v tvaroch *Kanadci – Kanaďania* (25,71 % chýb z oblasti slovotvorby), *Talianci – Taliani* (21,43%), ojedinele síce použité pri správnom pomenovaní, no pripojené k nesprávnemu slovotvornému základu (*Grekici – Gréci*, *Poľci – Poliaci*). Častejšie sa vyskytuje ukrajinská gramatická prípona *-ані* a *-ани*, v niektorých prípadoch opäť pripojená k nesprávnemu slovotvornému základu (napr. *Grečani/Grečany – Gréci*, *Kanadčiani/Kanadčiany – Kanaďania*, ap.). Zriedkavejšie nájdeme použitie zakončenia *-ania* namiesto *-i* (napr. *Taliania – Taliani*), prípony *-e* (*Taliane – Taliani*, *Kanadiane – Kanaďania*), prípony *-ovia* (*Kanadcovia – Kanaďania*), prípony *-sky* (*Polsky – Poliaci*).

Záver

V našom výskume sme identifikovali medzijazykovú proaktívnu interferenciu. Ide o prenos jazykových javov zo skôr osvojeného jazyka (materinského jazyka) do novoosvojovaného jazyka, a tiež vnútrojazykovú interferenciu. Na základe štúdia interferenčných javov a chýb, ktoré z nich vyplývajú, u konkrétnej dvojice príbuzných jazykov (v našom výskume slovenského a ukrajinského) je možné predvídať problémové oblasti osvojovaného jazyka a nasmerovať svoje pôsobenie na elimináciu nežiaduceho transferu.

Analýzou domácich úloh a písomiek ukrajinských študentov v prvom semestri kurzu slovenčiny sme dospeli k súboru chýb, ktorých sa študenti dopúšťajú pri tvorení a používaní obyvateľských proprií v nominatíve singuláru a plurálu. Zostavili sme rebríček chýb od najčastejších po zriedkavé. Chyby, ktoré sa objavili iba v individuálnych prípadoch, v rebríčku neuvádzame.

Poradie chýb podľa početnosti:

1. pravopis veľkých písmen;
2. kvantita slovotvorného základu;
3. prípony maskulín v pluráli;
4. prípony maskulín v singulári;
5. pravopis i/y;
6. diakritika;
7. prípony feminatív v singulári;
8. prípony feminatív v pluráli;
9. pravopis diftongov;
10. zámena rodu;
11. alternácia k/c;
12. – 13. deformácia slovotvorného základu;
12. – 13. kvantita prípony;
14. zámena azbuky a latinky;
15. pravopis i/j.

Náš empirický prieskum preukázal značne nízku úspešnosť pri riešení zadaných úloh a to tak v domácom prostredí, ako aj v písomných previerkach. V tabuľkách 6 a 7 na ilustráciu prezentujeme prehľad priemernej úspešnosti, pričom uvádzame všetky skúmané úlohy aj hodnotenie podľa stupnice stanovenej pre výberový predmet na Prešovskej univerzite.

Tabuľka 6 Priemerná úspešnosť v singulári

Priemer	Úloha 1, m	Úloha 1, f	Úloha 2, f	Úloha 3, m	Písomka
Úspešnosť	51,97 %	55,92 %	82,86 %	48,03 %	40,36 %
Hodnotenie	E	E	B	FX	FX

Tabuľka 7 Priemerná úspešnosť v pluráli

Priemer	Úloha 4, m	Úloha 5, f	Úloha 6, m +f	Úloha 7, m	Písomka
Úspešnosť	47,69 %	54,55 %	43,33 %	62,59 %	30,45 %
Hodnotenie	FX	E	FX	D	FX

Na základe analýzy usudzujeme, že ukrajinskí študenti od začiatku štúdia slovenčiny podceňujú prípadne až ignorujú domáce individuálne učenie sa a prípravu na vyučovací proces. K nepriaznivým študijným výsledkom prispieva aj nedostatočná motivácia, keďže nastavenie študijného programu nevedie k hodnoteniu známkami a všetky zadané úlohy majú pre študenta „iba“ informatívny charakter. K podobným zisteniam sme dospeli aj

v prieskume z roku 2018 (por. Oriňáková 2018). Znova musíme konštatovať, že vnútorná motivácia študenta (túžba po zdokonaľovaní sa, po dosahovaní cieľov a pod.) bez adekvátneho odmeňovania ale aj sankcií nemá dostatočnú silu, aby viedla ku kvalitným študijným výsledkom.

LITERATÚRA

DŽUGANOVÁ, B. – POLÁČKOVÁ, G.: *Transfer a interferencia pri vyučovaní angličtiny.* Cudzie jazyky komunikatívne – efektívne – kvalifikovane, At Košice: Univerzita P. J. Šafárika, Volume: 2004, s. 54 – 59.

HORECKÝ J.: *Názvy krajín a ich obyvateľov.* Dostupné na: http://www.juls.savba.sk/ediela/ks/2002/4/ks2002-4.html

KAMENÁROVÁ, R. – ŠPANOVÁ, E. – TICHÁ, H. – IVORÍKOVÁ, H. – KLESCHTOVÁ, Z. – MOŠAŤOVÁ, M.: *Krížom – krážom. Slovenčina A1.* Bratislava: Studia Academica Slovaca, 2007.

KAMENÁROVÁ, R. a kol.: *Krížom – krážom. Slovenčina. A1 + A2 Cvičebnica.* Bratislava: Studia Academica Slovaca, 2015s.

KREJČOVÁ, E.: *Problematika osvojování druhého jazyka - teorie a praxe (na základě výuky bulharštiny jako cizího jazyka v slovanském kontextu.* Habilitační práce, Brno, 2018.

ORIŇÁKOVÁ, S.: Analýza problémových javov v slovenskom jazyku v jazykovom prejave ukrajinských študentov. In: *CASALC Review. Odborný časopis České a slovenské asociace učitelů jazykových center na vysokých školách,* 2016/2017, roč. 6, č. 3, Brno, 2017: 71 – 81.

ORIŇÁKOVÁ, S.: Osvojovanie si nominatívu plurálu slovenských substantív a adjektív ukrajinskými študentmi. Kľúčové kompetencie pre celoživotné vzdelávanie. In: *Zborník príspevkov Centra celoživotného a kompetenčného vzdelávania Prešovskej univerzity v Prešove* [electronic]. Prešov, 2018, s. 64 – 79.

Pravidlá slovenského pravopisu. 3., upravené a doplnené vydanie. Red. M. Považaj. Bratislava: Veda, 2000.

SOKOLOVÁ, M.: Systémové modely tvorenia obyvateľských mien a etnoným v slovenčine. In: *Slovenská reč*, 2006, roč. 71, č. 4: 205 – 223.

Словник української мови. Dostupné na: http://sum.in.ua

SLOVAK GEOGRAPHICAL PROPRIA IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF THE UKRAINIAN STUDENTS

Abstract: It is necessary for the Ukrainian students who study Slovak study programs here in Slovakia to communicate correctly in the Slovak language. In order to achieve the necessary language competences, a Slovak language course for foreigners is provided by the University of Prešov. One of the first language linguistic phenomena is the Slovak propria, namely their formation from geographical proper names in singular and plural. These lexical units cause the Ukrainian students difficulties in verbal as well as written speech. In the paper, we try to identify the interference phenomena and mistakes which are made by the Ukrainian students in this linguistic area. Written tasks carried out in the teaching process by the Ukrainian students are the main source of information. We focus on the analysis of in-class writing tests of the students and we compare them with outside writing assignments. In the study, we particularly monitor and evaluate the nominative singular and plural forms, as well as the formation of masculine and feminine nouns.

Keywords: Slovak as a foreign language. Geographical propria. Analysis of mistakes. Interference in language.

Veronika Uhríková
Štátna vedecká knižnica v Banskej Bystrici, Banská Bystrica (Slovensko)

SLOVANSKÉ JAZYKY V CENTRE SLOVANSKÝCH ŠTÚDIÍ

Anotácia: Slovanské jazyky, literatúry a kultúry predstavujú výnimočný vzdelávací a informačný potenciál v činnosti Štátnej vedeckej knižnice v Banskej Bystrici už niekoľko rokov. Dokumenty v slovanských jazykoch knižnica sprístupňuje v samostatnom priestore – v jazykovej študovni Centrum slovanských štúdií. Fond študovne sa profiluje v závislosti od preferencií jej návštevníkov a používateľov. Dokumenty sú orientované na filológiu a lingvistické slovníky, dejiny literatúry, teóriu prekladu, kulturológiu, etnografiu, históriu a politológiu, hlavne v ruskom, poľskom, ukrajinskom, bieloruskom a bulharskom jazyku. K dispozícii sú rôzne typy dokumentov, od kníh, cez periodiká po CD, DVD a CD-ROM určené v závislosti od dokumentu na prezenčné a absenčné vypožičiavanie. Pre oblasť vzdelávania v slovanských jazykoch má veľký význam organizácia vzdelávacích podujatí pre verejnosť a pre organizované skupiny žiakov a študentov. Pri ich realizácii významnú úlohu zohráva korektná, dlhoročná aktívna spolupráca centra s vedcami a odborníkmi, či so zastupiteľskými úradmi pôsobiacimi na Slovensku. Výsledkami tejto spolupráce sú mnohé vzdelávacie podujatia, z ktorých niektoré budú v príspevku špecifikované.

Kľúčové slová: Štátna vedecká knižnica v Banskej Bystrici, vzdelávanie, slavistika, veda.

Štátna vedecká knižnica v Banskej Bystrici je pokračovateľkou prvej slovenskej knižnice v Banskej Bystrici, Mestskej verejnej knižnice, ktorá bola zriadená v roku 1926. V roku 1969 získala status vedeckej knižnice. Od tohto obdobia sa podieľa na viacerých vedeckovýskumných úlohách regionálneho a celoslovenského charakteru (Lauková a kol. 2014). V súčasnosti je v zriaďovacej pôsobnosti Ministerstva kultúry Slovenskej republiky. Plní úlohu multifunkčného a zároveň multikultúrneho informačného centra. Ako jedna z mála knižníc na Slovensku má vybudovanú bohatú sieť jazykových študovní. Prvou jazykovou študovňou na pôde Štátnej vedeckej knižnice v Banskej Bystrici bola Nemecká študovňa. Zriadená bola na základe rokovaní s Goetheho inštitútom v Mníchove a následne zmluvy o spolupráci podpísanej v roku 1994. V roku 1999 sa riaditeľkou knižnice stala Oľga Lauková, ktorá vo veľkej miere podporovala rozvoj medzinárodnej spolupráce knižnice. Z jej iniciatívy boli v knižnici vybudované ďalšie jazykové študovne – Centrum ruských štúdií (2005), InfoUSA v spolupráci s Veľvyslanectvom USA na Slovensku (2005), Britské centrum v spolupráci s Britskou radou (British Council)[1] (2006) a Window of Shanghai v spolupráci so Šanghajskou knižnicou v Šanghaji (2010). V tomto trende pokračuje aj súčasná riaditeľka knižnice, Blanka Snopková, ktorá podporila vznik zatiaľ najmladšej jazykovej študovne – Centra hispánskej kultúry Vladimíra Olerínyho (2019). Cieľom jazykových študovní je podporovať vzdelávanie v cudzích jazykoch, či už prostredníctvom bohatého cudzojazyčného fondu alebo prostredníctvom organizovania vzdelávacích a kultúrno-spoločenských podujatí venovaných jazykom a kultúre krajín zastúpených v rámci týchto jazykových centier.

[1] V súčasnosti už spolupráca medzi Štátnou vedeckou knižnicou v Banskej Bystrici a Britskou radou (British Council) nepokračuje.

Súčasné Centrum slovanských štúdií Štátnej vedeckej knižnice v Banskej Bystrici bolo slávnostne otvorené vo februári 2005 ako Centrum ruských štúdií a verejnosti sprístupnené od marca 2005. Zriadenie centra podporila Nadácia pre rozvoj kultúrnych centier v zahraničí a jej vtedajšia prezidentka Mery Trifonenková, ktorá knižnicu aj osobne navštívila a svojím knižným darom prispela k rozšíreniu fondu vznikajúceho centra. Pri budovaní fondu pomohli aj ďalší významní partneri – Asociácia rusistov Slovenska, Ruské centrum vedy a kultúry v Bratislave, Zväz Rusov na Slovensku a firma Willig (Uhríková, 2015, s. 4 – 5).

Od svojho vzniku centrum hostilo pri príležitosti konania vzdelávacích podujatí niekoľkých významných slovenských a zahraničných rusistov, veľvyslancov, diplomatov, či spisovateľov. Z viacerých spomenieme odborný seminár pod vedením Evy Kollárovej *Svet cudzojazyčnej edukácie*. Z ruských vedeckovýskumných pracovníkov navštívili knižnicu a centrum napr. vedecká spolupracovníčka Štátneho vedeckovýskumného inštitútu rodiny a výchovy Ruskej akadémie vzdelávania Lola Zvonarjovová, či Ľudmila Verbickaja, vtedajšia rektorka Štátnej petrohradskej univerzity, pri príležitosti otvorenia centra a tiež pri príležitosti besedy na tému *Vysokoškolské vzdelávanie v Ruskej federácii*.

Silné zázemie, ktoré si centrum v sieti jazykových centier Štátnej vedeckej knižnice v Banskej Bystrici vybudovalo, inšpirovalo vedenie knižnice k myšlienke rozšírenia jeho pôsobenia na oblasť jazykov a kultúr slovanských národov vo všeobecnosti. V priebehu roka 2012 prebiehala jeho transformácia, nielen vo sfére budovania fondu, ale aj profilovania jeho ďalšej vzdelávacej oblasti. Obnovila sa spolupráca s predchádzajúcimi partnermi a nadviazali sa aj nové kontakty, napr. s Centrom poľského jazyka a kultúry pri Katedre slovanských jazykov Filozofickej fakulty Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici a s občianskym združením *Dom národov – Raduana*, ktoré sa venuje propagácii bulharskej kultúry v Banskej Bystrici.

V súčasnosti je v centre z východoslovanských jazykov okrem ruštiny zastúpený fond v ukrajinskom a bieloruskom jazyku. Zo západoslovanských je najkomplexnejšie pokrytý fond poľského jazyka. Dokumenty sú orientované predovšetkým na filológiu a lingvistické slovníky, dejiny literatúry, teóriu prekladu, kulturológiu, etnografiu, históriu a politológiu. K dispozícii sú rôzne typy dokumentov – od kníh, cez periodiká, po CD, DVD a CD-ROM nadobudnuté kúpou, darom a medzinárodnou výmenou, určené na prezenčné a absenčné vypožičiavanie.

Prispievať k vzdelávaniu v slovanských jazykoch a spoznávaniu kultúr krajín, ktoré obývajú slovanské národy, patrí k základným úlohám, ktoré sa centrum snaží napĺňať svojou činnosťou. Nielen prostredníctvom bohatého knižničného fondu, ale aj realizovaním rôznych typov podujatí sa venuje vzdelávaniu detí a mládeže i dospelých. Cieľom každoročne organizovaných podujatí v rámci *Dňa ruského jazyka* a *Európskeho dňa jazykov* je s využitím kvízov, hier a interaktívnych aktivít prispieť k zlepšeniu jazykových a interkultúrnych kompetencií detí a mládeže. V spolupráci s ďalšími jazykovými študovňami sa centrum každoročne od roku 2015 zapája do podujatia *Babylon jazykov*[2], ktorého cieľom je vytvoriť

[2] Od roku 2018 je podujatie realizované pod názvom *Jazyková kaviareň*.

priestor pre ľudí, ktorí majú záujem porozprávať sa v cudzom jazyku. Na základe pozitívnej odozvy pripravilo centrum v roku 2018 samostatnú *Ruskú jazykovú kaviareň*, v ktorej plánuje pokračovať aj v roku 2019. S cieľom podporiť štúdium ruského jazyka a spoznávanie ruskej kultúry na Slovensku sa centrum podieľalo na projekte knižnej pomoci pre základné a stredné školy s vyučovaním ruského jazyka, ktorý realizovali Veľvyslanectvo Ruskej federácie v Slovenskej republike a Asociácia rusistov Slovenska. V spolupráci s neziskovou organizáciou, Slovenskou akademickou informačnou agentúrou, pravidelne pripravuje informačné stretnutia a semináre zamerané na popularizovanie internacionalizácie vzdelávania, vedy a výskumu.

Pre vzdelávanie v slovanských jazykoch má veľký význam organizácia edukačných podujatí pre verejnosť. Pri ich realizácii významnú úlohu zohráva korektná, dlhoročná aktívna spolupráca centra s vedcami a odborníkmi, či so vzdelávacími inštitúciami a so zastupiteľskými úradmi pôsobiacimi na Slovensku.

Centrum hostilo niekoľko slovenských a zahraničných vedcov, ktorí na pôde knižnice vystúpili s odbornými prednáškami zameranými predovšetkým na dejiny krajín, ktoré obývajú slovanské národy, a na dejiny ich literatúr. Odborné prednášky sú jedným z nástrojov, ktoré knižnica využíva pri plnení funkcie vzdelávacej inštitúcie. V spolupráci s Bulharským kultúrnym inštitútom v Bratislave sa podieľalo na prednáške venovanej bulharskému cárovi Samuilovi pod názvom *Neprekonateľný v moci a statočnosti*, či na prednáške Rumjany Konevovej, v rámci ktorej prezentovala výsledky svojho výskumu týkajúceho sa témy Bulharska v Európe. V spolupráci s Poľským inštitútom v Bratislave a Centrom poľského jazyka a kultúry pri Katedre slovanských jazykov Filozofickej fakulty Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici sa uskutočnili prednášky popredných poľských historikov, napr. Łukasza Michalského z Inštitútu národnej pamäti vo Varšave, či Czesława Brzozu z Inštitútu histórie Jagelovskej univerzity v Krakove. Centrum iniciovalo tiež prednášky venované dejinám Ruska a ruskej kultúry v spolupráci z odborníkmi pôsobiacimi na katedrách Filozofickej fakulty Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici.

Obľúbenou formou vzdelávania študentov sú stretnutia a diskusie s diplomatmi. Centrum slovanských štúdií viackrát hostilo Dmytra Konyševa, radcu a riaditeľa Obchodno-ekonomickej misie Veľvyslanectva Ukrajiny v Slovenskej republike. Pri ich realizácii spolupracovalo s Katedrou európskych kultúrnych štúdií Filozofickej fakulty Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici, ktorej študenti sa v rámci svojho vysokoškolského štúdia venujú aj problematike východoslovanských kultúrnych štúdií a možnosť diskutovať s diplomatom o aktuálnych otázkach a praktických skúsenostiach je vhodným doplnením teoretickej časti ich štúdia.

Vďaka úzkej spolupráci centra s Katedrou slovanských jazykov Filozofickej fakulty Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici, ktorá pripravuje budúcich tlmočníkov a prekladateľov, sa dobre etablovali stretnutia s prekladateľmi – Karolom Chmelom[3], Evou

[3] Prekladateľ poľskej, slovinskej, srbskej a chorvátskej literatúry.

Maliti Fraňovou[4], Jánom Zamborom[5] a Sylviou Galajdovou[6]. Stretnutia vytvárajú platformu pre diskusiu odborníkov z praxe so študentmi – budúcimi prekladateľmi. Praktické skúsenosti môžu študenti poľskej sekcie katedry môžu získať pri tlmočení poľských príspevkov na každoročnom odbornom seminári pre knihovníkov a knižnično-informačných špecialistov organizovanom Štátnou vedeckou knižnicou v Banskej Bystrici *TLib – Trendy v knižničnej praxi*.

Rovnako dôležitým typom vzdelávacích podujatí sú prezentácie odborných publikácií, ktoré centrum realizuje v spoluprácu s kultúrnymi inštitútmi a slovenskými univerzitami. Filologička Viktória Liashuk prezentovala na pôde knižnice skriptá *Literárna veda pre slovenských rusistov* (*Литературоведение для словацких русистов*) (Liashuk 2014). Michał Rusinek, poľský vedec, prekladateľ, spisovateľ a osobný tajomník poľskej nositeľky Nobelovej ceny za literatúru Wisławy Szymborskej, predstavil na pôde knižnice svoju knihu *Nič obvyklého o Wisławe Szymborskej* (*Nic zwyczajnego o Wisławie Szymborskiej)*, ktorá vyšla pri príležitosti 20. výročia udelenia Nobelovej ceny za literatúru tejto významnej poľskej poetke.

Slovanské jazyky, literatúry a kultúry predstavujú výnimočný vzdelávací a informačný potenciál v činnosti Štátnej vedeckej knižnice v Banskej Bystrici. Systematicky budovaný knižničný fond Centra slovanských štúdií jej umožňuje sprístupňovať vedecké a metodické informačné zdroje na individuálne štúdium a zároveň ho využívať pri organizovaní vzdelávacích aktivít pre návštevníkov. Neoddeliteľnou súčasťou vzdelávacích podujatí centra je aktívna spolupráca s vedcami a odborníkmi. Výsledkom tejto spolupráce je každoročne okolo 20 vzdelávacích podujatí venovaných slovanským jazykom, literatúram a kultúram.

Štátna vedecká knižnica v Banskej Bystrici sa činnosťou Centra slovanských štúdií snaží prispieť k vzdelávaniu sa v slovanských jazykoch na Slovensku a k spoznávaniu kultúr slovanských národov.

LITERATÚRA

LAUKOVÁ, O. a kol.: *Knižnica v minulosti a súčasnosti*. Banská Bystrica: Štátna vedecká knižnica v Banskej Bystrici, 2014.

LIASHUK, V. / ЛЯШУК, В.: *Литературоведение для словацких русистов. Комплексный учебник для студентов филологических специальностей*. Ružomberok: VERBUM, 2014.

UHRÍKOVÁ, V.: *Dialóg kultúr 2005 – 2015*. Banská Bystrica: Štátna vedecká knižnica v Banskej Bystrici, 2015.

[4] Slovenská literárna vedkyňa, spisovateľka a prekladateľka z ruštiny.

[5] Slovenský básnik, literárny vedec, prekladateľ poézie z ruštiny a španielčiny, vysokoškolský pedagóg.

[6] Prekladateľka poľskej literatúry, predsedníčka občianskeho združenia Poľska, absolventka Katedry slovanských jazykov Filozofickej fakulty Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici v odbore prekladateľstvo a tlmočníctvo – poľský jazyk.

SLAVIC LANGUAGES IN THE CENTER FOR SLAVIC STUDIES

Abstract: The present Center for Slavic Studies was established in the State Scientific Library in Banská Bystrica in 2005 as the Center for Russian Studies. The transformation that included broadening of the center's orientation took place during the year 2012. Contributing to learning Slavic languages and spreading knowledge about countries inhabited by Slavic people are the basic tasks that the center seeks to accomplish, not just through a rich selection of books, but also by organizing various events for teenagers, young adults, as well as adults. The goal of annual events like *European Day of Languages* and *Day of Russian Language* is to improve the language and intercultural competence of children and young adults by using quizzes and interactive games. In order to improve studying of Russian language and discovering Russian culture, the center took part in a project of distributing books to primary and high schools with Russian classes, implemented by the Embassy of the Russian Federation to the Slovak Republic and the Slovak Association of Experts in Russian Studies. Cooperation with scientists and professionals has resulted in presentations of scientific publications, sessions with translators and professional lectures with target groups being university students, professionals and the general public. Active cooperation has been developed with representative offices in Slovakia, especially with the Embassy of the Russian Federation to the Slovak Republic, Russian Center of Science and Culture in Bratislava, Embassy of Ukraine to the Slovak Republic, Polish Institute in Bratislava and Bulgarian Cultural Institute in Bratislava.

Key words: State Scientific Library in Banská Bystrica, education, Slavic studies, research.

III. Umelecká literatúra z pohľadu teórie spisovných jazykov

Художественная литература в ракурсе теории литературных языков

Дмитрий Владимирович Ларкович
Филологический факультет, Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут (Россия)

СЕМАНТИКА ОБРАЗА РОССИИ В ЛИРИКЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Аннотация: В лирике Тютчева фигурирует набор словесных знаков, которые характеризуют географическое положение России. Высокая степень их частотности свидетельствует о том, что эти знаки изначально концептуализированы. В поздних стихотворениях Тютчева о России зимняя символика со значением абсолютного покоя усиливается рядом других предметных образов, традиционно имеющих статическую семантику и обладающих позитивной коннотацией. Российская статичность приобретает здесь значение непоколебимой силы, державной мощи и стабильности. По мнению поэта, предназначение России связано с разрешением межславянских и общеевропейских противоречий, возникших на пути развития цивилизации. В результате сама Россия не просто приобретает характер сакрального пространства, но и становится геофизическим воплощением Христа, а её бытовая необустроенность предстают как внешний атрибут Божественной сущности и та её видимая оболочка, за которой угадывается тайный, невидимый Свет. Будучи результатом высокого акта Боговоплощения, Россия осуществляет свою спасительную миссию посредством Слова, его универсального творческого потенциала.

Ключевые слова: русская лирическая поэзия, Ф.И. Тютчев, геопоэтика, семиотический код.

Умом – Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить (Тютчев 2003: II, 165).

Каждому, кто хоть немного знаком с русской поэтической классикой, известны эти замечательные тютчевские строки, уже давно ставшие афоризмом, фокусирующим константы нашей национальной идентичности. Даже при беглом взгляде на эту лаконичную поэтическую манифестацию отчетливо видится дуалистическая основа заявленного тезиса: утверждение особого статуса российской ментальности осуществляется посредством отрицания неадекватных её природе методов гносеологического постижения («не понять», «не измерить»). Учитывая, что данное стихотворение было написано Ф. И. Тютчевым в последнее десятилетие жизни поэта, его следует квалифицировать как итоговое выражение диалектического принципа авторского моделирования образа России, ставшего лейтмотивным феноменом его поэтической системы. Попробуем проследить содержательную динамику этого образа и определить комплекс средств его непосредственной реализации в лирике Тютчева.

Один из ранних подступов к поэтическому осмыслению сущности феномена России связан с созданием в 1820 г. стихотворения *Урания*. В этом первом опубликованном юношеском сочинении Тютчева представлен аллегорический очерк всемирной истории культуры и искусств. В ряду «певцов бессмертных», к числу которых автор относит Гомера, Вергилия, Тассо, Камоэнса, Мильтона и Клопштока, особое место занимают и русские стихотворцы – «Росский Пиндар» Ломоносов и «Певец Фелицы» Державин, чьи заслуги связаны с утверждением идеалов

просвещения и прославлением его царственных покровителей – Петра, Елизаветы, Александра. В этом контексте Россия предстаёт как пространство культурного зиждительства, где «гений просвещенья, / Блистая светом обновленья, / Блажит своих веселье дней» (Тютчев 2002: I, 25).

Примечательно то, что уже в этом раннем тютчевском опусе, откровенно ориентированном на жанровый канон пиндарической оды, фигурирует набор словесных знаков, которые привычно характеризуют географическое положение России и могут восприниматься как атрибут риторической традиции: «снега Полунощи глубокой», «блеск хладных зарь», «свист льдистых вьюг». Однако высокая степень их частотности в более поздних тютческих текстах свидетельствует о том, что эти знаки изначально концептуализированы.

Так, в стихотворении *14-ое декабря 1825*, где Тютчев размышляет о последствиях восстания на Сенатской площади, образ самодержавной России соотнесен с определениями «вечный полюс» и «вековая громада льдов», которые, как следует из текста, оказалась не в состоянии растопить «скудная», хотя и «сверкнувшая» кровь восставших (Тютчев 2002: I, 56). Более того, если обратиться к черновым наброскам этого стихотворения, то обнаружится, что при подготовке итогового варианта текста Тютчев сознательно усилил зимнюю семантику этого образа, ср.: «Зима железная дохнула…» вместо «Земля железная дохнула…» (Тютчев 2002: I, 229).

Комментируя это стихотворение, Л. В. Пумпянский замечает: «Такое объяснение исторических событий весьма типично для всей романтической метафизики, которая всегда стремилась одним грандиозным мифом охватить и природу, и человечество» (Пумпянский 2000: 224). В связи с этим нельзя не заметить, что сюжетную коллизию данного стихотворения определяет универсальная семантическая оппозиция «движение–покой», на фоне которой действенная, преобразующая активность декабристов приходит в противоречие с неизменной («вечной», «вековой») природой российской государственности. Отсюда следует, что любая попытка воздействовать на незыблемые, фундаментальные законы бытия не только трагически бесперспективна, но и фатально обречена на карающее возмездие высших сил:

Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил, –
И в неподкупном беспристрастье
Сей приговор Закон скрепил… (Тютчев 2002: I, 56).

В более поздних стихотворениях Тютчева о России зимняя символика со значением абсолютного покоя нередко усиливается с рядом других предметных образов, традиционно имеющих статическую семантику. Показательно в этом смысле, например, стихотворение *Глядел я, стоя над Невой…* (1844), где первые две строфы являют собой живописную зарисовку зимнего оцепенения, в которое погружена российская столица:

Глядел я, стоя над Невой,
Как Исаака-великана
Во мгле морозного тумана
Светился купол золотой.

Всходили робко облака
На небо зимнее, ночное,
Белела в мертвенном покое
Оледенелая река (Тютчев 2002: I, 193).

Здесь «мертвенный покой» Невской набережной как бы акцентирован её гранитной окантовкой или, как сказано в тексте, «гранитной полосой», к которой «прикован» лирический субъект, околдованный Севером-Чародеем и тоскующий по «тёплому Югу».

Однако статические образы, определяющие содержание российского топоса, семантически амбивалентны и чаще обладают позитивной коннотацией. Следует заметить, что там, где характер лирического переживания основан на выражении субъективных ощущений, имеющих связь с автобиографическим контекстом, образ неподвижно застывшей России воспринимается лирическим героем как «бедный призрак, немощный и смутный», «край безлюдный», «места немилые, хоть и родные» (Тютчев 2002: I, 204) и т. п. Но как только лирический герой забывает о своих личных пристрастиях, российская статичность приобретает значение непоколебимой силы, державной мощи и стабильности.

Так, например, в стихотворении *Море и утёс* (1848), написанном в разгар охвативших Европу революционных волнений, поэт рисует аллегорическую картину самостояния России, явленной в образе гранитной скалы, величественной и неприступной, на фоне разбушевавшейся, но бессильной в своём неистовстве морской стихии:

И, озлобленные боем,
Как на приступ роковой,
Снова волны лезут с воем
На гранит громадный твой.
Но, о камень неизменный
Бурный натиск преломив,
Вал отбрызнул сокрушенный,
И клубится мутной пеной
Обессиленный порыв... (Тютчев 2002: I, 197).

Здесь в целом характерная для тютческого творчества оппозиция «Россия – Запад» выступает в качестве вполне прозрачной политической инвективы и наглядно выражает историософскую концепцию поэта. По мнению Тютчева, волна европейских

революций, представленная в указанном стихотворении в образе клокочущей морской стихии, есть неизбежное следствие развития европейской цивилизации, основанной на деятельном стремлении личности к автономии и этической независимости, личности, готовой принести любые жертвы на алтарь завоевания своих прав и привилегий. Характеризуя историософские воззрения поэта, Б. Н. Тарасов отмечает, что «революция происходит тогда, когда теоцентризм уступает место антропоцентризму, утверждающему человека мерой всей, целиком от его планов и деятельности зависимой действительности, а абсолютная истина, “высшие надземные стремления”, религиозные догматы замещаются рационалистическими и прагматическими ценностями» (Тарасов 2012: 120).

Именно о такой личности, в которой «человеческое *я*, желающее зависеть лишь от самого себя, не признающее и не принимающее другого закона, кроме собственного волеизъявления, одним словом, человеческое я, заменяющее собой Бога», – пишет Тютчев в статье *Россия и революция* в том же 1848 году (Тютчев 2003: III, 144). Истоки разложения западной цивилизации поэт видит в искажении самого духа христианского учения римской Церковью, подменившей идею царства Божия идеей царства земного. Следствием этого доведенного до своей крайней логической точки гуманизма являются «уже давно утраченная вера и доведенный до бессмыслия разум, невозможный отныне порядок и невозможная отныне свобода. А над всеми этими развалинами, ею же нагроможденными, цивилизация, убивающая себя собственными руками» (Тютчев 2003: III, 157).

Единственной силой, способной противостоять хаосу революционного разрушения и межнационального разобщения, является Россия как держава, сумевшая сохранить в неизменном, первозданном виде христианскую идею всечеловеческого единства. Именно в этом поэт видит историческую миссию России. И в своих политических статьях, и в поэтических сочинениях Тютчев неизменно подчеркивает Провиденциальный характер этой миссии:

Вот царство Русское… и не прейдет вовек,
Как то провидел Дух, и Даниил предрек (Тютчев 2002: I, 200).

Предназначение России, по мнению поэта, непосредственно связано с разрешением в первую очередь межславянских, а впоследствии и общеевропейских противоречий, возникших на пути развития цивилизации. Тютчев неоднократно варьирует мысль о том, что «Россия – христианская держава» (Тютчев 2003: III, 144), являющаяся прямой наследницей Византийской (Восточной) империи, и её основная задача объединить под знамёнами истинного христианства поддавшиеся искушениям европейского прагматизма разобщенные славянские народы:

Опально-мировое племя,
Когда же будешь ты народ?
Когда же упразднится время
Твоей и розни и невзгод,

И грянет клич к объединенью,
И рухнет то, что делит нас?..
Мы ждем и верим Провиденью –
Ему известны день и час (Тютчев 2003: II, 177).

В результате сама Россия не просто приобретает характер сакрального пространства, но и становится непосредственным воплощением Христа, а её бытовая необустроенность и связанные с этим телесные страдания («бедные селенья», «скудная природы», «край долготерпенья» и т.п.), квалифицируемые поэтом как «смиренная нагота» (Тютчев 2003: II, 71), предстают как внешний атрибут Божественной сущности и та её видимая оболочка, за которой угадывается тайный, невидимый Свет.

В этом контексте становится понятна смысловая основа стихотворения *Умом Россию не понять*. Так, существительное «стать», которое Тютчев употребляет в качестве концептуальной характеристики России («особенная стать»), согласно словарю В. И. Даля, восходит к старинной форме «статьё», выражающей «бытие ставшего, сотворенного, конченного, что стало или сталось» (Даль 2002: 310), что указывает на её абсолютную, совершенную сущность и выступает косвенным признаком её сакрального статуса.

Крестная миссия России предполагает её участие в ожесточенных и кровопролитных сражениях с антихристовым воинством, выступающим под знамёнами революции, поэтому во многих стихотворениях Тютчева фигурирует образ меча как эмблематического знака воинской доблести: (*Как дочь родную на закланье…*, *К Ганке*, *Нет, карлик мой…*, *К портрету государственного канцлера, князя А. М. Горчакова* и др.). Но чаще «исполин державный» одевает грудь в «доспехи веры» и духовное единоборство с противником, ибо, говоря словами В. С. Соловьева, «великое призвание России предписывает ей держаться единства, основанного на духовных началах; не гнилою тяжестью земного оружия должна она облечься, а “чистою ризою Христовою”» (Соловьев 1991: 482).

Будучи результатом высокого акта Боговоплощения, Россия осуществляет свою спасительную миссию посредством Слова, его универсального творческого потенциала. Именно Слово в силу его объединяющей функции приобретает у Тютчева значение символа национального самосознания, поэтому в своих чаяниях о всеславянском единстве особую ставку он делает на деятелей словесной культуры славянских народов. В лирических манифестациях, обращенных к чешскому поэту Вацлаву Ганке, польскому поэту Адаму Мицкевичу, Тютчев восклицает:

Мы чуем приближенье Света –
И вдохновенный твой глагол,
Как вестник Нового завета,
Весь Мир Славянский обошел…

Мы чуем Свет – уж близко Время –

Последний сокрушен оплот, –
Воспрянь, разрозненное племя,
Совокупись в один Народ, —

Воспрянь – не Польша, не Россия –
Воспрянь, Славянская Семья! –
И, отряхнувши сон, впервые –
Промолви слово: «Это я!» (Тютчев 2002: I, 200).

Именно потому, что революция несёт «разврат умов и искаженье *слова*» (курсив мой. – *Д. Л.*), вернуть слову его подлинный, первозданный смысл есть, по мнению поэта, важнейшая задача, которая стоит перед Россией и всем славянским миром на пути его высшего осуществления.

ЛИТЕРАТУРА

ДАЛЬ, В. И.: *Толковый словарь живого великорусского языка*: *в 4 тт. Т. 4: Р–V*. Санкт-Петербург: Диамант, 2002.

ПУМПЯНСКИЙ, Л. В.: *Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы*. Москва: Языки русской культуры, 2000.

СОЛОВЬЕВ, В. С.: *Философия искусства и литературная критика*. Москва: Искусство, 1991.

ТАРАСОВ, Б. Н.: *«Тайна человека» и тайна истории. Непрочитанный Чаадаев. Неопознанный Тютчев. Неуслышанный Достоевский*. Санкт-Петербург: Алетейя, 2012.

ТЮТЧЕВ, Ф. И.: *Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти т.* / Сост. В. Н. Касаткина. Москва: Классика, 2002 – 2003.

SEMANTICS OF THE IMAGE OF RUSSIA IN F. I. TYUTCHEV'S LYRICS

Abstract: In the lyrics of F. I. Tyutchev there is a set of verbal signs that characterize the geographical position of Russia. The high degree of their frequency indicates that these signs were initially conceptualized. In Tyutchev's later poems about Russia, the winter symbolism with the meaning of absolute peace is reinforced by a number of other objective images, which traditionally have static semantics and have positive connotation. Russian static character here acquires the value of unshakable strength, sovereign power and stability. According to the poet, the purpose of Russia is associated with the resolution of inter-Slavic and European contradictions that have arisen in the development of civilization. As a result, Russia itself not only acquires the character of a sacred space, but also becomes the geophysical embodiment of Christ, and its domestic insecurity appears as an external attribute of the Divine essence and that its visible shell, behind which is guessed a secret, invisible Light. As a result of the high act of the Incarnation of Russia, Russia carries out its saving mission through the Word, its universal creative potential.

Key words: Russian lyric poetry, F. I. Tyutchev, geopoetics, semiotic code.

Мікола Хаўстовіч
Факультэт прыкладной лінгвістыкі, Варшаўскі ўніверсітэт, Варшава (Польшча)

ЛЕТАПІСЕЦ ВЯЗЫНКІ І ЯЕ НАВАКОЛЛЯ

Анатацыя: Паэтычны талент уладальніка Вязынкі Станіслава Замбжыцкага не быў настолькі арыгінальны і самабытны, каб прызнаць яму значнае месца ў тагачасным літаратурным працэсе. Але ён для нас цікавы тым, што быў адным з невялікае колькасці літаратараў, хто ў складаныя паслямураўёўскія часы пісаў па-беларуску. Нават першае знаёмства з беларускамоўнымі тэкстамі С. Замбжыцкага (*Hutarkaj Staluka*, а таксама фрагментамі з вершаванага апавядання *Sąd kota w Wojtelach* і легенды *Karty*) можа пацвердзіць гіпотэзу Р. Зямкевіча і Я. Карскага: стылістыка ягоных твораў даволі блізкая да ананімных *Hutarki Paŭluka* і *Wiasiella Baŭtruka*. Вязынкаўскі вершаскладальнік не думаў пра друкаванне, пра кар'еру літаратара, ён адно фіксаваў малюнкі навакольнага жыцця (не сялянаў, заўважым, хоць у поле ягонага зроку траплялі часам і сяляне з іх моваю). Паэтам яго "зрабілі" ўнучкі, перадусім адна з іх, Алімпія Свяневіч, якая ў 1920 – 1930-х гг. вывучала, а пасля даследавала ды выкладала геаграфію і этнаграфію. Пазней, апынуўшыся на эміграцыі, яна будзе па памяці ўзнаўляць "skarbiec kultury białoruskiej", каб дыскутаваць са Станіславам Пігонем пра залежнасць Дзядоў Адама Міцкевіча ад беларускага фальклору і свае развагі падмацоўваць прыкладамі з жыцця і абрадаў вязынкаўскіх ваколіцаў.

Ключавыя словы: гутарка, жыццяпіс, успаміны, рукапісы, ананімная літаратура.

З творчасцю Станіслава Замбжыцкага беларускага чытача спрабаваў пазнаёміў Генадзь Каханоўскі: выявіўшы *Гутарку Сталюка*, навуковец некалькі разоў у сваіх публікацыях (Каханоўскі 1979; Каханоўскі 1979а; Каханоўскі 1984: 99 – 102; Каханоўскі 1985: 482; Каханоўскі 1986: 239) імкнуўся давесці значнасць і каштоўнасць дадзенага тэксту для гісторыі беларускае літаратуры XIX стагоддзя. Ён бачыў беларускамоўную гутарку С. Замбжыцкага як працяг ("у манеры беларускай традыцыі") шэрагу тых сямнаццаці гэтага жанру твораў, якія згадваліся ў акадэмічнай *Гісторыі беларускай дакастрычніцкай літаратуры* (1969). Дзеля гэтага Г. Каханоўскі нават дазволіў сабе – у адпаведнасці з тагачаснымі ўстаноўкамі – адметную інтэрпрэтацыю ідэйнага зместу *Гутаркі Сталюка*, твора, у якім "паказаны старасвецкія тыпы фанабэрыстай шляхты: Амодзібур, «што паганай быў натуры», Вінцэнты, які гатоў на кавалкі драць кухмістра, што той па-сялянску называў яго «Вінцуком». Шляхцюкі, каб хоць чым-небудзь падкрэсліць сваю «высокаць», стараюцца гаворыць па-польску, «модзяцца» адзін перад адным у манеры абыходжання, і ўсё гэта выглядае недарэчна і смешна" (Каханоўскі 1979).

Г. Каханоўскі не паведаміў, дзе і як быў выяўлены твор. Але ягоная спасылка на Веру Тарашкевіч-Ніжанкоўскую (1901 – 1998), а пасля і на ўнучак С. Замбжыцкага Марыю Ай і Алімпію Свіневіч[1], дазваляе меркаваць, што паходзіць рукапіс, які "займае адзінаццаць старонак вучнёўскага сшытка", з хатняга архіва нашчадкаў паэта з Вязынкі.

Даследчыку, аднак, не ўдалося "пераканаць" навукоўцаў і рэдактараў

[1] Так у Г. Каханоўскага і ў шэрагу іншых беларускамоўных публікацый. Трэба: *Свяневіч*.

у неабходнасці надрукаваць *Гутарку Сталюка*. Нават складальнікі другога выдання хрэстаматыі *Беларуская літаратура XIX стагоддзя* (1988) не зацікавіліся тэкстам С. Замбжыцкага. Таму толькі ў публікацыях пра месца нараджэння Янкі Купалы згадвалася прозвішча паэта (Дзяшкевіч 1971: 192–193; Пуцявінамі Янкі Купалы 1981: 43, 46), а ягоны вялікі (200 радкоў) літаратурны твор па-беларуску нібыта загінуў: яго пасля смерці Г. Каханоўскага доўгі час не ўдавалася адшукаць[2]. І толькі пасля публікацыі кнігі ўспамінаў Яна Замбжыцкага *Szmat czasu*, выдадзенай у Варшаве ў 2004 г.[3], з'явіліся новыя і пэўныя інфармацыі пра *Гутарку Сталюка*: праўнук паэта называе яе сярод пяці твораў – *Sąd kota w Wojtelach*, *Karty*, *Kolęda*, *Hutarka Staluka* і *List do Pana Antoniego Bohdanowicza*. Праўда, у дадатку да ўспамінаў надрукаваныя былі толькі першыя дзве[4].

У 2010 г. прафесар Ніна Тэйлар-Тарлецкая, выкладчыца польскае літаратуры ў Оксфардскім універсітэце, пазнаёміла беларускага чытача з навуковымі працамі Алімпіі Свяневіч (1902 – 1974)[5], унучкі Станіслава Замбжыцкага. Карыстаючыся матэрыяламі асабістага архіва Алімпіі, Н. Тэйлар-Тарлецкая падала таксама асобныя дэталі вязынкаўскага жыцця Замбжыцкіх як з XIX ст., так і першае паловы з XX ст. (Тэйлар-Тарлецка 2010: 197 – 202).

Згадалі С. Замбжыцкага[6] і ягоны беларускамоўны твор аўтары-складальнікі "краязнаўчага даведніка" *Літаратурныя мясціны Беларусі* Дзмітрый Крывашэй і Адам Мальдзіс: у слоўнікавым артыкуле пра вёску Вязынка на падставе публікацый Г. Каханоўскага коратка характарызуецца "беларускі паэт і краязнаўца", сцвярджаецца, што "захавалася вершаванае апавяданне *Гутарка Сталюка*", а таксама паведамляецца, што "сядзіба Замбржыцкіх знішчана ў 1950-я гг." (Крывашэй – Мальдзіс 2011: 144).

Яшчэ больш шырока пра Вязынку С. Замбжыцкага і Янкі Купалы апавядаецца ў нарысе Яўгена Салаўёва (Гл.: Салаўёў 2012). Аўтар, вельмі верагодна, выкарыстаў публікацыю Н. Тэйлар-Тарлецкае. У тым жа 2012 г. з'явілася яшчэ адна публікацыя, з якой вынікала, што беларускамоўная гутарка захавалася ў сямейным архіве нашчадкаў С. Замбжыцкага: на арганізаваную 29 мая 2012 г. Кафедрай беларускай культуры Універсітэта ў Беластоку сустрэчу, прысвечаную мясцінам Янкі Купалы,

---

[2] Актыўна займаўся гэтаю справаю ў апошнія гады Вячаслаў Мартысюк. (Гл.: Мартысюк 2017: 341 – 342).

[3] У 2010 г. выйшла другое выданне кнігі: J. Zambrzycki, *Szmat czasu: wspomnienia*, Warszawa 2010.

[4] Польскамоўныя, але з беларускамоўнымі ўстаўкамі.

[5] У дзяцінстве жыла ў Вязынцы. Вывучала геаграфію ў Віленскім універсітэце, выхоўвала чатырох дзяцей, працавала настаўніцай. Пасля вайны была сведкай кантактаў Уладзіславы Луцэвіч у Вязынцы з Юзафам Замбжыцкім. У 1946 г. выехала ў Польшчу, а ў 1957 г. – на Захад, дзе далучылася да мужа Станіслава Свяневіча (1899 – 1997), вядомага эканаміста. У эміграцыйных выданнях друкавала працы пра беларускія абрады. Перапісвалася са Станіславам Пігонем па пытаннях уплываў беларускіх абрадаў і фальклору на *Дзяды* Адама Міцкевіча (гл.: Swianiewiczowa 1974). Напісала каментар і заўвагі да вершаў Станіслава Замбжыцкага.

[6] Прозвішча тут, як і ў шмат якіх іншых публікацыях падаецца як "Замбржыцкі".

прыехалі праўнукі паэта з XIX стагоддзя Марыя Нагенць-Свяневіч[7] і Ежы Свяневіч[8]. Якраз з вуснаў пані Марыі пачулі прысутныя *Гутарку Сталюка* (Кандрацюк 2012).

Біяграфічныя дадзеныя пра С. Замбжыцкага, якія падаюцца ў большасці беларускіх публікацый, паходзяць з вусных пераказаў асобаў, што кантактавалі з асобнымі прадстаўнікамі роду – Алімпіяй Свяневіч і Марыяй Ай. Гэтыя дадзеныя крыху адрозніваюцца ад гісторыі сям'і, напісанай Янам Замбжыцкім[9], які карыстаўся як "notatkami", што, відавочна, дасталіся яму ад бацькі – Эўгеніюша Замбжыцкага (1893 – 1967), так і інфармацыяй, якую ў пісьмовай форме атрымала ад свае маці Алімпіі Марыя Нагенць-Свяневіч.

Паводле Я. Замбжыцкага, продкі Станіслава паходзілі з Мазоўша (маёнтак Замбжыцы ля Ломжы). У XVI ці XVII ст. яны ўжо мелі маёнткі ля Воршы. Сын аршанскага суддзі Юзафа Замбжыцкага Валенты (1794 – пасля 1836) набыў (магчыма, не сам, а бацька ці апякун) за сем тысяч злотых у 1807 г. у графа Пшаздзецкага маёнтак пад Радашковічамі, які пазней атрымаў назву Вязынь (знаходзіўся ля ракі Вязынка). Да маёнтку належалі фальварак Крыніца (250 га), а таксама вёскі Гурнавічы (320 га), Сяледчыкі і Ліпяні. Валенты ажаніўся з Юзэфаю Ясенскаю; яны абое памерлі ў маладым яшчэ веку, пакінуўшы сіротамі сына Станіслава і дачку Валянціну. Звычайна падаваўся 1831 г. як год смерці Валентыя, але ў апошні час стаў вядомы дакумент, датаваны кастрычнікам 1836 г., у якім пан Вязыня дае дазвол сваім сялянам "weyść w ślubne związki". А г. зн. Валенты памёр пасля 1836 г. Зрэшты, Станіслаў і ў 1836 г. заставаўся непаўнагадовым, нават калі лічыць, што ён нарадзіўся ў 1823 ці 1824 г., не кажучы ўжо пра яшчэ адну дату, якая сустракаецца ў публікацыях, – 1826 г.

Прыкладна ў 1850–1855 гг. Станіслаў ажаніўся з Алімпіяй Чакатоўскаю (1834 – 1902). Маёнтак ягоны ў гэты час зменшыўся, бо Гурнавічы ён аддаў як пасаг сястры Валянціне, што ішла замуж за Раманоўскага (Гл.: Дзяшкевіч 1971: 192).

Дазволім сабе на хвілінку адступіцца ад жыццяпісу паэта з Вязыня і прыгледзецца той мясціне, дзе ён жыў. У нашым уяўленні Вязынка – гэта вёска (мясцовасць), дзе колісь нарадзіўся Янка Купала, а сёння знаходзіцца хата-музей класіка беларускае літаратуры. У зборніку Г. Кісялёва *Пуцявінамі Янкі Купалы* апублікавана метрыка класіка беларускае літаратуры. З яе мы даведваемся, што паэт быў ахрышчаны "тысяча восемсот восемдзесят второго года июля двенадцатого дня в Радошковичском р[имско-]к[атолическом] приходском костеле <…> кс. Станиславом Сульжинским, вилейским деканом", што нарадзіўся ён "25 июня сего года ***в имении Вязынке*** (вылучэнне нашае – *М. Х.*)", што "восприемниками были Иосиф Банцаревич с Олимпиею Замбржицкою" (Пуцявінамі Янкі Купалы 1981: 45). Даследчыкі звярнулі ўвагу, што хрысціць будучага паэта вазілі ў суседні павет (Вілейскі) суседняе губерні (Віленскае), а хроснаю маці была жонка ўладальніка

[7] Марыя Нагенць-Свяневіч (нар. 1928 г.) – прафесар Аграрна-тэхнічнае акадэміі ў Ольштыне, а таксама прарэктар гэтае навучальнае ўстановы.
[8] Піянер польскай інфарматыкі Ежы Свяневіч (1.04.1932 – 13.11.2012) вывучаў матэматыку ў Варшаўскім універсітэце, працаваў у Акадэміі навук, а з 1989 г. – у Нацыянальнай бібліятэцы.
[9] Ян Замбжыцкі (нар. 1933) – выпускнік Варшаўскай палітэхнікі (1956).

маёнтка, дзе ў 1881–1883 гг. бацька Янкі Купалы Дамінік Луцэвіч і ягоныя браты Антон, Юльян, Міхал, Адам ды сёстры Марыя, Эмілія і Садалія былі арандатарамі.

Маёнтак Станіслава Замбжыцкага быў дастаткова вялікі: да сялянскай рэформы 1860-х гг. ён налічваў больш за 500 дзесяцін зямлі (прыдатнай, непрыдатнай і лесу). Пазней у сувязі з выкупам зямлі сялянамі ён скараціўся напалову. Зямлю гаспадар аддаваў у арэнду г. зв. "палавічнікам" (уладальнік атрымліваў палову ўраджаю), якія жылі ў фальварках пры маёнтку. Вядома, што на пачатку XX ст. дзве сям'і арандатараў жылі ў самім маёнтку, адна – у фальварку Крыніца, чатыры – у фальварку Ліпяні і, магчыма, чатыры – у фальварку Вязынь.

Дзе жылі Луцэвічы ў маёнтку Вязынка? Мы звярнулі ўвагу, што ў пасямейным спісе Луцэвічаў за 1883 г. іх месцажыхарства і заняткі акрэсліваюцца наступным чынам: "2-го стана Минск[ого] у[езда] в ф[ольварке] Вязынка Замбржицкого хлебопаш[еством]" (Пуцявінамі Янкі Купалы 1981: 43).

Ці варта адрозніваць фальварак Вязынка і маёнтак Вязынка ў Заслаўскай воласці? Дзе ўласна знаходзіўся маёнтак (г. зн. гаспадарскі дом-пакоі) у 1870 – 1880-я гг.? Звернем увагу, што толькі ў XX ст. з'явіцца на картах найменне "Вязынка" ў звыклым для нас месцы. У XIX ст. тут размяшчаўся фальварак Крыніца (якраз дзе сёння знаходзіцца музей Янкі Купалы). Так, перадусім, на *Военно-топографической картѣ Минской губерніи 1850 г.*: фальварак Крыніца прытуліўся паміж вёскамі Ліпяні і Сяледчыкі[10]. Тое самае зафіксаваў і Аляксандар Ельскі, калі апісваў рэчку Вязынка (Słownik geograficzny Królestwa Polskiego 1893: 277). А вось фальварак Вязынка, ці Вязынь, на картах XIX ст. нязменна паказваўся, здаецца, у крыху іншым месцы – блізу гасцінца з Заслаўля ў Ракаў. Усё той жа А. Ельскі ў *Геаграфічным слоўніку* падае наступную інфармацыю: "В[язынка], ці Вязынь, фальв[арак], Мінскі пав[ет], у 1 пал[іцэйскім] ст[ане] Ракаў (за 9 в[ёрст]), дзе кат[аліцкая] пар[афія] і паш[товая] ст[анцыя], вол[асць] Заслаўе, за 30 в[ёрст] ад Мінска. Досыць даўняя ўласнасць Замбжыцкіх, 320 дзес[яцін]; мясцовасць узгорыстая, даволі лясістая, глебы пясчана-гліністыя" (Słownik geograficzny Królestwa Polskiego 1893: 277).

Варта параўнаць апісанне А. Ельскім Вязынкі з апісаннямі вёскі Сяледчыкі (Słownik geograficzny Królestwa Polskiego 1889: 532) і вёскі Ліпяні (Słownik geograficzny Królestwa Polskiego 1884: 260). Найважнейшае тое, што Вязынку Замбжыцкіх А. Ельскі "прывязвае" ў вёрстах да мястэчка Ракава, а вёскі Сяледчыкі і Ліпяні – да станцыі Радашковічы. Думаецца, каб Вязынка у той час размяшчалася ля чыгункі і ля рэчкі Вязынка, то гэта было б адлюстравана А. Ельскім у апісанні. Дык ці азначае гэта, што фальварак Вязынка (Вязынь) Замбжыцкіх знаходзіўся блізу гасцінца з Заслаўя ў Ракаў, непадалёку ад вёсак Меткава, Заблоцкаўшчына, Шубнікі і Чарняўшчына? Відаць, так. Гэта можа пасведчыць апісанне вёсак Шубнікі і Меткава у *Геаграфічным слоўніку*. Вязынка актуалізавалася ў свядомасці купалазнаўцаў[11]

[10] Тое самае на карце сярэдзіны 1870-х гг.: чыгунка ідзе побач з фальваркам Крыніца.

[11] Янка Купала ніколі не згадваў пра Вязынку, ніколі не наведваў блізкіх свае хроснае маці – Алімпіі Замбжыцкае. З вусных сямейных пераказаў вядома, што ў 1944 г. (ці ў 1945 г.) за Замбжыцкіх перад мясцоваю ўладаю заступалася Уладзіслава Луцэвіч, жонка Янкі Купалы.

і прадстаўнікоў улады толькі ў 1944 – 1945 гг., г. зн. праз больш чым 60 гадоў пасля таго, як Луцэвічы пакінулі фальварак. Ніхто з сям'і Янкі Купалы не мог ведаць, дзе была тая Вязынка, у якой іх блізкія колісь пражылі паўтара-два гады. Шукалі, вядома, Вязынку Замбжыцкіх. А яна была ўжо колькі дзесяцігоддзяў ля вёсак Ліпяні і Сяледчыкі. Замбжыцкія ўсё яшчэ жылі тут, хоць у 1939 г. і зазналі рэпрэсіі савецкае ўлады. Дзевяностагадовы Юзаф Замбжыцкі (1858 – 1948) не мог быць надзейным інфарматарам: гаспадаром Вязынкі ён стаў у 1906 г., а да гэтага часу з бацькамі не жыў[12] і, вядома, не мог памятаць Луцэвічаў, а тым больш, дзе яны жылі, бо на зямлі Замбжыцкіх працавалі дзясяткі, калі не сотні арандатараў. Не маглі памятаць Луцэвічаў і дзеці Юзафа: усе яны нарадзіліся пазней. Напрыклад, Алімпія з Замбжыцкіх Свяневіч, якая найбольш дбала пра спадчыну свайго дзеда, прыйшла на свет у 1902 г. у Гомелі. Фактычна, роспыты, які вяла ў другой палове 1940-х гг. Уладзіслава Луцэвіч у Вязынцы Замбжыцкіх не маглі даць дакладнай інфармацыі, бо былыя гаспадары адно ведалі, дзе ў іх маёнтку жылі арандатары, але, відавочна, не маглі памятаць пра Луцэвічаў.

Чаму Вязынка ля гасцінца з Заслаўля ў Ракаў не прыцягнула ўвагі купалазнаўцаў? Бо яна ўжо колькі дзесяцігоддзяў не належала Замбжыцкім. Магчыма, уладальнікі прадалі яе яшчэ на пачатку стагоддзя, але больш верагодна, што яна была страчана з тае прычыны, што апынулася на савецкім баку мяжы на пачатку 1920-х гг. Калі яе перайменавалі ў Вязанку? Гэта магло быць і ў 1920-я гг., і нават у 1970-я, калі з вёсак Сяледчыкі і Гурнавічы "зрабілі" Вязынку. Думаецца, што вызначыць гэта сёння не так і складана.

На жаль, мы не ведаем, чаму на геаграфічных картах XIX стагоддзя двор Замбжыцкіх не паказаны (калі лічыць, што іх сядзіба заўсёды знаходзілася на адным месцы, ля рэчкі Вязынка). Таксама незразумела, калі Замбжыцкія далучылі фальварак Крыніцу да свайго двара. Відавочна, магло гэта здарыцца як падчас Першае сусветнае вайны, так і пасля Рыжскае мірнае дамовы, калі землі Замбжыцкіх апынуліся ў Другой Рэчы Паспалітай. Прычым, мяжу праводзілі нібы так, каб уладанні Замбжыцкіх, уключна з лядамі, не трапілі ў бальшавіцкую зону (сведчыць пра гэта характэрны выступ).

Звесткі пра жыццё і творчасць С. Замбжыцкага трапілі ў беларускі друк, дзякуючы ўнучкам паэта Алімпіі Свяневіч і Марыі Ай. Асабліва шмат зрабіла А. Свяневіч: яшчэ ў 1930-я гг. яна звярнулася да дачкі Станіслава (сваёй цёткі) мнішкі-skrytki Марыі Замбжыцкае (1856 – 1943) з просьбаю сабраць і перапісаць творы паэта. З атрыманымі тэкстамі А. Свяневіч доўгі час працавала, збірала разнастайныя звесткі і пра паэта, і пра тых асобаў, якім прысвяціў ці згадаў у сваіх творах С. Замбжыцкі. І дзялілася сабраным з іншымі прадстаўнікамі роду. У тым ліку і з праўнукам Станіслава Янам Замбжыцкім (нар. у 1933), які ўключыў гэтыя звесткі ў свае ўспаміны: "Прадзядуля Станіслаў быў чалавекам вясёлым, з пачуццём гумару, многа чытаў і меў

[12] Закончыўшы школу ў Мінску, ён выехаў на Урал (Ніжні Тагіл), дзе пражыў 13 гадоў. Пасля пачаў працаваць у Гомелі і толькі ўжо ў XX стагоддзі вярнуўся ў Вязынку, якая належала яму па спадчыне.

таксама шмат цікавых рысаў характару і талентаў. Пакінуў шэраг сваіх вершаў, што маюць гістарычна-патрыятычны характар <…>. Гэтыя зацікаўленні справілі, што ён не меў часу, сіл (у яго былі часткова паралізаваныя левыя рука і нага) і ахвоты гаспадарыць у маёнтку. Дык большасць зямлі аддаў апрацоўваць сялянскім сем'ям (сёння называлася б – арэнда) <…>. У перыяд паміж 1877 – 1880 гг. прадзядуля Станіслаў быў арыштаваны царскаю ўладаю (пасля Студзеньскага паўстання польскіх землеўласнікаў вельмі часта пераследавалі). Ягоная жонка Алімпія выстаралася пра ягонае звальненне з турмы, але з умоваю, што аддасць двух сваіх сыноў[13] у войска, да школы кадэтаў, і так сталася. <…> У 1906 г. гаспадарку ў Вязыні прыняў дзядуля Юзаф, а домам занялася мая бабуля Зоф'я. Хутка, бо 1.10.1907 г. памёр прадзядуля Станіслаў. Абое з жонкаю спачываюць у агульнай магіле на могілках у Радашковічах" (Zambrzycki 2010: 9 – 12).

Дакументы і ўспаміны даюць пэўнае ўяўленне пра жыццёвы шлях С. Замбжыцкага. Варта, аднак, больш пільна прыгледзецца да тых матэрыялаў А. Свяневіч, якія захоўваюцца ў Лондане, у Польскім інстытуце і музеі імя генерала Сікорскага. Магчыма, сярод іх маюцца іншыя літаратурныя творы паэта, а таксама дакументы, якія могуць больш глыбока падаць творчую асабовасць С. Замбжыцкага.

Тое, што мы сёння маем, не дазваляе адназначна сцвердзіць, што паэтычны талент уладальніка Вязынкі быў настолькі арыгінальны і самабытны, каб прызнаць яму значнае месца ў тагачасным літаратурным працэсе. Да таго ж большасць з захаваных тэкстаў С. Замбжыцкага напісаны па-польску, якім адзіны, амаль цалкам беларускамоўны, саступае ў мастацкасці. А вось гумарыстычныя і сатырычныя інтанацыі ў польскамоўных творах не страцілі свае вартасці да сённяшняга дня.

Увогуле, С. Замбжыцкі больш летапісец Вязынкі і яе наваколля, чым паэт. Аднак для нас ён цікавы тым, што быў адным з невялікае колькасці тых, хто ў складаныя паслямураўёўскія часы пісаў па-беларуску. А яшчэ тым, што пра яго, як пра верагоднага аўтара *Raskazu Baŭtručka* пісаў, спасылаючыся на Р. Зямкевіча, Я. Карскі: "Въ нашихъ рукахъ была такая тетрадка, принадлежащая Б.А. Тарашкевичу. Говорятъ, не Замбржицкаго ли помѣщика это стихотвореніе? Жилъ онъ въ окрестностяхъ Радошковичъ. Р. Земкевичъ" (Карскій 1922: 108). Як бачым, Б. Тарашкевіч яшчэ ў 1910-я гг. [магчыма, ад свае будучае жонкі, што была дачкою гісторыка і краязнаўцы з Радашковіч Андрэя Сніткі (1866–1920)] ведаў пра беларускамоўную творчасць С. Замбжыцкага і нават меў перапісаныя ягоныя (?) вершы.

Нават перашае знаёмства з беларускамоўнымі тэкстамі С. Замбжыцкага (*Hutarkaj Staluka*, а таксама фрагментамі з вершаванага апавядання *Sąd kota w Wojtelach* і легенды *Karty*) можа ў пэўнай ступені пацвердзіць гіпотэзу Р. Зямкевіча і Я. Карскага: стылістыка ягоных твораў даволі блізкая да ананімных *Гутаркі Паўлюка* і *Вяселля Баўтрука*. І, відаць, самае галоўнае тое, што мы цяпер маем тэкст гутаркі, якая хоць і не "представляетъ крестьянскій бытъ", але выдатна ўпісваецца ў традыцыю беларускамоўных гутарак XIX стагоддзя. Эстэтычныя вартасці гутаркі

[13] Станіслаў і Алімпія мелі трох сыноў – Міхала, Уладзіслава, Юзафа і трох дачок – Марыю, Валянціну і Ядвігу.

С. Замбжыцкага цалкам адпавядаюць эстэтыцы тагачаснае беларускамоўнае літаратуры. З пазнакаў на рукапісе, а таксама са зместу твора вынікае, што быў ён напісаны ў 1873 г. Задумвалася "гутарка", відавочна, як вітанне-ўшанаванне суседзяў Бжазінскіх, што былі пасэсарамі ў недалёкім фальварку Ганусін (Анусін) Фаўстыны Прушынскае (1790 – 1873)[14]. Сярод папераў С. Замбжыцкага захаваўся невялікі верш *Wspomnienia o Anusinie*, прысвечаны памяці Фаўстыны Прушынскае. Напісаны ён таксама ў 1873 г., відаць, адразу пасля ейнае смерці. З дапамогай гэтага тэксту можна рэканструяваць асобныя фрагменты жыццяпісу герояў *Hutarki Staluka*. У першую чаргу – Фаўстыны Прушынскае. Бо ейны бацька, Станіслаў Багушэвіч (Багушэвіч-Мінкоўскі гербу Газдава, 1751 – 1817), добра вядомы гісторыкам: ён быў мінскім земскім суддзёю, паслом на сойм 1773 – 1775 гг., які зацвердзіў першы падзел Рэчы Паспалітай і на якім разам з Тадэвушам Рэйтанам і Самуэлем Корсакам пратэставалі супраць абрання маршалкам Адама Панінскага (Konczyńska 1936: 234).

Мы звернем увагу, што першая частка *Hutarki Staluka* створана да смерці Фаўстыны Прушынскае, а другая – у хуткім часе пасля смерці. Цікавым з'яўляецца і пытанне, чаму тэкст, звернуты да шляхціцаў-"палякаў", колішніх уладальнікаў маёнтку, напісаны па-беларуску? Відавочна, таму, што пасэсары Бжазінскія карысталіся гэтаю моваю штодзённа. Жылі яны побач з домам гаспадыні, у афіцыне, а дзякуючы сваёй гасціннасці і прыязнасці, заўсёды мелі ў сябе шмат гасцей. Якраз пра хату Бжазінскіх, якая нібы магнітам прыцягвае людзей здалёку і зблізку, з гумарам апавядае паэт.

Тэорыі вершаскладання ён, хіба, не ведаў, але наследуючы знаныя яму ўзоры, часам ствараў някепскія строфы. Напрыклад, першыя дзесяць радкоў *Hutarki Staluka* цалкам адпавядаюць паэтыцы дэцымы. Мы можам дапусціць, што С. Замбжыцкаму быў вядомы беларускі віншавальны верш *Чалом, чалом, ойцец татулька*. Менавіта паэтыку гэтага папулярнага тэксту, на нашу думку, наследаваў вязынскі паэт, паставіўшы задачу ўхваліць суседа. Праўда, хоць пра імяніны гаспадара і згадваецца, але яны не становяцца аб'ектам апісання: больш увагі надаецца аповедам гасцей і пра гасцей. З гэтых аповедаў выразна выяўляецца негатыўнае стаўленне шляхты да прадстаўнікоў улады. І калі да адных гэтае стаўленне, назавём так, памяркоўна-негатыўнае (генерал Хамутоў), то іншыя высмейваюцца зласліва (Amondibur).

Паэт, бясспрэчна, валодае сатырычным і гумарыстычным дарам. Ён з іроніяй ставіцца да знаёмых і сваіх сямейнікаў. Пад агульнае высмейванне "трапляе" і ён сам, храмы Сталюк. Дарэчы, сваё імя аўтар-апавядальнік "збеларушвае": мяркуем, што хрысціянска-каталіцкае Станіслаў у народным асяроддзі трансфармавалася ў Сталюк. Як пацвярджэнне можам спаслацца на перапіс жыхароў маёнткаў Плешчаніцы і Мятлічыцы ў 1844–1847 гадах. Відавочна, у сярэдзіне XIX ст. яшчэ сустракаліся такія формы (Гл.: Акуліч).

[14] Год нараджэння ўстаноўлены на падставе *Wielkiej Genealogii Minakowskiego*.

ЛІТАРАТУРА

KONCZYŃSKA, W.: Stanisław Bohuszewicz Minkowski. In: *Polski Słownik Biograficzny*, t. II. Kraków, 1936.

Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich, t. III–XIII. Warszawa 1882–1893.

SWIANIEWICZOWA, O.: Spór o ludowy pierwowzór DZIADÓW. In: *Wiadomości,* 1974, 22.

ZAMBRZYCKI, J.: *Szmat czasu: wspomnienia.* Warszawa 2010.

АКУЛІЧ, У. А.: *Рэйтынг імён у Плешчаніцах XIX ст*. [online]: http://pln.by/museum/naselennye-punkty/297

ДЗЯШКЕВІЧ, М.: Ад вытокаў радаводных… In: *Полымя,* 1971, № 10.

КАНДРАЦЮК, Г.: Чаму Купала не наведваў Вязынкі? In: *Ніва*, 2012, № 25 (17 чэрв.).

КАРСКІЙ, Е.: *Бѣлорусы*, т. III: *Очерки словесности бѣлорускаго племени*, ч. 3: *Художественная литература на народномъ языкѣ*. Петроград 1922.

КАХАНОЎСКІ, Г.: *Адчыніся, таямніца часу: Гісторыка-літаратурныя нарысы*. Мінск: Мастацкая літаратура, 1984.

КАХАНОЎСКІ, Г.: Аўтар знайшоўся! In: *Літаратура і мастацтва*, 1979, № 5 (2 лют.).

КАХАНОЎСКІ, Г.: Вершаваны твор XIX стагоддзя. In: *Голас Радзімы*", 1979, № 17 (26 крас.).

КАХАНОЎСКІ, Г.: Замбжыцкі Станіслаў Валянцінавіч. In: *Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі ў 5 тамах*, т. 2, Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1985.

КАХАНОЎСКІ, Г.: Замбжыцкі Станіслаў Валянцінавіч. In: *Янка Купала: Энцыклапедычны даведнік*. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1986.

КРЫВАШЭЙ, Дз. – МАЛЬДЗІС, А.: Літаратурныя мясціны Беларусі. In: *Маладосць*, 2011, № 1.

МАРТЫСЮК В.: Гутарка Паўлюка і Вяселле Баўтрука*:* крыніцы тэксту, пытанні атрыбуцыі. In: *Acta Albaruthenica*, 2017, t. 17.

Пуцявінамі Янкі Купалы: Дакументы і матэрыялы. Уклад. Г. Кісялёв. Мінск: Навука і тэхніка, 1981.

САЛАЎЁЎ, Я.: Арарат Яся Луцэвіча. In: *Народная Воля*, 2012, № 75 – 76 (15 мая).

ТЭЙЛАР-ТАРЛЕЦКА, Н.: Пранікненне ці сімбіёз культур? Двор Замбжыцкіх у Вязыні. In: *Навагрудчына ў гістарычна-культурнай спадчыне Еўропы: (да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы).* Мінск, 2010.

CHRONICLER VYAZYNKA AND ITS NEIGHBORHOODS

Abstract: Poetic talent of the Vyazynka's owner Stanislaw Zambzhytsky wasn't so original and distinctive to recognize his significant place in the literary process. But for us he is interesting because he was one of a small number of writers, who wrote in Belarusian language in difficult times. Even with the first exposure of Belarusian texts S. Zambzhytskaga (*Hutarkaj Staluka*, as well as fragments of verse narrative *Sąd kota w Wojtelach* and legends of *Karty*) may confirm the hypothesis, and E. R. Zyamkevicha Kara: style of his works quite close to the anonymous *Hutarki Paŭluka* and *Wiasiella Baŭtruka*.Vyazynka's poet had not aspired to be published or have a career as a writer: he was just fixating pictures of the life around him (not of peasants, we should note, although peasants and their particular language did sometimes appear in his texts). He was "made" a poet by his granddaughters, especially one of them, Olympia Swianiewicz, who, in 1920-s and 1930-s, studied, and then researched and taught geography and ethnography. Later, being in exile, she will reproduce "skarbiec kultury białoruskiej" from memory in order to discuss it with Stanislau Pigon in the context of the dependence of *Dziady* by Adam Mickiewicz on Belarusian folklore and support her arguments by examples from the life and rituals of Vyazynka surroundings.

Key words: conversation, biography, memoirs, manuscripts, anonymous literature.

Marta Kováčová
Filozofická fakulta, Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici, Banská Bystrica (Slovensko)

„STRATENÁ GENERÁCIA“ V NOVELE *ŽI A PAMÄTAJ* V. RASPUTINA A ROMÁNOVEJ KRONIKE *AMENMÁRIA* L. ŤAŽKÉHO

Anotácia: Príspevok sa zameriava na obdobie druhej svetovej vojny, na diela dvoch slovanských spisovateľov: novelu ruského spisovateľa „derevenščika“ Valentína Rasputina *«Живи и помни»* a románovú kroniku *Amenmária* slovenského spisovateľa Ladislava Ťažkého. Obidve diela spája obraz vojny ako najväčšieho zločinu voči jednotlivcovi a spoločnosti. Andrej Guskov v Rasputinovej novele a Matúš Zraz v Ťažkého románovej kronike sa zaraďujú do „stratenej generácie“ ľudí, ktorých osudy poznamenala vojna. Prienikom obidvoch literárnych výpovedí sú hrôzy a absurdnosť vojnových dní, ktorým sa generácia – v prípade obidvoch literárnych diel – mladých ľudí nemohla vyhnúť.

Kľúčové slová: literatúra o ruskej dedine, spisovateľ „derevenščik“, slovenská literatúra, slovenský súčasný spisovateľ, „stratená generácia“.

Jazyková osobnosť spisovateľa sa v jeho tvorbe prejavuje širokospektrálne. Ide o proces, v ktorom autor citlivo modeluje formu a štýl s cieľom emocionálne vykresliť paradoxy a zlomy ľudského života, zároveň poukázať na dôsledky spojené s konkrétnou voľbou jednotlivca i celej spoločnosti, ako aj umocniť humánnosť a duchovné hodnoty v diele. Poslanie spisovateľa sa spája s každou tvorivou osobnosťou v komplexe literárnovedných a lingvistických prvkov, «естественные системные параметры национального языка» autormi «воспринимаются и гармонично воплощаются» (Liashuk 2017: 109). Osobitnú pozornosť predstavuje jednota interpretácie a vzájomný vzťah vrstiev umeleckých textov, ktoré vytvorili ruskí i slovenskí prozaici.

V roku 1974 vyšla novela Valentína Rasputina *«Живи и помни»* (slovenský preklad Ruženy Dvořákovej-Žiaranovej *Ži a pamätaj* v r. 1977) Valentína Rasputina, predstaviteľa literatúry o ruskej dedine, tzv. „derevenščika“, ktorého v súčasnosti už považujú za klasika ruskej literatúry. Novela je pohľadom na sibírsku dedinu, na ťažký život dedinčanov, ktorí v nej zostali a museli čeliť každodennému zápasu o prežitie počas Veľkej vlasteneckej vojny.

Tvorba Valentína Rasputina je známa nielen na území Ruska, ale aj za jeho hranicami. Stala sa dávno predmetom skúmania ruských i zahraničných literárnych vedcov. K zatiaľ posledným prácam o tomto významnom spisovateľovi „derevenščikovi“ patrí *«Боль души»* Viktora Kožemiaka (Kožemiako 2007) a monografia *Valentin Rasputin and Soviet Russian Village Pros*e, ktorej autorom je anglický vedec David Gillespie (Gillespie 1986).

Próza Valentína Rasputina vyjadruje svojou duchovnou, etickou orientáciou jadro etických hodnôt tvoriacich kultúru ruského národa. Rasputinove poviedky a novely hovoria o duchovno-etickom profile jednoduchého ruského človeka.

V ruskej literatúre sa stretávame s osobnosťami, ktoré sa okrem umeleckej tvorby venovali a venujú aj publicistickej činnosti, ako o tom v jednej zo svojich štúdií hovorí

J. Dohnal (Dohnal 1995). K týmto osobnostiam patrí aj Valentín Rasputin. Nezanedbateľnú časť jeho tvorby predstavuje publicistika, ktorou sa spisovateľ podieľal na zachovaní prírodného bohatstva Sibíri. Okrem literárnej činnosti písal články, eseje, publikoval v novinách a časopisoch – *«Литературная газета», «Новый мир»,* stretával sa nielen so svojimi čitateľmi, ale aj s ľuďmi, ktorým osud Ruska nebol a nie je ľahostajný.

V. Rasputin sa sústavne angažoval na zachovaní prírodného bohatstva Bajkalu a iných ohrozených oblastí. Na konci osemdesiatych rokov sa stal iniciátorom boja za záchranu jazera Bajkal reagujúceho na znečisťovanie z papierensko-celulózového kombinátu. Aktuálne vystupoval proti projektu zmeny toku severných sibírskych riek. *«Совесть в отношении к обществу — это основная духовная задача и основная нравственная норма, которые созданы опытом всех предыдущих поколений и вверены нам для выполнения и возможного совершенствования. Иными словами говоря, совесть — это живое предчувствие и предсказание совершенного человека и совершенного общества, к которым человечество и держит путь, и неразрывная связь всех без исключения поколений — прошлых и будущих»* (Распутин 1984: 30). Spisovateľ a publicista Valentín Rasputin vyzýval počas svojho života celé Rusko na zachovanie duchovných, kultúrnych hodnôt, ale aj prírodných krás v článkoch: *«Земля твоя и моя»*; *«В судьбе природы наша судьба»*; *«Воды наши – грехи наши»*; *«Смысл давнего прошлого»; «Сумерки людей»* (1989); *«О чём звонят колокола»; «Слово о Солженицыне»; «Байкал, Байкал...»* (1990); *«Слово к народу»* (1991); *«Только она знает»; «Если соберём любовь к России каждого в одну любовь – выстоим»* (1992); *«Вниз по Лене»; «Возрождайте Россию»; «Оставаться человеком»; «Нет, не кончено с Россией»* (1993)*; «Думы о России»; «Чтобы защитить совесть»* (1994); *«Где моя деревня?»* (1995)*; «Продолжаемся в детях и внуках»* (1996); *«Прокляты, но не убиты»*; *«Громкое имя Сибирь»* (1997); *«Многобедное наше счастье – жить в России»; «О нравственной линии» (*1998).

O tvorbe Valentína Rasputina Vladimír Čerevka napísal, vytvárajúc tak jej komplexnejší obraz: *„Valentín Rasputin píše o človeku súčasnosti, o vážnych mravných problémoch, skúma postoje a správanie ľudí v rôznych situáciách, v zložitých životných momentoch, a to mu umožňuje odhaľovať dušu človeka. Také sú všetky jeho doterajšie diela“* (Čerevka 1979: 28). Diela tohto spisovateľa „derevenščika“ boli – okrem slovanských jazykov: slovenčiny, češtiny, poľštiny, ukrajinčiny, bieloruštiny, srbochorvátčiny – preložené aj do angličtiny, nemčiny, francúzštiny, taliančiny, švédčiny, čínštiny, japončiny a ďalších jazykov.

K nedožitým deväťdesiatinám slovenského spisovateľa, publicistu, dramatika a scenáristu Ladislava Ťažkého napísal Gabriel Rehák: „*Tých najvzácnejších ľudí treba doslova študovať. Pokiaľ sú tu fyzicky, je to o niečo ľahšie, lebo sa dá bezprostredne popýtať na čokoľvek. Keď už tu nie sú, zostáva iba to, čo tu zanechali. A niektorí toho zanechali v duchovných statkoch viac...“* (Rehák). V r. 2011, krátko po spisovateľovom odchode, Jozef Leikert v spoluautorstve vydal v Nitre knihu s názvom *Svedectvá Ladislava Ťažkého a nás ostatných* (Leikert a kol. 2011) ako svedectvo nielen o literárnom, ale aj duchovnom odkaze Ladislava Ťažkého. Publikáciu tvorí spisovateľov životný príbeh, ako aj rozprávanie

významných osobností slovenského kultúrneho a spoločenského života, napr. Andreja Červeňáka, Daniela Kluvanca, Dalimíra Hajka, Jána Chryzostoma Korca, Ľuboša Juríka a i.

S tvorbou Ladislava Ťažkého, vzácneho človeka a výnimočnej osobnosti slovenskej literatúry, sa mohli zoznámiť čitatelia v Anglicku, Nemecku, Holandsku, Grécku a v ďalších krajinách sveta.

Ruská i slovenská literatúra, dve slovanské literatúry sa stali priestorom podávajúcim ďalším generáciám svedectvo o životných príbehoch jednotlivcov i spoločnosti zasiahnutých tragédiami z vojnových dní, týždňov, mesiacov i rokov.

Dvaja autori, ktorých diela sú materiálom na analýzu, patria k významným predstaviteľom svojich literatúr. Valentín Rasputin sa v rámci žánru, ktorý je rozsahom neveľký, obracia nielen k jednotlivcovi a celej spoločnosti, ale dokonca aj k celému ľudstvu, vyzýva na zastavenie deštrukčných zmien v medziľudských vzťahoch i vzťahoch človeka a národov k našej planéte. Apeluje predovšetkým na mladú generáciu, vyzýva na zachovanie jej zodpovednosti k svojmu rodisku.

Novelu s názvom *«Живи и помни»* venoval jej autor dvom mladým ľuďom, obetiam vojny s fašistickým Nemeckom. V centre pozornosti je tragický príbeh Andreja Guskova a jeho mladej ženy Nasťony: *„Ide o situáciu zjavne atypickú a aj Andrej Guskov je antihrdina: najmä v tom zmysle, že pri voľbe – vrátiť sa na front alebo domov – si vybral nesprávnu cestu. Rasputin dospieva v tejto próze k svojmu etickému imperatívu, tak povediac, per negationem. Odsúdenie Andreja Guskova (pritom však nie akéhosi podliaka od narodenia, ale vojaka, ktorý predtým tri roky bojoval statočne a zlyhal iba v rozhodujúcej chvíli) by v autorskom postoji vyznelo rovnako jednoznačne, aj keby Guskovov čin nemal také tragické následky pre jeho ženu Nasťonu“* (Slobodník 1977: 143 –144). Napriek tomu, akú úlohu zohral Andrej v živote svojej ženy, autor nad ním sám nevynáša súd. Andrej Guskov prechádza vlastnou trnistou cestou, ktorej koniec nie je známy. Záver príbehu zostáva preňho otvorený, vlastnú záchranu je odkázaný hľadať nie vo svete ľudí, ale v prostredí nedoziernej tajgy.

O slovenskom spisovateľovi Ladislavovi Ťažkom napísal Roman Michelko, spisovateľ, publicista a riaditeľ Vydavateľstva Spolku slovenských spisovateľov, tieto slová: „*Dodnes si myslím, že Ladislav Ťažký bol najvýznamnejším slovenským prozaikom 20. storočia“* (Michelko 2012). Jeho románovú kroniku s obrazom vojny v živote jednotlivca a spoločnosti označil za knihu, „*vďaka ktorej aj slovenská literatúra má vojnový román, ktorý svojimi kvalitami môže konkurovať Hemingwayovmu románu Zbohom zbraniam, dielu Malaparteho Kaput či Čosičovej vojnovej epopeji Čas smrti. Je to prelomová próza v našej literatúre, pretože po Jilemnického Kronike či Miná̆čovej Generácii prišiel vojnový román, v ktorom epicentrom diania je človek, jeho nesmierne bohatý mikrokozmos plný existenciálnych životných situácií. Hlavný protagonista je človek citlivý a premýšľavý, nehrdinský hrdina zbavený konvenčných schém, ale o to životnejší, autentickejší a nadovšetko voňajúci človečinou“* (Michelko 2012). Pokračovaním diela *Amenmária* je dvojzväzkový román *Evanjelium čatára Matúša*.

Slovenský spisovateľ Ladislav Ťažký bol nielen autorom početných próz, ale aj publicistom a mysliteľom. Narodil sa v r. 1924 v Čiernom Balogu a zo života odišiel v Bratislave v r. 2011. Počiatky jeho literárnej tvorby sa viažu k päťdesiatym rokom, keď mu časopisecky začali vychádzať prvé fejtóny a poviedky *Vojenský zbeh* a *Hosť majstra čerta.* Neskôr začal Ladislav Ťažký rozširovať okruh žánrov aj novelami a románmi. Sám bol aktívnym účastníkom druhej svetovej vojny. V tom čase Ladislava Ťažkého – ako mnohých iných mladých mužov – odvelili na východný front, kde pôsobil ako mapár. K prostrediu, v ktorom musel žiť, sa viaže aj románová kronika *Amenmária.* Podáva svedeckú výpoveď o ľuďoch prinútených žiť v časopriestore vojnového šialenstva. Práve ono prinútilo opustiť mužov svoje domovy a – v tomto prípade – obliecť uniformu vojakov stojacich na strane hitlerovského Nemecka. Román je označovaný za *„studnicu umeleckého poznania a inšpirácie"* (Červeňák 1998: 29). O svojom románe Ladislav Ťažký povedal: *„Hlavnou myšlienkou knihy je, že aj keď sme išli na východný front ako nedobrovoľní spojenci dobyvačnej fašistickej armády, zachovali sme si tvár a ľudskosť. Počas pobytu na Ukrajine sme mali veľmi dobré vzťahy s domácim obyvateľstvom. Rozumeli sme si a považovali nás takmer za svojich. Kde sme mohli, tam sme si navzájom pomáhali"* (Dielo *Amenmária...* 2005).

Vzniká otázka, na základe čoho sme vybrali k Rasputinovej novele práve Ťažkého dielo, iné žánrovo, a teda aj rozsahom výrazne väčšie, keďže ide o románovú kroniku. Motivovali nás príbehy dvoch mladých mužov, ktorí boli prinútení opustiť svoje rodiny a obliecť uniformu vojaka: Andrej Guskov odchádza na front v pozícii vojaka brániaceho vlasť pred hitlerovským Nemeckom, teda na strane spravodlivosti a pravdy. Matúš Zraz si oblieka uniformu slovenského vojaka, teda toho, ktorý mal bojovať na strane fašistického Nemecka. Matúš aj Andrej – mladí ľudia so životom ešte len pred sebou – sú prinútení čeliť nepriazni osudu a robiť rozhodnutia, za ktoré treba platiť. Matúš, podobne ako Andrej, verí v návrat: *„Koľkí tam boli a ... vrátili sa. Koľkí mapári boli na fronte a ani jedného neranilo, nezabilo, koľkí tam boli a všetci sa vrátili. Všetci mapári..."* (Ťažký 1967: 67; ďalej citujeme podľa tohto vydania s uvedením iba čísla stránky). Autor porovnáva front s bitúnkom: *„Na fronte sa zabíja, front je bitúnok, ja som mapár. Mapár kreslí, mäsiar zabíja... Nebudem...! /Počujete!? Nebudem mäsiarom, nebudem...!"* (68). Matúš sa domnieva, že všetko, čo robí, je de facto v súlade s čestnými pravidlami. Realita však nadobúda diametrálne odlišné kontúry. Jeho život sa dostáva do slepej uličky, rozohráva s ním nečestnú hru, a on sa stáva jej priamym účastníkom.

Dvaja muži, dve rôzne pozície: Matúš sa dostáva do konfliktu so záujmami svojej vlasti, Andrej koná v protiklade k nemu: zrádza vlasť bojujúcu v obrannej vojne proti Nemecku. Možno povedať, že uvedené dva fakty sú hlavnými činiteľmi v modelovaní obidvoch mužských postáv. Je evidentné, že obraz človeka podmieňuje vojna, jej absurdnosť, tragickosť, nezmyselnosť. Obrana cudzích a vlastných záujmov by, na prvý pohľad, mala byť determinujúcim prvkom v modelovaní charakterových čŕt spomenutých dvoch mužov. Prvý z nich volí cestu dezercie, a odsúdi sa tým na skrývanie pred svetom blízkych i cudzích ľudí. V slovenskom diele zasa Matúš Zraz, *„chlapec s dobrým srdcom, ale zlým slovenským osudom, ktorý ho núti sedieť na dvoch stoličkách (bojoval spolu s Nemcami proti Rusom,*

tvrdiac pritom, že «Rusi sú skoro Slováci, Slováci skoro Rusi», spávať na dvoch posteliach (erárnych a ruských), jesť z dvoch kotlíkov, milovať a nenávidieť súčasne v čase svojho citového, pragmatického a duchovného vyzrievania a dozrievania, končí. Zostáva iba jeho tieň – citová púšť, existenčná vykoľajenosť, duchovná ruina" (Červeňák 1998: 28). Obidve postavy stelesňujú množstvo ďalších mladých ľudí, mladých mužov, ktorí sa ocitli na fronte. Sú podobní Andrejovi Guskovovi – v prvej fáze odhodlaní bojovať za svoju vlasť a s týmto odhodlaním i zahynúť, ale vo fáze maximálnej únavy a na hranici, za ktorou je už prázdno smrti, zlyhajú, rozhodnú sa dezertovať.

Obraz človeka-vojaka je tvorený v novele priamo, teda reflexívnymi časťami formou 3. osoby, napr.: o vojne, v ktorej bojoval Andrej: *«Гуськов не привык, да и не мог привыкнуть к войне, он завидовал тем, кто в бой шел так же спокойно и просто, как на работу, но и он, сколько сумел, приспособился к ней – ничего другого ему не оставалось. <...> Воевал, как все, – не лучше и не хуже"* (Распутин 1984: 21; ďalej citujeme podľa tohto vydania s uvedením iba čísla stránky); *„Guskov si nezvykol, ba ani nemohol zvyknúť na vojnu, závidel tým, čo išli do boja pokojne a prosto ako do roboty, ale zato aj on sa jej prispôsobil, nakoľko sa len dalo – iné východisko nemal" <...> „Bojoval ako všetci – ani lepšie, ani horšie"* (Rasputin 1977: 24; ďalej citujeme podľa tohto vydania s uvedením iba čísla stránky). Obraz človeka, nielen Andreja Guskova, ale aj ľudí na fronte, ktorí priam bytostne nesúhlasili so svojím miestom v neprirodzenom prostredí, ale zároveň bojujúcich po dezercii s vlastným svedomím, sa odkrýva v dialógoch i v monologických častiach novely, napr.: *«Это ж она меня с войны сняла и сюда направила. Она. Может, против сил моих направила, чтобы успеть нас до смерти моей свести. Ты думаешь, легко мне здесь зверюгой лесной прятаться? А? Легко? Когда они там воюют, когда я тоже там, а не здесь обязан находиться?»* (86). *„To osud ma nakriatol a sem poslal z vojny. Veru osud. Možno proti mojej vôli ma sem priviedol, aby nás ešte spojil pred mojou smrťou. Myslíš, že mne je ľahko schovávať sa tu ako lesná zver? Há? Ľahko? Keď oni tam bojujú, keď ja som povinný byť tam, a nie tu?"* (90).

Nadväzujúc na Dostojevského román *Zločin a trest* – a v ňom na postavu Raskoľnikova, na výčitky svedomia, ktoré trápili mladého človeka po spáchaní dvoch vrážd –, prenasledujú ťažké sny aj Guskova a narúšajú jeho integritu, modelujúc pritom nového Guskova, vzďaľujúceho sa od ťaživej reality: *«Господи, что я наделал?! Что я наделал, Настена?! – И, убрав руки, повернул лицо к Настене. – Не ходи больше ко мне, не ходи – слышишь? И я уйду. Совсем уйду. Так нельзя. Хватит. Хватит самому мучиться и тебя мучить. Не могу»* (110); *„Panebože, čo som to urobil? Čo som to urobil, Nasťona?! – Odtiahol ruky a obrátil k Nasťone tvár. – Nechodievaj už za mnou, nechodievaj – počuješ? A ja sa stratím. Nacelkom sa stratím. Takto to nejde. Stačí. Stačí seba aj teba trýzniť. Už nevládzem"* (112).

Krížovou cestou prechádzajú reálne postavy počas vojny, i postavy, ktorých obrazy boli vytvorené spisovateľom, v obidvoch dielach žijú vlastnými príbehmi, vlastnými metamorfózami. Andrej Guskov je prinútený opustiť rodisko a splynúť s tajgou, aby si zachránil holý život, Matúš Zraz sa zasa ocitá vo svete zatiahnutom do vojny, kde sa dá ťažko porozumieť udalostiam, ľuďom, prítomnosti i budúcnosti. Atribúty patriace postave tohto

mladého literárneho hrdinu sú charakteristické pre obraz človeka v neprirodzených vojnových podmienkach, možno ich nepochybne vyjadriť substantívami optimizmus, entuziazmus, nádej, láska, viera v život. Ladislav Ťažký vkladal do svojich románových zápiskov vieru v slovanskú jednotu, v jednotu a porozumenie človeka s človekom. Autor sa nevyhýba expresívnej lexike, zdôrazňujúc ňou silu a váhu chlapských výpovedí: *„Vsjo ravno, vajna! kričali Ukrajinci. Vsjo ravno, vajna, boha mu! kričali Slováci a pili s Ukrajincami samohonku a rum. Najprv pili zo strachu, potom na zoznámenie a nakoniec na bratstvo. Sme predsa Slovania! Na zdravie! Slováci sú skoro Rusi! A Ukrajinci sú skoro Rusi"* (417).

Ladislav Ťažký zanechal v románovej kronike odkaz – obraz človeka, ktorý sa dostal do sveta postaveného na hlavu: *„Nie, my nie sme normálni vojaci. Svet sa krúti, práve pred chvíľkou bol hore nohami"* (94). Tento stav je zakomponovaný v Matúšovom počiatočnom presvedčení, že jestvuje nejaký skutočný vojak: *„Matúšovi sa zdá, že títo opití vojaci sú naozajstní vojaci, lebo vedia piť, hrešiť, vedia si kúpiť ženu za päťdesiat korún, títo chlapi by vedeli aj zabiť, ak niekoho zabijú, nenariekajú nad ním, ak ich zabijú, budú za nimi nariekať matere ako za poriadnymi"* (119). Mladý človek ešte veril v jedno prikázanie z Desatora: *„Myslí si, že existuje láska, miluj blížneho svojho..."* (119). Vojnou však Matúš dospieva, priame stretnutia so smrťou ho menia, nútia zamýšľať sa nad otázkami, ktoré by ľudská bytosť v mladosti vôbec nemala poznať. V záverečných poznámkach autora sa nachádza aj veta svedčiaca o ľudskosti v mladom človeku prinútenom žiť v podmienkach vojny: *„Nikdy nepochopím, ako sa to stalo, ako nepochopím, prečo sa to robí, prečo sa ľudia zabíjajú"* (511). V obraze človeka zasiahnutého šialenstvom vojny zarezonuje logické a zákonité presvedčenie: *„Už mám dosť všetkého, vojny, pijatiky, hladu, cestovania, anarchie, smútku, uniformy, domácich, cudzincov, už sa mi zhnusilo žiť v špine, vylizovať konzervy, natískať sa ľuďom do domovov. Mám pocit, že sa deje niečo mimoriadne, že tento rok..."* (523). Mladý človek, ktorý videl – podobne ako Andrej Guskov – mŕtvych kamarátov a v závere svojej ťažkej vojnovej cesty, v uniforme slovenského vojaka si uvedomuje: *„Dobre nie je gut. Dobre je charašo. Slováci sú skoro Rusi, na Slovensku je vojna skoro ako v Rusku"* (616).

Ladislavovi Ťažkému vyčítali *„jednostranný záujem o biologicko-pudové východiská ľudského konania, čo mu bráni vyjadriť konkrétnu spoločenskú perspektívu a historický optimizmus"* (Pišút a kol. 1984: 769). *„Ťažkého tvorba pozná zbabelosť, tragickosť, zúfalstvo, osamelosť, ale nepodlieha cynizmu, nihilizmu a rozkladu",* uvádza sa v zborníku *Život a dielo. Desať statí o slovenskej literatúre* (Červeňák 1998: 20).

Obidvaja slovanskí autori, Rus Valentín Rasputin a Slovák Ladislav Ťažký, venovali svoje prozaické diela nielen konkrétnym postavám. Rasputin človeku, ktorý sa krokom dezertérstva odsúdil na duševné i fyzické vyhnanstvo, Ťažký zobrazil osud svojej generácie, v románovej epopeji autobiograficky pristúpil k vytvoreniu svedectva mladého človeka – ale, prirodzene, nielen jeho – zo stretnutí a následných vlastných metamorfóz počas pobytu na východnom fronte. Hoci sme vychádzali z textov dvoch rozdielnych žánrov, cieľom bolo poukázať na to, čo v osudoch mladej generácie tvorilo styčné plochy Rasputinovej novely a Ťažkého románovej kroniky. Poukázali sme na absurdnosť vojny, ktorá zásadne ovplyvnila myslenie, konanie a následné vysporadúvanie sa s rozhodnutím dezertovať v prípade

Andreja Guskova. V autobiografických zápiskoch spomienok Ladislava Ťažkého, v postave Matúša Zraza, sme zasa načrtli styčné plochy demonštrujúce večné právo človeka na život bez šialenstva, v akom sa ocitol mladý človek na prahu života.

Na záver: V zborníku *Život a dielo. Desať statí o slovenskej literatúre Ladislav Ťažký* čítame: *„Ťažký predlžuje líniu veľkých etikov minulosti – slovenských (Kollárom počínajúc, cez Sládkoviča, Vajanského a Hviezdoslava pokračujúc, až k Rázusovi, Jilemnickému a ďalším), ktorí etickí pátos posúvali do nadosobných (národných, konfesionálnych alebo sociálnych) polôh, a svetových – ktorí (napríklad Rousseau, Dostojevskij, Mann, Remarque) skúmali ľudské drámy a tragédie ako dôsledok vykoľajenosti a vykorenenosti človeka modernej doby"* (Červeňák 1998: 20). Analógiu nachádzame aj v prípade Valentína Rasputina, ktorého, ako sme už uviedli, považuje literárna kritika za pokračovateľa odkazu a tradícií ruskej klasickej literatúry. Dvaja autori, predstavitelia dvoch národov, rôznych generácií sa, obrazne povedané, stretli v dôležitom odkaze pre súčasného človeka poznajúceho vojnu len sprostredkovane. Priam identicky vyznievajú myšlienky o nevyhnutnosti zachovania toho, čo nám zanechávajú predkovia: *„Často len stratiac, opustiac svoje vlastné, rodné začíname chápať, čo sme vlastne stratili, odkiaľ sme odišli a ako pevne sú naše korene späté s našou vlastnou kultúrou"* (Lizoň 2011: 154), podobne v Ťažkého knihe *Očami pútnika*, ktorá, hoci vznikla v inom kontexte, hovorí: *„Až potom, keď opustíme vlasť, dostaneme strach, že čo ak by sme sa nemali, nesmeli do nej vrátiť? Všetky krásy sveta človekovi nenahradia tú jeho, čo i najskromnejšiu krásu"* (Ťažký, 1997, 4).

Skúmané literárne diela odhaľujú tragickosť impulzívnej voľby, v duchu národných, umeleckých a jazykových tradícií vytvárajú výrazné obrazy času, osobností, ľudskej sily, ale aj slabosti, poukazujúc na spoločný systém duchovných a kultúrnych hodnôt, ku ktorému patria aj tieto prozaické texty a ich autori.

LITERATÚRA

ČEREVKA, V.: *S Valentinom Rasputinom*. In: *Slovenské pohľady*, 1979, 95, 11, s. 28.

ČERVEŇÁK, A.: *Život a dielo. Desať statí o slovenskej literatúre.* Nitra: Spolok slovenských spisovateľov, Národné literárne centrum, Filozofická fakulta UKF v Nitre, 1998.

PIŠÚT, M. a kol.: *Dejiny slovenskej literatúry*. Bratislava: Obzor, 1984.

DOHNAL, J.: Předvečer října v Rusku a publicistika. In: *Sborník prací Filozofické fakulty Brněnské univerzity*, 1995, d. 42, s. 65 – 70.

GILLESPIE, D. C.: *Rasputin and Soviet Russian Village Prose.* London: MHRA Texts and Dissertations,1986.

KOŽEMIAKO, V. S.: *Valentin Rasputin. Boľ duši.* Moskva: Algoritm, 2007.

LIASHUK, V.: *Теория славянских литературных языков в диахронии и синхронии*. Banská Bystrica: Belianum, 2017.

LIZOŇ, M.: «Uroki Armeniji» Andreja Bitova ako cesta k vlastnej kultúre. In: *Acta Facultatis Humanisticae Universitatis Matthiae Belii Neosoliensis: humanitné vedy - literárna veda: zborník vedeckých štúdií učiteľov a doktorandov Fakulty humanitných*

vied Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici. Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela, Fakulta humanitných vied, 2011, s. 153 – 164.
LEIKERT, J.: *Svedectvá Ladislava Ťažkého a nás ostatných.* Nitra: Kulturologická spoločnosť, 2011.
MICHELKO, R.: Laco Ťažký – Moje stretnutia s Ladislavom Ťažkým. In: *Slovenské národné noviny*, 2012, 25. január. [online]: https://snn.sk/moje-stretnutia-s-ladislavom-tazkym/ (cit. 2019-31-06).
RASPUTIN, V.: *Ži a pamätaj.* Preklad R. Dvořákovej-Žiaranovej. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1977.
REHÁK, G.: *Vzácna energia vzácneho človeka* [online]: http://www.starykliz.sk/slovensky-spisovatel-ladislav-tazky/ (cit. 2019-31-06).
SLOBODNÍK, D.: *Autori, diela, problémy. State o sovietskej literatúre.* Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1977.
ŤAŽKÝ, L.: *Amenmária. Samí dobrí vojaci.* Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1967.
ŤAŽKÝ, L.: *Očami pútnika*. Bratislava: NONA, 1997.
РАСПУТИН, В.: *Век живи – век люби.* Москва: «Известия», 1985.
РАСПУТИН, В.: Необходимость правды. In: *Литературная учеба*, 1984, 3, с. 130 – 134.
Dielo Amenmária – Samí dobrí vojaci je román svetového formátu. In: *SME: MY Považská*, 2005, 22. márca [online]: https://mypovazska.sme.sk/c/1980015/dielo-amenmaria-sami-dobri-vojaci-je-roman-svetoveho-formatu.html (cit. 2019-31-06).

"LOST GENERATION" IN THE NOVEL "LIVE AND REMEMBER" BY V. RASPUTIN AND NOVEL-CHRONICLE "AMENMARIA" BY L. ŤAŽKÝ

Abstract: The author pays attention to the works of two Slavic writers-the Russian writer – "rustic" Valentin Rasputin and the Slovak writer Ladislav Ťažký. The focus is on the Novella "Live and remember" by V. Rasputin and the novel-chronicle "Amenmária" by L. Ťažký. Both works are connected by the image of war – the most inhuman crime against man and humanity. Andrei Guskov in V. Rasputin's Novella "Live and remember" and matusz Zraz in the novel-chronicle "Amenmária" represent a generation that can be called "lost". A common feature is the horror and absurdity of the military events, the participants of which were both heroes.

Key words: literature about the Russian village, writer "derevenshchik", Slovak literature, Slovak contemporary writer, "lost generation".

Príspevok je čiastkovým výstupom v rámci projektu **VEGA č. 1/0118/17** Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západo- a východoslovanský kontext.

Anton Repoň
Filozofická fakulta, Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici, Banská Bystrica (Slovensko)

ROZPRÁVAČSKÝ ŠTÝL V *OBRÁZKOCH Z GUBERNIE* M. J. SALTYKOVA-ŠČEDRINA

Anotácia: Analýza kompozičnej výstavby čŕt v predreformnom období v práci spisovateľa ukázala, že dominantnou formou rozprávania autora je „ich-forma". Takýto rozprávačský štýl umožňuje vznik špecifického obrazu rozprávača, ktorý plní dvojakú funkciu. Na jednej strane hovorí o tom, čo videl, na druhej strane skryto hodnotí vzniknutú situáciu. Systém rozprávania príbehu vedie k personalizácii rozprávania, to znamená k vzniku nového obrazu rozprávača – personalizovaného autora, ktorý má svoje meno, charakter a podrobnú sociálno-psychologickú charakteristiku. Jeho uvedenie do príbehu vedie k subjektivizovanému rozprávaniu, ktoré sa prejavuje v používaní zámen, osobných slovesných tvarov a autorských poznámok. Pozícia autora prechádza celým príbehom od prvej črty (*Úvodom*) a končí sa poslednou črtou (*Cesta (Namiesto epilógu*)). Obraz autora-rozprávača je autoritatívny, pretože on organizuje celý príbeh. Len niekedy spisovatelia prenášajú rozprávanie na inú osobu *Prvé rozprávanie súdneho pisára, Druhé rozprávanie súdneho pisára, Starec.* Subjektivizované rozprávanie je plné lyrických a publicistických úvah, ktoré umožňujú pozerať sa na javy v spoločensko-sociálnych súvislostiach. Na základe analýzy sme dospeli k záveru, že Saltykov-Ščedrin často využíva metódu použitia „cudzieho slova" (M. M. Bachtin), ktoré je vždy graficky vyznačené úvodzovkami. Táto technika vytvára predpoklady pre vznik rozprávania príbehu v prvej osobe a to z rôznych uhlov pohľadu. „Cudzie slovo" je u Saltykova-Ščedrina spojené s hodnotením danej situácie.

Kľúčové slová: Saltykov-Ščedrin, Obrázky z gubernie, autor, rozprávač, rozprávanie, subjektivizovaná forma rozprávania, „ich-forma", „er-forma", kompozičná výstavba čŕt.

V *Obrázkoch z gubernie* autor často zložito manipuluje s „cudzím" slovom (Bachtin, 1979: 75). Táto transformácia je veľmi dôležitá pre pochopenie postavenia autora: vonkajšie objektivizované rozprávanie príbehu je preniknuté emocionálnym hodnotiacim postojom k realite. Tento postoj je charakteristický pre každú kapitolu *Obrázkov z gubernie.* V závislosti od situácie v príbehu cyklu môžeme vypracovať klasifikáciu čŕt, poviedok, dramatických scén a lyrických náčrtov – monológov, charakterizovať špecifickosť každej zo skupín, ako aj skúmať princípy ich existencie v diele.

Veľkú úlohu v organizácii rozprávačských postupov v *Obrázkoch z gubernie* zohráva úvodná časť *Úvodom*, ktorá je vyrozprávaná subjektivizovane v prvej osobe personalizovaným autorom. Na jeho prítomnosť poukazujú osobné a privlastňovacie zámená, osobné tvary slovies. Všetky udalosti a postavy sú prezentované z pohľadu rozprávača, ktorý ich pozná bližšie. V úvodnej časti je zadefinovaná autorova koncepcia, geografia, ideológia (mesto Krutogorsk, jeho obyvatelia, hlavní hrdinovia cyklu). A tak čitateľ má jedinečnú príležitosť vstúpiť do tohto sveta.

B. V. Koroleva (Koroleva 1999) skúmala formy personalizácie rozprávača v románoch Saltykova-Ščedrina a identifikovala tri typy autorského rozprávača:

1. neosobné rozprávanie (personalizované), napríklad v románe *Páni Golovlevovci*, kde rozprávanie prebieha v tretej osobe;

2. osobné rozprávanie (nepersonalizované), bez personalizovaného autora, napríklad v románe *História jedného mesta*, kde rozprávanie prebieha v prvej osobe;
3. osobné personalizované rozprávanie autora, napríklad v románe *Pošechonské staré časy*, kde text diela je koncipovaný priamo neosobným autorom a vyrozprávaný v prvej osobe.

J. B. Lebedev sa domnieva, že na jednej strane je Saltykov-spisovateľ a na druhej strane je Ščedrin-úradník. *«Салтыков может сойтись со Щедриным», первый дает свободу последнему, «впуская в себя максимально конкретизированный и разнообразный мир провинциальной жизни»* (Lebedev 1975: 103). Ale jedna vec je istá, rozprávačom je štátny radca N. Ščedrin. Práve on prechádza všetkými rôznorodými zložkami cyklu, k jeho osobe sa vzťahujú všetky obrazy diela. N. Ščedrin nie je autorom, ale jeho postoj k svetu je ekvivalentný s autorovým názorom a s jeho myšlienkami. Bušmin tvrdí: *«Щедрин появляется не как полный выразитель взглядов автора, но как его единомышленник в трактовке ряда вопросов, касающихся роли передовых представителей бюрократии»* (Bušmin 1959: 22). V skutočnosti rozprávač Ščedrin vyjadruje názory autora, a to najmä tam, kde sa v texte objavujú kritické úvahy o sociálno-politických otázkach (*Porfirij Petrovič, Korepanov, Cesta*), alebo keď sa nestotožňuje s názormi Saltykova-autora.

Sám spisovateľ rozhodne poprel, že by v *Obrázkoch z gubernie* zobrazil svoje «собственные похождения» (Saltykov-Ščedrin 1965, T. XVIII.: 140). Ščedrin je literárna postava podobná typu Ivana Petroviča Belkina u Puškina alebo kozáka Luganského u Daľa. Meno autora je tu zverejnené: *«Собрал и издал М. Е. Салтыков».* A tak sa stalo, že hrdina a rozprávač v jednom diele Saltykova sa stal silnejším a vplyvnejším ako jeho autor, zo satirika sa zmenil na ostrého a uštipačného kritika reality života, z úradníka, ktorý by mal obhajovať štátne záujmy, sa zmenil na revolucionára, kritizujúceho autokratický nevoľnícky systém v Rusku. Vďaka Ščedrinovi vznikajú medzi rôznymi charakterovými skupinami postáv výrazné odlišné umelecké paralely.

Je však potrebné poznamenať, že úradník N. Ščedrin, ktorý sa ocitne v provinčnom meste Krutogorsk, zobrazuje a hodnotí udalosti, javy a situáciu ľudí (väčšinou vládnych úradníkov), v kritickom tóne.
Dokumentárno-mikroskopické zobrazenie sveta sa odhaľuje cez úvodné poznámky a sprievodné komentáre rozprávača príbehu: *„Postretla ona mladého junoša krásneho (a bol to ten záludný sluha Satanáša)“* (Saltykov-Ščedrin 1953: 222; ďalej citujeme podľa tohto vydania s uvedením iba čísla stránky). Takéto komentáre, odbočenia od deja množstvo podrobnejších opisov, skrývajú tajomstvo časopriestorovej jednoty vonkajškovo narušených, ale vnútorne spojených čŕt do jedného cyklu. Autor-rozprávač nás stále odkazuje na predchádzajúci materiál, to znamená, že pre cyklus je charakteristická koexistencia dvoch časových pásiem, pričom časové pásmo autora-rozprávača má širší kontext, je ako majster, špecialista, ktorý vyhodnocuje aj čas rozprávača. Rozmanitosť poznámok a komentárov kombinuje osobnú skúsenosť so živou, skutočnou realitou. U Saltykova-Ščedrina sú dojmy ironické: *„Ak ste žili na vidieku, môj zhovievavý čitateľ, akiste viete, že každé gubernské a okresné mesto má svoje „príjemné“ rodiny, práve tak , ako má mešťanostu, hajtmana a tak ďalej.“* (168).

Na celej ploche cyklu nás sprevádza úradník N. Ščedrin, premiestňujeme sa s ním z jednej kapitoly do druhej, od jedného hrdinu k druhému a nachádzame spoločné významové znaky: ako prežívali „dávne časy“, ako sa menila psychológia a filozofia života mnohých ľudí. Napríklad pridáva „bujerakovčine“ (pozri *Nadané povahy*) celoruský charakter. N. Ščedrin hovorí o nej (rovnako aj o ostatných „nadaných povahách“) v množnom čísle, čím vyjadruje svoje presvedčenie, že Bujerakin nie je sám. Bujerakin svojimi charakterovými vlastnosťami a spôsobom života reprezentuje široký spoločenský jav, nazvaný aj „pečorinstvom“: *„Provinciálni Pečorinovia sú toľkorakého tvaru a druhu, že je veľmi ťažko vyčerpať tento predmet podrobne. Jedni z nich sa zapodievajú tým, že chodia v župane po izbe a pretože nemajú čo robiť, pohvizdujú si; druhí sú preplnení zlosťou a stávajú sa vidieckymi Mefistofelmi; tretí kupčia s koňmi, alebo sa falošne hrajú v karty; štvrtí pijú obrovské množstvá vodky; piati vo voľných chvíľach preberajú svoju minulosť a zo žiaľu protestujú proti prítomnosti“* (393). Títo ľudia majú niektoré spoločné črty: veľké gestá, prázdne reči, v spoločnosti sú nepochopení a neuznaní, sú to „červíky“. *„Tento hlúpy červík je na príčine, že naši Pečorinovia sa ponevierajú z kúta do kúta a nevedia, kde by mali hlavu skloniť; on ich veľmi dôverne zoznámil aj so statkármi Poležajevom, Odfukajovom a Chrapovickým“* (393). Samozrejme, že tieto priezviská hovoria jasnou rečou, nie je ťažké odhadnúť, že Poležajev je odvodené od slovesa ľahnúť si, poležať si («полежать»), Odfukajev od odfukovať («сопеть»), Chrapovický od chrápať («храпеть»).

Slovenská prekladateľka Magda Takáčová transliterovala ruské priezvisko *Буеракин* ako *Bujerakin*. Z výkladového slovníka V. Daľa sa dozvedáme, že priezvisko Буеракин na prvý pohľad nebije do očí, ale ako apelatívum (všeobecné meno) sa používa aj v hovorovom štýle. V slovníku nachádzame nasledovný výklad slova: «*буерак от м. байрак южн. татарск. сухой овраг, водороина, водомоина, росточь, вертепижина. Буераки, буерачник, местность, изрытая природою, овражистая; кучегуры южн., шиханы оренб. Буерачник... Буерачина ж. или буераковина, буерачек, небольшой овраг, овражек, рытвина; снежный ухаб, сугроб, раскат. Буерачные травы, бурьянистые. Буерачистая местность*» (Daľ 1989: 137).

To znamená, že takmer všetky významy vypovedajú o svahoch a údoliach. Aj Bujerakin sa stále zaoberá rozhodnutiami nad prázdnymi otázkami, ktoré ho ťahajú stále nižšie a nižšie na dno. „Nadané povahy“ predstavujú spoločenský jav a vzdelaní ľudia sa menia na duchom prázdnych, lenivých a nepotrebných jedincov.

Cyklus *Obrázky z gubernie* je prerozprávaný v prvej osobe *(Prvé rozprávanie súdneho pisára, Druhé rozprávanie súdneho pisára, Porfirij Petrovič, Príjemná rodina, Celkový obraz, Pani Muzovkinová* a ďalšie), v tretej osobe *(Nepríjemná návšteva, Kňažná Anna Ľvovna, Vyslúžilec Pimenov)*, ako príbeh vo forme ľudového rozprávania *(Pachomovna, Arinuška)* a ako dramatický príbeh, ktorý je typický pre *Dramatické scény a monológy.* Jednotlivé časti v *Obrázkoch z gubernie* sa líšia stupňom závažnosti pohľadu autora: dominuje predovšetkým subjektivizované rozprávanie nad objektivizovaným rozprávaním čŕt. Je však potrebné poznamenať, že naratívne postupy sú doplnené autorskými poznámkami, lyrickými odbočeniami a výpismi zo zápisnice.

Zaujímavú formu rozprávania príbehu predstavuje *Matička Marva Kuzmovna*, kde dochádza k striedaniu rozprávačských žánrov. Na začiatku príbehu autor upozorňuje čitateľov, že *„toto rozprávanie som prevzal zo zápiskov môjho priateľa Marka Ardalionyča Filoveritova ...“* (536). K vyriešeniu konfliktu dochádza v tzv. listoch *(Po modlitbe)* Michaila Tebeňkova a matičky abatyše Magdaliny.

Adresát (komu píšu) a odosielateľ (kto píše) je presne vyjadrený. Samotné listy sú zamerané na dialóg a predpokladajú odpoveď ako následnú reflexnú aktivitu vedomia, spôsobenú predchádzajúcimi listami adresátovi, ktorý tiež pôsobí ako subjekt vedomia. Len z listov *Po modlitbe* je zrejmé, že Marva Kuzmovna násilne zatvárala Varvaru do studenej pivnice, a tam *„za vrkoč ste ju uväzovali, aj inými spôsobmi ju krotili, ale že to nič nepomáha* (Michail Tebeňkov); *„Ja sa nazdám, že (Varvara Tebeňkovová), ma s tou Manefou Ivanovnou chceli zmárniť, aby som teda zomrela a oni dostali celý otcovský majetok“* (590) a keď porodila Mišutku, dali ho na dedinu sedliakovi a potom vraj zomrel.

Ale na druhej strane je rozprávanie naplnené subjektívnym pohľadom autora, napríklad jeho obdiv mestu S***, ktorého rozmanitosť utišuje unavený pohľad pútnika, všade panuje tichosť a človek si začína uvedomovať celý kolobeh života prírody.

Subjektívne rozprávanie je jedným zo základných prvkov umeleckej tvorby Saltykova-Ščedrina, ktorý určuje expresívny štýl rozprávania v jeho literárnom svete. Autor sa v rozprávaní odlišuje od postavy v príbehu v tretej osobe. Autorova úloha patrí do iného časopriestoru: je tvorcom zobrazovaného sveta, v ktorom vystupujú postavy, je to tvorca objektívny a podáva komplexný obraz vonkajšieho a vnútorného Ruska.

Začlenenie „medzičlánkových“ žánrov umožňuje Saltykovi-Ščedrinovi na jednej strane stať sa jedným z hrdinov, a na druhej strane riešiť problém vnútorných konfliktov subjektivizovaného hľadiska nositeľa reči s autorovým pochopením zobrazovanej skutočnosti.

V subjektivistickom rozprávaní sa objavuje personalizovaný autor, na prítomnosť ktorého upozorňujú osobné a privlastňovacie zámená, osobné slovesné tvary vzťahujúce sa na autora: *„**Predomnou** stál mladík asi dvadsaťpäťročný, v obnosenej úradníckej uniforme“* (599*); „**Veziem sa** a myslím na to, že na tejto stanici má dozorca peknú ženu“* (620); *„Padli sme si do náručia; lenže teraz som sa ešte väčšmi presvedčil, že **moja** mladosť prešla nenávatne ...“* (402).

Rozprávanie v prvej osobe vytvára špecifický obraz rozprávača a v príbehu má dvojakú funkciu. Avšak tak prvá, ako aj druhá línia rozprávania smeruje k vytvoreniu nového obrazu rozprávača, ktorý má svoje meno, charakter, rozvinutú detailnú sociálno-psychologickú charakteristiku. Umelecký obraz rozprávača kreuje „vytvorenú realitu“ v texte očami autora s použitím osobných zámen. Napríklad: *„V pitvore ma privítala akási babka, asi kuchárka ...“* (552). Personalizácia autora pomáha vytvoriť mnohostranný obraz rozprávača a zmeniť typ rozprávania.

Subjektivizované rozprávanie Saltykova-Ščedrina v *Obrázkoch z gubernie* je plné lyrických a publicistických úvah, ktoré prispievajú k aktualizácii autorskej koncepcie načrtnutej v úvodnej časti. V prvej kapitole *Staré časy* je tento koncept jasne viditeľný

v prvom príbehu a v druhom príbehu o okresnom pisárovi Ivanovi Petrovičovi, policajnom šéfovi Fejerovi a mešťanostovi Želvakovovi.

Použitie prvej osoby je v rozprávačskej praxi Saltykova-Ščedrina dominantné, tzn., že je to jeho najbežnejšia forma rozprávania a plní celý rad ideologických a estetických funkcií, z ktorých jedna je personalizácia rozprávania. Je potrebné uviesť, že autor sám odhaľuje svoju autorskú pozíciu v texte graficky, používaním kurzív: „Ale to všetko ešte nie je nešťastie. Čo ho Jeho Vysokorodie aj vyhrešili, veď zato ho neobesili! Ani len *„vy“* nepovedali, ďalej ho oslovovali „*ty“* a *„bratku*.“ (kurzívy Saltykova-Ščedrina). Tieto slová napísané kurzívou poukazujú na subjektívne názory autora: na jednej strane mestečko Černoborsk na čele s Dmitrijom Borisyčom Želvakovom, na strane druhej autor-rozprávač. Túto črtu môžeme rozdeliť na tri časti: všeobecnú charakteristiku Černoborska a typológiu v ňom žijúcich postáv, dramatickú scénu medzi Alexejom Dmitričom a Peregorenským a na večera u Dmitrija Borisyča.

Hlavný dôraz v *Nepríjemnej návšteve* autor venuje porovnaniu rôznych spôsobov a činností, ktoré sa realizujú v „bežných podmienkach“: pátranie po hlave, ktorá sa niekam stratila, sťažnosť Peregorenského a večera u Dmitrija Borisyča, to všetko hovorí o absurdite života. Dôležitú funkciu plnia názory autora na vedľajšie sekundárne postavy, na ktoré má svoj vlastný originálny pohľad. Medzi nimi sú napríklad Stepanida Karpovna, pre ktorú „vysokorodie“ nestelesňuje jej manžel Michajlo Trofimyč Sertukov, ktorý sa roztrasie už len pri zmienke, že do miestnosti sa chystá vstúpiť Jeho Excelencia. Z prepletania hlasov na tomto večierku je vybudovaný hlavný konštruktívny postup – dialogickosť, vytvárajúca naratívnu polyfóniu.

V nasledujúcich kapitolách *Obrázkov z gubernie – Moji známi* a *Pútnici a pocestní* – autor hierarchicky rozdeľuje spoločnosť, a to nielen podľa sociálnych kritérií, ale aj podľa vnútorného stavu a prístupu k životu. Kapitola *Moji známi* je napísaná v prvej osobe, pričom personalizovaný autor otvorene vyhlasuje: *„Podobné muky som musel zažiť aj ja“ (Oklamaný podporučík*), alebo je pozícia autora-rozprávača skrytá, napríklad v *Kňažnej Anne Ľvovne,* ale aj napriek tomu sa táto pozícia autora prejavuje v autorských úvahách a sentenciách: *„A zatiaľ – divná vec! – aj osobnosti obdarené najcitlivejšími nervami len málokedy sa vymania spod zhubného vplyvu tohto miniatúrneho a zovňajškom takého nelákavého života!»* (152). Štruktúru rozprávačského „ja“ vytvára niekoľko spôsobov vo vyjadrovaní autora; jednou z možností je používanie generalizovaného „my“ (*Luzgin*). V tejto časti je predstavený veľmi frekventovaný spôsob organizácie subjektivizovaného rozprávania príbehu: rozprávač, primárny nositeľ reči („ja“) blízky autorovi, spája časový plán a zabezpečuje jednotu naratívneho plánu. Ďalej sa „ja“ výrazne odhaľuje v tendenčných polohách autora. Formálne sa to prejavuje v priamom oslovení čitateľov, v komentároch a reflexiách: *„Ale veru, zhovievavý čitateľ, až dosiaľ ho môžete vidieť* (Živnovského – pozn. autora), *ako sa prechádza po uliciach mesta Krutogorska a najmä, ako činne sa zúčastňuje pri všetkých požiaroch a iných verejných pohromách“* (130).

Implicitne, bez formálneho vyjadrenia, je autor prítomný v rozprávaní príbehu cez ironické postoje, ktoré sa prejavujú v používaní hodnotiacich prívlastkov, emocionálnych opisov: *„Poď, poď sem, mudráčik,“ – povedala Marva Kuzmovna, ktorej tvár rozkvitla pri*

pohľade na túto tučnú, bielu chovanicu... neter mi je to" (558); *„Alebo je v tých slzách žiaľ nad márne prežitým , najlepšími rokmi môjho života. Možno sa mi hrdza zvyku tak zažrala do srdca, že sa zbabelo bojím životnej zmeny, ktorá ma čaká?"* (*Cesta*) (625).

Pre *Obrázky z gubernie* je významná jedna literárna a jazyková zaujímavosť – *„лесковский сказ"*. Ruský literárnovedný termín „сказ" (skaz) (folk., lit. povesť, rozprávanie) sa definuje ako «*вид литературно-художественного повествования, подражающий фольклорным произведениям стилем, специфической интонацией и стилизацией речи для воспроизведения речи сказителя устных народных жанров или живой простонародной речи вообще. Характерная черта сказа – наличие рассказчика, не совпадающего с автором, стилистика речи которого не совпадает с современной литературной нормой»* (Большая советская энциклопедия: 1969 – 1978).

V našom príspevku budeme pod slovom *skaz* rozumieť rozprávanie s personalizovaným rozprávačom. U Saltykova-Ščedrina neexistuje rozprávanie v jeho čistej podobe, vždy existuje vzdialenosť medzi jazykom nositeľa deja a jazykom autora-umelca. Aby bola prekonaná viditeľná rôznorodosť rozprávača, N. Ščedrin rieši tento problém nasledovným spôsobom: dáva hlas „pútnikom" a „pocestným". Ale príbeh nemusí byť vždy motivovaný, niekedy okamžite a bez výhrad a akýchkoľvek pripomienok preniká do textu, napríklad v črte *Pachomovna*. Črta teda predstavuje prechod od „veľkého obrazu" k „pánom", od vonkajších obrazov príbehu k vnútornej introspekcii.

Týmto spôsobom sa na rozprávaní príbehu zúčastňujú viaceré rozprávačské subjekty, ktoré sa skrývajú pod formou „ja": je to autor-rozprávač, rozprávač-protagonista/literárny hrdina, a tretí subjekt rozprávania je tzv. „maska" satirika. Maska satirika sa prejavuje v tom, že poukazuje na celý systém okázalého bohatstva a oficiálneho pokrytectva nielen obyvateľov Krutogorska, ale celého Ruska. A že *«выведенные Щедриным типы обобщают черты не извергов, а обыкновенных людей, их дурные поступки и привычки порождены средой, в которой они развелись»* (Bušmin 1984: 12). Maska satirika je viditeľná v kapitole *Talentované povahy*, ktorá charakterizuje typy panskej šľachtickej inteligencie: na jednej strane predstaviteľov kultúrnej, mysliacej vládnucej elity spoločnosti, na druhej strane predstaviteľov apatickej neschopnosti, lenivosti a morálnej prázdnoty. Osobitosť obrazu rozprávača-hrdinu spočíva v tom, že stelesňuje objekt satiry a zároveň jeho subjekt. Na ploche celého diela rozprávanie jednej osoby prechádza do rozprávania druhej osoby, mení sa nielen názorová orientácia, ale aj štýl písania. Reč autora-rozprávača postupne prechádza k rozprávaniu o Korepanovovi a čitateľa uvádza na detský ples: *„Na tomto plese som sa zoznámil s neznámym mladíkom (vtedy som práve len prišiel do Krutogorska), Ivanom Pavlyčom Korepanovom, ktorý akosi bočil od dospelých a besedoval zväčša s mladým pokolením*" (39).

Saltykov-Ščedrin často používa metódu uvedenia do deja príbehu rozprávača-hrdinu „cudzieho slova", pričom tieto slová dáva do úvodzoviek: *«Когда я смотрю на него, мне, не знаю почему, всегда кажется, что вот передо мной человек, который ночи три сряду не спал и не снимая с себя ни «обеденного фрака», ни «рубашки»* (Saltykov-Ščedrin 1965: 315; ďalej citujeme podľa tohto vydania s uvedením iba čísla stránky)*;*

«Слыхали ли вы когда-нибудь о танце, называемом «камаринскою»?» (303); *«Общее у всех этих господ: во-первых, «червяк», во-вторых, то, что на «жизненном пире» для них не случилось места, и, в-третьих, необыкновенная размашистость натуры»* (277).

Táto technika vytvára predpoklady pre formovanie rôzneho pohľadu a názorov autora v rozprávačskom systéme v prvej osobe, zaradenie dodatočných významov slova, ktoré pomáhajú čitateľovi pochopiť skrytý autorský zámer. S najväčšou pravdepodobnosťou je „cudzie slovo" Saltykova-Ščedrina spojené s hodnotiacimi úvahami autora. Pomocou „masky", ktorú si nasadzuje satirik, Saltykov-Ščedrin poukazuje na nudný, neužitočný život mladých pečorinovcov, a zároveň jeho rozprávanie nadobúda satirické polohy, stáva sa kritikou spoločenských pomerov, proti ktorej ani nie je možné protestovať.

Osobitnú subjektivizovanú organizáciu textu nachádzame v črtách *Clivosť* (*Dramatické scény a monológy*) a *Starec* (*Zamotané prípady*). Rozprávanie sa v nich vedie v prvej osobe, ale v črte *Clivosť* je rozprávačom príbehu autor a v *Starcovi* rozprávač-starček. Zároveň ich myšlienky a spomienky sú napísané vo forme monológu hrdinu (*Clivosť*), avšak autor sa do značnej miery zameriava na seba, na svoje životopisné, psychologické a ideologické charakteristiky. V týchto črtách sa odhaľujú rôzne pohľady na svet: v *Clivosti* znie motív ťažkej doby, hanba a pocit ťažoby v srdci z beznádejnej situácie, z ktorej nie je možné uniknúť*: „Okolo mňa je hmla a mračná; Porfirijovia Petrovičovia, Jakovovia Astafjičovia, Fiodorovia Gerasimyčovia žiadostivo naťahujú ku mne prázdne ruky a nedajú mi vydýchnuť ..."* (339); *„Kto je tu vina? Kde je príčina tohto javu?"* – pýta sa autor-rozprávač a sám si odpovedá hlasom Jakova Petroviča: *„V povetrí"* (331).

Nečinnosť a neschopnosť priniesť úžitok pre spoločnosť ubíja túžby mladých ľudí a ich sny sú márne. Z týchto úvah zreteľne vyplýva postavenie človeka 50. rokov a autorove realistické hodnotenie spoločenskej doby. V črte *Clivosť* sa stretávame s personalizovaným nositeľom poskytovaných informácií, čo naznačuje postupné zosilnenie jeho subjektívnosti, ktorá je v názorovej opozícii voči zaužívaným provinciálnym hodnotám. Provincia žije iným životným štýlom, ktorý často nemá logiku: *„Alexander Andrejič ma má tiež úprimne rád: „Len aby si prehrával," vraví, „potom môžeš prísť čo aj každý deň",* alebo otázka sudcu položená pisárovi: *„Povedz mi, odpadnú ti ruky? Čo? Odpadnú? Akým právom si sa nepoklonil Anisii?"* (336). Takýto provinciálny život predstavuje celospoločenský obraz života v predreformnom Rusku.

Rovnaký jav postupného rozkladu zaužívaného spôsobu života nachádzame v črte *Starec*. Ako už bolo spomenuté, príbeh je vyrozprávaný v prvej osobe jedným z predstaviteľov „dávnych" čias a súčasnosť je reprezentovaná 50. rokmi 19. storočia, tzn. „novou" dobou: *„Moji rodičia odjakživa boli „kresťania"; bude to už zo sto rokov, čo môj dedo ušiel z Veľkoruska a usadil sa v Permskej gubernii v železiarni"* (501). Rozprávanie a čas udalostí sú zreteľne oddelené: pred sto rokmi (čas života rodičov) – päťdesiate roky (starec – doba života ich detí), preto sa vytvára taká štruktúra rozprávania, ktorá umožňuje objektívne vyhodnotiť minulosť. Hlavnými postavami črty sú rozprávač-starec a skrytý poslucháč-pán: *„Pravda, pán môj, keď si to tak človek teraz rozváži, naozaj vidí, že v týchto*

veciach je veľa pochybného...A vy si, pán môj, nemyslite, že sa tak trápia pre dáke dvojnásobné haleluja alebo pre prsty" (510).

V črte nachádzame dva subjekty rozprávania. V jednom subjekte (starec-rozprávač) sa pritom skrývajú dva rozprávačské subjekty: rozprávač „starých" čias („kresťan") a rozprávač, ktorý je zapojený do udalostí deja (život starca všeobecne). Prvý hodnotí činnosť toho druhého z hľadiska prežitých rokov a bohatých životných skúseností: *„Vtedy som tuho začal popíjať chmeľovinu; chápal som, že to nie je po kresťansky, ale zdržať som sa nijako nemohol; len ma to ťahá a ťahá do tej skazenosti"* (507). Ich životy (otec – syn-starec) nie sú diametrálne odlišné, obaja majú idealistické presvedčenie a vieru, že každý človek sa rodí čistý a je spravodlivý, ale jeho charakter „ničí" prostredie, v ktorom sa nachádza. Rozprávač-starec je človek dôverčivý, nadšený, a vo svojom hodnotení reality do istej miery naivný.

V tejto črte majú pre charakteristiku autorskej pozície veľký význam slová, ktoré sú písané v úvodzovkách a plnia funkciu určitého pohľadu na svet: „stará viera", „kresťania" (opakovane v texte 6-krát), „svetské", „horiteľ za svätý život", „panské sídla". Ide o proces personalizácie vo forme rozprávania v prvej osobe. Každé slovo v úvodzovkách znamená buď reč určitého rozprávačského subjektu, alebo subjekt rozprávania predstavuje ideológiu určitej skupiny ľudí. V črtách, ktoré sú napísané v tretej osobe, je táto metóda jedným z hlavných spôsobov vyjadrenia pozície autora.

Forma rozprávania v tretej osobe („er-form") sa objavuje v príbehoch *Nepríjemná návšteva, Kňažná Anna Ľvovna, Vyslúžilec Pimenov*, ale ako typ rozprávania sa v tvorbe spisovateľa objavuje zriedka (výnimku tvoria *Golovlevské panstvo* a časť príbehov v zborníku *Pošechonské staré časy*). Dôvod treba hľadať v špecifickosti satiry ako literárneho žánru, ktorá vo svojej podstate zobrazuje subjektívny pohľad autora na svet. Satira je určitým druhom verbálnej kreativity, v ktorej autor musí byť pri hodnotení určitých udalostí a javov jasný a zrozumiteľný. J. V. Kačura konštatuje, že tendencia k objektívnosti sa u Saltykova-Ščedrina objavuje v 80. rokoch a je jedným z prejavov „nového správania" nielen v tvorbe M. J. Saltykova, ale aj v dielach mnohých spisovateľov (Kačura 2000).

Vráťme sa k črtám *Nepríjemná návšteva, Kňažná Anna Ľvovna* a *Vyslúžilec Pimenov.* Formálnym nositeľom reči je rozprávač a autorov pohľad na zobrazované skutočnosti sa odhaľuje „v hĺbke kompozície a štýlu" (V. V. Vinogradov). V týchto príbehoch klesá podiel priameho zásahu autora do príbehu; autorov hlas prehlušujú hlasy postáv. Hrdinovia týchto čŕt sú uvedení do deja rozprávaním v tretej osobe, ktorá organizovane prechádza do rozprávania v prvej osobe. Napríklad začiatok príbehu *Vyslúžilec Pimenov* je vyrozprávaný v tretej osobe a je objektivizovaný: *„Na podstienke, celom poštovom dvore usadil sa nevysoký starký vo vojenskom kabáte ... Vojak je veľmi starý, hoci ešte rezký; tvár má rumennú, ale je to starecký rumenec"* (207). V strede príbehu objavujeme subjektivizované rozprávanie s nadmerným používaním tvarov osobného zámena *ja*: *„Keď Pimenyč skončil toto rozprávanie, uprene **mi** pozrel do tváre...**Ja** veru nemám dosť síl to vyvracať... Predo **mnou** vystupuje mohutná účinnosť viery..."* (216).

Rovnaký (zmiešaný) typ rozprávania môžeme nájsť aj v príbehu *Nepríjemná návšteva* a *Kňažná Anna Ľvovna.* S určitosťou môžeme povedať, že ščedrinovská objektivizácia je dostatočne subjektivizovaná, a síce: pre Saltykova-Ščedrina (najmä v týchto prácach)

je typické „nepriame“ subjektivizované rozprávanie, takže pri takomto type rozprávania cítime prítomnosť rozprávača. *„Táto posledná okolnosť však podľa mojej mienky značne protirečila dobráckemu výrazu tváre Alexeja Dmitriča“* (98). V príbehu je taktiež zreteľná tendencia k personalizácii, k častému používaniu zámena *ja*, čo poukazuje na osobitosti nového tvorivého spôsobu písania spisovateľa.

Chceli by sme upriamiť našu pozornosť na časť pod názvom *Dramatické scény a monológy*, rovnako ako aj na črtu *Nepríjemná návšteva* z časti *Staré časy*, ktoré spolu s cyklom *Obrázky z gubernie* umožňujú hovoriť o syntéze dramatických a epických foriem rozprávania. Táto syntéza je spojená s jednotou takých žánrových prvkov ako sú sujetová línia a charakterológia. Evolúciu komickosti a tragickosti v tvorbe Saltykova-Ščedrina podrobne analyzoval A. S. Bušmin: *«Комедия и трагедия всегда шли рядом в произведениях сатирика. Первая господствовала, вторая не исчезала»* (Bušmin 1959: 331).

S ohľadom na túto skutočnosť môžeme hovoriť o sústredenej pozornosti spisovateľa na dramatickú formu, smerujúcu k zobrazeniu sociálneho a morálneho konfliktu a vzniku protichodných síl bez toho, aby bol potrebný zásah autora cez reč hrdinov a ich činov. Na odhalenie podstaty každodenného života a spoločenských protirečení doby bolo nevyhnutné, aby autor použil dramatické obrazy. *«Из всех средств образно-обобщённого построения произведения (группировка фактов и лиц, заявка и развязка, сюжет, композиция и т. д.) Салтыков-Щедрин придавал наибольшее значение драматическому конфликту»* (Kirpotin 1957: 429).

Dramatické formy rozprávania sa prvýkrát objavujú v črte *Nepríjemná návšteva* v podobe dialógu Alexeja Dmitriča s Peregorenským, a v úplnej podobe v časti *Dramatické scény a monológy*. Zmysluplnú úlohu dramatických čŕt a scén sa snažila zistiť L. J. Ľapinová. Upozorňuje na dve navzájom súvisiace otázky: charakter a podstatu vnútornej jednoty *Dramatických scén a monológov* a ich obsahovo kompozičnú úlohu. Veľmi dôležitý je aj význam názvu uvedenej časti, ktorý je odlišný od všetkých ostatných a je organizovaný na tematickom základe. Všetky scény sú veľmi zjednodušené, predstavujú „schému kolízií“ (termín Ľapinovej, pozn. autora).

V prijímacej izbe v dome kniežaťa Čebylkina sa zhromažďujú prosebníci, aby sa vyriešili ich problémy. Autor sa nachádza akoby nad príbehom a na základe princípu „obraznej galérie“ zobrazuje typy postáv a ich spoločenský status. Spoločne tvoria stabilný systém s jeho mentalitou, psychológiou a spôsobom života. Autor-rozprávač postupne prechádza k analýze typov úradníkov (*Výhodná ženba*), potom obchodníkov (*Čo je to obchod*).

Úloha a prítomnosť autora je dôležitá pre jeho znalosť pomerov a miest v Krutogorsku (napríklad opis prijímacej izby kniežaťa Čebylkina, alebo opis chudobnej izby, v ktorej prebieha rozhovor Dernova s Girbasovom), alebo miesta pôsobenia v provinčnom meste Poloreck, v autorských poznámkach a komentároch („všetci sa smejú“, „nepočúval ho“, „na Sokurova“, atď.). V dramatických scénach nenájdeme personalizované rozprávanie, v ktorom by bol autorov pohľad na realitu dominantný. V scénach nenájdeme ani personalizované „ja“, generalizované „my“, odkazy čitateľovi, ťažiskové slová

v úvodzovkách. Príbehy sú založené na dialógu, so zmenou udalostí, miesta deja a charakterov.

Na základe predchádzajúcej analýzy dochádzame k záveru, že subjektivizovaná forma rozprávania sa prejavuje v rozprávaní v prvej osobe a v prítomnosti prechodných naratívnych modifikácií tretej osoby (máme na mysli prechod rozprávania z tretej osoby na prvú a naopak), ktoré sa približujú a vzťahujú na rozprávanie s personalizovaným rozprávačom. V *Dramatických scénach a monológoch* tendencia rozprávania s personalizovaným autorom je znížená, autor vo väčšej miere využíva dialogickú formu rozprávania a predstavuje hrdinov ako „obrazovú galériu".

LITERATÚRA

BACHTIN, M. M.: *Problemy poetiki Dostojevskogo.* 4-e izd-e. Moskva: Sov. Rossija, 1979.

BUŠMIN, A. S.: *Satira Saltykova-Ščedrina*. Moskva – Leningrad: AN SSSR, 1959.

BUŠMIN, A. S.: *Evoľjucija satiry Saltykova-Ščedrina*. Leningrad: Nauka, 1984.

DAĽ, V. I.: *Tolkovyj slovar živogo velikorusskogo jazyka: V 4-ch tomach.* Moskva: Rus. jaz., T. 1., 1989.

KAČURA, J. V.: *Poetika cikla M. J. Saltykova-Ščedrina „Meloči žizni".* Orel, 2000.

KIRPOTIN, V. J.: *Filosofskije i estetičeskije vzgľjady Saltykova-Ščedrina.* Moskva: Gospolitizdat, 1957.

KOROLEVA, V. B.: *„Pošechonskaja starina" v sisteme romannogo tvorčestva M. J. Saltykova-Ščedrina.* Moskva, 1999.

ĽAPINOVÁ, L. J.: *Ciklizacija v russkoj literature XIX veka.* Sankt-Peterburg: SPbGU, 1999.

LEBEDEV, J. V.: *U istokov eposa* (očerkovije cikly v russkoj literature 1840-1860-ch gg.). Jaroslavľ: Izd-vo Jarosl. gos. ped. in-ta, 1975.

SALTYKOV-ŠČEDRIN, M. J.: *Obrázky z gubernie*. Bratislava: SVKL, 1953 (prel. z rus. orig. <Gubernskije očerki> Magda Takáčová).

SALTYKOV-ŠČEDRIN, M. J.: Gubernskije očerki. In: Sobranije sočinenij v 20-ti tomach. T. 2. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1965.

VINOGRADOV, V. V.: *O jazyke chudožestvennoj literatury.* Moskva: Goslitizdat, 1959.

THE NARRATIVE STYLES IN FABLES FROM THE GUBERNIA BY M. E. SALTYKOV-SHCHEDRIN

Abstract: The analysis of the composite construction of the faces in the pre-reform period in the work of the writer showed that the dominant form of the author's narrative is "ich-form". This narrative style allows for the creation of a specific image of a narrator that performs a dual function. On the one hand, he talks about what he saw, on the other hand, he evaluates the situation. The narrative story system leads to the personalization of the narrative, that is, to the creation of a new image of the narrator – a personalized author who has his name, character and detailed socio-psychological characteristics. His introduction into the story leads to subjectivized narrative, which is manifested in the use of confusion, personal verbal forms and author's notes. The position of the author goes through the whole story, from the first feature (*Introduction*) and ends with the last trace (*The Path (Instead of the Epilogue)*). The image of the author is authoritative because he organizes the whole story. Only sometimes the writer carries a narrative to another person, for example, in the stories The First Narrative of the Judicial Second Narrative of the Judicial Writer, The Old Man. Subjectivized narrative is full of lyrical and journalistic considerations. On the basis of the analysis, we have concluded that Saltykov-Shchedrin often

uses the method of using a “foreign word” (M. M. Bachtin), which is always graphically indicated by quotation marks. This technique creates the prerequisites for the narrative of the story in the first person, from different point of view. Saltykov-Shchedrin’s “foreign word” is associated with the assessment of the situation.

Key words: Saltykov-Shchedrin, Fables from the Gubernia, author, narrator, narrative, subjectivized form of narration, “ich-form”, “er-form”, composite construction of faces.

Príspevok je čiastkovým výstupom v rámci projektu **VEGA č. 1/0118/17** Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západo- a východoslovanský kontext.

Мартин Лизонь
Философский факультет, Университет им. Матея Бела в Банской Быстрице, г. Банска Быстрица (Словакия)

ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА КАК АТРИБУТЫ СМЕНЫ КУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ (РОМАН ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА «GENERATION “П”»)

Аннотация: Статья посвящена исследованию лингвистических аспектов постмодернистского романа «Generation “П”» Виктора Пелевина. Прослеживаются особенности формирования одной из сюжетных доминант – образ функционирования массмедийного пространства в постсоветской России. Лингвистический анализ текста ориентирован на языковые единицы, которые отражают смену культурной парадигмы и трансформацию политической, экономической и социальной систем. Выявленные в процессе анализа языковые единицы – заимствованные слова – специфическим образом указывают на симулятивный и одновременно тоталитарный характер массмедийного, а в его рамках – рекламного дискурса. Актуализация / использование заимствованной лексики является следствием новых технологий и виртуализации действительности. Прослеживается, каким образом отражается постепенное превращение индивида в потребителя, которому навязывается роль подопечного, нуждающегося в постоянной заботе, обеспечиваемой массмедийным пространством.

Ключевые слова: заимствованные слова, культурная парадигма, массмедиа, реклама, «Generation “П”».

Виктор Пелевин вошел в русскую литературу как автор, анализирующий процессы и модификации, проходящие в индивидуальной психике и так называемом коллективном бессознательном. Во многих его произведениях можно заметить интерес автора к результатам влияния на человека и общество в целом разнообразных, по своей сути тоталитарных дискурсов. Эта направленность Пелевина достаточно ярко выражена и в исследуемом в данной статье произведении «Generation “П”». Ирина Скоропанова подчеркивает, что «Виктора Пелевина по преимуществу интересуют процессы, совершающиеся в сфере сознания и коллективного бессознательного, индивидуальной психике, их воздействие на ход истории, социальное поведение людей. Отсюда — внимание к феномену идеологии, рекламы, возможностям компьютерных технологий, психоделике, исследование современного состояния русского национального архетипа» (Скоропанова 2001: 434). Пелевин, как и ряд других авторов, творчество которых формировалось на рубеже 1980-х – 1990-х гг., переходит от художественного отражения тоталитарной идеологии, актуальной в начале его творческого пути («Омон Ра», «Чапаев и Пустота»), к осмыслению новых форм воздействия на коллективное бессознательное – обращается к рекламе, массмедийному дискурсу и роли компьютерных технологий в современном мире. К первым произведениям, которые отражают влияние рекламного и массмедийного дискурса, указывают трансформацию социального пространства и реальности как таковой, является роман «Generation “П”». В нём, помимо осмысления роли рекламы, Пелевин, «сплетая документальное и фантастическое, <...> выявляет роль телеимперии в создании симулякров-подделок, отменяющих реальность,

и апофатической антропологии, отменяющей человека» (Скоропанова 2001: 439). Проблема воздействия массмедийного и рекламного дискурса, а также современных технологий на человека и общество в творчестве Пелевина занимает заметное место начиная с 1990-х годов. Она появляется, например, в произведениях «Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре» (2005), «Empire V» (2006), «Ананасовая вода для прекрасной дамы» (2010), в романе «S.N.U.F.F.» (2011).

Виктор Пелевин в романе «Generation “П”» довольно чётко отображает важнейшие процессы, которые влияли на формирование нового постсоветского общества и новой культурной парадигмы. Татьяна Колядич главную идею Пелевина характеризует как «попытку осмыслить процессы, происходящие в России в конце XX в., резкий переход к рыночной экономике, из позднеельцинской эпохи в раннепутинскую» (Агеносов, Колядич, Трубина 2011: 336). В трактовке Виктора Пелевина переход от советской системы к новому этапу русской культурной истории является абсолютно естественным, так как новая культурная парадигма от советской культуры существенным образом не отличается. Пелевин словами Ханина, шефа одного из рекламных агенств, пишет: «Знаешь, как по-испански “реклама”? – Ханин икнул. – “Пропаганда”. Мы ведь с тобой идеологические работники, если ты ещё не понял. <...> Раньше было: “Единица – ничто, а коллектив – всё”, а теперь – “Имидж – ничто, жажда – всё”. Агитпроп бессмертен. Меняются только слова».

Несмотря на неизбежность трансформаций, которые появились в постсоветское время, переход к новой культурной эпохе даётся Пелевиным в несколько ироничном ключе: «Потом незаметно произошло одно существенное для его будущего событие. СССР, который начали обновлять и улучшать примерно тогда же, когда Татарский решил сменить профессию, улучшился настолько, что перестал существовать (если государство способно попасть в нирвану, это был как раз такой случай)». Через ироничный взгляд на недавнее прошлое в романе, однако, просвечивается определённая доля ностальгии: «Это были остроносые ботинки на высоких каблуках, сделанные из хорошей кожи. Жёлто-рыжего цвета, простроченные голубой ниткой и украшенные большими золотыми пряжками в виде арф, они не были просто безвкусными или пошлыми. Они явственно воплощали в себе то, что один пьяненький преподаватель советской литературы из Литинститута называл «наш гештальт», и это было так жалко, смешно и трогательно (особенно пряжки-арфы), что у Татарского на глаза навернулись слёзы. На ботинках лежал густой слой пыли – они были явно не востребованы эпохой». В формирующейся новой культурной парадигме в 90-х гг. советская массовая продукция оказалась неконкурентоспособной, неготовой противостоять той системе отношений, которые с собой принесла «эпоха первоначального накопления капитала». Возникающая в постсоветском пространстве иерархия отношений, по мнению Пелевина, коренным образом отличалась от существующей на Западе иерархии, в которой процесс перехода к другой культурной парадигме был уже давно закончен. Разница между этими двумя системами и пространствами представлена посредством личного и профессионального пути Вавилена Татарского, а также фантастической историей – псевдонаучным

трактатом Че Гевары, который сообщает о настоящей природе функционирования рекламного дискурса и медиадискурса. Именно эти составляющие романа представляют наглядную картину смены культурной парадигмы.

Как утверждает Наталья Борисовна Бакач, культурная парадигма – это сложное многофакторное явление, которое подразумевает особую модель образа жизни и способ мировосприятия данной культурной эпохи. По мнению Н. Б. Бакач, её образуют, помимо прочего:

1) конкретные люди, объединённые общей социокультурной эпохой;
2) особая ценностная иерархия;
3) культурные герои эпохи;
4) набор ключевых слов и вещей, общий тип семиотических отношений, общая семиотическая среда;
5) тексты, которые передают ведущие мифы эпохи (Бакач 1998: 12).

В романе Виктора Пелевина выстраивается весьма чёткая иерархия нового общества, на вершине которой находятся лица, причастные к миру рекламы, пиара и представители новой «аристократии» – люди бизнеса. Они же становятся новыми героями эпохи, профанными и временными, но тем не менее, владеющими главной ценностью новой культуры – потреблением. Именно потребление является целью стараний, желаний для завоевания общественного статуса. Как доказывает роман Виктора Пелевина, новая культура приносит с собой новые тексты, которые в формировании новой культуры являются ключевыми. Эти тексты генерирует реклама и медиадискурс в целом, который использует новый лексикон, состоящий, кроме всего прочего, из набора товаров – символов принадлежности к новой эпохе. Пелевин в начале романа пишет об «интоксикации» населения, его заражении новой культурой, которая вскоре должна была заменить советскую: «Когда-то в России и правда жило беспечальное юное поколение, которое улыбнулось лету, морю и солнцу – и выбрало “Пепси”». Распад СССР стал переломным моментом не только с точки зрения формирования политической структуры нового государства – в страну ворвалось всё, что для молодого советского поколения символизировал напиток «Пепси»: «Прошло десять лет, и этот мир стал входить – сначала осторожно и с вежливой улыбкой, а потом всё уверенней и смелее. Одной из его визитных карточек оказался клип, рекламирующий “Пепси-колу”, – клип, который, как отмечали многие исследователи, стал поворотной точкой в развитии всей мировой культуры» (Пелевин). Закрытый советский рынок после гибели империи распахнул двери и начался неудержимый поток товаров потребления. Неудивительно, что образ России 90-х гг. в трактовке Пелевина изобилует названиями разнообразных брэндов и марок иностранных товаров:

1) напитков: *Спрайт, Пепси, Кока-Кола, Нескафе Голд, Johnny Walker, Абсолют;*
2) марок сигарет: *Parliament (Парламент), Davidoff Lights, Житан, Мальборо, Кэмел, West;*
3) брэндов одежды: *Кензо, Хуго Босс, Найки;*
4) очков: *Ray-ban;*

5) часов: *Ролекс;*
6) электроники: *Sony, Panasonic;*
7) автомашин и мотоциклов: *Харлей-Давидсон, Чероки, Мерседес, БМВ, кадиллак;*
8) компьютерной техники и программ: *Майкрософт, Фотошоп.*

Наряду с ними в лексику русского языка входит и большое количество заимствованных слов. В романе Пелевина они связаны почти исключительно с рекламным и массмедийным дискурсом, выступая в качестве языковых маркеров, атрибутов смены культурной парадигмы. Заимствованные слова являются одновременно формой инициации, ассимиляции и фиксации Вавилена Татарского в мире рекламщиков и пиарщиков. В то же время символическое обладание этими словами возвышает Татарского в мифологическом мире, поднимает его всё выше по тестнице зиккурата, ближе к богине Иштар, земным мужем которой он должен стать. Уже в приведённой выше цитате появляется одно из ключевых слов новой культурной эпохи – **КЛИП**. «Словарь иностранных слов» Комлева указывает, что это слово заимствовано из английского [англ. clip – стричь; делать вырезки из газет, фильмов] и обозначает ‘короткий музыкальный номер, снятый на видеоплёнку (обычно на фоне декораций, ландшафта, улиц и т. д.)’.[1]

В национальном корпусе русского языка найдено 351 документ и 504 вхождения с корнем *-клип-*.

Вхождение в состав руссского языка заимствованных слов подтверждает и сам Пелевин, который, несколько лукавя, оценивает расширение словарного состава русского языка за счёт заимствований из других языков как временное явление переходного периода: «Даже мирное слово “дизайнер” казалось сомнительным неологизмом, прижившимся в великом русском языке по лингвистическому лимиту, до первого серьезного обострения международной обстановки» (Пелевин). В «Словаре иностранных слов» Комлева слово **ДИЗАЙНЕР** указано как заимствование из английского [англ. disigner < design проектировать], обозначающее художника конструктора, специалиста по художественному проектированию эстетического облика промышленных изделий, оформлению интерьера.[2]

В национальном корпусе русского языка найдено 1490 документов и 2019 вхождений с корнем *дизайн(ер)*.

Заимствованное слово **КРЕДИТ** является ключевым при объяснении механизмов функционирования на рынке так называемых «новых русских»: « – В целом, – говорил Морковин, – происходит это примерно так. Человек берёт кредит. На этот кредит он снимает офис, покупает джип “Чероки” и восемь ящиков “Смирновской”. Когда “Смирновская” кончается, выясняется, что джип разбит, офис заблёван, а кредит надо отдавать. Тогда берётся второй кредит – в три раза больше первого. Из него гасится первый кредит, покупается джип “Гранд Чероки” и шестнадцать ящиков “Абсолюта”»

[1]Комлев Н. Г.: Словарь иностранных слов. // http://my-dict.ru/dic/slovar-inostrannyh-slov/547398-klip
[2]https://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=%D0%B4%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D0%B5%D1%80&from=xx&to=ru&did=&stype=0

(Пелевин). Слово *кредит*, согласно Толковому словарю Ушакова, заимствовано из латинского языка [лат. creditum – долг] и обозначает ‘коммерческое доверие; предоставление товаров или денег в долг’.[3]

В национальном корпусе русского языка найдено 5454 документа и 10553 вхождения с корнем -*кредит*-.

По словам литературного персонажа Морковина, именно этот момент является самым подходящим для рекламщиков, создающих для клиента нужную ему рекламу: «Когда примерно половина “Смирновской” или “Абсолюта” ещё не выпита, джип ещё ездит, а смерть кажется далёкой и абстрактной, в голове у человека, который всё это заварил, происходит своеобразная химическая реакция. В нём просыпается чувство безграничного величия, и он заказывает себе рекламный клип. Причём он требует, чтобы этот клип был круче, чем у других идиотов» (Пелевин). Слово **РЕКЛАМА**, как указывает Толковый словарь Ушакова, заимствовано из латинского [от латин. reclamo – кричу, восклицаю]. Обозначает: 1. Мероприятия, имеющие целью создать широкую известность чему-н., привлечь потребителей к чему-н. || Распространение сведений о ком-чём-н. с целью создания известности, популярности. 2. Объявление, плакат, содержащие сведения о чём-н. для потребителя.[4]

В национальном корпусе русского языка найдено 5505 документов и 10052 вхождения с корнем реклама.

С рекламой тесно связано и слово **ЛОГОТИП**, пришедшее в русский язык из греческого языка [< гр. logos слово + typos отпечаток]. В романе Пелевина слово *логотип* представлено опять в связи с бизнесом и бизнесменами, пытающимися завоевать определённое пространство на рынке: «Открыл человек какое-нибудь малое предприятие “Эверест”, и так ему хочется увидеть свой логотипчик по первому каналу, где-нибудь между “БМВ” и “Кока-колой”, что хоть в петлю» (Пелевин). Согласно «Словарю иностранных слов» Комлева, слово *логотип* обозначает: «1) специально разработанное, оригинальное начертание полного или сокращенного наименования фирмы (или группы товаров данной фирмы); 2) символическое именование.[5]

В национальном корпусе русского языка найдено 311 документов и 396 вхождений с корнем логотип.

Наряду со словом логотип ключевым словом рекламного дискурса является и слово **БРЭНД**. В романе рассматривается с точки зрения модификации западного рекламного дискурса для русской аудитории: «Короче, рекламу надо будет срочно адаптировать для русского потребителя. Теперь смотри, что делаем мы с тобой. Мы с тобой берём и загодя – понимаешь? – загодя подготавливаем болванки для всех серьезных брэндов» (Пелевин).

---

[3]Толковый словарь Ушакова. // https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/843362

[4]Толковый словарь Ушакова. // http://my-dict.ru/dic/tolkovyy-slovar-ushakova/1326817-reklama

[5]Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. // https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/40613/%D0%9B%D0%9E%D0%93%D0%9E%D0%A2%D0%98%D0%9F

В «Справочнике технического переводчика» указывается, что слово *брэнд* происходит из латинского языка [brand – тавро, клеймо]. Это знак, который в Древнем Риме использовали для клеймения домашнего скота.[6] В «Словаре бизнес терминов» слово *брэнд* обозначает широко известную торговую марку.[7]

В национальном корпусе русского языка найдено 342 документа и 572 вхождения с корнем -*брэнд*-.

В романе встречается целый ряд заимствованных слов, характеризующих новую культурную эпоху – *копирайтер, кредит, реклама (рекламный клип), логотип, баксы, пейджер, криэйтор, брэнд, брэнд-менеджер, компьютерный монтаж, дилер, телешоумен, видеоряд, сэйл, шоп-тур, заппинг, имиджмейкер, дистрибьютор, вау, прайм-тайм*.

Вавилен Татарский, закончивший Литинститут именно в то время, когда великая советская держава перестала существовать, нанимается продавцом в небольшой ларёк, принадлежавший чеченцу Гуссейну. Именно там состоится судьбоносная встреча с Морковиным, однокурсником по Литинституту, в будущем наставником, старшим товарищем по рекламному бизнесу, который предлагает ему новую работу. Татарский становится копирайтером: «Если бы в те далёкие годы ему сказали, что он, когда вырастет, станет копирайтером, он бы, наверно, выронил от изумления бутылку “Пепси-колы” прямо на горячую гальку пионерского пляжа» (Пелевин). По «Словарю иностранных слов» Комлева, слово **КОПИРАЙТЕР** пришло в русский язык из английского [англ. Copy writer < copy – экземпляр; рукопись + writer – автор, пишущий] и обозначает специалиста по разработке слоганов, разработчика рекламных текстов, текстовика.[8]

В национальном корпусе русского языка найдено 43 документа и 65 вхождений с корнем копирайтер.

Путь Татарского от копирайтера к новой должности криэйтора, указывает на очередную трансформацию российского общества – построение другой, симулятивной реальности, вытесняющей и заменяющей собой настоящую реальность: «Пугин сказал. А насчет позиционирования… Будем считать, что ты себя отпозиционировал и я твою мысль понял. Пойдешь ко мне в штат?

Татарский еще раз посмотрел на плакат с тремя пальмами и англоязычным обещанием вечных метаморфоз.

– Кем? – спросил он.

– Криэйтором.

– Это творцом? – переспросил Татарский. – Если перевести?

Ханин мягко улыбнулся.

– Творцы нам тут на хуй не нужны, – сказал он. – Криэйтором, Вава, криэйтором» (Пелевин).

---

[6] ttps://technical_translator_dictionary.academic.ru/17241/%D0%B1%D1%80%D1%8D%D0%BD%D0%B4

[7] http://my-dict.ru/dic/biznes-slovar/1588047-brend

[8] http://my-dict.ru/dic/slovar-inostrannyh-slov/548498-kopirayter

В «Словаре синонимов» В. Н. Тришина слово **КРИЭЙТОР** указано как заимствование из латинского языка [lat. creatio (creationis) – создание] и обозначает креативщика, творца.[9]

В национальном корпусе русского языка найдено 9 документов и 15 вхождений с корнем криэйтор.

Особое место в романе «Generation “П”» Пелевин уделяет телевидению как наиболее эффективной форме влияния рекламного дискурса и медиадискурса на коллективное бессознательное, самый распространённый механизм построения другой реальности. Пелевин описывает состояние человека, подвергающегося влиянию рекламы и так называемому заппингу: «Быстрое переключение телевизора с одной программы на другую, к которому прибегают, чтобы не смотреть рекламу, называется zapping. Буржуазная мысль довольно подробно исследовала психическое состояние человека, предающегося заппингу, и соответствующий тип мышления, который постепенно становится базисным в современном мире» (Пелевин).

ЗАППИНГ, с английского [англ. zapping, channel zapping] – это практика переключения каналов телевизора на дистанционном пульте[10] По мнению Пелевина, человек смотрящий телевизор лишается своего собственного я, перестает осознавать себя: «Но принудительный заппинг, при котором телевизор превращается в пульт дистанционного управления телезрителем, является не просто одним из методов организации видеоряда, а основой телевещания, главным способом воздействия рекламно-информационного поля на сознание. Поэтому субъект второго рода будет в дальнейшем обозначаться как Homo Zapiens, или ХЗ» (Пелевин). Телезритель превращается в клетку паразитического организма, которого Пелевин называет ОРАНУС. Тот существует только благодаря обществу, функционирование которого связано с движением между поглощением и выделением денег. К этому механизму функционирования его направляет и телевидение как составная часть системы для создания симулятивной реальности.

В национальном корпусе русского языка найдено 3 документа и 4 вхождения с корнем -*заппинг*-.

Результатом изменений в психике индивида является трансформация межчеловеческих отношений. С определенной долей иронии эти изменения Пелевин фиксирует следующим образом: «Homo homini lupus est гласит один крылатый латинизм. Но человек человеку уже давно не волк. Человек человеку даже не имиджмейкер, не дилер, не киллер и не эксклюзивный дистрибьютор, как предполагают современные социологи. Все гораздо страшнее и проще. Человек человеку вау – и не человеку, а такому же точно вау. Так что в проекции на современную систему культурных координат это латинское изречение звучит так: Вау Вау Вау!» (Пелевин). В этом фрагменте текста ключевыми выступают

[9]https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/336895/%D0%BA%D1%80%D0%B8%D1%8D%D0%B9%D1%82%D0%B5%D1%80

[10]https://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=%D0%B7%D0%B0%D0%BF%D0%BF%D0%B8%D0%BD%D0%B3&from=xx&to=ru&did=dic_fwords&stype=

заимствованные слова *имиджмейкер, дистрибьютор,* но в первую очередь – междометие *вау*.

В «Словаре иностранных слов» Комлева слово **ИМИДЖМЕЙКЕР** определяется как заимствование из английского [англ. Imagemaker < image – образ + make – делать], обозначающее специалиста-психолога, разрабатывающиего стратегию и технику эффективного формирования образа (имиджа) артиста, общественного или государственного деятеля в целях повышения его репутации, влиятельности и популярности.[11]

В национальном корпусе русского языка найдено 101 документ и 154 вхождения с корнем имиджмейкер.

Слово **ДИСТРИБЬЮТОР** в «Словаре иностранных слов» Комлева представлено как заимстование из английского [англ. distributor – распределитель] и обозначает: 1) фирму, осуществляющую сбыт продукции на основе оптовых закупок у крупных промышленных фирм-производителей: располагает собственными складами, представляет фирму-производитель на рынке; 2) лицо или организацию, занимающиеся оптовой реализацией продукции или товара в системе маркетинга; 3) представителя иностранной фирмы, продающнго её продукцию в данной стране.[12]

В национальном корпусе русского языка найдено 232 документа и 278 вхождений имиджмейкер.

В «Словаре современной лексики, жаргона и сленга» слово **ВАУ** характеризуется как заимствование из английского [англ. wow] – восклицание удивления, радости, восторга.[13]

В национальном корпусе русского языка найдено 88 документов и 234 вхождений со словоформой вау.

Литературный персонаж Татарский мог бы показаться героем новой эпохи, он ведь становится земным мужем богини Иштар, однако продвижение вверх происходит не по его собственному желанию, является результатом влияния тех же самых сил, которыми он, как могло бы показаться, управляет. Татарский такой же продукт медиадискурса, как и рекламируемые им товары. Относительной оказывается и свобода Татарского. Несмотря на факт, что он постепенно становится финансово независимым человеком, его свобода существенно ограничена самим фактом своего существования в новой культурной эпохе, предполагающей подчинение системе потребления.

Как утверждают Лейдерман и Липовецкий, «Татарский целиком и полностью принадлежит данной, т. е. сегодняшней реальности, и для того чтобы выйти за её пределы, ему нужны стимуляторы, вроде мухоморов, дурного героина, ЛСД или, на худой конец, планшетки для общения с духами» (Лейдерман – Липовецкий 2003: 508).

---

[11] http://my-dict.ru/dic/slovar-inostrannyh-slov/544537-imidzhmeyker
[12] http://my-dict.ru/dic/slovar-inostrannyh-slov/542896-distributor
[13] ttps://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=%D0%B2%D0%B0%D1%83&from=xx&to=ru&did=&stype=0

В романе Пелевина переплетается довольно широкий спектр дискурсов – собственно художественный, философский (или псевдофилософский), эсхатологический, мифологический, рекламный (массмедийный), который позволяет писателю раскрыть существенные на его взгляд процессы, определяющие развитие российского общества в 1990-х – начале 2000-х гг. Художественное пространство структурируется как пастиш – смешение различных способов семиотического кодирования, сопоставление различных стилей, жанровых форм. Как утверждает А. В. Помялов, анализируя ранний этап творчества Пелевина, «самым характерным приемом двойного кодирования является стёб». По его мнению, «этот приём необходим автору, чтобы показать своё отношение к изменившимся межличностным отношениям, утрате идеалов и ценностей, мутации общества пореформенной России 90-х годов прошлого века в тотальное общество потребления, где стремление к удовлетворению материальных потребностей полностью подавляет духовный рост отдельного человека» (Помялов 2008: 282).

Ирония Пелевина по отношению к создаваемому им пространству просматривается как в рекламных слоганах, которые пишет главный герой произведения Вавилен Татарский, так и в наличии заимствованных слов – языковых маркеров переходного этапа российской истории. Некоторые из их, как указывают данные Национального корпуса русского языка, прочно вошли в состав современного русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

АГЕНОСОВ, В. В. – КОЛЯДИЧ, Т. М. – ТРУБИНА Л.А. и др.: *Русская проза рубежа XX – XXI веков*. Москва: Флинта: Наука, 2011.

БАКАЧ, Н. Б.: *Культурная парадигма как объект социально-философского анализа.* Автореферат диссертационной работы на соискание учёной степени кандидата философских наук. Волгоград, 1998.

ЛЕЙДЕРМАН, Н. Л. – ЛИПОВЕЦКИЙ, М. Н.: *Современная русская литература 1950 – 1990-е годы. В двух томах. Том 2. 1968 – 1990.* Москва: Издательский дом «Академия», 2003.

ПЕЛЕВИН, В.: *Generation "П"* [online]: https://www.litmir.me/br/?b=81552&p=1

ПОМЯЛОВ, А. В.: Специфика рекламных текстов в романе Виктора Пелевина «Generation "П"». In: *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, 2008, 76, 1: 282 – 284.

СКОРОПАНОВА, И.: *Русская постмодернистская литература*: *Учеб. пособие*. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Флинта: Наука, 2001.

LOAN WORDS IN THE "GENERATION П" NOVEL AS ATTRIBUTES OF CULTURAL PARADIGM CHANGE

Abstract: The article deals with the study of the *Generation П* postmodern novel by Victor Pelevin and its linguistic aspects, with the help of which one of his plot dominants is formed — the mass media functioning in post-Soviet Russia. The text's linguistic analysis is focused on language units, confirming the cultural paradigm

change, reflecting the transformation of the political, economic and social systems. The language units identified during the analysis – loan words – specifically indicate the simulative and at the same time totalitarian nature of the mass media, and within it the advertising discourse. The actualization / use of loan vocabulary is considered as the result of the new technologies influence and the virtualization of reality. We trace the reflection of the gradual transformation of an individual into a consumer, to whom the role of a ward in need of constant care provided by the mass media space is being imposed.

Key words: loan words, cultural paradigm, mass media, advertising, Generation "П".

Príspevok je čiastkovým výstupom v rámci projektu **VEGA č. 1/0118/17** Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západo- a východoslovanský kontext.

Ivana Slivková
Inštitút stredoeurópskych štúdií, Filozofická fakulta, Prešovská univerzita v Prešove (Slovensko)

STATUS BIELORUSKÉHO JAZYKA VO FORMOVANÍ KULTÚRNEJ IDENTITY V UMELECKEJ LITERATÚRE

Anotácia: Príspevok analyzuje jazyk ako motív, symbol a tému v bieloruskej umeleckej literatúre viacerých období. Sústredí sa na uchopenie pojmu kultúrna identita, jeho vnímanie z filozofického, sociologického, interkultúrneho a literárneho hľadiska. Stručne predstavuje vývin bieloruského spisovného jazyka, pričom dôraz sa kladie na prechodné postavenie bieloruštiny medzi slovanským východom a západom. Teoretické poznatky sú využité v interpretácii textov z obdobia našanivského národného obrodenia (začiatok 20. stor.), z druhého národného obrodenia v 90. rokoch 20. storočia a tiež z bieloruskej prózy po roku 2000. Jazyk patrí k základným kultúrnym hodnotám, národným symbolom i znakom odlišnosti. V súčasnej spoločnosti, smerujúcej predovšetkým k spájaniu a hľadaniu prienikov, je viditeľná postupná snaha zjednotiť národné kontexty do väčších celkov, ale zároveň zachovať ich jedinečnosť. V bieloruskom literárnom priestore bol jazyk na začiatku profesionálneho literárneho procesu najmä znakom spoločenského statusu, neskôr súčasťou obrodeneckého apelu a tiež reflexia historicko-spoločenskej situácie. Všetky tieto javy sú zároveň nástrojom identifikácie národa a tiež určenia sebaidentifikácie – v hľadaní osobnej cesty lyrického subjektu, literárneho hrdinu, teda jednotlivca, ktorý spoluvytvára cestu spoločenstva. Jazyk ako nástroj a jazyk ako obraz je zrkadlom všetkých kultúrnych javov.

Kľúčové slová: bieloruský jazyk, bieloruská literatúra, kultúrna identita.

„(...) spoločenský život určuje tvárnosť umenia“
(J. Lotman).

Medzi kultúrou a identitou

Identifikovanie sa s kultúrou patrí k základným špecifikám národných literatúr. Autori vo svojich dielach reflektujú národné charakteristiky prostredníctvom využívania národného jazykového kódu, umiestňovania deja do geograficky obmedzeného priestoru, modelovania charakteru postáv s črtami, ktoré ťažia zo spoločenskej skúsenosti i kultúrnych vzorcov národného kontextu. V rôznych historických obdobiach sa literatúra tematiky národa, národnosti dotýkala s odlišnou intenzitou. Náhľad do dejín európskych literatúr ukazuje, že národ bol v centre pozornosti najmä v 19. storočí v období kulminácie romantizmu, v ktorom jednou z línií bola ľudovosť, v zmysle priblíženia sa k človeku, prostredníctvom tradícií a prirodzených konceptov (tematických i jazykových). Obdobie národného obrodenia a snahy o dokázanie svojbytnosti jednotlivých etník, nehľadiac na vymedzenie geografického či štátneho usporiadania, je jednoznačným príkladom toho, že kultúra častokrát preberá i inú, ako estetickú, funkciu. Umenie vyjadruje túžbu ľudstva poznať a aktívne ovplyvňovať náš svet prostriedkami, ktoré sú jedinečné a neopakovateľné, avšak zároveň obsahujú elementy poznania objektívneho sveta (Zima 2015: 128). Umelecký text má možnosť poukázať na vzťahy či fakty, ktoré sú problematicky opísateľné, hoci

vypovedajú o človeku a spoločnosti veľmi veľa. Dôležitou je kultúrna a jazyková identita: „Славянские литературы представляют собой художественные модели действительности с позиции и в интерпретации презентантов и носителей конкретных национальных культур, поэтому для славистов важно иметь представление о специфике разных славянских литератур и об их универсалиях“ (Liashuk 2009: 48). Pričom „národná umelecká literatúra, aktivita národných klasických spisovateľov, koncepčne významná pre teóriu slovanských spisovných jazykov, definuje koncept kultúry jazyka (kultúry reči) (...)“ (Liashuk 2017: 127).

Kultúra je zložitým spoločenským javom a procesom (Čeněk – Smolík – Vykoukalová 2016: 29) Je ovplyvňovaná spoločnosťou a zároveň vplýva na človeka a jeho pôsobenie v istom sociálnom spoločenstve. Kultúrna identita je preto veľmi dôležitou súčasťou národnej identity, a teda definovania miesta človeka v spoločnosti. Obzvlášť dôležité je vnímanie príslušnosti k istej kultúre u národov, ktoré žijú v krajinách v pozícii národnostnej menšiny, resp. samostatnosť a svojbytnosť národa prechádzala náročnými peripetiami a aj dnes koreluje s nejednoznačným hodnotením. Kultúra ako spoločenský jav a zároveň proces je ovplyvňovaná množstvom faktorov, medzi ktorými má dôležité postavenie aj vnímanie sebaidentifikácie (myšlienkovej aj geografickej), jazyka, náboženstva a ďalších pilierov národnej identity. Pojem *kultúra* je vo svojej podstate dvojznačný, pretože na jednej strane sú si kultúrni ľudia podobní, a na strane druhej je práve kultúra to, čo ich navzájom systematicky odlišuje.

Ako píše Bauman, už M. Foucault tvrdil, že identita človeka[1] nie je daná, a preto si ju jednotlivec v priebehu života musí vytvoriť, rovnakým spôsobom, ako sa vytvára umelecké dielo (Bauman 2010: 64). Z psychologického hľadiska je kultúra výsledkom minulého správania sa ľudí a zároveň usmernením ich budúceho správania sa (podľa Berryet a kol. 2002). To znamená, že ľudia kultúru tvoria, ale rešpektujúc dané pravidlá sú ňou aj riadení. Berúc do úvahy už uvedené definície, za základné piliere kultúry sú považované jazyk, mentalita, etnicita a hodnotový systém skupiny ľudí, pričom v tomto prípade ide o tzv. etnickú kultúru, resp. národnú kultúru (podľa Průcha 2010: 31). S uvedenou problematikou je úzko spätý aj termín etnicita, ktorej základnými determinantmi zabraňujúcimi asimilácii etnika sú jazyk, náboženstvo, sociálna štruktúra, územie, prejavy materiálnej kultúry a kolektívna pamäť (podľa Košťálová 2012: 32). Avšak história nám na viacerých príkladoch ukazuje, že ani jeden z uvedených znakov nie je natoľko stabilný, aby etnicitu človeka ovplyvnil do takej miery, že by jeho neprítomnosť zmenila zmýšľanie o príslušnosti k istej etnickej skupine, napr. chýbajúce územie či štátny útvar nezabránili Poliakom, Bielorusom, Židom a pod., aby sa necítili ako Poliaci, Bielorusi či Židia; rovnako aj sporná existencia jazyka, ako napr. v historických prípadoch dokazovania samostatnosti slovenčiny voči češtine, či macedónčiny voči bulharčine a pod. Iným príkladom je exil – emigranti vo väčšine prípadov síce odchádzajú z krajiny, ale etnickú príslušnosť si zachovávajú. Aj preto je etnická príslušnosť zväčša definovaná vymedzením sa vo vzájomnom kontakte voči iným vo

[1] Odpovede na otázky: Kto som? Aké je moje miesto vo svete? Prečo som tu?

vzťahu *my a tí druhí* (odlišní od nás). V rámci tohto vzťahu sa tiež definujú základné princípy odlišnosti a k tým najvšeobecnejším patrí jazyk, kolektívna pamäť a územie.

Zložitejšou sa javí otázka definovania *identity*, pretože tá vypovedá nielen o vzťahu k iným, ale aj k svojim, a v prvom rade k sebe samému. Identita môže byť individuálna, kolektívna, osobná, spoločenská atď. (podľa Marc 2005). Človek počas svojho života nie je súčasťou len jednej skupiny, ale prostredníctvom rôznych sociálnych vzťahov sa dostáva do rôznych skupín, ktorých pravidlá, ale aj hodnoty prijíma, čím sa piliere jeho identity priebežne menia. Identita, teda rovnako ako etnicita, môže mať národné, resp. kultúrne špecifiká, ale zohľadňuje do väčšej miery spoločenskú pozíciu človeka.

Už Lotman hovoril o tzv. polyglotizme kultúry – „Umenie sa nie náhodou zbavuje vo svojom vývine zastaraných správ, ale s prekvapujúcou húževnatosťou chráni vo svojej pamäti umelecké jazyky minulých dôb. História umení je bohatá na „renesancie“ – znovuzrodenia umeleckých jazykov minulosti, ktoré sa prijímajú ako novátorské“ (s. 26 – 27). Kultúrne povedomie ako identifikácia sa s určitým kultúrnym prostredím je ovplyvňované tzv. kultúrnym vyučovaním, čo je spôsob jednania, pri ktorom je príslušníkom iných kultúr vnucovaný hodnotový a názorový systém dominantnej kultúry, ako napr. jazykové preferencie, podradenosť žien, nútené prijatie viery a pod. V tomto procese má významné postavenie opozičný vzťah tzv. kultúrnych univerzálií a kultúrnych diverzít, pričom kultúrne univerzálie sú spoločné, zhodné prvky medzi rôznymi kultúrami, napr. tradičné podávanie ruky pri stretnutí, a pod diverzitou rozumieme rozdiely medzi kultúrami, ich rozmanitosť.

Jazyk vnímame nielen ako nástroj komunikácie, ale aj ako súčasť kultúrneho dedičstva národa. Gadamer zovšeobecnil Aristotelovu víziu človeka „ako živočícha, ktorý má reč[2]“ (s. 22). Ovládanie jazyka predpokladá jeho vnímanie v širšom sociolingvistickom kontexte a schopnosť používať ho spôsobom, ktorý vedie k harmonickému a efektívnemu priebehu komunikácie (Samovar – Porter 2000). Aj preto je jazykové kritérium považované za jeden zo základných pilierov, definujúcich národnú príslušnosť, resp. kultúrnu príslušnosť. Z histórie jazykovedy aj literárnej vedy možno uviesť viacero príkladov, ktoré dokazujú, že učenci ako napr. P. J. Šafárik či J. F. Karski považovali jazykové kritérium za dôležitý znak národnej literatúry.

Najmä v obdobiach dokazovania samostatnosti národov sa viacjazyčnosť považovala za nepriateľa kultúrnej identity, pričom v súčasnosti globalizačné a interkultúrne tendencie naznačujú demokratizáciu society či mieru slobody[3]. Špecifické postavenie má umelecký

[2] „Zde se tedy jako rozlišující znamení člověka vyznačuje jistý nadhled nad tím, co je právě přítomné, jistý smysl pro budoucí. A jedním dechem Aristoteles dodáva, že tím je dán i smysl pro správné a nesprávné – to všechno ale jen proto, že člověk jako jediný má logos. Dovede myslet a dovede mluvit. Dovede mluvit, to jest: může svým mluvením ne-přítomné činit zjevným takže je i někdo jiný vidí před sebou. Cokoli míní, může tak sdělovat, ba ještě víc: tím, že se dovede takto dorozumívat, existuje vůbec jen mezi lidmi nějaké mínění společného, to jest společné pojmy, a především ty společné pojmy, které umožňují lidské spolužití bez vražd a zabíjení, v podobě společenského života, v podobě nějakého politického zřízení, v podobě hospodářského života, rozčleněného dělbou práce. To všechno vězí v té prosté výpovědi, že člověk je živočich, který má řeč“ (Gadamer 1999: 22).

[3] „Historické a národnojazykové modely priestoru sú organizujúcou základňou pre výstavbu „obrazu sveta“, t. j. komplexného ideologického modelu, ktorý prislúcha danému typu kultúry“ (Lotman 1990: 251).

jazyk, ktorý nemusí byť úplne totožný s etablovaným spisovným jazykom. Umelecký jazyk nesie informáciu, vytvára umelecký model sveta ako možný odraz reálneho usporiadania určitej kultúry. Významnou súčasťou kognitívnych kompetencií človeka je schopnosť mať reálny pohľad na seba samého a teda sebauvedomenie, sebareflexia. Sebauvedomenie je ovplyvnené kultúrou, je to obraz alebo predstava o sebe samom, ktorý si vytvárame po celý život. Spoluvytvára ho sociálne porovnávanie sa, hodnotenie ostatných a vplyv skupiny, interpretácia a hodnotenie vlastnej osoby, kultúrne vplyvy, vnímanie úspešnosti a sebaúcta ako hodnotenie seba samého.

Protiklady, či už kultúrne, alebo iné, využívajú predstavitelia kultúry, vyjadrujúci sa umeleckým jazykom, v podobe zobrazovania zvláštností, odlišností či odchýlok jednej kultúry od druhej. Zobrazovanie v umení podlieha „zvláštnosti mimotextových štruktúr, ktoré sú podmienené tými sociálnohistorickými, nacionálnymi a psychologickými príčinami, ktoré formujú umelecké modely sveta“ (Lotman 1990: 333).

Jazyk a literatúra

„Кожны народ мае хаця б адзін геніяльны твор, і гэты твор – мова.[4]“

Interkulturalita vzťahov a typológia týchto postáv v histórii bieloruskej literatúry i v súčasných textoch poukazuje na významný status jazyka ako znaku kultúry a zároveň na sociálno-spoločenské podmienky jeho vývinu. Štruktúra vzťahov a diferenciácia pozícií nositeľov jazyka odzrkadľuje historické súvislosti a politizáciu kultúry, ale aj postupné snahy intelektualizovania literatúry a rozšírenia jej funkcií. Zameranie sa na texty z rôznych období umožňuje komparatívny pohľad na dejiny bieloruského jazyka a dotvára obraz národnej mytológie ako pevnej súčasti kultúrnej sebaidentifikácie. Multikultúrny priestor historického Bieloruska i súčasná bilingválna societa sú v umeleckých textoch často zobrazované ako znaky bieloruskej kultúrnej identity. Jazyková otázka bola súčasťou politického zápasu spoločnosti v období národného obrodenia a v rôznych obmenách je v modernej i postmodernej literárnej tvorbe reflektovaná dodnes.

V dejinách bieloruského jazyka môžeme vymedziť tri kľúčové obdobia – najstaršie (10. – 14. stor.), späté predovšetkým s kultúrnym centrom v meste Polack a osobnosťou sv. Jefrasinnie – patrónky Bieloruska. Najstaršia epocha vývinu bieloruštiny[5] je

[4] Citát od bieloruského básnika A. Razanava – Každý národ má hoci len jedno geniálne dielo a to je jazyk (preklad I. S.).

[5] Okrem zásluh sv. Jefrasinnie, ktorá nielenže zakladala školy a kláštory, ale dala aj vyrobiť známy kríž s prvým zachovaným bieloruským nápisom, do tohto obdobia zaraďujeme aj texty Kirylu Turavského, Simiaona Polackého a niektoré bieloruské rysy možno určiť aj v pamiatkach svetského charakteru, napr. v dohode smolenského kniežaťa Mscislava Davidaviča sa nachádza v pozíciách hlásky *v* v zatvorenej slabike *neslabičné u*. Obdobné znaky sa našli aj v ďalších listinách z tých čias, napr. *Listina kniežaťa Herdeňa* (1264), *Listina polackého kniežaťa Izjaslava* (1265), *Listina smolenského kniežaťa Fiodara Rascislavaviča* (1281) atď. Tieto špecifiká sa významnejšie rozšírili v písomných pamiatkach zo 14. – 15. stor., čo je základom teórie o ich pôvodnosti – bieloruskom (starobieloruskom) pôvode.

charakteristická spoločným jazykom východných Slovanov a postupnými zmenami prejavujúcimi sa v polacko-smolenskej oblasti pod vplyvom susediacich baltských oblastí. Fundamentom nového bieloruského jazyka nie je priamy organický vzťah s knižnými textami napísanými v staroslovanskom a staroruskom jazyku, ale orientácia na živé bieloruské nárečia.

V druhom vývinovom období dejín bieloruského jazyka (14. – 18. stor.), kam patrí nielen vznik a postupné formovanie starobieloruského jazyka, ale tiež jeho rozkvet v 16. – 17. stor. sa pozícia jazyka niekoľkokrát mení. K najvýznamnejším medzníkom tu patria Skarynove preklady Biblie i jeho pôvodná tvorba v predslovoch, tiež *Pieseň o zubrovi*, v latinčine napísaná poéma Mikolu Husovského, v ktorej sa po prvý raz objavujú bieloruské reálie. Históriu krajiny, národa i jazyka tieto pamiatky mapujú podrobne. Najvýznamnejšie sú tri redakcie *Štatútu VKL* (1529, 1566, 1588) a *Tribunál* z roku 1581. Reflektujú sa v nich nielen ortografické, fonetické, morfologické, lexikálne, syntaktické znaky vtedajšieho bieloruského hovorového jazyka, ale aj prítomnosť latinizmov a, čo je pre vývin bieloruskej národnej identity podstatnejšie, aj polonizmov. Jazyk Veľkého litovského kniežatstva ako multietnického spojenia predstavuje stret staroruskej knižnej tradície a miestneho hovorového jazyka[6]. Jazyk tzv. Litvínov mal pozíciu spisovného jazyka až do roku 1696, keď po spojení s Poľskom do Rzeczypospolitej bola dobová bieloruština oficiálne zakázaná a eliminovaná zo spoločenskej komunikácie. Jediným spisovným jazykom sa stala poľština.

Po roku 1696 sa radikálne zúžila sféra používania domáceho jazyka, a preto je z tohto obdobia zachovaných len málo pamiatok, najmä administratívnych textov. Po prvý raz sa bieloruština objavuje aj v niektorých poľských dramatických textoch v rozlišovacej funkcii, t. j. s cieľom definovania sociálneho statusu jednotlivých postáv. V 18. a na začiatku 19. stor. existoval bieloruský jazyk len v ústnej podobe – dedinčania, ústna ľudová slovesnosť. Jazyk folklóru a drám z 18. stor. nemá spätosť s knižnou tradíciou starobieloruského jazyka, takže pretrhnutie tradície spôsobilo, že základom a stimulom k vzniku nového bieloruského jazyka sa stal živý hovorový jazyk.

Tretie obdobie je obdobím národného obrodenia (od 19. stor,), ktoré v bieloruskom kultúrnom kontexte možno opísať o. i. aj slovami M. Hrocha: „Ti z nich, kteří studovali národ v podmínkach od středověku existujícího národního státu, jako byla Francie či Anglie, považovali existenci pospolitosti označované jako nation za samozřejmost. Jiní přistupovali k předmětu svého zájmu v podmínkach zápasu o národní (ať již státně či kulturně definovanou) existenci a musili si teprve zjistit, jakými rysy budou novou pospolitost vymezovat, aby ji odlišili od pospolitostí jiných“ (2011: 17). Bielorusko bolo v 19. storočí

[6] Administratívna podoba starobieloruského jazyka sa zachovala v takmer 600 častiach dokumentov *Litovskej matriky* zo 14. – 18. stor. V anonymných umeleckých dielach tých čias, prevažne ide o preklady, sa bieloruské prvky miešajú s prvkami pôvodných textov, napr. srbských *Apovecs o Tristanovi*. Najlepšie viditeľné sú bieloruské znaky v polemických textoch *Pramova Mialešky* a *List da Abuchoviča*, medzi bieloruskými prvkami prevažuje tendencia k fonetizácii písma. Umeleckú spisbu tejto epochy tvorí tiež memoárová tvorba – zachovali sa napr. *Denník Fiodara Eulašovského* (bielorusko-poľský text, lexikálne, gramaticky aj ortograficky) a *Diár A. Filipoviča*, obsahujúci živé bieloruské nárečia z prelomu 16. – 17. stor.

súčasťou Ruska a aj významní ruskí jazykovedci ako V. Daľ, A. Sobolevskij, I. Sreznevskij či A. Potebňa považovali bieloruštinu za ruské nárečie. U poľských učencov (A. Rypinski, S. Linde) v tomto období nachádzame názory o tom, že bieloruštinu treba považovať zase za nárečie poľské. Niektorí ďalší známi slavisti ako napr. F. Miklošič ju identifikovali ako ukrajinský dialekt. V týchto nepriaznivých podmienkach vznikali diela umeleckej literatúry, ktoré boli zámerne anonymné a šírili sa prevažne v ústnom podaní alebo v rukopisnej podobe. K najznámejším patria anonymné poémy *Eneida navyvarat* (Aeneida naopak) a *Taras na Parnase*, ktoré sú známe jazykovým naturalizmom. Autorské diela z tohto obdobia, ktoré vytvorili A. Barščevski, A. Rypinski, U. Syrakomľa či J. Čačot boli písané latinkou a odzrkadľovali všetky špecifiká bieloruštiny, ktoré dodnes považujeme za hlavné odlišnosti od ostatných východoslovanských jazykov. Vonkajšia podobnosť s poľštinou, ktorá mala po dlhom období monopolu na bieloruských územiach stále stabilnú pozíciu, zaručovala, že autorské texty nevzbudzovali pozornosť ruskej správy. Okrem umeleckej literatúry sa bieloruský jazyk formoval v publicistike, najvýznamnejšou pamiatkou tých čias je *Mužyckaja pravda* Kastusa Kalinovského (7 čísel latinkou) a *List spod šibenice* od toho istého autora.

V prvej polovici 19. storočia sa objavili prvé pokusy vytvoriť gramatiku, avšak neboli úspešné, pretože neboli schválené Moskvou. Z podobných príčin nebol vydaný ani preklad Mickiewiczovho *Pána Tadeáša* do bieloruštiny, vytvorený prvým profesionálnym bieloruským spisovateľom Vincentom Duninom Marcinkevičom, ktorého autorská tvorba je dodnes považovaná za vzor umeleckej bieloruštiny (fonetika, dialektizmy, polonizmy, rusizmy – štylistické funkcie). Ďalší rozvoj nového bieloruského jazyka prebiehal v tvorbe spisovateľov ako napr. A. Hurynovič, J. Lučyna, A. Eľski, Jadvihin Š. atď.

Na začiatku 20. stor. začali svoje diela vydávať autori, ktorých považujeme za klasikov bieloruskej literatúry – Ciotka, J. Kupala, J. Kolas, M. Bahdanovič.

V roku 1906 vzniklo prvé bieloruské vydavateľstvo *Zahľanesonca i u naša vakonca* (Petrohrad), vo Vilne (Vilnius) začali vychádzať prvé legálne bieloruské noviny *Naša doľa*, ktoré však boli po vydaní piatich čísel zakázané. Ich pokračovateľom boli noviny *Naša niva*, podľa ktorých označujeme celé obdobie bieloruského národného obrodenia ako *našanivské*. Postupne sa objavovali aj ďalšie periodiká ako *Homan*, *Dziannica* i vydavateľstvá *Naša chata*, *Minčuk*, *Viasiolka*, *Palačanin*, časopisy *Sacha*, *Lučyna*. S týmto obdobím je spätý aj rozvoj prekladateľskej činnosti do bieloruského jazyka, išlo prevažne o preklady z ruskej a svetovej literatúry – Tolstoj, Turgenev, Gorkij, Wilde, Ševčenko a pod. Vďaka prekladom vývinovo vyspelejších diel sa bieloruská literatúra i jazyk významne obohacovali.

Jazyk v literatúre

Najvýznamnejší vplyv na kodifikáciu bieloruštiny mala tvorivá činnosť J. Kupalu, J. Kolasa a M. Bahdanoviča pochádzajúcich z centrálneho Bieloruska, ktorého nárečia sa stali základom spisovného jazyka. Diela týchto autorov sú dodnes rešpektované nielen ako vzor dobového jazyka, ale tiež ako apelatívne a výchovné texty vrcholného obdobia bieloruského národného obrodenia, ktorého hlavným cieľom bola sebaidentifikácia

Bielorusov od počiatku žijúcich v multikultúrnych spoločenstvách etnicky cudzích vládcov. Až v tvorbe autorov 20. storočia dochádza k stabilizácii normy bieloruského spisovného jazyka, pričom však samostatnosť a jedinečnosť bieloruštiny ako jedného z národných symbolov ešte ani v tomto období nie je stabilizovaná. Potreba výskumu jazykových dejín v čase sústredenia sa na ich modernizáciu a internacionalizáciu je aktuálna, pretože jazykové vzťahy zachované v literárnom dedičstve na jednej strane tvoria kostru kultúrnej jednoty, a na strane druhej zabezpečujú diverzitu globalizačného procesu a multikultúrneho priestoru.

Príčiny jazykovej nestability a jednotlivých vzostupov a pádov pozície samostatného bieloruského jazyka sú pomerne známe. Národ žil dlhodobo bez samostatného štátneho usporiadania v multikultúrnych spoločenstvách, pričom v 17. – 18. stor. bola zákonom stanovená polonizácia miestneho spoločenstva a následne od 18. stor. rusifikácia. Bieloruským územím prešli bojové fronty takmer všetkých európskych vojnových konfliktov, čoho následkom bola okrem iného intenzívna emigrácia Bielorusov napr. aj do Československa. Významnú stopu v bieloruskom národnom povedomí zanechali aj politické represie v 30. rokoch 20. stor., prenasledovanie za národné idey pokračovalo aj v ďalších rokoch a v istej podobe existuje dodnes[7]. Dokonca aj pomenovanie krajiny sa ustálilo až na konci 19. stor., lavírovanie medzi Litvínmi (Veľkokniežatstvo litovské) a Severozápadným krajom (v roku 1840 cár Mikuláš I. zakázal názov Biela Rus a zaviedol pomenovanie Severozápadný kraj) spôsobilo, že v bieloruskej kultúrnej identite neustále rezonuje viac spojitosť s územím – tzv. *tutejšy* (tunajší človek)[8], než s národným jazykom. 19. storočie bolo špecifické spojitosťou umeleckej a obrodeneckej činnosti: „Литературный контекст того времени для белорусов был частью национально-культурного движения и его показателем“ (Liashuk 2009: 48).

V súvislosti s jazykom ako literárnym motívom v bieloruských textoch treba uvažovať viacsmerne, a to najmä na chronologickej osi. Jazyková otázka rezonovala v literárnom procese úplne prirodzene v období národného obrodenia, v bieloruskom kontexte ide prevažne o tzv. našanivské obdobie a tvorbu básnikov zo začiatku 20. storočia. Ide predovšetkým o básnické zbierky Janku Kupalu Жалейка (1908) a *Гусляр* (1910), poetickú tvorbu Jakuba Kolasa zo zbierky *Песні жальбы* (1910) a básne Maksima Bahdanoviča *Пагоня* (1916), *Народ, Беларускі Народ* (1913), *Летапісец* (1912), *У вёсцы* (1912) a pod.

V tvorbe J. Kupalu (1882 – 1942) ako jedného zo šéfredaktorov časopisu *Naša Niva*, po ktorom sa celé obdobie národného obdobia nazýva, je jazyk dominantným motívom. V básňach ho nachádzame prevažne priamo a autor jeho použitím apeluje na uvedomenie si svojich kultúrnych koreňov, hoci v neslobodnej a nesamostatnej krajine. A tak napríklad v básni *Роднае слова* (1908) čítame o mohutnom rodnom slove: „Магутнае слова ты,

[7] Tak napríklad kým v roku 1920 existovalo päťsto bieloruských škôl, v roku 1925 už nebolo ani jednej.

[8] Fenomén tzv. tutejšasci na prelome 19. a 20. stor., ale aj v tvorbe autorov prelomu 20. a 21. stor. či v literárnej skupine Tutejšyja (1987) sme spracovávali už niekoľkokrát na inom mieste, napr. v monografii Bieloruská poézia na prelome storočí; aktuálne tiež v štúdii Tutejšyja – bieloruská kultúrna identita medzi východom a západom (2019).

роднае слова!" (2004, 182) a vo všetkých ostatných strofách získava ďalšie prívlastky v duchu dobovej rétoriky ako nesmrteľné (бяссмертнае), slobodné (свабоднае), utlačené (загнанае). Záver básne je patetickým apelom, výzvou, nech sa rodné slovo nad rodnou zemou ozýva – „Грымі ж над радзімай зямлёй", dokonca nech básnikovo slovo expresívne hrmí. Typologicky romantickým je aj gesto porovnávania s inými, dokazovania hodnoty národnej kultúry, v tomto prípade tiež priamo jazyka: "Што родная мова, хоць бедная мова, / Мілей найбагатшай чужой!", že rodný jazyk, hoci biedny, je (a musí byť) pre príslušníka národa milší a vzácnejší než akýkoľvek krásny a bohatý jazyk cudzí.

Vrcholom tvorby J. Kolasa sú lyrickoepické poémy a prozaická tvorba, ktorou vybudoval detailný obraz bieloruskej dediny, avšak v počiatkoch svojej tvorby pracoval aj s poetickými textami, do ktorých vkladal rodné motívy šifrovane. Aj preto v jeho básňach nevidíme a nepočujeme priame výzvy na používanie jazyka, ale interpretačne tušíme, že zvýrazňovanie krás a bôľov rodných kútov rovnako vedie k uvedomeniu si kultúrnych hodnôt. Tak v záverečných veršoch básne *Роднаму краю* (1914: 288) čítame: „А як песню заспяваю / Аб знішчоным гэтым краі, Я не волен над сабою: / спеў мяшаецца з слязою, / плачам аддаецца" – a keď zaspievam pieseň o tomto zničenom kraji, sám v sebe neslobodný, spev sa mieša so slzami, poddávam sa plaču. Východisko poet vidí v prežití a uvedomení si žiaľu – „няхай стогне, няхай плача", pretože verí, že život sa nakoniec zmení, po všetkých útrapách symbolizovaných prírodnými motívmi ako napr. húština – „покуль жыцце стане йначай / і скрозь цемрадзь і гушчары", a slnko nakoniec vyjde spoza mračien, pustí svetlo aj k jeho rodnému kraju – „нібы сонейка праз хмары, / свет нам не прарвецца."

Trochu iná je v danom období pozícia Maksima Bahdanoviča (1891 – 1917), ktorý bol s rodným jazykom intenzívne prepojený už v domácom prostredí, keďže jeho otec bol etnograf a folklorista, ale zároveň bola jeho jazyková úroveň obmedzená tým, že v Bielorusku nežil a tak nebol v kontakte s vyvíjajúcou sa živou rečou. V súvislosti s emigráciou je aj jeho tvorba odlišná v porovnaní s predchádzajúcimi autormi. V jeho básňach identifikujeme moderné európske tendencie, ktoré sú oslobodené od obrodeneckého úsilia autorov žijúcich v dobovom Bielorusku. Vzhľadom na zameranie dnešného príspevku uvádzame z Bahdanovičovej tvorby ukážku, ktorá korešponduje s danou témou, a to v básni *Народ, Беларускі Народ!* / Ты – цёмны, сляпы, быццам крот. / Табою ўсягды пагарджалі, / Цябе не пушчалі з ярма / і душу тваю абакралі, – Bahdanovič píše o slepom národe, ktorým každý pohŕda a ovláda ho, kradne mu dušu. Ďalej priamo hovorí – ani jazyka uňho niet – / у ёй нават мовы няма. Kriticky sa stavia k postoju ľudu, ktorý by mal namiesto žiadania o pomoc ďakovať vo svojej rodnej reči – t. j. byť hrdým a slušným predstaviteľom národa – / Збудзіўшысь ад грознай бяды, / ўвесь поўны смяротнай жуды, / Ты крыкнуць не вольны: "Ратуйце!" / І мусіш ты "Дзякуй" крычаць – a predovšetkým cítiacim človekom. / Пачуйце жа гэта, пачуйце, / хто ўмее з вас сэрцам чуваць! (1913: 301)

V podobnom kriticko-apelatívnom duchu sa nesú aj verše básne, resp. hymnickej piesne *Пагоня* (1916, c. 305 – 306). Tá sa stala symbolom boja za národnú svojbytnosť nielen v období vzniku, ale rezonuje dodnes pri rôznych príležitostiach, pri ktorých treba zdôrazniť národné princípy. V básni o. i. čítame – Толькі ў сэрцы трывожным пачую / за краіну

радзімую жах, (...) // – cítim nepokoj a strach o rodnú zem. Potom – Мо яны, Беларусь, паняслiся / за тваімі дзяцьмі уздагон, / Што забылі цябе, адракліся, / Прадалі і аддалі ў палон? / – zradili ťa, zabudli na teba, vzdali sa ťa. / Маці родная, Маці-Краіна! / Не усцішыцца гэтакі боль.../ – krajina matka, táto bolesť prejde. A azda najsilnejšie a najemotívnejšie pôsobí ospravedlnenie básnika, prepáč a prijmi svojho syna, dovoľ mu za teba umrieť: Ты прабач, Ты прымі свайго сына, / За Цябе яму ўмерці дазволь!.. / (...). Pretože tento proces je nezastaviteľný – не разбіць, не спыніць, не стрымаць. Bahdanovičova *Пагоня* je symbolom vzdoru, je návratom k slávnej minulosti bieloruského národa vo Veľkom litovskom kniežatstve. Básnik v nej priamo nepracuje s obrazom jazyka, ale symbolicky sa vracia k obdobiu, v ktorom bol bieloruský jazyk v pozícii spisovného jazyka multikultúrneho spoločenstva, čo je pre nositeľov kultúry všeobecne známy fakt, a teda reflektuje sa jazykový motív na úrovni interpretácie.

Pre začiatok 20. storočia je tento motív určujúci a tematizácia národných symbolov, v rámci nich aj jazyka, je prirodzenou súčasťou literárneho vývinu. Zaujímavé je znovuzrodenie a naozaj rozsiahle rozšírenie tejto témy na konci 20. storočia. Zaiste na to mala vplyv spoločensko-politická situácia po rozpade Sovietskeho zväzu a snaha o revitalizáciu bieloruskosti, avšak rozsah využitia národnej symboliky v literárnej tvorbe svedčí nielen o národnom povedomí, ale aj o ďalšej vlne národného obrodenia. Vzhľadom na rozsah príspevku uvádzame len niekoľko ukážok takejto tvorby – ako rýdzeho obrancu bieloruského jazyka nemožno vynechať básnika Nila Hileviča (1931 – 2016) a taktiež barda bieloruskej literatúry Ryhora Baradulina (1935 – 2014).

Hilevič je nazývaný svedomím národa a jeho tvorba je nasýtená národnou symbolikou. Básnik intenzívne prežíval obdobie euforickej bielorusizácie a vo svojich textoch sa často obracia najmä k tým bolestným udalostiam, ktoré národné hodnoty oslabovali. Veľmi emotívne vyznieva záverečné trojveršie básne *Куды ні паткнуся* (1994), v ktorej sa po tragických zvolaniach „Niet Bieloruska! Niet Bielorusa!“ (preklad I. S.) konštatuje, že národ si musí vybrať svoj osud spomedzi dvoch nelichotivých možností – „Свой лёс ты між двух выбірай: / Ці «ўсходнія крэсы», /Ці «северо-западный край»“ – alebo bude okrajom Poľska, alebo okrajom Ruska. Iným príkladom Hilevičovho patriotizmu je vyjadrovanie nádeje, že sa situácia zmení. V tomto duchu čítame báseň *І ўсё-такі дойдзем!*, (1994) – Равуць вятры, грымяць грамы, / Пыль засціць вочы нам, і ўсё ж, / І ўсё ж мы дойдзем, дойдзем мы /Да Беларусі!.. – napriek všetkým prekážkam, ktoré sú symbolizované prírodnými živlami, vetrom a hromami, dôjdeme k Bielorusku, t. j. dočkáme sa bieloruského Bieloruska. Priamy jazykový motív sa nachádza v básni *Вы не яе – вы сябе прыніжаеце* (1994), v ktorej sa básnik obracia na národ s výčitkou: Помніце ўсе: калі вы зневажаеце / І абражаеце мову народа, – / keď znevažujete jazyk národa, tak neznevažujete jazyk, ale, práve naopak, seba samého: „Вы не ЯЕ – вы сябе прыніжаеце, / Нізкая ваша з вас лезе парода.”

Baradulinova tvorba sa nesie v duchu citátu „А мне мой Бог – бацькоўскі край.“ – mojím bohom je môj rodný kraj. Príkladov obrodenecky a patrioticky zameraných básní by sme mohli uviesť viacero, aj keď gro jeho tvorby predstavujú skôr existenciálne otázky. Problematiku bytostného výberu a nevyhnutnosti historického vývinu, ktorá nás

interpretačne vedie k sledovanej tematike, sme našli v tejto básni: „Над Беларуссю / Сонца марудна ўстае, / І спяшаецца за навалай навала.“ – nad Bieloruskom sa symbolicky valí vlna za vlnou, čas plynie tak pomaly, ako pomaly vychádza slnko. A potom zrazu poľský romantický básnik, pôvodom z bieloruských území, ktorý začínal tvoriť v bieloruskom jazyku, páli svoje básne, aby ich napísal hovorca Bielorusov z obdobia prvého národného obrodenia J. Kupala: „Адам Міцкевіч паліць / Беларускія вершы свае,/ Каб напісаў іх Янка Купала...“ (2001)

Do výberu autorov takejto typológie v bieloruskej poézii 20. storočia možno zaradiť viacero etablovaných básnikov. Posledným dnešným príkladom poetizácie jazykovej otázky je ukážka z tvorby Ľudmily Rublevskej z 80. rokov 20. storočia – báseň *Выбар*: „На скрыжаванні дзьвюх дзедаўскіх моў / Я слова ня маю для плачу. / І столькі за мною згарэла шляхоў – / дарогі за дымам бачу. / – tu čítame, že poetka sa nachádza na križovatke dvoch jazykov jej predkov, a preto nenachádza, resp. stráca svoju cestu v dyme. Lebo i nebo je dvojité, sprava i zľava sa ozývajú zvony (symbolika zvolávania veriacich) – „Падвойнае неба сузор і дваіць. / І справа і зьлева – званіцы.“ No treba nájsť slovo, jazyk, v ktorom sa bude modliť, keď podľahne volaniu zvonov: „А слова патрэбна, / якое баліць, / І мова, якою маліцца. Na pravej i na ľavej strane je situácia rovnaká – bezduché mračná a znejúce zvony: „А справа і злева спакойна плывуць / Бяздумныя, шэрыя хмары.../ Удары званоў –“ Dva jazyky ako mocné ruky trhajú dušu: „(...) Дзьве мовы – / як моцныя рукі – / Расьцягваюць душы. (...)“ (Slivková 2012: 37 – 38).

Jazyková tematika v najnovších textoch bieloruskej literatúry sa posúva z prvoplánovej symboliky k interpretačnému hľadaniu. Aj preto sme sa rozhodli uviesť príklad tohto motívu i v prozaickom texte, v ktorom je prostredníctvom postáv vymodelovaný obraz neustálej potreby reflexie jazykovej otázky ako jedného zo znakov kultúrnej identity. V románe Ihara Babkova (1964) *Minútka. Tri príbehy* (2014) tri postavy predstavujú tri typy charakterov a mali by reprezentovať nositeľov opisovanej kultúry. Pri úvodnom stretnutí sa predstavia ako orientalista amatér (Františak), celkom neznáma speváčka (Eva Daminika) a jednoducho hrdina (Bahdan). Básnik, folklórna speváčka a historik a politik. Sú to nositelia sociálnych rolí úzko spätých s bieloruskými reáliami a tradíciami. Básnik Františak píše po bielorusky, Eva Daminika je potomkom bieloruského aristokratického rodu a ochrankyňou bieloruských tradícií a Bahdan vychádza z historických poznatkov o veľkom a slobodnom bieloruskom národe, aby bojoval na politickej scéne za šťastnú budúcnosť Bieloruska. Každá z postáv je teda národne cítiaca, každá je bojovníkom za slobodu prejavu a každá je nespokojná, hľadajúca a do istej miery nešťastná. Paradoxne, všetci stoja proti väčšine a teda vytvárajú len pseudotypického, menšinového Bielorusa. Ich sebaidentifikácia je postavená na rozpore so skutočnosťou, na tom, že napriek svojej snahe chrániť spoločné národné hodnoty, stoja na okraji spoločnosti (resp. existujúceho celku)[9].

Téma jazyka je v jednotlivých národných kontextoch prítomná v rôznych obdobiach a zaiste i s rôznym zámerom. Jazyk patrí, bezpochyby, k základným kultúrnym hodnotám, národným symbolom i znakom odlišnosti. V súčasnej spoločnosti, smerujúcej predovšetkým

[9] Pozri tiež Slivková, I.: Tutejšyja – korene bieloruskej kultúrnej identity medzi východom a západom (2019).

k spájaniu a hľadaniu prienikov, je viditeľná postupná snaha zjednotiť národné kontexty do väčších celkov, ale zároveň zachovať ich jedinečnosť. V bieloruskom literárnom priestore bol jazyk na začiatku profesionálneho literárneho procesu najmä znakom spoločenského statusu, neskôr súčasťou obrodeneckého apelu a tiež reflexiou historicko-spoločenskej situácie. Všetky tieto javy sú zároveň nástrojom identifikácie národa a tiež určenia sebaidentifikácie – v hľadaní osobnej cesty lyrického subjektu, literárneho hrdinu, teda jednotlivca, ktorý spoluvytvára cestu spoločenstva. Jazyk ako nástroj a jazyk ako obraz je zrkadlom všetkých kultúrnych javov.

LITERATÚRA

ADAMČYK, U. V. – ADAMČYK, M. V.: *Belaruskaja litaratura. Chrestamatyja.* Minsk: Sučasny litaratar, 2004.

BARADULIN, R.: *Bosaja zorka.* Minsk: Belaruskaje tavarystva Kniha, 2001.

BAUMAN, Z.: *Umění života*. Praha: Academia, 2010.

ČENĚK, J. – SMOLÍK, J. – VYKOUKALOVÁ, Z.: *Interkulturní psychologie.* Praha: Grada Publishing, 2016.

HILEVIČ, N.: *Na vysokym altary.* Minsk: Mastackaja litaratura, 1994.

HROCH, M.: *Národy nejsou dílem náhody.* Praha: SLON, 2009.

GADAMER, H. G.: *Člověk a řeč.* Praha: OIKOYMENH, 1999.

KOŠŤÁLOVÁ, P.: *Stereotypní obrazy a etnické mýty. Kulturní identita Arménie.* Praha: SLON, 2012.

LIASHUK, V. / ЛЯШУК, В. «Клятва над кровавыми бороздами» (1906) Тётки (А. Пашкевич) в контексте славянских литератур и подготовки славистов. In: KOVÁČOVÁ, M. – LIZOŇ, M. (eds.): *Slovanstvo na križovatke kultúr a civilizácií Zborník príspevkov z vedeckej konferencie dňa 14. mája 2009 v Banskej Bystrici.* Banská Bystrica: Fakulta humanitných vied, 2009, s. 46 – 51.

LIASHUK, V. / ЛЯШУК, В. *Теория славянских литературных языков в диахронии и синхронии*. Banská Bystrica: BELIANUM, 2017.

LOTMAN, J. M.: *Štruktúra umeleckého textu.* Bratislava: Tatran, 1990.

PLOTNIKAV, B. A. – ANTAŇUK, L. A.: *Belaruskaja mova. Linhvistyčny kampendyum.* Minsk: Knižny dom, 2003.

POSPÍŠIL I. a kol.: *Slovník ruských, ukrajinských a běloruských spisovatelů.* Praha: Libri, 2001.

PRŮCHA, J.: *Interkulturní psychologie*. Praha: Grada Publishing, 2010.

SLIVKOVÁ, I.: *Bieloruská poézia na prelome storočí.* Prešov: Filozofická fakulta PU, 2012.

ZIMA, T.: Věda a umění. In: *O umění s rozumem.* Brno: Host 2015, s. 127 – 129.

BELARUS LANGUAGE STATUS IN FORMATING OF CULTURAL IDENTITY IN ARTISTIC LITERATURE

Abstract: The paper analyzes the language as a motive, symbol and theme in the Belarusian literature of several periods. It focuses on the concept of cultural identity, its perception from the philosophical, sociological, intercultural and literary point of view. It briefly introduces the development of the Belarusian literary language, with emphasis on the transitional position of Belarusian between the Slavic East and the West. Theoretical knowledge is used in the interpretation of texts from the period of the Nashanivian national revival (the beginning of the 20th century), from the second national revival in the 1990s and also from the Belarusian prose after 2000. Language is one of the basic cultural values, national symbols and sign of difference. In today's

society, which is primarily aimed at combining and searching for penetrations, a gradual effort to unite national contexts into larger units is visible, but at the same time preserve their uniqueness. In the Belarusian literary space, the language at the beginning of the professional literary process was mainly a sign of social status, later a part of the revivalist appeal and also a reflection of the historical-social situation. At the same time, all these phenomena are a tool for identifying the nation and also identifying self-identification – in the search for the personal path of a lyrical subject, a literary hero, an individual who co-creates the path of the community. Language as a tool and language as a picture is the mirror of all cultural phenomena.

Key words: belarussian language, belarussian literature, culture identity.

IV. Preložený umelecký text vo vzťahu k spisovnému jazyku

Переводной художественный текст в отношении к литературному языку

Лариса Сугай
Философский факультет, Университет им. Матея Бела в Банской Быстрице, г. Банска Быстрица (Словакия)

«ВЕНОК СОНЕТОВ» Ф. ПРЕШЕРНА В ИСТОРИИ ПЕРЕВОДОВ НА СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

Аннотация: Статья посвящена «Венку сонетов» Франце Ксаверия Прешерна и его переводам на славянские языки. Современник Пушкина и Мицкевича, один из основоположников словенского литературного языка, Прешерн не только расширил горизонты словенской литературы до европейского уровня, но предопределил появление и широкое распространение в славянской поэзии наиболее сложной структурно-жанровой поэтической формы – венка сонетов. Важнейшую роль в становлении данного жанра в поэзии славянских народов сыграл первый перевод «Сонетного венка» на русский язык, осуществленный Ф. Е. Коршем (1889). Автор характеризует переводы «Сонетного венка» «словенского Орфея» на украинский, словацкий, чешский и польский языки, сравнивает переводы на русский язык Ф. Е. Корша и Сергея Шервинского, даёт критический анализ новых версий «Венка» в переводе Е. В. Степановой. Отдельно рассматривается вопрос о лингвистических и экстралингвистических причинах передачи/непередачи переводчиками магистрального сонета оригинала как акростиха. Акромагистрал Прешерна характеризуется как авторская модернизация канона венка сонетов, не познанная первоначально первым русским переводчиком, но впоследствии повлиявшая на создание Федором Коршем его оригинальных венков сонетов, затерянных в архивах академика и до сих пор неизвестных специалистам и публике.

Ключевые слова: Франце Прешерн, венок сонетов, перевод, славянская поэзия, Ф. Е. Корш, акромагистрал.

«У любого народа есть человек, который мыслится со святым, чистейшим ореолом славы над головой. То, что для англичан Шекспир, для французов Расин, для итальянцев Данте, для немцев Гете, для русских Пушкин, для поляков Мицкевич – это для словенцев Прешерн» (цит. по: Mušič 1989: 78), – писал словенский поэт, прозаик, литературный критик Йосип Стритар (1836 – 1923). Современник Пушкина и Мицкевича, один из основоположников словенского литературного языка, Франце Ксаверий Прешерн (France Ksaverij Prešeren, 1800 – 1849) не только расширил горизонты словенской литературы до европейского уровня, но предопределил появление и широкое распространение в славянской поэзии наиболее сложной структурно-жанровой поэтической формы – венка сонетов. Значение творчества «словенского Орфея» для славянской и мировой поэзии огромное. «Однако, – как справедливо замечает исследователь Марко Юван, – его реальное присутствие в пространстве мировой литературы не соответствовало представлению о его ценности на родине. Прешерн был утерян в переводах. Положение словенской литературы на периферии международной переводческой системы помешало Прешерну стать всемирно известным в качестве поэта романтического сверхканона, кроме тех стран, чьи издатели изначально демонстрировали языковые или политические симпатии к словенской литературе (см. перевод „Венка сонетов“ Прешерна, выполненный Коршем)» (Юван 2016: 176).

Отсылка к имени русского филолога, профессора Московского университета, действительного члена Императорской Санкт-Петербургской академии наук, знатока языков и мировой поэзии Ф. Е. Корша (1843 – 1915) не случайна. Именно публикации стихотворений на русском языке в переводах Федора Корша проложили поэзии Прешерна, в частности, венку сонетов, дорогу в другие (прежде всего, славянские) литературы.

В одном из частных писем 1870 года из Вены Корш отмечал, что открыл для себя поэта, «который, вероятно, занял бы место рядом Пушкиным и Мицкевичем, если бы большая часть его стихотворений не сгорела – как говорят – от рук ксендзов» (цит. по: Богданов 1985: 66). Тогда же он признался, что начал переводить из Прешерна, хотя и скептически оценивая себя как поэта. Ф. Е. Корш публиковал свои переводы в периодике, начиная с 1881 г., причем переводил стихи Прешерна не только на русский, но и на украинский язык (см.: Корш 1897). В 1889 году за подписью Ф. К. он напечатал в журнале «Русская мысль» перевод «Сонетного венка» словенского поэта, а затем венок сонетов вошел в сборник «Стихотворения Франца Преширна[1] со словенского и немецкого подлинников», подготовленный переводчиком к столетию со дня рождения поэта. Издание сопровождало обширное предисловие Ф. Е. Корша с подробнейшими комментариями к текстам стихов.

«Сонетный венок» (*Sonetni Venec*, 1834) является вершиной творчества Прешерна, «самым большим вкладом словенского слова в сокровищницу мировой литературы» (Новак 2003: 75). Венок сонетов – это труднейшее стихотворное произведение, состоящее из пятнадцати канонических сонетов со строгой системой рифм (ABBA, ABBA, CDC, DCD). Сонеты цикла связаны между собой не только тематически, но структурно. «Как свободно Преширн владел сонетом, – писал Корш в Предисловии к сборнику переводов, – показывает не столько выбор им этой формы для эпиграммы <…>, сколько „Сонетный венок”, состоящий, по числу стихов сонета, из 14 сонетов, связанных, между собою тем, что последний стих каждого есть в то же время первый следующего, а последний стих последнего есть первый первого, и все эти повторяющиеся 14 стихов составляют 15-й сонет, магистрал, с акростихом Primicovi Julji. И при этих трудностях Венок есть в самом деле венец Преширновых сонетов» (Корш 1901: LXXXVIII).

Лирика Франце Прешерна издавалась и переиздавалась в СССР многократно (1948, 1955, 1971, 1987 гг.), но переводы Корша в сборники при этом не включались. «Венок сонетов» публиковался в переводе Сергея Шервинского (1892 – 1991). Известный поэт и переводчик, можно сказать, стремился дистанцироваться от «Сонетного венка» предшественника и избежать те расхождения с оригиналом,

[1] Ф. Е. Корш, передавая в кириллице фамилию поэта как «Преширн», следовал фонетической особенности словенского языка: перед *r* гласный *e* изменяется в *i*. В «Предисловии переводчика» Корш оговорил особенности написания и произношения фамилии переводимого автора: «Франц Ксаверий Преширн (France Ksaverij Preserin, как он писал сам, или Preseren, Presiren, как пишут его фамилию теперь, произнося ее также двояко – с é или с í в среднем слоге» (Корш 1901: VI).

на которые указывал сам Корш. Так, Шервинский не использовал в русской версии мужские рифмы, которые ввёл в свой перевод Корш «по заведенному у нас обычаю – должно прибавить: вполне согласному с ритмом нашего языка» (Корш 1901: LXXXVIII).

Менее оправданной считал сам автор первого перевода замену ключевого слова – обращения поэта к читателям венка: «Труднее помириться с тем, что в I, XIV и XV (сонетах – *Л.С.*) переводчик не сумел избежать замены „словенцев" или, может быть, „славян" (что в терминологии Преширна не всегда различается) „светом", покусившись таким образом на скромность поэта…» (Корш 1901: LXXXIX). Сравним два перевода первого катрена первого сонета венка:

Перевод Ф. Корша	*Перевод С. Шервинского*
Венок певец твой новый вьёт для света: Пятнадцать в нём сонетов сплетено, И магистрал, последнее звено, Связует рифмы каждого сонета. (Преширн 1901: 129)	Венок – словенцам новый дар поэта, Пятнадцать раз повторенные звенья. Объединяя все, для завершенья Про «Главный путь» три раза будет спето. (Прешерн 1987: 199).

С. Шервинский на протяжении всех 210 строк венка выдерживает, как и в оригинале, женские рифмы, сохраняет авторское обращение к соотечественникам (а не ко всему миру), но заключённую в тексте Прешерна характеристику самой структуры творимого произведения передает весьма туманно. Корш ввёл в русский язык, заимствовав у Прешерна, стиховедческий термин – «магистрал» (от лат. magistralis – руководящий) – название заключительного (пятнадцатого) сонета, который связывает между собой все части сонетного венка. Создававшие вслед за переводом Корша свои оригинальные венки сонетов В. Чешихин, М. Волошин, К. Бальмонт не употребляли иностранное слово как заголовок заключительного сонета венка, отмечали его номером «15». Вяч. Иванов первым вынес магистрал в препозицию к четырнадцати сонетам венка, никак его не озаглавливая и не нумеруя (Иванов 1995: 354). В. Я. Брюсов последний сонет первого своего венка «Роковой ряд» (1916) обозначил как «15. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ» (Брюсов 1973; II, 309), а во втором венке сонетов «Светоч мысли» (1918) дал заглавие: «XV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ» (Брюсов 1974: III, 389). Хотя стиховедческая теория, вслед за Коршем характеризуя венок сонетов, использовала термин «магистрал» (Шульговский 1914: 490; В. Ч. 1925: 843), поэтическая практика освоит его позднее, о чём свидетельствует и перевод Шервинского. Переведя строку Прешерна «Ti si življenja moj'ga magistrale!» (Ты жизни моей магистраль) (Prešeren 1902: 167) как «Ты – главный путь. Мне нет пути иного» (Прешерн 1987: 198), Шервинский передал лишь одно значение слова *magistrale* и потерял (как и в первом катрене) вторичный обыгрываемый поэтом смысл выражения: любимая – главный, магистральный сонет его жизни, и эта тема проходит через всё

произведение: «Ты магистрал мой, и твои черты / Я сохраню стихом и по кончине: / В нём будут жить любовь моя и ты» (в переложении Корша) (Преширн 1901: 129).

Сонеты Фёдора Корша (и переведённые, и оригинальные), отличаются от этой «твёрдой формы» других авторов тем, что они делятся на два катрена и шестистишие (секстину), то есть поэт не выделяет в сонете (в том числе при переводе «Сонетного венка») терцеты. В комментариях к книге Прешерна он связывает данный формальный признак с содержанием произведений и даже с традиционным для славян отражением в поэзии картины мира: «К форме в обширнейшем смысле относится и распределение содержания по частям стихотворения. Сонет распадается по рифмам на две части – ст[ихи] 1 – 8 и 9 – 14. Это деление Преширн проводит по большей части и в содержании…» (Корш 1901: LXXXIX). По словам переводчика, «двучленностью сонета Преширн часто <…> пользуется для противопоставления внешнего подобия содержания самому содержанию, при чем иногда у него является тот славянский параллелизм между внешнею природою и душевным состоянием поэта, который у великоруссов проходит в двух частях песни, а у малоруссов – в двух стихах иногда целого ряда двустиший, развивающих оба члена параллели по отдельным моментам» (Корш 1901, LXXXIX–XC).

У С. Шервинского, как и у Прешерна, каждый сонет венка включает два катрена и два терцета.

Однако и у Корша, и у Шервинского есть одно существенное отступление от оригинала. Корш, приступая к переводу, не увидел, что магистрал «Сонетного венка» Прешерна представляет собой акросонет-посвящение любимой поэта, его музе – Юлии Примец (Примчевой). При первой журнальной публикации «Сонетного венка» Ф. Е. Корш объяснил недочёт своего перевода: «Не передан в нем только акростих из букв, которыми начинаются стихи магистрала: Primicovi Julji. Переводчик сначала не заметил этого ухищрения и только по окончании работы узнал о нем от соплеменника Преширна, доктора М. М. Мурко. Такой недосмотр со стороны переводчика тем более извинителен, что акростих укрылся от внимания даровитого биографа и критика Приширнова, Стритаря, как видно из того, что при разборе *Венка* он не упоминает об этой особенности магистрала. Впрочем, и после указания г. Мурко переводчик не нашёл возможным воспроизвести акростих, и не по одной трудности задачи, а также и потому, что, хотя по-русски в именах „Примцевой Юліи“ столько же букв, сколько по-словенски, эти имена нельзя передать верно начальными буквами слов по неупотребительности или редкости букв *й, ю* и *і* в этом положении» (Ф. К. 1889: 1 – 2). Позднее, в 1901 г., публикуя сборник стихов Прешерна, переводчик-исследователь указал ещё на одну причину, в силу которой такой характерный элемент оригинала, как акростих, не нашёл своего воплощения по-русски: акростих в последнем сонете «Венка» сохранился лишь в некоторых экземплярах издания, а в других уничтожен посредством перестановки слов в нескольких стихах, потому что поэт «не хотел раздражать Юлию, бывшую тогда еще не замужем и жившую в Любляне, где жил и он» (Корш 1901: XXXII–XXXIII).

С. Шервинский тоже не перевёл магистральный сонет Прешерна как акростих, хотя и знал комментарии Корша.

Собиратель и исследователь венков сонетов В. П. Тюкин считает «превращение магистрального сонета в сонет-акростих» нарушением «канонических признаков жанра» (Тюкин 1984: 210). Другой энтузиаст-коллекционер венков сонетов, создатель Музея сонета им. Франце Прешерна рабочий из Саранска Г. В. Мелентьев (ныне, к сожалению, покойный), напротив, настаивал на том, что: «канон требует, чтобы магистральный сонет писался в виде **акростиха**» (Мелентьев 1988: 5). Коллекционер считал «Сонетный венок» Франса Прешерна образцовым примером жанра. «И раз уж я прилепил к венку Прешерна этикетку эталона, – прзнавался Мелентьев, – значит, считаю другие венки, написанные по такой же схеме, законными, остальные – отклонениями. В частности, у Прешерна в венке магистрал написан акростихом. Значит, это – закон для венка. <…> Никакая инквизиция не сдвинет меня с приобретённой точки зрения на правильный венок…» (цит. по: Пелемутер 1985: 209 – 210).

О каноне венка сонетов (corona dei sonetti), установленном, как считают, так называемой Сиенской Академией, известно из книги поэта и историка итальянской литературы Джовани Мария Крешимбени (1663 – 1728) «L'Istoria della volgar poesi» (Crescimbeni 1731: 214). Первое издание данного сочинения вышло в 1698 г., сведений о венках сонетов и установлении канона данной стихотворной формы в нём еще не было. Нет их и в переиздании 1714 г. В последней публикации «Истории…», вышедшей после смерти автора, правила составления венка прописаны, но кто первым создал произведение по образцу, неизвестно до сих пор. Изложение правил представлено также в книге Биссо (см.: Bisso 1794: 116). Словенские исследователи полагают, что Прешерн мог познакомиться с описанием структуры венка сонетов также по учебнику итальянского языка для немцев Карла Ферноу: в этом пособии есть раздел второго тома, посвящённый итальянской поэзии, ее жанрам и строфике, а целый параграф (§ 39) даёт подробное описание структуры венка сонета (sonetti a corona). Но ни Крешимбени, ни Биссо, ни Фернау не пишут, что, по канону, магистральный сонет должен быть в виде акростиха (см.: Fernow 1804: 787 – 789). Появление в венке сонетов акростиха, скорее всего, изобретение Ф. Прешерна: «Венок сонетов – одна из труднейших поэтических форм. Прешерн не только блестяще справился со стоявшими перед ним трудностями, но и намеренно пошел на их усиление. Последний, „магистральный“ сонет венка содержит акростих, заключающий имя и фамилию возлюбленной поэта Юлии Примчевой» (Бершадская 1989: 525).

В отличие от русских переводов «Сонетного венка», в более поздних переводах на другие славянские языки пятнадцатый магистральный сонет выполнен в форме акростиха. Таковыми в библиографии Мелентьева значатся переводы на болгарский язык К. Кадийского, на сербский язык К. Мичевича и на украинский Д. Паламарчука (Мелентьев 1988: 36 – 37). Однако список переводов «Сонетного венка» (с акростихом и без него) в данном указателе неполный. В музей им. Ф. Прешерна не попали венки

в переводе на западнославянские языки.

Не отмечен Мелентьевым чешский перевод венка словенского поэта. Следует указать, что поэзия Прешерна стала известна чехам раньше, чем русским. «Журнал чешского музея» при жизни поэта публиковал его стихи в переводе на чешский язык, а также перепечатал в 1832 г. рецензию Ладислава Франтишека Челаковского (1799 – 1852) на три выпуска организованного Прешерном и его друзьями альманаха «Крайнска чбелица». Рецензент характеризовал и высоко оценивал поэзию молодого словенского автора. Челаковский был и первым переводчиком стихотворений Прешерна на чешский язык. Чешская писательница Габриела Прейсова (Prejssová) позднее прекрасно определила значение поэта для словенцев: «Прешерн не оставил своему народу большое количество произведений, но они так же могучи и великолепны, как материнская сила природы словенских земель, которая в каменных, жестких и непроходимых тропинках заключила свою божественную красу – вечно великолепную и хватающую за сердце, верную себе каждый год, известную, повторяющуюся и при всем том – всегда настолько свежую, что в душу притесненного человека вливает веру и утешение...» (цит. по: Яцимирский 1906: 22).

Первая книга стихов Прешерна вышла в Чехии в переводе Йозефа Пенижека в 1882 г. (Prešeren 1882), но «Сонетного венка», вершинного произведения Прешерна, в составе сборника не было. Чешский перевод венка – *Věnec sonetů* («Tvůj básník, hleď, Slovincům věnec vije…») – появится почти спустя сто лет после переводов его песен и сонетов. Перевод выполнит Йозеф Гиршал. Однако магистрал был написан не в форме акростиха, хотя в отличие от воссоздания прешеновского акросонета по-русски, чешский переводчик не имел такой трудности, как разность в алфавитах. Впрочем, критиковали Гиршала не за это. Алеш Козар, оценив стихи за поэтичность, музыкальность и коммуникативность, в то же время указал на «фундаментальные сдвиги в переводе»: обновление нормы языка XIX века, включение элементов, которых нет в оригинале. По мнению критика, «оригинальные стихи Прешерена имеют гораздо более свободные ритмические переходы, чем в двух чешских переводах[2]» (Kozár 2002: 202 – 203).

В отличие от чешских переводов «Венка сонетов», в словацких версиях акромагистрал успешно пересоздавался. «Sonetni venec» переводился на словацкий язык дважды. В 1961 г. в Братиславе вышел сборник стихов Ф. Прешерна «Struny lásky» («Струны любви») в переводах Витязослава Гечко, включавший в свой состав «Sonetový veniec». Новый перевод был опубликован в сборнике Прешерна «Pesmi = Básne» («Стихи»), представившем читателям параллельные тексты оригиналов и их словацких переводов. Перевел стихи Людомир Фелдек при языковой поддержке Анежки Кочалковой. Оба эти перевода представили магистрал венка сонетов как акростих. Ср. магистралы:

[2] Критик сопоставлял с оригиналом также переводы Йозефа Пенижека. – *Л. С.*

Poet tvoj zas veniec vije,
Rozchýri rany mne a tebe chvály,
Ich puky zo dna srdca vyháňali;
Mokravé ružokvietky poézie.

Ich nezrodil kraj, ktorý slnečný je,
Cez celý čas ich vánky neláskali;
Obkľučovali nám ich tvrdé skaly
Vychladlé krby, kde hrom hnevu bije,

Ešte sa vzdychov a sĺz nezhostili
Jarú moc dali im rásť v neveselí;
Jar chmúrili im mrzkých časov sily.

Uvädli kvietky ich a ošumeli,
Lúč očí ty k nim vyšli prespanilý
Ej, vyženú kvet, čo viac rozveselí!
(Prešeren 1961: 107).

Pre Slovincov tvoj poet piesne vije,
Rán je v nich toľko, čo na teba chvál.
Ich výhonky zo svojho srdca hnal.
Maľoval krvou ruže poézie.

Ich domov veru málo slnečný je!
Celý čas vánok na ne nezavial.
Objímané len náručiami skál –
V tých skalách pridlho zloba vyje –

Ej, z takej rosy, iba naplakanej,
Je radosť – no niekedy aj nie.
Jar zbrzdí mráz a nieto protizbrane

Uvädať je piesňam súdené.
Lákavým okom len raz blysni na ne!
Ešte raz šťastný kvietok vyženie.
(Prešeren 2002: 109).

Дважды переводили «Sonetni venec» (*Wieniec sonetów*) и на польский язык. В «Антологии словенской поэзии» (*Antologia poezji słoweńskiej*), вышедшей в 1973 году под редакцией Мариана Пихала, был опубликован «Венок сонетов» в переводе Анны Каменьской (Prešeren 1973). Новый перевод Катарины Шаламун-Беджицкой вошел в состав антологии «Серебро и мох» (*Srebro i mech. Antologia poezji słoweńskiej*) (Prešeren 1995).

Что касается переводов поэзии Прешерна на восточнославянские языки (кроме русского), то интерес к словенской поэзии в Украине и в Беларуси не меньший, чем у западных соседей. Выше отмечено, что переводам стихов Прешерна на украинский язык положил начало Ф. Е. Корш.

В 1977 в Киеве была издана в серии «Перлини світової лірики» книга стихов Франце Пришерна «Поезії». Обширную вступительную статью к сборнику «Нетлінне серце Словенії» написал Виль Гримич, он же являлся составителем сборника и автором примечаний к стихотворениям, многие из которых являлись его переводами на украинский язык. Песни, газели, сонеты Прешерна представлены в издании также в переводах Андрея Малышко, Романа Лубкивского и Дмитро Паламарчука. Паламарчук, в частности, был переводчиком «Венка сонетов» (*Вінок сонетів.* Прешерн 1977: 145 – 159). Данный перевод можно считать одним из наилучших переложений шедевра словенского поэта на иностранный язык.

Поет твій знов словенцям в'є вінок
З п'ятнадцяти поєднаних сонетів,
Де магістрал, як цвіт усіх тих сплетів,

Повторить тричі кожен свій рядок (Прешерн 1977: 145).

Переводчик не только справился со сложной метафорой – магистрал – ключевой сонет – магистрал – жизненный путь – любимая («Ти – магістрал, мого життя дорога / На ній звучатимуть і по мені / Рядки хвали тобі й ‘моя тривога». – Там же), но и сумел в кириллице воссоздать заключительный сонет как акростих:

Поет твій знов словенцям в’є вінок.
Рядки хвали тобі й моя тривога,
Із серця зросла пісенька убога –
Мій вірш, троянд зарошених пучок.

Із краю мли, де вічпий холодок,
Цвіли пісні без леготу легкого,
Отам, де незворушних скель облога,
В краю снігів і темрявих стежок.

Імлою вкриті, зрошені сльозою,
Йно лиш зійшли, а їх нівечить грім,
Юга гнітить в полоні сніговім.

Ледь-ледь ростуть квітки мої весною,
Іди, зігрій їх поглядом своїм –
Їх цвіт засяє щирою красою (Пршерн 1977: 159).

На белорусский язык Прешерна переводил Янка Сипаков (Янка Сіпакоў. 1936 – 2011) . В 1987 году в его переводе вышли «Санеты бяды» (*Sonetje nesreče*), а «Венок сонетов» до сих пор ждет своего перевода на белорусский язык.

В наши дни появились новые версии «Венка сонетов» на русском языке, но, к сожалению, перевод Е. В. Степановой (две редакции) никак не оправдывает ожиданий любителей «стефанотворчества» (στέφανος, *греч.* – венок). Во-первых, её «черырнадцатистрочники» не соответствует структурным требованиям итальянского сонета: ни в одном из пятнадцати стихотворений катрены не соединены рифмами между собой. У Прешерна, кроме того, терцеты также написаны на две рифмы, то есть по самым строгим правилам. И у Корша, и у Шервинского данные параметры структуры строжайше соблюдены. Поэтому во втором, четвёртом и шестом сонетах, как и в оригинале, катрены имеют с терцетами единую рифму, то есть весь сонет написан на три рифмы. Это «нарушение» сонетного канона необходимо, чтобы магистрал, который состоит из всех первых строк предыдущих 14 сонетов, был также написан по строгому канону – катрены и терцеты на две рифмы. Не только этих изысков рифмовки и близко не находим в новом переводе Степеновой, но и нормальных рифм в венке трудно отыскать. Здесь рифмуются *словенцам*/*сердца; сонетов*/*спетой; входит*/*походит; мерно*/*катрена; призывы*/*оковы; оконце*/*танце; слогом*/*игом*/*снегом* и т. д. (Степанова 2017: 315 – 319). Рифмующая, можно сказать,

палку с селёдкой, данная «переводчица» осмеливается, однако, писать о переводе Ф. Е. Корша: «К сожалению, он не смог переделать сделанный перевод настолько, чтобы “Венок сонетов” зазвучал в первозданной красоте на русском языке» (Степанова 2016: 145). Свой косноязычный приговор Е. В. Степанова делает на основе «недочета», признанного самим Коршем, – отсутствия акростиха в заключительном сонете. «Хотя, например, переводчик считал невозможным перевести акростих магистрального сонета “Венка сонетов” из-за разницы алфавитов, хотя этот вопрос вполне решаем» (Степанова 2016: 142), – резюмирует Степанова. Высказанная на конференции заявка на написание перевода венка сонетов Прешерна с акромагисталом к этому времени была уже ею реализована на сайте «Стихи.ру»: первые буквы строк «Магистрального сонета» прочитываются как «ПРИМИЦОВЯ ИУЛИИ» (Прешерн-Степанова 2012). Хоть с горем пополам, но перевести на русский прешерновский «Венок сонетов» с акромагистралом Е. В. Степанова попробовала. Готовя монографию, посвящённую жизни и творчеству Франце Прешерна, она включила в её состав свои переводы его стихотворений, в том числе отредактированный «Венок сонетов». В плане стихотворной техники усовершенствования особого не было (о рифмах данного текста речь велась выше). Но ни один сонет венка не остался без ритмических и лексических изменений, в том числе первых строк сонетов. В результате «Венок» совсем утратил свой несовершенный акростих в магистральном сонете (см.: Степанова 2017: 322).

Если первый вариант перевода Е. В. Степановой можно частично оправдать, хотя бы за попытку создать магистрал как акростих, чего не удалось сделать Коршу и Шервинскому, то вторая редакция её перевода уже не выдерживает никакой критики и может расцениваться лишь как графоманство.

В заключение следует указать, что академик Ф. Е. Корш, первый в мире переводчик «Сонетного венка» Ф. Прешерна, воспринял урок высоко ценимого им словенского поэта и создал два собственных оригинальных венка сонетов с акромагистралами. Не только имена адресатов, которым посвящены первый «Сонетный венок» («Мой друг угасший, но во мне нетленный!..» 1891) и второй «Сонетный венок» («Ах, если б был певец я сладкогласный…», 1902), но и все тексты интимной лирики Федора Корша оказались сокрытыми от чужих глаз. Автор записывал стихи международной транскрипцией (на основе расширенной латиницы), а даты и места создания стихотворений шифровал арабскими письменами, точнее, писал на турецком языке Османского периода. Архивные разыскания, публикация и атрибуция оригинальных венков сонетов Ф. Е. Корша в корне меняют представления о творческих связях славянских поэтов и об истории наиболее трудной стихотворной формы в России и мире, вводят в научный обиход первые русские венки с акромагистралами (см.: Сугай 2016).

ЛИТЕРАТУРА

БЕРШАДСКАЯ, М. Л.: Словенская литература. In: *История всемирной литературы*: *В 9 т.* Т. 6. Москва: Наука, 1989, с. 522–526.

БОГДАНОВ, А. И.: *Федор Евгеньевич Корш*. Ашхабад: Ылым, 1982.

БРЮСОВ, В. Я.: *Собрание сочинений: В 7 т.* Т. II, III. Москва: Художественная литература, 1973–1974.

ИВАНОВ, В. И.: Венок сонетов. In: ИВАНОВ, В. И.: *Стихотворения. Поэмы. Трагедия*. Санкт-Петербург: Академический проект, 1995. Кн. I, с. 354 – 361.

КОРШ, Ф. Е.: Зъ Прешырна. Сонет Vrh solnca sije sjlnc nam tke Čeda / Перевод со словенского на украинский язык. In: *Кладка (альманах).* Петербург, 1897, с. 37.

КОРШ, Ф. Е.: Предисловие переводчика. In: *Стихотворения Франца Преширна*. Москва: Г. Лисснер и А. Гешель, 1901, с. V–XCXIX.

Ф. К[ОРШ]: Сонетный венок Франца Преширна. In: *Русская мысль*, 1889,7: 1–8.

[МЕЛЕНТЬЕВ, Г. В.] (сост.): *Венок сонетов: Библиографический указатель*. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1988.

НОВАК, Б. А.: Роль Ф. Прешерна в формировании венка сонетов как художественной формы. In: *Филолошки студии; Filoloske pripombe; Филологические заметки; Filoloske studije*, 2003, 2 (2): 75 – 87.

ПЕРЕЛЬМУТЕР, В.: Письма к читателю, или прогулка по Музею сонета. In: *Литературная учеба*, 1985, 1: 209 – 217.

ПРЕШЕРН, Ф.: Венок сонетов / Перевод со словенского Е. В. Степановой. In: *Стихи.ру* [Online]: http://www.stihi.ru/2012/12/17/899. [Copyright: Елена Викторовна Степанова, 2012. Свидетельство о публикации №112121700899]

ПРЕШЕРН, Ф.: Венок сонетов / Перевод со словенского С. Шервинского. In: ПРЕШЕРН, Ф.: *Лирика.* / Перевод со словенского. Москва: Художественная литература, 1987, с. 198 – 227.

ПРЕШЕРН, Ф.: *Поезії.* Київ: Видавництво художньої літератури «Дніпро», 1977.

[ПРЕШИРН, Ф.]: *Стихотворения Франца Преширна* / Со словенского и немецкого подлинников перевел Ф. Корш. Москва: Издательство типографии Г. Лисснера и А. Гешеля, 1901.

СТЕПАНОВА, Е. В.: Опыт перевода стихотворений Ф. Прешерна на русский. In: *Перевод как фактор межнациональной истории культуры. Тезисы и материалы международной конференции (19 – 22 апреля 2016)*. Москва: Центр книги Рудомино, 2016, с. 130 – 149.

СТЕПАНОВА, Е. В.: *Франц Прешерн. Жизнь и творчество*. Санкт-Петербург: Алетейя, 2017.

СУГАЙ, Л. А.: Тайнопись любви: неизвестные «Сонетные венки» Ф. Е. Корша. In: *Венок сонетологов и сонетистов*. Москва: ООО «Русское слово – учебник», 2016, с. 49 – 61.

ТЮКИН, В. П.: Венок сонетов в русской поэзии XX века. In: *Проблемы теории стиха*. Ленинград: Наука, 1984, с. 208 – 215.

В. Ч. [ЧЕШИХИН-ВЕТРИНСКИЙ, В. Е.] – РУКАВИШНИКОВ, И: Сонет. In: *Литературная энциклопедия: Словарь литературных* терминов: В 2 т. Т. 2. П – Я. Москва; Ленинград: Издательство Л. Д. Френкель, 1925, стб. 842 – 849.

ШУЛЬГОВСКИЙ, Н. Н.: *Теория и практика поэтического творчества. Технические начала стихосложения*. Санкт-Петербург; Москва: Издательство Товарищества М. О. Вольфа, [1914].

ЮВАН, М.: Франце Прешерн как великан мировой литературы и асимметрия переводов / Перевод с английского А. Быриной. In: *Перевод как фактор межнациональной истории культуры. Тезисы и материалы международной конференции (19 – 22 апреля 2016)*. Москва: Центр книги Рудомино, 2016, с. 176.

ЯЦИМИРСКИЙ, А. И.: Франц Прешерн и его лирика. In: *Славянские известия*. [Оттиск из журнала]. Санкт-Петербург: Типография В. Д. Смирнова, 1906.

BISSO, P. G.: *Inroduzione alla volgar poesia.* Nuová èdizione. Venezia: Andrea Santino e Figlio, 1794.

CRESCIMBENI, G. M.: *L'Istoria della volgar poesia.* Venezia: L. Basegio, 1731.

FERNOW, K. L.: *Italienische Sprachlehre für Deutsche.* Tubingen: Cotta, 1804.

KOZÁR, A.: Aktualizace jazykové normy v překladu (France Prešeren v českém překladu Josefa Hiršala). In: *Studia Balcanica Bohemo-Slovaca V.*, *Spisy FF MU*. Brno: MU, 2002, s. 202 – 204.

MUŠIČ, J.: *Sodobniki o Dr. Francetu Prešernu*. Ljubljana: Zal. Borec, 1989.

PREŠIRN, F.: *Básně Františka Preširna / Přeložil Josef Penížek*. Jičín: Ladislav Sehnal, 1882.

PREŠEREN, F.: *Můj sen šel po hladině / Přeložil Josef Hiršal za jazykové spolupráce Viktora Kudělky*. Praha: Odeon, 1978.

PREŠEREN, F.: Sonetni venec. In: *Prešérnove poezije* / Uredil A. Aškerc. Ljubliana: Lavoslav Schwenter, 1902, s. 167 – 181.

PREŠEREN, F.: Sonetový veniec. In: PREŠEREN, F.: *Básne. Výber zostavili France Pibernik a Franc Drolc; doslov Andrej Rozman; / Preložil Ľubomír Feldek v jazykovej spolupráci s Anežkou Kočalkovou]*. Kranj, 2002, s. 80 – 109.

PREŠEREN, F.: Sonetový veniec. In: PREŠEREN, F.: *Struny lásky* / *Preložil Víťazoslav Hečko*. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1961, s. 91 – 107.

PREŠEREN, F.: Wieniec sonetów / Przekład Anna Kamieńska. In: *Antologia poezji słoweńskiej. W opracowaniu Mariana Piechala*. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1973, s. 70 – 80.

PREŠEREN, F.: Wieniec sonetów / Przekład Katarina Šalamun-Biedrzycka. In: *Srebro i mech. Antologia poezji słoweńskiej.* Sejny, 1995, s. 22 – 37.

SONNET WREATH BY FRANCE PREŠERN AND ITS TRANSLATIONS INTO THE EAST SLAVIC AND WEST SLAVIC LANGUAGES (PROBLEMS OF GENRE CANON AND LANGUAGE ALTERNATIVES)

Abstract: The paper discusses *Wreath of Sonnets* by Franz Xavier Prešern, a contemporary of Pushkin and Mickiewicz, one of the founders of the Slovenian literary language, and its translations into Slavic languages. Prešern not only expanded the horizons of Slovenian literature to the European level, but he also predetermined the emersion and wide distribution of the most complex genre of poetic form – the wreath of sonnets – in Slavic poetry. The most important role in the development of this genre in the poetry of Slavic peoples was played by the first translation of the Sonnet Wreath into Russian by F. E. Korsh (1889). The author of the paper characterizes the translations of the *Sonnet wreath* of *Slovenian Orpheus* into Ukrainian, Slovak, Czech and Polish, as well as compares translations into Russian by F. E. Korsch and Sergey Shervinsky and gives a critical analysis of the new versions of the "wreath" translated by E. V. Stepanova.

Key words: Franz Preshern, a wreath of sonnets, Slavic poetry, F. E. Korsch, acromaister.

Príspevok je čiastkovým výstupom v rámci projektu **VEGA č. 1/0118/17** Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západo- a východoslovanský kontext.

Kamila Schillová
Filozofická Fakulta Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici, Banská Bystrica (Slovensko)

PREKLADATEĽKA M. RÁZUSOVÁ-MARTÁKOVÁ O KOMUNIKAČNÝCH KVALITÁCH SPISOVNÉHO JAZYKA

Anotácia: Slovenská prekladateľka a významná poetka Mária Rázusová-Martáková sa okrem prekladateľskej a umeleckej činnosti venovala aj osvetovej činnosti a odborným článkom týkajúcim sa spisovnej slovenčiny. Čistá slovenčina bola pre ňu hlavným predpokladom vzniku kvalitných prekladov a túto kompetenciu vyzdvihovala aj vo svojich odborných článkoch a v rámci činnosti na poli prekladu. V archíve Národnej knižnice Matice slovenskej sa nachádza množstvo listov, článkov a polemík, ktoré viedla s poprednými slovenskými prekladateľmi ako aj s verejnosťou. V našej štúdii sme sa pokúsili zmapovať aj túto stránku jej aktivít, poukázať na ich význam a prínos do slovenskej kultúry.

Kľúčové slová: spisovný jazyk, kultúra, preklad, slovenčina, literatúra.

Láska prekladateľky a poetky Márie Rázusovej-Martákovej k slovenčine prirodzene vyplynula z prostredia, v ktorom vyrastala, zo vzťahov v rodine a v spoločnosti, ktoré ju od detstva formovali. Jej vzťah k jazyku sa postupne prejavil v básnickej tvorbe, prozaických dielach a neskôr, samozrejme, v prekladoch z ruštiny, francúzštiny či nemčiny. Názory a postoje k stavu spisovnej slovenčiny napokon publikovala v článkoch a statiach, ktoré sa sporadicky objavovali na stránkach dobových periodík, akými boli *Slovenská reč, Matičné čítanie, Kultúrny život* či *Slovenské pohľady*. Prostredníctvom nich reflektovala kvalitu slovenčiny v pôvodnej literatúre ako aj v literatúre prekladovej. Čistota rodnej reči jej ležala na srdci a očividne jej na nej záležalo nielen z pohľadu autorky, ale aj z pohľadu redaktorky a čitateľky. „Reč je nástroj ducha, odev myšlienky. Kto s týmto nástrojom narába, je povinný dôkladne ho poznať, aby ním mohol narábať obratne a dobre. Dokonalá reč je pre čitateľovo vnímanie to isté, ako čistý vzduch pre jeho telo“ (Rázusová-Martáková 1959: 200).

Články o čistote jazyka, polemiky o preklade aj pôvodnej literatúre tvoria súčasť publicistiky, pod ktorú sa podpísala. Konštatujeme, že napriek tomu, že publicistická aktivita Márie Rázusovej-Martákovej nebola na prvý pohľad kvantitatívne až taká významná (v Martákovej personálnej bibliografii E. Viskupovej sa uvádza osem článkov na spomínanú tému), svojimi príspevkami výstižne a vecne reagovala na jazykové problémy, s ktorými sa stretávala ako redaktorka aj ako čitateľka. Nebála sa kritizovať súdobú generáciu prekladateľov a spisovateľov, ak v ich dielach nachádzala prehrešky voči spisovnému jazyku. V Martákovej statiach sa prelína záujem o kultúrne dianie na Slovensku so záujmom o zachovanie čistoty spisovnej slovenčiny. Z článkov cítiť zjavné úsilie apelovať na slovenskú čitateľskú aj odbornú verejnosť, aby sa spisovný jazyk nebanalizoval a dôstojne sa vyzdvihol jeho význam v spoločnosti. V roku 1946 vyšiel v *Slovenskej reči* článok *O prízvučnosti predložiek*, v ktorom sa venuje prízvuku ako dôležitému činiteľu melodickosti a rytmickosti. Príspevkom o vhodnosti používania niektorých slov a slovných druhov s názvom *Dve poznámky* obohatila v roku 1947 takisto časopis *Slovenská reč*. V *Matičnom*

čítaní z roku 1947 nachádzame ďalšie zamyslenie nad krásou našej rodnej reči, a to v článku *O kráľovnej nášho srdca*.

V *Kultúrnom živote* z roku 1954 svojím príspevkom s názvom *K prekladom libriet* dokonca vyzýva riaditeľstvo Matice slovenskej k vytvoreniu komisie pre kontrolu libriet. V krátkom stĺpci poukázala na upadajúcu kvalitu slovenských prekladov libriet. „Aké tieto libretá boli, vedia najlepšie speváci sami – poslucháči, pravda, tiež. Keď som divadlu zadávala prvé, po dohode s Maticou slovenskou podala som riaditeľstvu tento návrh: Matica slovenská vydá toto, aj iné, libretá vo forme knižočky vlastným nákladom, len nech ho Národné divadlo dovolí predávať, ako sa predávajú programy" (Rázusová-Martáková 1954: 9). V článku spomína jazykovú lektorku Národného divadla Jelu Krčméryovú, ktorá navrhla, aby sa vytvorila komisia, čo by dôkladne preskúmala preklady všetkých libriet, a to nielen po stránke jazykovej čistoty, ale aj po stránke hudobnej a umeleckej. Martáková v článku zdôvodňuje svoj návrh dvoma dôvodmi, citujem: „1. aby skutočnosť, že libreto sa dostáva do tlače, prinútila prekladateľa venovať mu patričnú pozornosť (už vtedy sa hovorilo o veľkom nedbajstve v tejto práci), 2. aby s textom opery oboznámila aj širokú verejnosť a tak aby jej čo najväčšmi priblížila opernú skladbu." Martáková napokon vyslovila nádej, „že Národné divadlo má snahu situáciu napraviť, a preto navrhuje, aby sa k myšlienke vytvoriť takúto komisiu vrátilo" (Tamže).

Martákovej snaha pozitívne ovplyvniť preklady libriet nakoniec priniesla svoje ovocie. V roku 1956 sa Umelecké vedenie opery Národného divadla spolu so Slovenským vydavateľstvom krásnej literatúry dohodlo na postupnom vydávaní prekladaných textov operných libriet. „Návštevník divadla už odteraz nebude odkázaný loviť text zo spevákových úst, a aj libretá sa budú robievať zodpovednejšie. Pravda, tieto tlačené texty musia byť kánonom, ktorý treba rešpektovať!" (Rázusová-Martáková 1956: 8).

Najrozsiahlejším článkom, v ktorom Martáková vyzdvihuje dôležitosť čistej a kultivovanej slovenčiny a otvorene kritizuje niektoré diela svojich kolegov je *Slovo o slovenčine*. Autorka v ňom odsudzuje nedbalosť a nevedomosť autorov a prekladateľov, ktorí „kazmi reči" odvádzajú čitateľovu pozornosť. V článku konkrétne rozoberá Trachtov preklad *Neviditeľného* od H. G. Wellsa.[1] Prekladateľovi vyčíta nesprávne použitie niektorých slovies, čo pripísala jeho záľube používať hovorové výrazy. Na podobný problém nadužívania a nesprávneho používania dialektizmov poukázala aj pri analýze diela M. Urbana *Zhasnuté svetlá*: „No Zrubec sa jednako zdrmal" (s. 335). Zdrmal sa. Sme v pomykove, čo je to. Ale vieme, že dieťa drme mater za sukňu a podľa toho súdime, že sa Zrubec možno *striasol,* či *zachvel*. Alebo skôr *mykol sa? Strhol sa?* Nech je akokoľvek, ale novota, čo nedáva presnej predstavy, je nie dobrá. Okrem toho v románe pôsobí veľmi vulgárne, že osoby „fŕkajú" odpovede, akoby to boli sliny z úst. Nie. Čitateľa také slová vyrušujú a dielo nezodvihnú. ...Na záver týchto pár ukážok by sme pri používaní menej obvyklých slov radili čo najväčšiu opatrnosť. Krásne a výrazné slovo je ako brúsený kameň: zaskvie sa len v primeranom rámci" Rázusová-Martáková 1959: 207).

[1] Preklad vyšiel vo vydavateľstve *Mladé letá* v r. 1958.

Autorka článku kritizuje aj u vynikajúcich autorov a prekladateľov používanie slovesa nechal sa doviezť, nechala sa učesať. Správne je: dal sa doviezť, dala sa učesať. „Ak napríklad prekladateľ necíti rozdiel medzi týmito dvoma slovesami, môže vyjsť takáto nejasná veta: „... lebo nič tak bezbolestne nezdôrazní ich vlastnú lojálnosť, ako keď nechajú niekoľko významných hostí zastreliť mimo svojho územia.“ (Graham Greene: Tichý Američan, str. 77, vyd. I.) Sloveso nechajú nahraďte slovesom dajú a ihneď zbadáte významový rozdiel“ (Tamže). Ďalej venuje svoju pozornosť slovesám ustať a prestať, vyhlásiť a prehlásiť, slovné spojenie konské poťahy namiesto správneho spojenia konský záprah... V stati Rázusová-Martáková pripomína nesprávne používanie prísloviek naprosto a nadobro a odporúča ich nahrádzať príslovkami načisto, celkom, úplne. „Nikdy mestský človek nedosiahol v hovorovej reči taký vysoký stupeň výraznosti a krásy, ako náš sedliak na dedine. Tisíce a tisíce jeho úsloví, porekadiel a prirovnaní sa roky ako zlaté zrnká zbierali do národnej pokladnice. Našou povinnosťou je aspoň uctiť si toto dedičstvo a zachovávať ho v pôvodnej obsažnosti. Preto sa žiada, aby každý slovenský spisovateľ i prekladateľ, novinár i publicista vedel aspoň tie najzákladnejšie z nich, aby neboli ako zlá gazdiná, čo si chodí do susedov soli vypožičať“ (Tamže).

Prekladateľ, samozrejme, pracuje s jazykom, ktorý sám obohacuje a formuje. Jazyk sa predsa vyvíja, mení. Martáková si bola veľmi dobre vedomá prínosu prekladateľa do jazykovej kultúry. V Archíve literatúry a umenia v Národnej knižnici sa medzi rukopismi nachádza aj článok *Otázky, ktoré sa už raz musia jednotne vyriešiť*. Martáková v ňom pripomína prepisovanie ruských mien tvaru Míša, Váňa, Míťa do slovenskej formy Mišo, Váňo, Míťo... „Kto vyšiel zo sedliackeho prostredia, vie, že toto sa s ruskými tvarmi vonkoncom nekryje. Mišo, Jano atď. je najdrsnejšia forma i na dedine. Najmä už dnes. Míša je toľko, ako u nás Miško, Váňa, Janko. Všimnime si napríklad ľudových piesní, ktoré najjasnejšie odzrkadľujú ducha sedliackeho sveta. To je samý Janíčko, Janko. S Janom sa stretáme len v posmešných piesňach...“ (Rázusová-Martáková, M.: Otázky, ktoré sa už raz musia jednotne vyriešiť. Rukopis článku. Archív literatúry a umenia, sig. 226 M 23.).

V texte, ktorý nebol nikde uverejnený, ďalej píše o prepisovaní ruskej dvojhlásky v ruských menách. Ide o dvojhlásky ia, ie, iu. Martáková poukazuje na potrebu zjednotiť prepisovanie ruských vlastných mien.

7. júna roku 1954 sa v Budmericiach uskutočnilo z dejín prekladu známe Školenie prekladateľov z ruštiny. Martáková na ňom aktívne vystúpila s príspevkom pod názvom *Prekladateľova príprava*. V diskusnom príspevku sa vrátila k svojmu vzťahu k Nekrasovovej poéme *Komu sa v Rusku dobre žije*. Vyzdvihla blízkosť dvoch národov – ruského a slovenského a spriaznenosť s autorom poémy.

„Áno, reč je najdrahocennejším odkazom našich predkov. Slovenčina je kráľovnou nášho srdca, ako ju výstižne pomenoval jeden z našich popredných kultúrnych činiteľov – a skoro všetci naši veľkí básnici jej vrúcnymi slovami vyznávali lásku. I ja jej vyznávam lásku veľmi často, hoci len skryte, pri písacom stolíku. Prvý raz a najmocnejšie, keď ma pri prekladaní Rostandovho Cyrana priam ohúrila malebnosťou, tvorivými možnosťami, bohatstvom a očarujúcou krásou. Bola mi ako živá, harmonicky stvorená bytosť a nútila ma veľa o sebe premýšľať. V každodennom živote používame slovo len ako nástroj a nikomu

nepríde na um nad slovom sa zamyslieť, skúmať jeho stavbu a pôvod. Vypúšťame ho z úst bez toho, aby sme si uvedomili, koľko vtipu, ba až hlbokej múdrosti sa v nejednom ukrýva. Ba ešte i svetonázor! ...Prečo Vám toto všetko spomínam? Len preto, aby som Vás upozornila na skutočnosť, ktorá si zaslúži všetok náš obdiv. Z obdivu sa rodí vernosť, úcta a láska – a toto všetko je nám, ľuďom pera, potrebné na to, aby sme sa mohli suverénne zmocňovať jazyka ako dokonalého nástroja. ...Jazyk – to je naša matka, naša rodina, dedina, náš kraj so všetkým, všetkým, čo nás obklopovalo od detstva. A keď som Vám svoj vzťah k slovenčine tak úprimne vyložila, iste pochopíte, že sa citlivo zaujímam o všetko, čo sa tohto jazyka zblízka dotýka. O stav hovorového jazyka u ľudu aj inteligencie, o skúsenosti učiteľov medzi žiactvom, o jazyk básnický, beletristický aj novinársky.“ (Rázusová-Martáková, M.: Prekladateľova príprava. Rukopis. Archív literatúry a umenia, sig. 226 M 26.).

Autorka ďalej vo svojom príspevku pripomenula prekladateľom úpadok slovenčiny v tom čase. Kritizovala novinárov, ktorí „medzi ľuďmi šíria nespisovný jazyk.“ V roku 1953 vydal Jazykovedný ústav SAV *Pravidlá slovenského pravopisu*, odporučila ich preto do pozornosti mladým prekladateľom, spisovateľom aj novinárom. Tvorcom pravidiel však vyčítala prílišné prikláňanie sa na stranu češtiny a nahrádzanie slovenských slov českými, hoci ekvivalenty v slovenčine sú. „Začneme s devětsilom. Nič nemáme proti tomuto slovu, ba obdivujeme ho pre výraznosť a krásu – keď je v českom slovníku. Ale prečo vyhadzovať potom našu „kremenicu“? Prečo zavádzať do slovníka slovo, ktoré je pre nás nie nijakým prínosom? A prečo si požičiavať „hadinec“, keď naša medunka, na západnom Slovensku madunica je taká rozšírená, že dala i meno známym Maduniciam?“ (Tamže). Martáková ďalej pokračuje výpočtom slov, ktoré sa v „pravidlách“ nachádzajú, a nie sú v súlade s vtedajším spisovným jazykom: brezivý, býkovec, cep, poprečky, cintária, kladka, kovadlina, nápamenník, korenáč, kvetník... Sama konštatuje, že slovník je skutočná pasca pre prekladateľa, ktorý si nevie z množstva „správnych“ výrazov vybrať.

Na záver preto píše: „Jazyk slovenský – to je naozaj studnica, ktorej dna sa nikdy nedoberieme. Ani najlepší z nás nemôžu si s uspokojením povedať, že vedia o ňom všetko; preto nemôžeme iné, len večne sa učiť. Klasici sú vzácna pokladnica, ale ľud má toho ešte veľa, len buďme dosť vnímavými žiakmi! Ale kto chcete reč krásnu a čistú – moje ostatné slová sú: berte slovník Pravidiel na pomoc veľmi opatrne!“ (Tamže).

Ak vezmeme do rúk Martákovej básne, rozprávky, preklady či články, môžeme len skonštatovať, že jej dielo nielen bolo, ale aj stále je prínosom do „studnice jazyka“. Ako sme už spomenuli, prekladateľkina publicistická tvorba nebola na prvý pohľad kvantitatívne významná. Podľa nášho názoru si Martáková bola vedomá, že svoj postoj k slovenčine najlepšie manifestuje vlastnou prácou. Sama išla ostatným príkladom, a tak zanechala pečať na generáciách čitateľov množstva diel svojej pôvodnej aj prekladovej tvorby.

LITERATÚRA

FERENČÍK, J.: *Kontexty prekladu*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1982.

GÁFRIK, M.: *Martin Rázus*. Bratislava: Literárne informačné centrum, 2000.

HOCHEL, B.: Koncepcia prekladu. In: *Chiméra prekladania*. Bratislava: Veda, Ústav svetovej literatúry SAV, 1999, s. 69 – 76.

JÁNSKY, L. M.: *Slovenská duchovná tvorba 1939 – 1944.* (Súpis knižných vydaní). Bratislava: Generálny sekretariát HSĽS 1944.

KLÁTIK, Z.: *Poetka detstva a bolesti*. Bratislava: Mladé letá, 1957.

KOCHOL, V.: Problém ľudovosti v básnickom preklade. In: *Slovenské pohľady*, 1954, 70, 10: 158 – 167.

KUSÁ, M. a kol.: *Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1836 – 1996*. Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV, 1998.

KUSÁ, M.: *Preklad ako súčasť dejín kultúrneho priestoru*. Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV, 2005.

LESŇÁKOVÁ, S.: Martákovej prekladová tvorba z ruštiny a jej význam pre kultúrne a spoločenské dianie u nás. In: *Slavica Slovaca*, 1977, 12, 4, s. 372 – 377.

MALITI-FRAŇOVÁ, E.: *Tabuizovaná prekladateľka Zora Jesenská*. Bratislava: Veda, Ústav svetovej literatúry SAV 2007.

MRLIAN, R.: Počiatky a rozvoj činohry SND. In: *Pamätnica SND. Zborník*. Bratislava: SVKL 1960, s. 56 – 109.

PAŠTEKOVÁ, S.: Transformácia obrazu ruskej literatúry. In: *Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1836 – 1996*. Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV, 1998, s. 81–96.

RAMPÁK, Z.: Dramatická tvorba Márie Rázusovej-Martákovej. In: *Slovenské divadlo*, 1976, 24, 1: 31–57.

RÁZUSOVÁ-MARTÁKOVÁ, M.: Môj Cyrano. In: *Slovenský rozhlas*, 1940, 1, 5: 9.

RÁZUSOVÁ-MARTÁKOVÁ, M.: Kytôčka na matkin hrob. In: *Živena*, 1942, 32, 11: 342 – 344.

RÁZUSOVÁ-MARTÁKOVÁ, M.: O prízvučnosti predložiek. In: *Slovenská reč*, 1946, 12, 3–4: 73 – 86.

RÁZUSOVÁ-MARTÁKOVÁ, M.: Dve poznámky. In: *Slovenská reč*, 1947, 13, 1 – 2: 41 – 44.

RÁZUSOVÁ-MARTÁKOVÁ, M.: O kráľovnej nášho srdca. In: *Matičné čítanie*, 1947, 2, 5: 193–194.

RÁZUSOVÁ-MARTÁKOVÁ, M.: K prekladom libriet. In: *Kultúrny život*, 1954, 40, 9: 9.

RÁZUSOVÁ-MARTÁKOVÁ, M.: Môžeme mať i pekné libretá. In: *Kultúrny život*, 1956, 41, 11: 8.

RÁZUSOVÁ-MARTÁKOVÁ, M.: Slovo o slovenčine. In: *Slovenské pohľady*, 1959, 75, 2: 200 – 212.

Rozhovor o prekladaní s Marienou Rázusovou Martákovou. In: *Živena*, 1940, 30, 1: 16.

TESAŘOVÁ, J.: Emancipácia slovenského prekladu z ruskej literatúry (1939 – 1945). In: *Ruská literatúra v slovenskej kultúre 1836 – 1996*. Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV 1998, s. 69 – 80.

VISKUPOVÁ, E.: *Mária Rázusová-Martáková. Personálna bibliografia*. Martin: Matica slovenská 1980.

Chiméra prekladania: *Antológia slovenského myslenia o preklade I.* Bratislava: Veda, Ústav svetovej literatúry SAV, 1999.

K otázkam teórie a dejín prekladu na Slovensku I, II, III. Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV, 1993, 1994, 1995.
Mária Rázusová-Martáková, spisovateľka a prekladateľka. Banská Bystrica: Matica slovenská a UMB, 2006.

TRANSLATOR MARIA RÁZUSOVÁ-MARTÁKOVÁ ABOUT COMMUNICATION QUALITIES OF STANDARD LANGUAGE

Abstract: Translator and poet Maria Rázusová-Martáková's love for Slovak naturally emerged from the environment she grew up in, from the relationships within her family and from the society that had formed her since childhood. Her attitude to the language gradually became evident in her poetry and prose works, and later, of course, in her translations from Russian, French and German. She finally published her opinions and attitudes about the state of literary Slovak in articles that appeared sporadically on the pages of periodicals such as *Slovenská reč*, *Matičné čítanie*, *Kultúrny život* and *Slovenské pohľady*. As we have already mentioned, the translator's journalistic work was not quantitatively significant at first glance. In our opinion, Martáková was aware that her attitude towards Slovak was best manifested by her own work. She was an example for others, leaving a mark on generations of readers with her original writings and translations.

Key words: language, translation, writing, poet.

Príspevok je čiastkovým výstupom v rámci projektu **VEGA č. 1/0118/17** Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západo- a východoslovanský kontext.

Ульяна Верина
Филологический факультет, Белорусский государственный университет, Минск (Беларусь)

ИДИОСТИЛЬ Г. АЙГИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПЕРЕВОДЧИКОВ М. ВАЛЕКА И О. МАШКОВОЙ

Аннотация: Русскоязычная поэзия Г. Айги впервые была издана книгами в переводах на словацкий и чешский языки в 1967 г. Первой вышла книга *Žena sprava* в переводе М. Валека, в том же году появилась книга чешских переводов О. Машковой *Tady*. Переводы продемонстрировали различные подходы к новаторским элементам поэтики Г. Айги, элементам его идиостиля. В статье сопоставлены способы передачи переводчиками особенностей графики, синтаксиса, лексики. Особое внимание уделено несвойственным чешскому и словацкому языку деепричастным оборотам, специфике метро-ритмической организации стиха Г. Айги, который является гетероморфным. В каждом случае стратегия переводчика высветила свои особенности поэзии Г. Айги. Переводы М. Валека подчеркнули её классичность, вневременность, тогда как переводы О. Машковой в большей степени показали формальную новизну и современность.

Ключевые слова: стратегия переводчика, гетероморфный стих, поэтический синтаксис, авторские неологизмы, циклизация, новаторство.

Идиостиль поэзии Г. Айги отличает яркая оригинальность. Поэт создал стих особого звучания благодаря использованию пауз, коротких строк, предложений с «неправильным» синтаксисом, звукоподражаний и неологизмов, особой строфики, в которой, с колебанием числа строк разной длины, возникал своеобразный ритмический рисунок. В стихах Г. Айги нет последовательного отказа от рифмы и метроритмической урегулированности, но и то, и другое не формирует в его стихе эффекта ожидания, поскольку не закономерно. Такой стих получил определение гетероморфного или неупорядоченного. Ю. Б. Орлицкий видит в таком стихе «прежде всего, способ преодолеть излишнюю жёсткость канонического («отрицательного») верлибра, требующего принципиального и последовательного отказа от всех вторичных стихообразующих факторов» (Орлицкий 2005). Отсутствие закономерности – важнейший признак гетероморфного стиха: «По мере развёртывания текста в нём постоянно происходит изменение текущих конструктивных закономерностей стиховой структуры: «теряется» и вновь возникает рифма, отдельные строки имеют отчётливую силлабо-тоническую структуру, другие – тоническую; кроме того, могут встречаться и попарно зарифмованные строки раешника, и свободный стих. Варьируются также стопность стиха, объём клаузул, способы рифмовки и, соответственно, строфика. При этом строки аналогичной структуры, как правило, объединяются в небольшие (от двух до пяти и более строк) группы (строфоиды)…» (Орлицкий 2005).

До того, как Ю. Б. Орлицким была разработана и на многочисленных примерах доказана теория гетероморфного стиха, стих Г. Айги часто называли верлибром: в рамках существующего представления достаточно было отсутствия регулярной рифмы и размера, чтобы назвать стих свободным. Так, в частности в «Антологию

русского верлибра», составленную К. Джангировым, вошло стихотворение «Девочка в детстве», в котором устанавливаются и нарушаются закономерности метро-ритма и клаузации:

уходит Амф, ж
как светлая нитка дыханием в поле Амф4, ж

и бело-картонная гречка Амф3, ж
срезается лесом Амф2, ж

птицы словно соломинки Дк3, д
принимают шум леса на шеи Ан3, ж

косички ее вдоль спины наугад Амф4, м
словно во сне начинают село Д4, м
глядя на край каланчи Д3, м

и там на юру на ветру Амф3, м
за сердцем далеким дождя золотого Амф4, ж
ель без ели играет Дк2, ж
в ю без ю Х2, м (Айги 1982: 56).

Композиционная структура при этом чётко выстроена: первые четыре строки разностопного амфибрахия с женскими окончаниями прерываются двустишием дольника и анапеста (в каждой строке три ударения), и разрыв продлен дактилическим окончанием первой строки и двумя безударными слогами следующей, усилен звуковым повтором *и*: *соломинки / принимают*. Затем три строки 3-сложных размеров имеют мужские окончания и заключительная часть наиболее разнообразна по своим организующим средствам – кроме чередования мужских и женских окончаний, строк разной длины, здесь возникают рифменные созвучия *на юру – на ветру – в ю без ю*. Трижды в стихотворении возникает строка амфибрахия 4-стопного, т. е. такой длины, что не опознать его природу невозможно. И дважды – в начале и в конце это совершенно идентичные строки Амф4 с женским окончанием. Даже вне стихотворного контекста они будут сохранять свою урегулированность, опознаваться как стихи: *как светлая нитка дыханием в поле, за сердцем далеким дождя золотого*. Такому восприятию немало способствует и особый порядок слов и грамматические формы: творительный падеж *дыханием* в конструкции, где более ожидаемым было бы сочетание *как нитка дыхания*; дважды нарушенный порядок слов в конструкциях с эпитетами *за сердцем далеким дождя золотого*. Все это способствует большей стиховности, поскольку поэтическая речь вообще – это максимально неестественная речь, и отдаление от речи разговорной сопровождало становление стиха на ранних этапах. «Силлаботоника, – писал М. Л. Гаспаров, – победила в конкуренции систем стихосложения не потому, что она чем-то была «свойственнее» русскому языку, не потому, что она лучше отвечала его естественному ритму, а наоборот, потому, что

она *резче всего отличалась от естественного ритма языка и этим особенно подчеркивала эстетическую специфику стиха*» (Гаспаров 1997: 45) (курсив наш. – *У. В.*). В гетероморфном стихе знаки отличия от естественного языка приобретают особое значение. Такой стих постоянно балансирует на грани между свободой и урегулированностью. Любой повтор в нём значим, любой сдвиг ощутим. Однако непредсказуемость возникновения повторов вкупе с инерцией прочитывать каждый стих без рифмы и регулярной метрики как верлибр делают гетероморфный стих трудным для восприятия.

В переводах многослойная структура гетероморфного стиха очень сложна. По инерции, как и в случае с включением рассмотренного стихотворения в «Антологию верлибра», стих Г. Айги верлибром и переводят, не сохраняя стихотворный размер там, где он есть, не передавая звуковые повторы, чрезвычайно важные в идиостиле поэта. Поэтику Г. Айги можно назвать поэтикой умолчания, уклонения от однозначного смысла, прямого выражения позиции, одного типа стиха. Его идиостиль подчинён стратегии сокрытия, шифровки, отдаления от всего очевидного и прямого. Его образы часто раскрываются не в пределах одного стихотворения, а из совокупности значений, которые приобретают в пределах цикла, разных редакций или даже стихов разных лет. Поэтому перевод поэтики (переводить не то, что слова «говорят», а то, что они «делают», к чему призывал А. Мешонник) в случае Г. Айги очень проблематичен и требует создания «второго оригинала», т. е. произведения, обладающего собственной системой выразительных средств.

Отдельную проблему для перевода представляет и сочетание в поэзии Г. Айги нескольких национальных традиций – чувашской, русской, западноевропейской. Это отметил Э. Бальцежан, когда писал о польских переводах: «…Черпая вдохновение из нескольких литературных культур, Геннадий Айги выработал поэтическую систему, в которой игра смысловых значений происходит не только среди слов (и в «междусловье»), но и охватывает целые лирические ситуации» (Бальцежан 1982: 577). То есть переводчик Г. Айги должен мыслить куда более крупными структурами, чем слово, а в переводе стих сохранит ореол инонациональности в любом случае, будет ли переводчик «одомашнивать» текст, или выберет путь форенизации.

Словацкие и чешские переводы поэзии Г. Айги появились в начале 1960-х гг., когда его русские стихи еще не публиковались в Советском Союзе. Первые переводчики Мирослав Валек и Ольга Машкова печатали переводы в журналах и сборниках, а книги вышли в 1967 г., и это были первые книжные издания русской поэзии Г. Айги. Словацкая книга *Žena sprava* вышла раньше. О. Машкова в том же году издала книгу под заглавием *Tady*. Первенство в издании переводов Г. Айги часто отдается О. Машковой – чешской переводчице, с которой поэта связывали многолетние дружеские отношения. Она начала публиковать свои переводы в сборниках и журналах с 1963 г., но книга *Žena sprava* была выпущена М. Валеком хоть и не намного, но раньше и с полным правом может называться первым книжным изданием поэзии Г. Айги (в Советском Союзе публиковались только его чувашские стихи). При перечислении изданий поэта первенство закреплено за О. Машковой,

начиная, по всей видимости, с парижского избранного 1982 г. *Отмеченная зима*, где в конце приводится библиография (Айги 1982: 593). В итоговом собрании словацких переводов *Obdarena zima* 2008 г., составленном Я. Замбором, библиографические сведения уточнены (Ajgi 2008: 274, 297 – 298, 303).

Словацкий и чешский переводы выполнялись с рукописей, независимо друг от друга и продемонстрировали различные подходы к новаторским элементам поэтики Г. Айги и специфике его идиостиля. О композиции книг, перестановках или пропусках тех или иных стихотворений трудно судить, не имея в распоряжении тех рукописей, с которых делался перевод. Отметим, тем не менее, что в книге *Žena sprava* стихи даны без циклизации и датировки, и последовательность их, по сравнению с опубликованными позже авторскими циклами, сохранена не всегда. Это не является свидетельством осознанной стратегии переводчика, поскольку состав циклов в позднейших русскоязычных изданиях не был устойчивым. Всего в книгу переводов М. Валека вошло 49 стихотворений. О. Машкова воспроизвела циклизацию, заглавия и датировку пяти циклов 1954 – 1966 гг. В книгу *Tady* вошло 75 стихотворений.

Заглавие словацкой книги повторяет заглавие стихотворения 1961 г. *Женщина справа*. Оно входит в триптих стихотворений, которыми завершалась часть стихов 1960 – 1961 гг. *Отмеченная зима – Женщина этой весной, Женщина справа, Женщины на улице*. В русских изданиях все три стихотворения вместе входили только в парижское издание 1982 г. С чем связан выбор именно такого заглавия для книги переводов, сказать трудно.

Для чешской книги выбрано заглавие одного из ранних стихотворений 1958 г., которое входит в цикл *Начала полян* (1954 – 1959). Заглавие *Здесь* концептуально значимо в поэзии Г. Айги, так же была озаглавлена его первая книга, вышедшая в России в 1991 г., почти четверть века спустя (одноименное стихотворение в неё, тем не менее, не вошло).

Сопоставляя переводы, прежде всего обратим внимание на графику стиха, в том числе графические средства синтаксиса. В переводах М. Валека графика и синтаксис часто приведены к «правильному» виду. Переводчик использовал прописные буквы, добавлял знаки препинания там, где они отсутствовали в оригинале, чтобы сформировать предложения (завершал строфоиды точкой), и, наоборот, отказывался от «беззаконных» двоеточий и тире, к которым так склонен Г. Айги. Даже в заглавии М. Валек мог выбрать более традиционный вариант: стихотворение *Сон: полет стрекозы* перевел как *Let vážky*. Это стихотворение 1965 г., и заглавия такого типа только начали появляться в поэзии Г. Айги, вскоре они получат большое распространение. В том же году были написаны стихи *И: словно отделяясь, Заря: в перерывах сна, Заря: после занятий, К заре: в перерывах сна*, в 1964 г. – *Лес – только по шуму* (заглавие последнего передано М. Валеком как *Počuteľný les*).

В случаях, когда новаторские лексику и синтаксис было трудно передать без потерь, М. Валек отдавал предпочтение смысловой ясности, т. е. в ущерб формальной новизне передавал основной смысл стихотворных строк. Сравним финал стихотворения *Сон: полет стрекозы* – 4 строки, заключённые в скобки:

(к смерти засинью заночью	(k smrti až za noc, za siňavu,
тонко сияя ума	tenučko svietielkujúca myšlienka,
	do hlavy ako z ruží
в голову словно из роз	sa milostne hádže.)
любимо бросаясь) (Айги 1982: 98)	(Ajgi, 1967b: 103)

Можно видеть, что переводчик добавил запятые и точку, объединил в 4-стишие два двустишия оригинала, неологизмы *засинью заночью* передал грамматически правильными формами, а из двух деепричастий, *сияя* и *бросаясь*, одно перевел причастием – *svietielkujúca, светящаяся*, а *hádže, бросает* стало основным глаголом. Формы абсолютного использования деепричастных оборотов, распространённые в поэзии Г. Айги, и – особенно в сопровождении сравнений, как и в приведённом примере, – выражают незавершённость, длительность, становление, в том числе незавершённость «процесса уподобления» (Фатеева 2006: 13). Деепричастия мало употребительны в словацком языке, и на этом примере хорошо видно, что особенно трудно на другом языке передать значение отсутствующего в нём «формотропа», когда «транспозиция формы и смысловой перенос порождают единый трансформирующий поэтический “сдвиг”» (Фатеева 2006: 16). М. Валек сконструировал правильное предложение, сохранив, однако, отсутствие субъекта при глаголе-действии. В оригинале вся конструкция в скобках, с деепричастиями и сравнением, глагола при себе не имеет и относится к полету стрекозы, метафорически описывая его.

О. Машкова сохранила авторскую особенность писать строчными буквами без знаков препинания и добавлять двоеточия и тире, обеспечивающие особый смысловой и интонационный акцент. По сравнению с М. Валеком переводчица строже придерживалась особенностей графики и синтаксиса, стремилась передать неологизмы, но не всегда сохраняла смысл всей конструкции. Например, в том же фрагменте стихотворения (его название О. Машкова перевела точно: *Sen: let vážky*) знаки препинания отсутствуют, как и в оригинале, сохранено первое двустишие фрагмента, неологизмы *засинью заночью* переданы, однако вместо *заночи* в переводе возникло *зазвездье*, а в последних строках смысл изменён значительно:

(tam v zámodří tam v záhvězdí
ctností ozářená rozvaha

střemhlav jak z růží
pro lásku
k smrti se vrhá) (Ajgi, 1967a :121).

В такой концовке стрекоза умирает за любовь или, точнее, все же *бросается к смерти*. Переводчица переставила и тем самым приблизила слова, которые в оригинале были разделены: *к смерти* и *бросаясь*, – и в таком объединении нашла новый смысл финала. Заметим, что она, как и М. Валек, первое деепричастие передала причастием *ozářená*, а второе – глаголом *se vrhá*.

Отмеченная разница в передаче графики стиха Г. Айги устанавливается далеко не всегда, что свидетельствует о том, что переводчики каждый раз решали конкретную художественную задачу и действовали исходя из собственного видения оригинала и перевода. Рассмотрим это на примере стихотворения «Детство». Оно содержит 9 строфоидов, в двух все слова состоят из прописных букв. Среди графических средств – тире и восклицательные знаки, что в совокупности многократно усиливает экспрессию. Есть в тексте и звукоподражание (крик *а-а-а-а-а-а!*), которое можно было передать простым копированием, но ни один из переводчиков этого не сделал. В этом стихотворении М. Валек отразил тире и восклицательные знаки – графику всего текста, а О. Машкова – нет. М. Валек, в основном минимизировавший новаторские средства графики, здесь щедр и точен:

…о юнги соломинок, о мокрые буквы на пальцах!	Ó, slamený plavčík, ó, vlhkosť písmen na rukách!
ЗДЕСЬ И ТЕПЕРЬ ЭТО КАК БЫ РЕЖЕТ, НО ТОЛЬКО МЕНЯ, НЕ ВАС! РЕЖЕТ – ЧЕРЕЗ КАРТИНЫ И ПЛАТЬЯ И ЧЕРЕЗ КОГТИ ПТИЦ! <…> Разгуляемся снова, разгуляемся, снова заснем и пройдем не вчера, не сегодня, не завтра, а-а-а-а-а-а! –	TU A HNÉD – Ó, AKO REŽE, REŽE LEN MŇA, NIE VÁS, REŽE OBRAZMI, ŠATAMI, PAZÙRMI VTÁKOV! <…> Rozveselíme sa, rozveselíme sa, potom usneme a prejdeme, možno včera, možno dnes, možno zajtra – aaa!
СКВОЗЬ КРИКИ ДЕТЕЙ, ЧЕРЕЗ МОКРЫЕ БУКВЫ, ЧЕРЕЗ КАРТИНЫ И ПЛАТЬЯ И ЧЕРЕЗ КОГТИ ПТИЦ! (Айги 1982: 25 – 26)	VÝKRIKMI DETÍ, VLHKÝMI PÍSMENAMI, OBRAZMI A ŠATAMI, PAZÚRMI VTÁKOV! (Ajgi 1967b: 32).

Графика О. Машковой делает текст крайне сдержанным, а в части передачи звукоподражания находим еще один вариант, также отличный от авторского:

hola hej plavčíci brček
hej prsty s obtisky mokrỳch písmen

DNES A TADY JAK TO VŠECHNO DRÁSÁ
JEN A JEN MNE VÁS NE
DRÁSAJÍ MĚ OBRAZY A ŠATY
DRÁSAJÍ PAŘÁTY

kravská kopyta prudká obrovitá
mají něco z cesty do zálivu
něco z plesu
<…>
zas vyrazíme znova vyrazíme
zas usnem znova projdem

ne včera ne dnes ne zítra – a – a
tou cestou dlhou – hou – hou

VÝSKOTEM DĚTÍ
OBTISKY MOKRÝCH PÍSMEN
DRÁSAVÝMI OBRAZY A ŠATY
OSTRÝMI PAŘÁTY (Ajgi 1967a: 44 – 45).

О. Машкова сохраняет слова оригинала *не вчера, не сегодня, не завтра*, но добавляет ещё строку о пути, который заканчивается не криком, а эхом: *tou cestou dlhou – hou – hou*, т.е. *тем путем долгим – гим – гим*. Это добавочное значение отклика, в тексте, из которого при переводе ушла яркая эмоциональность, восклицания, поддерживает его общий тихий тон. Здесь, на наш взгляд, важно, что О. Машкова противопоставляла Г. Айги эстрадной поэзии и писала, что он «не владеет эстрадным искусством» (Ajgi 1967a: 136).

Подобную замену переводчица предложила и в случае, когда звукоподражания в оригинале не было. Речь идёт о стихотворении *Девочка в детстве*, с анализа сложной гетероморфной структуры которого мы начали статью. Обратим внимание на передачу последней строки, которая не имеет выраженной семантики – *в ю без ю*. М. Валек использовал существующее в словацком языке звукоподражание:

и там на юру на ветру	A to v šírom poli, vo vetre,
за сердцем далеким дождя золотого	osamelá jedľa zvoní
ель без ели играет	bim – bam
в ю без ю	(Ajgi 1967b: 59)
(Айги 1982: 56)	

Вместо *играет* в его переводе *ель звонит*, и последняя строка передает этот звон. У О. Машковой сохранён глагол *играть* и последняя строка обессмыслена, как и оригинале:

a na větrném návrší
za vzdáleným srdcem zlatovlasých dešťů
nemodřín modřín hraje si
hou nehou (Ajgi 1967a: 79).

М. Валек отказался от строки 4-стопного амфибрахия, которая, как мы показали в начале статьи, держит композиционную структуру всего стихотворения, перекликаясь с двумя строками аналогичной организации. Переводчик просто опустил эту строку. Амфибрахий крайне редок в чешской и словацкой поэзии, его использовали всего несколько поэтов и переводчиков: П. Й. Шафарик, П. Безруч, а в переводах А. Пушкина, А. Фета К. Бальмонта, Б. Пастернака – Я. Есенский (см.:

Zambor 2000: 143 – 144). По наблюдению Я. Замбора, в чешских и словацких переводах русского анапеста, амфибрахия и дольника преобладает тенденция передавать их ямбом и хореем. Однако есть средства имитировать эти русские метры. Имитацией амфибрахия является дактиль с анакрузой, и Я. Замбор утверждает, что при переводах русской поэзии целесообразно стремиться к тому, чтобы воспроизводить размер подлинника, а не нивелировать метро-ритмическое разнообразие. В переводе О. Машковой мы видим попытку выстроить строку *за сердцем далеким дождя золотого*, и её надо признать удачной: *za vzdáleným srdcem zlatovlasých dešťů*, **конечно, не укладывается точно в амфибрахий (это 4-иктный дольник), но сама длина строки и слов создает иллюзию упорядоченности.**

Сам Г. Айги в переводах М. Валека увидел «оттенок архаичности и, возможно, даже вечности», а также заметное присутствие «руки переводчика» (Ajgi 2008: 215 – 216). В книге О. Машковой, над которой она работала вместе с поэтом, больший хронологический охват, выстроенная композиция и, как мы отмечали, большее внимание к циклизации и словотворчеству Г. Айги. Однако, разумеется, нельзя оценивать переводы как лучшие или худшие – оба опыта имеют большое значение и в истории изданий поэзии Г. Айги, и в развитии поэтического перевода в Чехии и Словакии. В каждом переводе высветилось особое свойство поэзии Г. Айги: сдержанность и классичность в переводе М. Валека стали средством передачи философского звучания, а внимание к новаторским формальным средствам О. Машковой в большей степени сделало его стих современным. Каждое приближение к творчеству большого поэта открывает в нём новые грани, и перевод является средством постижения художественной сложности, которой поэзия Г. Айги обладает в полной мере.

ЛИТЕРАТУРА

AJGI, G.: *Obdarená zima*. Lyrika, eseje, memoáre, rozhovory. Bratislava: F.R. & G., 2008.

AJGI, G.: *Tady*. Praha: Odeon, 1967a.

AJGI, G.: *Žena sprava.* Bratislava: Smena, 1967b.

ZAMBOR, J.: *Preklad ako umenie*. Bratislava: Vydavateľstvo Univerzity Komenského, 2000.

АЙГИ, Г.: *Отмеченная зима*. Париж: Синтаксис, 1982.

БАЛЬЦЕЖАН, Э.: Польский Айги. In: АЙГИ, Г.: *Отмеченная зима*. Париж: Синтаксис, 1982, с. 571 – 578.

ГАСПАРОВ, М. Л.: Оппозиция «стих – проза» и становление русского литературного стиха. In: ГАСПАРОВ, М. Л.: *Избр. труды. Т. III. О стихе*. Москва: Языки русской культуры, 1997, с. 40 – 53.

ОРЛИЦКИЙ, Ю. Б.: Гетерофморфный (неупорядоченный стих в русской поэзии). In: *Новое литературное обозрение*, 2005, 3: 187 – 202. [online]: https://magazines.gorky.media/nlo/2005/3/geteromorfnyj-neuporyadochennyj-stih-v-russkoj-poezii.html.

ФАТЕЕВА, Н. А.: «Мельчайших слов счастливые согласия…» (О континуальной дискретности текстов Г. Айги). In: *Айги*: *Материалы, исследования, эссе*. *В 2 т. Т. 1*. Москва: Вест-Консалтинг, 2006, с. 6 – 16.

IDIOSTYLE OF G. AYGI IN INTERPRETATIONS OF TRANSLATORS M. VALEK AND O. MASHKOVA

Abstract: Russian-language poetry of G. Aygi was first published books in translations into Slovak and Czech languages in 1967. The first was the book *Žena sprava* in the translation of M. Valek, the same year the book of Czech translations of O. Mashkova *Tady* appeared. The translations demonstrated various approaches to the innovative elements of the poetics of G. Aygi and the specifics of his idiostyle. The article compares how translators convey features of graphics, syntax, and vocabulary. Particular attention is paid to adverbial participial phrase uncharacteristic of the Czech and Slovak languages, the specifics of the metro-rhythmic organization of G. Aygi's verse, which is heteromorphic. In each case the translator's strategy highlighted some particularities of G. Aigi's poetry. Translations of M. Valek emphasized its classicism, timelessness, while translations of O. Mashkova to a greater extent showed formal novelty and modernity.

Key words: translator strategy, heteromorphic verse, poetic syntax, author's neologisms, cyclization, innovation.

Микола Трус
Институт литературоведения им. Янки Купалы НАН Беларуси, Минск (Беларусь)

СЛОВАЦКИЕ ПЕРЕВОДЫ ПРОГРАММНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ ЯНКИ КУПАЛЫ *А ХТО ТАМ ІДЗЕ?*: ИСТОРИЯ, ДИСКУРС, ДИАЛОГ

Аннотация: В статье проводится первая попытка выявления и систематизации всех переводов и публикаций одного стихотворения Янки Купалы (1882 – 1942), классика белорусской литературы, на словацкий язык. Проведенный экскурс в историю демонстрирует особую роль стихотворения *А хто там ідзе?* в национальном контексте и в межкультурных связях. Благодаря переводу Имриха Кружляка творчество белорусского *песняра* представлено не только в самой Словакии, но и в эмиграционных изданиях. Обращение к подобной публикации (Мюнхен, журнал *Horizont*, 1983, № 1/2) вывело на свет цепочку неизвестных в белорусском купаловедении фактов. Публикация перевода, осуществленного в период *холодной войны*, – беспрецедентный факт. Его введение в современный культурный и научный обиход существенно корректирует ракурсы видения словацко-белорусских литературных связей XX века, обогащает их фактологически, снимает прежние табу. В XXI веке начинается качественно новая страница словацко-белорусского культурного диалога, художественный перевод програмного стихотворения Янки Купалы, выполненный Марианом Серваткой, занимает в нём одно из ключевых мест. Газетный, журнальный формат публикации этого перевода в Беларуси и Словакии, а также сборник *Ktože to tam ide?* (Bratislava, 2017) демонстрируют кардинальную смену ракурсов видения творчества Янки Купалы в современной Словакии, формирование основ международного, культурно и научно значимого дискурса.

Ключевые слова: белорусская поэзия, литературная классика, словацкая эмиграция, Имрих Кружляк, Мариан Серватка, международный проект.

Стихотворение Янки Купалы *А хто там ідзе?* с полным правом можно назвать литературным манифестом белорусского народа начала XX века. Об этом свидетельствует его национальный и международный резонанс, художественные переводы, вовлеченность в авангард общественно-политической жизни.

Произведение, созданное в 1905 – 1907 годах, впервые было опубликовано в сборнике *Жалейка* (С.-Петербург, 1908). Представляет собой редчайший пример восточнославянского использования логаэдического стиха:

А хто там ідзе, а хто там ідзе
У агромністай такой грамадзе?
– Беларусы.

А што яны нясуць на худых плячах,
На руках ў крыві, на нагах у лапцях?
– Сваю крыўду.

А куды ж нясуць гэту крыўду ўсю,
А куды ж нясуць на паказ сваю?
– На свет цэлы.

А хто гэта іх, не адзін мільён,
Крыўду несць наўчыў, разбудзіў іх сон?
– Бяда, гора.

А чаго ж, чаго захацелась ім,
Пагарджаным век, ім, сляпым, глухім?
– Людзьмі звацца (Купала 1995: 196).

За несколько первых лет после выхода в печати появились переводы белорусского стихотворения на украинский, литовский, русский, чешский и польский языки. В 1910 году композитор Людомир Роговский написал музыку к этому произведению, с тех пор *А хто там ідзе?* стал торжественного исполняться в качестве неофициального национального гимна.

Международную известность и авторитет произведения Янки Купалы существенно подкрепило внимание классика русской литературы Максима Горького. В журнале *Современный мир* (1911, № 2) была опубликована его объёмная статья *О писателях-самоучках*, содержащая анализ более четырёхсот рукописей выходцев из народных масс многонациональной Российской империи. Выводы наблюдений М. Горького примечательно соседствуют с фокусированием внимания на белорусской литературе и периодической печати, собственным переводом «красноречивой и суровой песни» Янки Купалы:

«Мы живем в стране, где слой интеллигенции опасно тонок, – может быть, отчасти поэтому она и неустойчива столь жалобно; мы живем в стране, где всякий серьезно думающий, любящий, желающий работать человек должен быть ценим высоко, надеюсь, это не нуждается в доказательствах.

И мне кажется, что именно сейчас, после 1905 года, интеллигент должен бы с великим и особенным вниманием присматриваться к росту новых идей, новых сил в массе «потревоженного» народа – в той почве, которую его отцы в течение долгих лет пахали «плугом ума», к росткам той пашни, на которой они, с великим трудом, сеяли «разумное, доброе, вечное».

Она, посеянная, дает всходы – ибо никакая энергия не пропадает бесследно.

Я обращаю внимание скептиков на молодую литературу белоруссов – самого забитого народа в России, – на работу людей, сгруппировавшихся вокруг газеты *Наша нива*. Позволю себе привести песню, изданную недавно *Нашей нивой*, слова написаны белорусским поэтом Янком Купалой:

А кто там идет по болотам и лесам
Огромной такою толпой?
Белоруссы.
А что они несут на худых плечах,
Что подняли они на худых руках?
Свою кривду.

А куда они несут эту кривду всю,
А кому они несут напоказ свою?
На свет божий.
А кто ж это их, не один миллион –
Кривду несть научил, разбудил их сон?
Нужда горе.
А чего ж теперь захотелось им,
Угнетенным века, им, слепым и глухим?
Людьми зваться.

Чтобы уяснить себе глубокий смысл этой песни, – которая, может быть, на время станет народным гимном белоруссов, – читателю следовало бы посмотреть «Нашу ниву» – она много интересного скажет ему» (Горький 1953: 134 – 135).

В эпистолярном наследии классика русской пролетарской литературы особое внимание белорусских исследователей всегда привлекало письмо, написанное на Капри 7 (20) ноября 1910 года и адресованное М. М. Кацюбинскому. Часть его текста посвящена литературной ситуации в России начала XX века:

«В Белоруссии есть два поэта: Якуб Колас и Янко Купала – очень интересные ребята! Так примитивно-просто пишут, так ласково, грустно, искренно. Нашим бы немножко сих качеств!

О, господи! Вот бы хорошо-то было!

В книжку мою вложен листок – песня и ноты, нечто вроде белорусского гимна, должно быть.

Меня эта вещь взволновала. Угрюмо.

А кто это их, не один миллион,
Научил кривду несть, разбудил их сон?
Беда, горе!

Славяне!

Помните – великорусскую песню:

Мы не сами-то идем, –
Нас нужда ведет, нужда горькая!

Это эпиграф к нашей истории, истории пассивных людей. Это крик древней крови, отравленной фатализмом. Именно под это несчастие Л[ев] Н[иколаевич] и подводил философское основание, от него исходя, ему подчиниться и звал» (Горький 1955: 138 – 139).

Имя Купалы значимо для белорусов в связи с возрожденческой и языкотворческой, а также национально созидающей деятельностью, нашедших воплощение в его классической всеобъемлющей поэзии, ярко переданной в анализированном стихотворении одновременно песенного и философско-публицистического звучания. Его автор «принадлежит к тем личностям, имена которых стали национальными символами Беларуси, включены в культурный процесс и имеют значительное влияние на становление и развитие многих сфер

жизнедеятельности общества, связанных с литературой, искусством, образованием, наукой. <…>. Заложенные в купаловские тексты базовые идеи получают дальнейшую интерпретацию» (Ляшук 2012: 82 – 83). В полней мере это касается перевода поэзии белорусского песняра.

В биобиблиографическом справочнике *Белорусские писатели* зафиксированы три перевода стихов Янки Купалы на словацкий язык (Беларускія пісьменнікі 1994: 518). Первые два принадлежат перу Юрая Андричика (1937 – 2017): *Nie, nie som básnik* (*Я не паэта*), *Kde si, brečtan, zimoval?* (*Дзе ты, хмелю, зімаваў?*). Детальное изучение истории третьего вывело на свет цепочку неожиданных сведений, достойных воплощения в детективном сюжете, что лишний раз подтверждает наше мнение о необходимости дальнейшей работы по выявлению, систематизации и исследованию переводческой деятельности, популяризации белорусской литературы за рубежом.

Перед нами перевод стихотворения Янки Купалы, напечатанный в журнале *Horizont*[1] (1983, № 1/2) под авторством – Marián Žiar:

Kto to tam ide? Kto svojím nástupom
Ukázal cestu tak veľkým zástupom?
– Bielorusi.
A čože vlečú na chrbte zodratom,
V krvavých rukách a v kroku tak chradnom?
– Svoje krivdy.
A kamže nesú tieto krivdy svoje,
Či niekto ich snáď za ne poľutuje?
– Pred celý svet.
Ktože im kázal vydať sa v šíry svet
So svojou krivdou za právo zahorieť?
– Bieda, psota.
Po čom že túžia takto ponížení,
Keď hluchým, slepým spravili všetkých z nich?
– Žiť jak človek (Kupala 1983: 8).

При обращении к современным словацким источникам выяснилось следующее. Мариан Жиар (Marian Žiar) – это псевдоним, за которым стоит известный деятель словацкой эмиграции Имрих Кружляк (Imrich Kružliak, 1916 – 2019), публицист, историк, представитель *католической модерны* в национальной поэзии (Hatala 1999; Slovník 2001: 265). И. Кружляк окончил философский факультет Университета Я. А. Коменского (1940). В 1940-х годах занимал ответственные должности в государственной системе печати и информации. С 1949 года – в эмиграции; сначала в Австрии, с 1951-го г. – в Германии. В Мюнхене несколько десятилетий работал на радиостанции *Свободная Европа*. С 1972 г. – шеф-редактор эмигрантского журнала

[1] Пользуюсь возможностью выразить благодарность доц., к.ф.н. В. М. Ляшук (V. Liashuk) за помощь в получении этого текста.

Horizont. Председатель Союза словацких писателей и художников в эмиграции с доц1987 года. После *бархатной* революции в Чехословакии, разделения страны был советником Президента Словацкой Республики Михала Ковача.

Названный перевод М. Жиара был опубликован в год выхода вехового в истории чествования наследия Янки Купалы – сборника *А хто там ідзе?* (1983), составленного Вячеславом Рагойшей и Ядвигой Романовской, в котором хрестоматийное стихотворение песняра прозвучало на 82 языках мира. Словацкий язык в этом издании представлен не был.

В ходе ретроспективного исследования уже сама фиксация в справочнике *Белорусские писатели* перевода М. Жиара не может не удивлять, вызывает закономерные вопросы. Работа над биобиблиографическим изданием началась ещё в советское время, когда существовал *железный занавес*, сильное идеологическое разграничение между СССР и странами капиталистического Запада. В этом противостоянии и *Свободная Европа*, и *Horizont* были в ряду т. наз. *вражеских голосов*. Трудно допустить, что перед составителями ставилась задача и, вообще, были возможности для изучения иностранной, запрещённой в СССР, печати. Правды ради нужно отметить, что Европа и весь мир в конце 1980-х – начале 1990-х начали кардинально меняться, но инерция идеологической бдительности при подготовке изданий подобного рода все же действовала.

Результаты своих исследований мы напечатали в двух статьях последних лет (Трус 2017; Трус 2018). Итоги фактологических наблюдений были сформулированы следующим образом:

1. Творчество Янки Купалы представлялось в Словакии в соответствии с доминирующей государственной идеологией и общественно-политической парадигмой, внешней ориентацией на Советский Союз. Соответственно подбирались и стихи классика белорусской литературы для перевода на словацкий язык.

2. В период социалистической Словакии Янка Купала представлялся прежде всего в когорте советских (русских) писателей, его национальная принадлежность имела вторичное значение. Переводы изначально осуществлялись через русскоязычное посредничество.

3. Художественная работа с белорусским оригиналом берет начало от переводов произведений Янки Купалы, сделанных Юраем Андричиком в 1981 году.

4. Творчество белорусского песняра представлено не только в самой Словакии, но и в словацких эмиграционных изданиях. Публикация перевода, сделанная в период *холодной войны*, – прецедентный факт, достоиный отдельного исследования в наше время обновления гуманитарного сознания, актуального и государственно значимого изучения и осмысления истории национального присутствия в мире.

5. Выход переводного сборника *Ktože to tam ide?* (Bratislava, 2017) демонстрирует кардинальную смену ракурсов видения творчества Янки Купалы в современной Словакии. Политически незаангажированная, она предстает куда более цельной, самодостаточной, отличительной национальным содержанием и колоритом, интересной и эстетической значимой на межнациональном уровне.

Публикации автора этих строк дали некоторую информационную основу для последующей в скором времени статьи Мариана Серватки *Об одном стихотворении* (Servátka 2018: 15), в которой тезисно были охарактеризованы словацко-белорусские культурные проекты последних лет, а в отношении стихотворения Янки Купалы сделан акцент на переводе Максима Горького, что в очередной раз наглядно подтверждает актуальность идейных аринтиров и культурного посредничества прошлого времени.

Переводы, собранные в сборнике *А хто там ідзе?* (1983), оказались особенно востребованными в связи со 125-летним юбилеем Янки Купалы. 19 июня 2007 года на одной из престижнейших культурных площадок Минска – в Доме дружбы Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами – был организован творческий вечер *Янка Купала в мировой литературе,* на котором произведения классика белорусской литературы прозвучали на разных языках в исполнении руководителей ряда дипломатических миссий. Стихи *Мая малітва*, *Каханне*, *За ўсё* и другие прочитали временный поверенный в делах Словакии в Беларуси Любомир Регак, посол Кубы Омар Медина Кинтеро, посол Великобритании Брайан Беннет, посол Латвии Майра Мора, посол Украины Игорь Лиховой. Гости вечера услышали стихотворение поэта *А хто там ідзе?* на четырёх языках: литовском, армянском, вьетнамском и японском.

В 2018 году увидело свет новое издание сборника *А хто там ідзе?,* в котором программное произведение Янки Купалы представлено уже на 101 языке мира. В своем вступительном слове Владимир Макей, министр иностранных дел Республики Беларусь, отметил: «Стихотворение *А хто там ідзе?* не зря называют народным гимном. Это произведение стало ярким воплощением пробуждения национального самосознания человеческого достоинства и патриотизма белорусского народа. В простых и искренних строках купаловского стиха бьются сердца миллионов белорусов, стремящихся к счастью и воле <…>. Уверен, что перевод этого выдающегося стиха на многие языки мира будет способствовать лучшему пониманию исторического прошлого белорусского народа, его надежд и чаяний, его души» (Купала 2018: 6).

В этом книжном издании представлен и перевод на словацкий язык, выполненный бывшим послом Словакии в Беларуси Марианом Серваткой (Marián Servátka):

Ktože to tam ide, ktože to tam kráča
v tom obrovskom húfe?
– Bielorusi.
A čože to nesú na vychudnutých pleciach,
na mozoľnatých rukách, na nohách v onuciach?
– Krivdu svoju.
A kamže nesú onú krivdu velikú,
a kamže ju nesú ukázať?
– Svetu celému.

A ktože ich, už nie jeden milión,
krivdu niesť naučil, zo spánku prebudil?
– Nešťastie, bieda.
A čohože, čoho zachcelo sa im,
vekmi pohŕdaným, im slepým a hluchým?
– Aby ich ľuďmi zvali (Купала 2018: 148).

В сборнике указана первая публикация данного перевода: *Janka Kupala. Ktože to tam ide? Bratislava, 2017. S. 8.* Такое утверждение не соответствует действительности. До названной книги перевод М. Серватки уже был напечатан, притом несколько раз. Первая его публикация увидела свет в 2013 году на страницах белорусского научного и методического журнала *Роднае слова* (Трус 2013: 26) в статье автора этих строк, задуманной как своего рода знак благодарности переводчику в связи с окончанием его дипломатической миссии в Беларуси. Здесь же была размещена подборка стихов самого господина посла в нашем переводе.

Во второй раз перевод М. Серватки *Ktože to tam ide?* был опубликован в 2015 году уже в Словакии, в газете *Literárny týždenník*, рядом с еще одним знаковым стихотворением Янки Купалы – *Moja modlitba* (Kupala 2015: 11). А в Беларуси художественная интерпретация М. Серватки была напечатана еще раз в 2018-м, в приложении ко второму тому энциклопедии *Янка Купала*, в соседстве со всеми переводами сборника *А хто там ідзе?*, вышедшего в свет тогда же (Янка 2018: 386).

Наличие нескольких переводов и публикаций одного из ключевых произведений Янки Купалы на словацкий язык, газетный и книжный форматы их издания предопределили формирование нового литературоведческого и культурологического дискурса, беспрецедентного не только в истории словацко-белорусских связей, но и в более широком контексте международных культурных взаимоотношений. Создана основа для анализа текстов художественных переводов, предложенных Имрихом Кружляком и Марианом Серваткой, в фокус исследовательского внимания перемещена публикация в словацком эмигрантском издании *Horizont* 1983 года, как уникального прецедента культурной руцепции в условиях резкого идеологического размежевания государств – участников *холодной войны*.

ЛИТЕРАТУРА

Беларускія пісьменнікі: Біябібліяграфічны слоўнік. У 6 т. Т. 3 Івашын – Кучар / Інстытут літаратуры імя Я. Купалы АН Рэспублікі Беларусь; пад рэд. А. В. Мальдзіса; рэдкал.: І. Э. Багдановіч і інш. Мінск: БелЭн, 1994.

ГОРЬКИЙ, М.: *Собрание сочинений. Т. 29: Письма, телеграммы, надписи, 1907 – 1926.* Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1954.

ГОРЬКИЙ, М.: *Собрание сочинений. Т. 24: Статьи, речи, приветствия, 1907 – 1928.* Москва: Государственное издательство художественной литературы,1953.

HATALA, R. Cesta storočín. In: *Literárny týždenník*, 1999, 46: 3.

КУПАЛА, Я.: *А хто там ідзе?: на мовах свету* / склад.: В. Рагойша, А. Ляшковіч. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2018.

КУПАЛА, Я.: *А хто там ідзе?: на мовах свету* / уклад. В. Рагойша, Я. Раманоўская; паслясл. і камент. В. Рагойшы. Мінск: Мастацкая літаратура, 1983.

KUPALA, J.: Kto to tam ide? Preložil Marián Žiar. In: *Horizont. Slovenský nezávislý mesačník,* 1983, 1/2: 8.

KUPALA, J.: Ktože to tam ide? Moja modlitba. Preložil Marián Servátka. In: *Literárny týždenník*, 2015, 23/24: 11.

KUPALA, J.: *Ktože to tam ide?: Vybrané básne.* Prebásnili M. Servatka, J. Rezník, S. Makara; filologický preklad V. Liashuk. Bratislava: Spolok slovenských spisovateľov, 2017.

КУПАЛА, Я.: *Поўны збор твораў. У 9 т. Т. 1. Вершы, пераклады 1904 – 1907* / Прадм. У. Гніламёдава. Мінск: Мастацкая літаратура, 1995.

ЛЯШУК, В. М. (LIASHUK, V.): *Развіццё лексічных сродкаў беларускай паэзіі*. Мінск: Беларускі інстытут сістэмнага аналізу і інфармацыйнага забеспячэння навукова-тэхнічнай сферы, 2012.

SERVÁTKA, M.: O jednej básni. In: *Literárny týždenník*, 2018, 17/18: 15.

Slovník slovenských spisovateľov 20. Storočia. Bratislava: Vyd-vo Spolku slovenských spisovateľov, Slovenská národná knižnica, 2001.

ТРУС, М.: Грані дыпламатычных місій Марыяна Сэрваткі. In: *Роднае слова*, 2013, 10: 25 – 27.

ТРУС, М.: Рэпрэзентацыя творчасці Янкі Купалы ў Славакіі. 1947 – 2017 гг. In: *Роднае слова,* 2018, 1: 13 – 16.

ТРУС, М.: Творы Янкі Купалы ў перакладах на славацкую мову: гісторыя і сучаснасць. In: *Слова. Кніга. Лёс. Творчая і грамадская дзейнасць Янкі Купалы ў кантэксце беларускай асветніцкай традыцыі. Матэрыялы XII Міжнародных Купалаўскіх чытанняў*. Мінск: А. М. Вараскін, 2017, с. 26 – 33.

Янка Купала: энцыклапедыя. Т. 2. І – О / рэдкал.: У. У. Андрыевіч (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2018.

SLOVAK TRANSLATION SOFTWARE POEM BY YANKA KUPALA *WHO GOES THERE?*: HISTORY, DISCOURSE, DIALOGUE

Abstract: The article presents the first attempt to identify and systematize all translations and publications of a poem by Yanka Kupala (1882 – 1942), a classic of Belarusian literature, into the Slovak language. Conducted an excursion into the history of demonstrating the special role of the poem *Who goes there?* in the national context and in intercultural relations.

Thanks to the translation Imricha Krugljaka the works of the Belarusian Pesnyary are presented not only in Slovakia but also in the emigration publications. Appeal to the emigrant publication (Munich, *Horizont* magazine, 1983, № 1/2) brought to light a chain of unknown facts in the Belarusian literary study. The publication of the cold war translation is unprecedented. His introduction to contemporary cultural and scientific use significantly adjusts the angles of vision of the Slovak-Belarusian literary relations of the twentieth century, enriched their evidence, relieves still a taboo.

In the XXI century begins a qualitatively new page of the Slovak-Belarusian cultural dialogue, the literary translation of the program poem by Yanka Kupala, made by Marian Servatka, occupies one of the key places in it. Newspaper, magazine format of publication of this translation in Belarus and Slovakia, as well as the collection *Ktože to tam ide?* (Bratislava, 2017) demonstrate a radical change of perspectives of the vision of Yanka Kupala's work in modern Slovakia, the formation of the foundations of international, cultural and scientific discourse.

Key words: Belarusian poetry, literary classics, Slovak emigration, Imrich Kružliak, Marián Servátka, international project.

Стефан Дорчак
Философский факультет, Университет им. Матея Бела, г. Банска Быстрица (Словакия)

ПЕРЕВОД КРЫЛАТЫХ ФРАЗ В РОМАНЕ ИЛЬФА И ПЕТРОВА «12 СТУЛЬЕВ»

Аннотация: В статье рассматривается словацкий перевод отдельных крылатых фраз из романа «12 стульев» Ильфа и Петрова – сатирического шедевра. Эти красноречивые выражения стали частью повседневного языка. Принадлежащие к авторскому идиолекту, они являются крепким орешком даже для опытного переводчика, поскольку они отсутствуют в целевой культуре. Поэтому перевод может привести к потере как сатирических, так и иронических коннотаций и к семантической двусмысленности, которые были задуманы соавторами. При сравнительном анализе крылатых фраз в переводе, датированном концом 40-х годов (Г. Руппельдтова), и переводе, датированном началом 60-х годов (Я. Ференчик) выявлена культурная информация, существенная для понимания сатирического и исторического контекста, применяемая в разной мере и различными способами.

Ключевые слова: выразительные средства, сатирическое произведение, перевод, комический элемент.

Душой каждого этноса является юмор. Увековечивают его фразеологизмы, в том числе крылатые выражения (КВ). Первые являются устойчивыми сочетаниями лексем с полностью или частично переосмысленным значением (Кунин 1996: 15) и обладают своеобразными коннотациями, функция которых – передать определённые ассоциации и связанную с ними эмоциональную окраску (Opalková 2006: 57). Вторые – это ушедшие в народ цитаты исторических личностей, высказывания персонажей из художественных произведений, в том числе, из сатирического романа «12 стульев». Соавторы Ильф-Петров в нем то соединяют, то разделяют, или даже заменяют определенные элементы фразеологический конструкций, обыгрывая их смысл и придавая им новые значения. Переводчик не всегда в силах заметить эти тонкие намёки, что в результате может сказаться на неточности перевода.

В силу исторических, культурных и географических факторов КВ распространялись в определённом культурно-историческом пространстве, отличаясь своей стилистической окраской и спецификой. Их своеобразие и метафорическое переосмысление берут свое начало в укладе жизни, быте и традициях носителей языка, они составляют специфику определённого культурного пространства. При сравнении лексики двух любых языков, прослеживается особенность, что существует некая степень её (не)переводимости. Трудности перевода КВ обусловлены, как правило, повышенным напряжением между подлинником и переводом, которое вызвано разницей между двумя культурами: культурой передающей среды и культурой принимающей среды (Gromová 2009: 71). Исследования зарубежных ученых (Виктор Владимирович Виноградов, Вилен Наумович Комиссаров и др.) в области фразеологических единиц (ФЕ) подтвердили, что дополнительные трудности

переводчикам доставляет многозначность, омонимия, наличие ФЕ близких по смыслу, но с разной степенью выраженности эмационально-экспрессивных характеристик. Сергей Влахов и Сидер Флорин идентифицируют два барьера при переводе КВ: 1) нераспознавание устойчивых выражений в подлиннике (переводчик принимает КВ за свободные сочетания, их слитность приписывает идиолекту автора); 2) трудности восприятия и понимания КВ, когда под «гипнозом подлинника» возникает дословный перевод (Влахов – Флорин 1980: 180 – 181).

Фразеологический перевод – это процесс трансформации устойчивых единиц исходного языка (ИЯ) в устойчивые единицы в целевом языке (ЦЯ), подбирая наиболее подходящие подходящие варианты с разной степенью близости, по шкале от абсолютного до приблизительного эквивалента. При фразеологическом переводе контекст не должен играть никакой роли – фразеологический эквивалент в ИЯ и ЦЯ обладает той же метафоричностью, имеет те же денотации и вызывает те же коннотации, имеет схожую лексическую форму и экспрессивный оттенок, однако, отличается отсутствием этнокультурного колорита. По словам В. Мокиенко и Л. Степановой (Мокиенко – Степанова – Малински 1995: 27 – 28), фразеологический перевод предполагает использование: *абсолютной эквивалентности*, возможности которой ограничены и переводчик, как правило, актаулизирует свои глубокие знания ИЯ и ЦЯ, а его деятельность сводится к тщательной словарной работе; *частичной или неполной эквивалентности* – переводима только определенная часть КВ фразеологизмом, их количество также ограничено. Намного чаще встречаются случаи *относительной эквивалентности*, которая отличается от абсолютной, например, лексическими и семантическими особенностями отдельных компонентов или неодинаковыми синтаксическими конструкциями. Четвёртым подходом является перевод с помощью *фразеологических аналогов*, т. е. фразем с похожей стилистической окраской и общим значением. При полном или частичном отсутствии эквивалента в ЦЯ речь идет о безэквивалентных фразеологических единицах (БЭФЕ). В ИЯ БЭФЕ выступают в качестве национальных фразеологизмов, возникших посредством актуализации реалий и традиций данного этноса – они настолько уникальны, что перевести их фразеологизмом невозможно, а переводчику остаётся прибегнуть к переводу *описательному (лексическому)*, или *калькированию*, а также использовать сноски и комментарии (Иванов 2006: 90).

А теперь приступим к рассмотрению словацкого перевода выбранных выражений из романа Ильфа и Петрова «12 стульев». Для получения более достоверных результатов компаративный метод применяется при анализе двух переводных текстов, один из которых относится к концу 40-х гг. (перевела Г. Руппелдтова – П1), а второй – к началу 60-х гг. (перевёл Я. Ференчик – П2). Текст П1 представляет собой перевод издания 1938 г., т. е. «очищенного» советской цензурой текста ИЯ. В конечном итоге 2-е издание (П1) уменьшилось по сравнению с 1-м (П2) почти на треть. Также следует отметить, что оба перевода не имеют фрагметов текста, содержащих советские аббревиатуры, которые, по словам редактора перевода, «не заинтересовали бы читателя перевода» (Il'f – Petrov: 278). Однако

следует отметить, что Ильф и Петров подбирают именно труднопроизносимые советизмы-аббревиатуры (сплошной *госпромцветмет, закавтопромторг*), чтобы подчеркнуть авторскую иронию над советским словообразованием. В переводе этого, увы, нет.

Лингвистический анализ опирается о классификацию способов, предложенных схемой Льва Львовича Нелюбина и Андрея Венедиктовича Федорова: эквивалент – аналог – калькирование – описательный перевод.

1. Фразеологический эквивалент

О: **Лед тронулся**, господа присяжные заседатели!
П1: **Ľad sa pohol**, páni porotci!
П2: Páni porotcovia, **ľady sa pohli**!

Крылатое выражение «лед тронулся» обозначает начало действия, дела или продвижение в каком-то деле. В языке перевода это КВ имеет полный эквивалент, однако, в П1 используется во множественном числе, таким образом в П1 применяется калькирование, а в П2 выражение точно воспроизводится в целевом языке.

О: **Бугры Венеры** у вдовы походили на **маньчжурские сопки**…
П1: не имеется
П2: Vdovine **Venušine pahorky** sa ponášali na **mandžuské vrcholce**...

Словосочетание «маньчжурские сопки» не принадлежит к словацкой культурной среде. В буквальном переводе – это mandžuské sopky, однако, слово *сопки* на Дальнем Востоке обозначает пологий, высотой около 1000 м. холм без особой растительности. Таким образом, переводчику удалось верно перевести это словосочетание. Второе словосочетание из разряда эквивалентов вызывает особый интерес с точки зрения правильности перевода, так как «бугры Венеры» в хиромантии обозначают подушечку на ладони, под большим пальцем. По-словацки эта часть ладони называется Venušine vrcholce. Переводчик почему-то использовал вариант Venušine pahorky, что в современном языке обозначает лонное возвышение. Таким образом, переводчик придал выражению сексуальную окраску. В подлиннике такого намерения нет.

2. Фразеологический аналог

О: Вам **памятник нерукотворный поставить** надо!
П1: Vám by mali **postaviť nehynúci pomník**.
П2: Vám treba **vystavať pomník nerozborný**.

КВ «памятник нерукотворный» – это аллюзия на стихотворение А. С. Пушкина, «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», с помощью которой отражается ироническая ситуация. П1 не раскрыл намерения соавторов и использовал перевод описательный, в то время как П2 удалось разгадать эту загадку, используя перевод пушкинских строк Яном Смреком – *Pamätník som si ja postavil nerozborný*.

3. Калькирование

О: А то иди, попробуй, **ищи ветра в поле.**
П1: …ale ak by to niekto proboval inak, nech **hľadá vietor v poli.**
П2: A bezo mňa choď, **hľadaj vietor v poli.**

О: У нас хотя и не Париж, но **милости просим к нашему шалашу**.
П1: U nás hoci nie je Paríž, no, **prosím ráčte k nášmu salašu**.
П2: Hoc u nás nie je Paríž, **buďte nám vítaný v našej kolibe**.

В обоих примерах использован перевод калькированием – дословным переводом. Как П1, так и П2 этот подход направлен на передачу смысла фразеологизма, поскольку в языке перевода данные ФЕ отсутствуют.

О: **Дети Поволжья?**
П1: не имеется
П2: **Deti Povolžia?**

Комический эффект образуется посредством сатирического намёка на массовый голод в Поволжье 1921 – 1922 гг. П2 использовал калькирование, однако, для словацкого читателя голод в Поволжье – тема далёкая; коннотация, таким образом, утеряна. Словацкому культурному пространству знакомо произведение словацкого писателя Франя Краля „Čenkovej deti“. Именно это словосочетание в словацкой культурной среде стало нарицательным для обозначения бедных и голодных детей, таким образом, оно идеально бы подошло для перевода «детей Поволжья». Однако, выполняя любой перевод, необходимо учесть его концептуальность – должен ли перевод максимально адаптироваться к принимающей культуре, сглаживая особенности подлинника (доместикация), но сохраняя комическое, или же, должен передать в принимающей культуре всю полноту информации подлинника, лишая его, таким образом, элементов комического? Этот выбор всегда остаётся за переводчиком.

4. Калькирование и описательный перевод

О: Вот тебе **седина в бороду.** Вот тебе **бес в ребро.**
П1: Tu máš **šediny na bradu.** Tu máš **na pamiatku medzi rebrá.**
П2: Tu máš **elegantné šediny.** Tu máš tie tvoje **ihravé žilky.**

Известный фразеологизм *Седина в бороду, бес в ребро* обозначает пламенную и одновременно эксцентричную любовь пожилого человека к молодой девушке. Соавторы мастерски подчеркивают комизм нелепо потраченных ради неожиданного увлечения денег. П1 калькирует, так как не заметил фразеологизма (коннотация утеряна), П2 переводит описательно, в большей степени приближаясь к смыслу подлинника. Полная переводимость невозможна из-за отсутствия в языке перевода эквивалентного фразеологизма.

Нами выявлено, что точность перевода крылатых выражений (лингвокультурем), не имеющих лингвокультурного эквивалента, семантически

сужается и образно ограничивается, что приводит к неполному трансферу при эмоциональном отражении духа времени и к редукции специфического юмора, так как реципиент не обладает необходимой культурно-фоновой информацией, которую содержит и обыгрывает оригинал. Это приводит к потере или ослаблению комического элемента в целевом тексте у обоих переводчиков и коннотативному сдвигу в принимающей культуре.

ЛИТЕРАТУРА

GROMOVÁ, E.: *Úvod do translatológie*. Nitra: Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa, 2009.

IĽF, I. – PETROV, J.: *12 stoličiek*. Bratislava: Spoločnosť priateľov klasických kníh, 1948.

IĽF, I. – PETROV, J.: *12 stoličiek*. Bratislava: Vydavateľstvo Európa, s.r.o., 2009.

OPALKOVÁ, J.: Preklad ako mediácia interkultúrnej komunikácie. Prešov: FF PU, 2006.

ВИНОГРАДОВ, В. С.: *Перевод. Общие и лексические вопросы*. Москва: Книжный дом Университет, 2004.

ВЛАХОВ, С. – ФЛОРИН, С.: *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980.

ИВАНОВ, А. О.: *Безэквивалентная лексика*. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2006.

ИЛЬФ, И. – ПЕТРОВ, Е.: *12 стульев*. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1956.

КУНИН, А. В.: *Курс фразеологии современного английского языка*. Москва: Высшая школа; Дубна: Издательский центр «Феникс», 1996.

МОКИЕНКО, В. М. – СТЕПАНОВА, Л. И. – МАЛИНСКИ, Т.: *Русская фразеология для чехов*. – Olomouc: Vyd. Univerzity Palackého, 1995.

НЕЛЮБИН, Л. Л.: Наука о переводе. Москва: Изд-во Флинта, 2006.

ФЕДОРОВ, А. В.: *О художественном переводе*. Ленинград: ОГИЗ, 1941.

TRANSLATE OF ELOQUENT PHRASES IN THE NOVEL OF ILF AND PETROV'S *12 CHAIRS*

Abstract: The paper deals with the Slovak translation of selected winged phrases from Ilf and Petrov's 12 Chairs – a satirical masterpiece. These eloquent expressions have become a part of the everyday language. Belonging to author's idiolect, they're a tough nut to crack even for an experienced translator, since they absent in the target culture, and thus the translation may lead to a possible loss of both the satirical and ironical connotations and the semantic ambiguity that had been masterminded by the co-authors. A comparative method of two different Slovak translations has been used upon analysing the phrases dated to the end of 40's (Ruppeldtova) and to the beginning of 60's (Ferencik).

Key words: catchphrases, satirical work, translation, comical element.

Príspevok je čiastkovým výstupom v rámci projektu **VEGA č. 1/0118/17** Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západo- a východoslovanský kontext.

V. Dynamické tendencie v spisovnom jazyku a kultúrno-jazyková politika

Динамические тенденции в литературном языке и культурно-языковая политика

Андрей Краев
Педагогический факультет, Католический университет в Ружомберке, Ружомберок (Словакия)

ЭВОЛЮЦИЯ СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: В статье предлагается краткое описание развития системы словесного ударения в польском языке в исторической перспективе. Даются характеристики польского словесного ударения как с точки зрения его материальной природы, так и его места в словах/ритмических группах. Описываются исходные предпосылки развития акцентной системы от праславянского состояния в плане изменения акустических и перцептивных характеристик ударения (переход от музыкального ударения к силовому), так и с точки зрения места ударения в слове (переход от свободного и подвижного типа к фиксированному, сначала – на первом слоге слова, а затем – (преимущественно) на предпоследнем. Также приводятся взгляды лингвистов на материальную природу словесного ударения в современном польском языке.

Ключевые слова: развитие языка, диахрония, акцентная система, материальная природа ударения.

Описание эволюции словесного ударения в истории развития фонетической системы польского языка занимает особое место. От праславянского языка древнепольский унаследовал ударение, во-первых – свободное, во-вторых – подвижное. Как указывает Н. Е. Ананьева (Ананьева 2004: 127), такой же характер имело и словесное ударение в конце старопольского периода в 11 – 12 веках.

К 13 веку исследователи относят процесс стабилизации места словесного ударения в польском языке. По мнению большинства польских исследователей, ударение становится инициальным, закреплённым за первым слогом. Как часто случается в исторических реконструкциях фонетических систем различных языков, скудость фактических данных и иногда двусмысленность их толкования разными учёными приводят к противоположным решениям того или иного вопроса исторического развития языка. В разрешении проблемы стабилизации места словесного ударения учёные опираются на сравнительный анализ письменных памятников древнепольского и древнечешского языков вышеозначенного исторического периода. Главный аргумент здесь – частое слитное написание групп слова типа *atogodla*, *yesuskrystus*. На основании этого можно сделать неоспоримый вывод о том, что данные группы слов были объединены единым словесным ударением, составляя единую ритмическую группу. Большинство исследователей, проводя прямую аналогию с древнечешским языком, в котором существование инициального ударения не подлежит особому сомнению, считают, что и в древнепольском ударение находилось в начале данных ритмических групп. Их оппоненты (среди которых Т. Лер-Сплавинский) указывают на то, что несомненным является только факт объединения данных слов в единое акцентное целое, а ударение в этих фонетических словах могло быть инициальным для древнечешского и парокситональным (на предпоследнем слоге) для древнепольского. Вторым, более веским аргументом, в пользу инициального ударения, по мнению Н. Е. Ананьевой (Ананьева 2004),

является факт наличия инициального ударения в современных польских говорах Подгалья. Бесспорен архаический характер инициального словесного ударения в этой группе говоров, он не является результатом словацкого влияния, поскольку в граничащих с ними словацких говорах ударение как раз является парокситональным. Таким образом, факт существования инициального ударения в польском языке 14 века не подлежит сомнению.

Следующую, ещё более сложную проблему исторического развития акцентной структуры польского языка представляет собой процесс превращения инициального ударения в парокситональное. Что касается хронологии данного процесса, то большинство исследователей указывают на 15 век как самое вероятное время его начала. Хотя, как признаёт Н. Е. Ананьева, «вопрос о хронологии преобразования инициального ударения в парокситоническое и механизме этого преобразования является сложным и до сих пор не до конца выясненным» (Ананьева 2004: 130). Отвечая на поставленный вопрос о механизме такого преобразования, вышеназванный автор склоняется к мнению, что ведущую роль играло возникновение и усиление второстепенного ударения в многосложных словах, которое при главном ударении на первом слоге чаще всего падало на предпоследний. Усиление второстепенного ударения и его превращение в главное могло быть подкреплено тем фактом, что в односложных и особенно в двухсложных словах ударение на предпоследнем слоге было как раз основным (Ананьева 2004: 131).

Окончательную стабилизацию места ударения на предпоследнем слоге относят к 16 веку, а первое упоминание о его нормативном характере, как в польских, так и в заимствованных словах – к 1621 году *(Словарь Г. Кнапского).* Также парокситональное ударение приобретает практически всеохватный характер, поскольку начинает соблюдаться не только в отдельных словах, но и в ритмических группах, содержащих энклитики. Например: *ko'cham cię, bo'ję się, chcia'łyby*. Утрата такого типа ударения относится к концу 18 века. Поэтому в современном языке аналогичные слова (или ритмические группы) с энклитиками имеют ударение на третьем от конца слоге: *'kocham cię, 'boję się, 'chciałyby*. Остатками прежнего состояния в современном польском языке являются осознаваемые как цельные слова *Wiel'kanoc (Wielka+noc), do'branoc (dobra+noc), Bia'łystok (Biały+stok).*

Также существенной характеристикой фонетической системы польского языка и ударения, в частности, является, по словам А. В. Исаченко «монотоничность без просодической нагрузки на гласные фонемы» (Исаченко 1963: 111). Ударение – постоянное и не вызывает качественных изменений безударного гласного.

При синхронном рассмотрении языковых явлений возникает вопрос о материальной природе ударения на настоящем этапе развития того или иного языка. В большинстве работ, рассматривающих фонетическую систему польского языка, польское словесное ударение однозначно определяется как динамическое (силовое, экспираторное).

Хотя, например, Титус Бенни и не даёт точного определения характеру польского ударения, но всё-таки указывает, что «ударный гласный произносится

немного сильнее, чем остальные; однако, разница эта в сравнении с немецким, русским или английским языками не так заметна и более похожа на положение вещей во французском», а также: «известно, что предпоследний гласный в слове – сильный, более выделенный» (Jassem 1962: 11).

Согласно работам С. Шобера, «в польском языке словесное ударение – динамическое: один из звуков в слове мы выделяем среди других, увеличивая силу произнесения» (Jassem 1962: 11).

В своём фундаментальном труде *Просодия польского языка* (Dłuska 1974) Мария Длуска пишет: «В каждом отдельном полнозначном слове или в группе из полнозначного слова и слов служебных есть один слог, произносимый сильнее и выразительнее, чем другие: гласный в таком слоге самый интенсивный, долгий и высокий по тону, согласный же – немного усилен и продлён. Главное ударение в польском слове, прежде всего, оказывает воздействие на слог, на который падает, с полной силой «атакуя» гласный звук, значительно увеличивая его энергию и длительность, а также делая его более высоким интонационно» (Dłuska 1974: 4 – 5).

По мнению В. Дорошевского, «главным способом выделения одного слога на фоне других в польском языке является увеличение силы артикуляции при произнесении данного слога, или, иначе, динамическое ударение. Польский язык принадлежит к числу тех, в которых именно сила произнесения, а не длительность или высота тона, является материальной основой ударения, что мы также встречаем и в других славянских языках» (Jassem 1962: 11). Похожего мнения придерживались также Халина Конечна и В. Водаж.

Кажущееся единодушие польских лингвистов относительно природы словесного ударения в польском языке было нарушено в работе Виктора Яссема *Ударение в польском языке* (Jassem 1962). Он исследовал с акустической точки зрения четыре фонетических характеристики: интенсивность, частоту основного тона (ЧОТ), длительность и качество гласных. Каждый из четырёх типов исследовался с целью обнаружения регулярностей, которые бы бесспорно указывали на место ударения. В результате было определено, что только изменения частоты основного тона демонстрируют достаточную регулярность в тех слогах, которые бывают ударными. Поэтому, по мнению В. Яссема «польское ударение следует признать мелодическим или тональным, а не динамическим, как было до сих пор. В некоторой степени, ударные слоги демонстрируют увеличенную интенсивность и бóльшую длительность гласного звука. Не отмечено зависимости между ударением и качеством гласного» (Jassem 1962: 115).

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что эффект ударения в современном польском языке достигается как за счёт силы произнесения ударного гласного, так и повышением уровня ЧОТ, а также удлинением звука под ударением. Принимая во внимание известное положение о том, что практически не бывает языков с чисто силовым, чисто тоническим или чисто квантитативным ударением, также можно охарактеризовать польское словесное ударение как преобладающе

динамическое (силовое) с определённой ролью тонического и количественного компонентов.

ЛИТЕРАТУРА

DŁUSKA, M.: *Prozodia języka polskiego. Wydanie 2*. Warszawa: PWN, 1974.

JASSEM, W.: *Akcent języka polskiego*. Wrocław – Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1962.

АНАНЬЕВА, Н. Е.: *История и диалектология польского языка: учебник*. Москва: Едиториал УРСС, 2004.

ИСАЧЕНКО, А. В.: Опыт типологического анализа славянских языков. In: *Новое в лингвистике*. *Выпуск. 3*. Москва: Изд-во иностр. лит., 1963, с. 106 – 121.

WORD STRESS EVOLUTION IN THE POLISH LANGUAGE

Abstract: A brief description of the development of the Polish word stress system in the historical perspective is suggested in the article. The Polish word stress is characterised on the basis of its material nature as well as on the basis of its placement in words and/or rhythmic groups. The evolution background of the accentual system development starting from the Proto-Slavonic situation is also described in two aspects: the transition from the musical stress to dynamic (the change of the acoustic and auditory characteristics of stress) and word stress placement (from free and movable stress to fixed – in the beginning, fixed on the first syllable, then – to penultimate). Different linguists' views on the material nature of the Modern Polish word stress are also described.

Key words: language development, diachrony, accentual system, material nature of stress.

Andrea Spišiaková
Filozofická fakulta, Univerzita sv. Cyrila a Metoda, Trnava (Slovensko)

VYUŽITIE FRAZEOLOGIZMOV A PRECEDENTNÝCH FENOMÉNOV V REKLAMNÝCH SLOGANOCH

Anotácia: Reklama je neoddeliteľnou súčasťou života človeka a výrazne vplýva na naše cítenie a chovanie. Slogan ako dôležitý prvok reklamy využíva široké spektrum jazykových prostriedkov, vrátane frazeologizmov a precedentných fenoménov, ktoré umožňujú okamžité rozpoznanie u nositeľov jazyka, ich rýchle zapamätanie a následnú reprodukciu medzi obyvateľstvom. Príspevok analyzuje rôzne spôsoby transformácie frazeologizmov a precedentných fenoménov v ruskom a slovenskom jazyku na materiáli reklamných textov a sloganov. Cieľom príspevku je poukázať na skutočnosť, že transformovanie týchto prostriedkov je v reklame aktívnym procesom. Autorka sa zároveň pokúsi vyčleniť základné spôsoby transformovania frazeologizmov, ako aj precedentných fenoménov, ktoré sú v súčasnosti produktívne pri tvorbe reklamných textov. Pozornosť bude upriamená aj na skutočnosť, že reklamné slogany a repliky hrdinov reklamných spotov sa aktívne citujú a transformujú.

Kľúčové slová: reklama, slogan, transformácia, frazeologizmus, precedentný fenomén.

Reklama je už niekoľko desaťročí pevnou súčasťou nášho života a do značnej miery vplýva na naše cítenie a správanie. Podľa E. V. Kulikovovej vzťah spotrebiteľa k tovaru a jeho spotrebiteľskú aktivitu priamo ovplyvňujú jazykové prostriedky, rečové stratégie a taktiky (Kulikovova 2009: 276). Analýza jazyka reklamy je preto v súčasnej lingvistike veľmi aktuálna.

Reklama využíva široké spektrum jazykových prostriedkov, ktorých úlohou je upútať pozornosť recipienta. Charakteristickým prostriedkom väčšiny reklám je rým, ktorý umožňuje ľahkú zapamätateľnosť sloganu, napr. *Есть идея – есть IKEA.* Okrem rýmu sa v jazyku reklamy aktívne využívajú také jazykové prostriedky ako metafora, metonymia, porovnávanie, opakovanie, hyperbola, synekdocha, elipsa, neologizmy, slovné hry založené na polysémii a homonymii a mnohé iné (Kulikova 2009: 276).

V neposlednom rade autori reklám využívajú frazeologizmy, príslovia, porekadlá a precedentné fenomény. Týmito prostriedkami sa budeme v našom príspevku zaoberať. Zameriame sa predovšetkým na transformovanie frazeologizmov a precedentných fenoménov v slovenskom a ruskom jazyku v reklamných textoch a sloganoch, ktoré sú často založené na jazykovej hre. Budeme analyzovať ilustračný materiál, ktorý sme vyexcerpovali z reklamných textov. Cieľom tohto príspevku nie je definovať vzťah medzi frazeologizmami a precedentnými fenoménmi, pretože ich spájanie do jednej skupiny je vedecky sporné, aj keď súvislosť medzi nimi je nespochybniteľná. Chceme však poukázať na skutočnosť, že obidva tieto prostriedky sa aktívne využívajú v reklame, často v modifikovanej podobe. Taktiež sa pokúsime vyčleniť základné spôsoby transformovania, ktoré sa aktívne používajú pri tvorbe reklamných textov.

Ako sme už uviedli, frazeologizmy sú dôležitým prvkom reklamných textov. Dôvodom ich frekventovaného použitia v reklame nie je ani tak ich nominatívna funkcia, ako schopnosť frazeologizmu vytvárať obraz, ktorý nositelia jazyka môžu ľahko rozpoznať

a zapamätať si ho (Michejeva 2011: 178). V reklamných sloganoch odznievajú frazeologizmy nielen v pôvodnej podobe, ale aj transformované frazeologizmy, ktoré plnia v reklamnom texte rôzne funkcie. Na ilustráciu použitia frazeologizmu v pôvodnej forme si môžeme uviesť niekoľko reklamných textov z rôznych oblastí, napr. reklama farmaceutickej firmy lieku na prechladnutie Coldrex *Семь бед – один ответ*; reklama poisťovacej spoločnosti Spasskije vorota *За нами – как за каменной стеной* alebo reklama na banku ČSOB *Dobrá rada nad zlato*.

Lingvistické výskumy v tejto oblasti však preukázali, že vo väčšej miere sa v reklame využívajú transformované frazeologizmy (Kulikova 2009, Serdobinceva 2010, Michejeva 2011). Svojou kreativitou a originálnosťou priťahujú pozornosť potenciálneho spotrebiteľa a autori tiež dokážu pomocou modifikovaného významu, formy alebo pomocou vizuálnych a zvukových zmien „prepašovať" do frazeologizmu názov výrobku alebo fragment reklamného textu.

Najčastejšou a najjednoduchšou transformáciou frazeologizmov, s ktorou sa v reklamných textoch v oboch skúmaných jazykoch stretávame, je *zámena komponentu*. Tento typ transformácie zasahuje nielen do štruktúry frazeologizmu, ale mení aj jeho význam, napr. *to pravé* ***acidkové*** (obal výrobku Acidko). Transformácia vznikla z pôvodného (relatívne nového) frazeologizmu *to pravé* ***orechové***. Zámena hlavného komponentu *orechový* na názve výrobku má upozorniť spotrebiteľa na jeho mimoriadnu kvalitu. Autori reklám transformujú predovšetkým také ustálené slovné spojenia, ktoré sú hlboko zakorenené v povedomí nositeľov jazyka, sú univerzálne a nesú v sebe morálne ponaučenie alebo univerzálnu múdrosť. Preto sú častým zdrojom reklamných textov práve príslovia a porekadlá (Tortunova 2014). Ich viackomponentové zloženie vytvára širšie možnosti zámeny a umožňuje využívanie rôznych transformačných postupov.

Ako príklad uvedieme reklamu IKEA: *Za málo peňazí,* ***veľa noblesy***. Východiskovým príslovím pre transformovanie je príslovie *Za málo peňazí,* ***málo muziky,*** kde je zámena komponentu umocnená ešte antonymickou zámenou, ktorá vyvolá u potenciálneho kupujúceho dojem, že výhodne nakúpi kvalitný tovar. Ako ďalší príklad uvedieme dve rôzne modifikácie pôvodného príslovia *Všade dobre,* ***doma*** *najlepšie* pomocou zámeny nosného komponentu *doma* (s domovom sa spájajú nesporne kladné asociácie): *Všade dobre, v* ***posteli*** *najlepšie* (reklama na luxusné postele Hästens) a netypickej zámeny nerovnorodých komponentov (príslovky *najlepšie* a zloženého prísudku *poistené*): *Všade dobre, doma* ***poistené*** (reklama na poisťovaciu spoločnosť Wüstenrot). Obchodný reťazec KaktusBike využil na svoju reklamu známe slovenské príslovie *najprv* ***práca****, potom* ***zábava*** */ pláca*, ktoré modifikoval pomocou inverzie komponentov: *najprv* ***bike****, potom* ***práca***. Priraďovacie spojky *najprv* a *potom* pomáhajú identifikovať pôvodné príslovie, avšak inverziou sa dosiahol opačný význam (zábava je to hlavné a práca počká), atraktívnejší pre príjemcu. Na tom istom princípe je založený aj modifikovaný frazeologizmus *делать из мухи слона* umocnený imperatívom: *Сделай из слона муху!* (МАГНЕ В6 – liek proti stresu). Touto transformáciou došlo k posunu od negatívnej konotácie k pozitívnej.

V reklame sa môže využívať aj tzv. implikácia, pri ktorej dochádza k vynechávaniu jedného alebo viacerých komponentov. Tento spôsob transformácie si vyžaduje použitie

všeobecne známych frazeologizmov, aby si recipient dokázal vybaviť v mysli vynechanú časť frazeologizmu, napr.: ...*И волки сыты!* (sieť českých reštaurácií Kozlovica v Moskve).

Okrem frazeologizmov je veľmi produktívnym spôsobom tvorby reklamy využívanie precedentných fenoménov a ich následná transformácia. Je to efektívna metóda, pretože použitie precedentných fenoménov v reklame umožňuje vyriešiť kľúčové problémy vnímania reklamného textu, púta pozornosť, zvyšuje záujem a uľahčuje zapamätateľnosť. „Употребление прецедентных феноменов в рекламных текстах обусловлено стремлением к созданию информационно-образных, экспрессивно-суггестивных (суггестия – внушение) эффектов, возникающих в результате вовлечения целевой аудитории в прецедентное поле, в котором автор обращается к образу и ведет игру с ним“ (Куликова 2010: 334).

Zdroje precedentných fenoménov sú rôzne. Najväčší efekt sa dosahuje transformovaním všeobecných precedentných fenoménov, ako napr. *Все дороги ведут к нам!* (stavebná spoločnosť Legenda) alebo *Je doba dátová* (4ka paušál). Donášková služba Bistro.sk využila vo svojej reklamnej kampani motív z rozprávky o Červenej čiapočke, ktorá je dôverne známa všetkým deťom aj dospelým: *Babička prečo máš také veľké uši? Aby som lepšie počula. Prečo máš v ruke mobil? Aby som mohla objednať na bistro.sk.*

Značka Radoma, ktorá má na Slovensku tradíciu v predaji mrazených produktov, vo svojej reklame stavila na ľudovú tvorivosť a prerobila známu slovenskú ľudovú pieseň. V reklamnej piesni *Slovenské mrazničky, chutné jedlá máte* rozpoznávame ľudový motív *Slovenské mamičky, pekných synov máte*. Motív slovenského folklóru sa odzrkadľuje vo zvukovej aj vizuálnej rovine kampane. Motívy z piesní a ľudovej tvorby sú často v reklamných kampaniach využívané kvôli ľahkej identifikácii cieľovou skupinou, na ktorú je reklama zameraná a rytmickosti, ktorá napomáha ľahkej zapamätateľnosti sloganu. U recipientov sú takéto reklamy obľúbené, pretože vyvolávajú známe asociácie.

Pozastavíme sa pri slogane *Myslíte, teda SME* (denník SME). Vyššie uvedené transformácie, ktoré boli založené na všeobecných precedentných fenoménoch a ľudovej umeleckej tvorivosti, ako sú piesne a rozprávky, sú zamerané na široký okruh recipientov. Ak sa však transformuje aforizmus, okruh príjemcov sa obmedzí na tých, ktorí disponujú potrebnými znalosťami. Zadávatelia reklám tak účelovo mieria na konkrétnu skupinu obyvateľstva. Denník SME transformáciou aforizmu Reného Descarta *Myslím, teda som* (z latinského *Cogito, ergo sum*) sa zameriava na vzdelanejšiu a sčítanejšiu vrstvu obyvateľstva. Transformácia je založená na slovnej hre. Čitatelia vďaka tomu, že premýšľajú, umožňujú denníku existovať. Reklama na bielu techniku Gorenje so sloganom *Ste frostrovaný?* je založená na okazionalizme, ktorý vznikol adaptáciou anglického slova *frost* (mráz), čím je taktiež zameraná len na určitú skupinu ľudí, ktorí ovládajú anglický jazyk a vedia si uvedomiť slovnú hru.

Produktívnym spôsobom transformácie slovenských a ruských frazeologizmov v reklame je šikovné zakomponovanie názvu firmy alebo produktu, napr. *Вольному – Вольво*! – táto transformácia je založená na paronymickej zámene komponentu (*Вольному – воля*). So zakomponovávaním názvu výrobku sa stretávame aj

u nefrazeologických slovných spojení, napr. *зафрутель дружбу* (Fruit-tella), *Не тормози. Сникерсни!* (Snikers), *Всё будет Кока - Кола!* (Coca-Cola).

Druhým frekventovaným spôsobom tvorenia reklamných sloganov je sémantická transformácia, ktorá môže viesť buď k dvojitej aktualizácii, pri ktorej sa aktualizuje priamy aj prenesený význam frazeologizmu, alebo ku konkretizácii, v ktorej na prvé miesto vystupuje doslovný význam frazeologizmu, napr.: *Pravda je len jedna* (denník *Pravda*), *Pravda – vždy na nej záleží* (denník *Pravda*), *Nenechajte sa preháňať* (probiotikum ErcéFlora), *Obuj sa do toho* (Baťa), *Potrebuješ to rozdýchať?* (žuvačky Airwaves Extreme), *Утрите нос простудам!* (papierové vreckovky ZEWA), *Ясный взгляд – в мгновение ока* (kvapky do očí Визин), *obujte sa do učenia* – (predajňa Exisport pred začiatkom školského roka), *Пусть кипит жизнь, а не желудок!* (Маалокс, liek proti páleniu záhy).

Takouto transformáciou sa vytvára slovná hra – kalambúr. E. N. Serdobinceva navrhuje pomenovanie „игра смыслов“ (2010: 39). Podľa V. N. Vakurova je použitie frazeologizmu ako kalambúru „не просто словесная игра, а прежде всего действенное оружие“ (Вакуров 1994: 47), čím nadväzuje na myšlienku V. M. Mokijenka, ktorý tvrdí, že: „актуальность противопоставления прямого и переносного планов во фразеологии служит одним из самых мощных источников экспрессивности“ (Мокиенко 1980 citované podľa: Вакуров 1994: 47).

Používanie slovných hračiek je v reklame bežnou praxou. Reklama na účet, ku ktorému bolo možné získať cestovné poistenie do celého sveta bez poplatkov od banky ČSOB, v sebe skrýva homoformu na slávny výrok N. Machiavelliho: *Účel? Svet i prostriedky.* V rámci slovných hračiek často vznikajú až okazionalizmy. Napr. ČSOB lákala na súťaž, pri ktorej účastník mohol vyhrať cestu do Silicon Valley, slovnou hračkou *z tohto budeš gúgliť očami.* Komponent *gúľať* je nahradený foneticky blízkym hovorovým slovom gúgliť, ktoré je zároveň neologizmom. Autor sa rozhodol použiť slovo v podobe, ktorá zodpovedá pravidlám slovenského jazyka, teda je už graficky a foneticky asimilované v slovenskom jazyku. Na fonetickej podobnosti je založená aj reklama na O2 paušál, zobrazujúca raka s klepetami: *aj vy môžete klepetiť neobmedzene do všetkých sietí so strieborným O2 paušálom.* Súčasťou jazykovej hry sú v reklame aj grafické prostriedky: *doba LEDová končí. Začína doba OLEDová* (OLED televízory).

Špecifikom originálnych reklamných sloganov je schopnosť postupom času prechádzať do rečovej komunikácie a stávať sa tak súčasťou povedomia príslušníkov určitej spoločnosti. Je to podmienené ľahkou zapamätateľnosťou a tiež častým opakovaním, následkom čoho ľudia sami začínajú používať takéto slogany aj v iných životných situáciách ako referencia na reklamu. Na Slovensku je takýchto sloganov niekoľko: slogan spoločnosti Kofola *Ak ju miluješ, nie je čo riešiť* alebo slogan *Keď musíš, tak musíš* (Fidorka).

V ruskom jazyku sa udomácnila fráza od Pepsi *Бери от жизни все!.* Môžeme si všimnúť, že tieto slogany po významovej stránke nesú podobné posolstvo, a to byť odhodlaný, nebáť sa konať, vychutnávať si život plnými dúškami a nemyslieť na budúcnosť. Z toho vyplýva skutočnosť, že udomácnia sa iba tie slogany, ktoré sú v súlade s hodnotami a tendenciou konkrétnej doby.

Frazeologizmy a precedentné fenomény sú nesporne dôležitou súčasťou reklamných textov, ktoré umožňujú okamžité rozpoznanie u nositeľov jazyka a ich rýchle zapamätanie a následnú reprodukciu. Funkciou reklamy je nielen informovať, ale predovšetkým vplývať na adresáta a pre splnenie tejto funkcie je transformovanie frazeologizmov a precedentných fenoménov ideálnou voľbou. K dekódovaniu slovných hier a transformácií v prípade reklamy recipientovi pomáha aj vizuálne, hudobné stvárnenie a celkové spracovanie reklamy. Na základe našej analýzy môžeme ako produktívne spôsoby transformovania frazeologizmov a precedentných fenoménov v slovenskom a ruskom jazyku vyčleniť zámenu komponentu so zakomponovaním názvu výrobku alebo firmy, implikáciu, sémantickú transformáciu, vytváranie kalambúrov a začleňovanie okazionalizmov do reklamného sloganu.

LITERATÚRA

ВАКУРОВ, В. Н.: Фразеологический каламбур в современной публицистике. In: *Русская речь*, 1994, 6: 40 – 47.

КУЛИКОВА, Е. В.: Рекламный текст: лингвистические приемы выразительности. In: *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 2009, 6: 276 – 282.

КУЛИКОВА, Е. В.: Рекламный текст через призму прецедентных феноменов. In: *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 2010, 6: 334 – 340.

МИХЕЕВА, Е. С.: Функционирование фразеологизмов в рекламном слогане. In: *Вестник Орловского государственного университета*, 2011, 1: 178 – 179.

СЕРДОБИНЦЕВА, Е. Н.: *Структура и язык рекламных текстов: учебное пособие*. Москва: Флинта, 2010.

ТОРТУНОВА, И. А.: Роль поговорок и прецедентных текстов в современном дискурсе. In: *Вестник новгородского государственного университета*, 2014, 77: 240 – 242.

USE OF IDIOMS AND PRECEDENT PHENOMENA IN ADVERTISING SLOGANS

Abstract: In the paper the use of idioms and precedent phenomena is analysed on material of advertising texts and slogans in Russian and Slovak languages. Analysis of the excerpted material showed a tendency of active use of idioms and precedent phenomena in the advertising in examined languages, to a considerable extent in transformed form. Transformations attract the potential customer due to their originality and creativity. They provide a possibility to incorporate the name of a product into the advertisement. Idioms and precedent phenomena are effective means of not only conveying information about the product, but also indicate manipulative potential. The range of different transforming methods in advertising is given in analysis, namely semantic transformation, pun, paronymy, reduction, component substitution and occasionalisms. The author also mentions the ability of advertising slogans, that are in accordance with values of a given period, to become precedent phenomena themselves, thanks to their easy memorability and frequent repetition in mass media.

Key words: transformation, component substitution, pun, occasionalism, proverbs.

Príspevok vznikol v rámci riešenia grantového projektu KEGA **013UCM-4/2017** Vymedzovanie špecifík modelu „ruského sveta“ v ruskom jazyku, literatúre a kultúre.

Martyna Szczepaniak
Wydział Polonistyki, Uniwersytet Jagielloński, Kraków (Polska)

TEKST LITERACKI W INTERNECIE

Streszczenie: Tekst literacki jest tekstem pisanym, co wpływa także na jego formę. W niniejszym referacie przedstawiam zmiany jakim podlegają teksty epiczne, liryczne i dramatyczne po ich ponownej publikacji w internecie na przykładzie portalu wolnelektury.pl. Wykorzystam przy tym kategorie różnicujące język pisany i mówiony wymienione przez Aleksandra Wilkonia, to znaczy: zawartość kodów pozajęzykowych, w tym przypadku przede wszystkim kodu wizualnego w postaci między innymi ilustracji; waga kontekstu i powiązania z nim obecne w danym tekście; jego dialogowy lub monologowy charakter; oficjalność obiegu; trwałość oraz wynikająca z niej wariantywność. Umożliwiają one także rozróżnienie tekstu pisanego i internetowego. Biorąc pod uwagę każdą z nich określam w jakim stopniu dana cecha tekstów literackich publikowanych na portalu wolnelektury.pl świadczy o ich przynależności do tekstów internetowych bądź pisanych. Dodatkowo przyglądam się metatekstowym i paratekstowym informacjom towarzyszącym każdemu utworowi tam opublikowanemu, porównując je z paratekstem obecnym na okładce tradycyjnie drukowanych książek. Analizy te pozwolą na dokładne umiejscowienie tekstów sekundarnie internetowych, do których zgodnie z klasyfikacją Jana Grzeni należą utwory publikowane na portalu wolnelektury.pl, na continuum tworzonym przez teksty pisane i internetowe.

Słowa kluczowe: język pisany, język internetowy, tekst sekundarnie internetowy.

„Wolne Lektury to projekt fundacji Nowoczesna Polska realizowany pro publico bono, we współpracy z Biblioteką Narodową, Biblioteką Ślaską oraz Biblioteką Elbląską pod patronatem Ministerstwa Edukacji Narodowej, Ministerstwa Kultury i Dziedzictwa Narodowego oraz Stowarzyszenia Pisarzy Polskich" (*O projekcie*). W ramach projektu od 2007 roku udostępniono online 5538 plików tekstowych[1] 384 autorów (w tym 39 nieznanego autorstwa)[2], przede wszystkim w języku polskim, choć pojawiają się też teksty w językach angielskim, francuskim, litewskim i niemieckim. Są to przede wszystkim utwory literackie uznawane za istotne dla kultury, choć obecne tam są też teksty *stricte* naukowe, jak choćby rozprawa Marii Curie-Skłodowskiej *Badanie ciał radioaktywnych* czy też akty prawne jak *Deklaracja praw dziecka* uchwalona w 1959 roku przez ONZ. Dostęp do nich jest możliwy poprzez stronę internetową, wolnelektury.pl, na której można dany tekst przeczytać, wysłuchać bądź też pobrać jako plik tekstowy lub dźwiękowy w jednym z kilku dostępnych formatów. Możliwe jest to także za pomocą aplikacji na smartphone'y, która pojawiła się w 2011 roku.

Teksty przygotowywane są do publikacji przez wolontariuszy za pomocą specjalistycznej platformy, na której obecnie wymienionych jest 409 osób, które wyraziły chęć redagowania tekstów[3]. Każdy tekst jest edytowany przez kilkuosobowy zespół, przy czym nie zawsze ten sam zespół zajmuje się wszystkimi plikami tekstowymi w ramach jednego utworu czy cyklu utworów, co prowadzi do drobnych różnic, np. w sposobie

[1] Forma plik tekstowy oznacza w tym momencie pojedynczy tekst, do którego dostęp możliwy jej poprzez przeglądarkę. Niektóre utwory składają się z kilku plików tekstowych, a na portalu dostępne są także pliki wizualne, których tu nie liczę,
[2] Stan na 31.05.2019.
[3] Stan na 31.05.2019.

opracowywania przypisów, co można zauważyć porównując przypisy pomiędzy *Rajem* i *Piekłem* Dantego.

Niektóre z utworów zostały podzielone na mniejsze części – przede wszystkim taki los spotkał tomy wierszy czy opowiadań. Także niektóre powieści podzielone zostały na tomy, zazwyczaj odwzorowując podział tekstu, na którym bazowano wydanie internetowe. *Lord Jim* Conrada pojawia się w dwóch różnych tłumaczeniach: raz dostępny jest jako jeden plik (tłum. Emilii Węsławskiej), innym razem oba tomy są osobnymi plikami (tłum. Anieli Zagórskiej). Nie wpływa to jednak na sposób ich zaprezentowania, który jest jednakowy dla wszystkich utworów i plików, choć część elementów jest w nim fakultatywna, bądź pojawia się tylko w określonych warunkach. Ważny dla sposobu pokazania jest podział na utwór nadrzędny i podrzędne, przy czym każdy z utworów posiada stronę, na której to on jest utworem nadrzędnym.

Po lewej na stronie utworu zawsze pojawia się wybrana dla każdego pliku okładka[4], która zawiera imię i nazwisko autora oraz pełny tytuł utworu, bez względu na jego długość – tak też potraktowano utwór Elżbiety Drużbackiej *Awersya pewnej Damy całe życie bawiącej u wielkich Dworów, przy których gdy nie tylko same próżność, nieszczerość, zazdrość i wiele defektów uznała, waletę życiu takiemu wypowiada, a na spokojniejsze się wybiera*. W przypadku utworów bez tytułu lub gdy dany tytuł nie jest wystarczający dla rozpoznania konkretnego utworu, dodaje się do niego incipit i taka konstrukcja funkcjonuje jako tytuł danego pliku w ramach portalu. Projekty okładek są jednolite, dzięki czemu sprawiają wrażenie książek wydanych w ramach jednej serii. Tematyka okładki jest jedynie luźno powiązana z tematyką utworu – wiersze z tomu *Kwiaty zła* Baudelaire'a zdobią okładki przedstawiające kwiaty.

Po prawej stronie okładki pojawia się imię i nazwisko autora oraz, o ile opisuje utwór będący częścią całości, nazwa nadrzędnej jednostki[5]: zbioru opowiadań, tomu wierszy czy powieści. Pod nimi znajduje się tytuł, jako jedyny wyróżniony większym rozmiarem czcionki. Onimy te są jednocześnie linkami do stron danego autora, zbioru tekstów i utworu. Pod nimi znajdują się informacje o epoce, w jakiej powstał dany utwór, jego rodzaju i gatunku literackim, a także języku, jeśli utwór nie jest po polsku, lub o regionie dla utworów gwarowych. Niżej może pojawić się informacja prymarnie skierowana do edytorów: „Ten utwór wymaga uwspółcześnienia"[6]. Pod nimi znajdują się opcje pozwalające na odczyt, odpłatny wydruk lub pobranie danego utworu w wybranym formacie, w zależności od tego, które z tych możliwości są dostępne dla danego utworu. Opcja przeczytania dotyczy jedynie najmniejszej jednostki danego utworu, wydruk, wysłuchanie lub pobranie są opcjami także dla plików nadrzędnych.

[4] Zdarzają się wyjątki, wtedy okładka tekstu nadrzędnego powtarza się jako okładka utworów podrzędnych, ale dotyczy to mniej niż 1/6 wszystkich utworów składających się z kilku plików podrzędnych.
[5] W przypadku struktur trzystopniowych pojawiają się obie nadrzędne nazwy.
[6] Jest on linkiem odsyłającym do strony, która informuje o tym, co dokładnie oznacza ta informacja, jednocześnie zachęcającym do dołączenia do grona wolontariuszy pracujących nad tekstami.

Portal wyróżnia 10 epok, 3 rodzaje literackie[7] i 77 gatunków. Każda z kategorii na poziomie opisu jest jednocześnie linkiem do listy zawierającej wszystkie pozycje przyporządkowane do niej. W ramach podziału na epoki pojawia się także opcja *nie dotyczy*, w ramach której umieszczono utwory ludowe, o nieznanym czasie powstania. Podział na gatunki opiera się na ich podziale szkolnym, dlatego też pojawiają się gatunki nie spotykane w genologii jak *wiersz* czy, uznana w tej typologii za gatunek, *publicystyka*. Wszelkie gatunki pozaliterackie zostały rodzajowo przyporządkowane do epiki. Ze względu na wspomniany przeze mnie wcześniej podział zbiorów na poszczególne utwory, jako osobne gatunki zostały wyróżnione dedykacja i motto. Brak za to kategorii zbioru, dlatego też ich przyporządkowanie powiela przyporządkowanie utworów podrzędnych, tomy opowiadań oznaczone są jako *opowiadanie*, tomy wierszy jako *wiersz*. Pojawiają się też anachronizmy, jak zakwalifikowanie *Gargantui i Pantagruela* Rabelais'go jako powieści.

Prawy brzeg strony utworu mieści, zmieniający się z każdą odsłoną strony, cytat oraz, o ile istnieje wersja czytana, plik dźwiękowy z całością utworu. Są to elementy fakultatywne, przy czym cytat zazwyczaj znajduje się jedynie przy tekście nadrzędnym, natomiast pliki dźwiękowe znajdują się zarówno przy opisie tekstu nadrzędnego, jak i podrzędnego.

Pod okładką tekstów nadrzędnych umieszczono początek streszczenia lub opisu, często tekst ten łączy te dwa gatunki, przypominając swoją zawartością *prière d'insérer* lub opis książki na stronie internetowej księgarni.

Po przejściu do strony z utworem, po lewej stronie pojawia się pasek, który można ukryć. Znajdują się na nim: logo wolnelektury.pl, będące jednocześnie linkiem do strony głównej portalu, okładka danej pozycji oraz zakładki: *Inne wersje*, *Spis treści*, *Motywy Ustawienia*, *Nota red.* i *Informacje*. Zakładki i okładka po kliknięciu na nie, sprawiają, że tło tekstu utworu zostaje przyciemnione i pojawia się małe okno w lewej górnej części, tuż obok paska. Zawsze znajdują się na nim cztery elementy: logo projektu, okładka, *Ustawienia* i *Informacje*, pozostałe zakładki są fakultatywne.

Okładka odsyła do opisu danej pozycji obecnego na stronie utworu, pozostawiając go bez zmian, co sprawia, że jednym z obecnych tam elementów jest link odsyłający do strony z utworem.

Zakładka *Inne wersje* obecna jest jedynie w przypadku utworów, które posiadają na portalu także inną wersję językową, przy czym może to być także wersja gwarowa (w ten sposób połączono opowieści Joanny Papuzińskiej z ich gwarowymi pierwowzorami). Kliknięcie na nią sprawia, że pojawia się okładka podpisana tytułem w innym języku, przy czym jest to zawsze jedynie tłumaczenie odpowiadające treścią danemu utworowi – *Faust* Goethego dostępny w wersji niemieckiej i polskiej, w obu przypadkach podzielony na dwie części. Zakładka *Inne wersje* odsyła jedynie do tej samej części w innym języku.

Spis treści, wywoływany przez zakładkę o tej samej nazwie, pojawia się w formie linków, nie różniąc się w dużej mierze od spisów treści w tradycyjnych publikacjach drukowanych. Warte uwagi jest to, że umieszczone są w nim tylko nazwy rozdziałów

[7] Na liście rodzajów pojawiają się cztery opcje, ale *dramat współczesny* znalazł się na niej w wyniku mylnego przyporządkowania gatunku i rodzaju *Śniegu* Stanisława Przybyszewskiego.

i podrozdziałów, nawet jeśli mają charakter opisowy jak w *Sukience balowej* Prusa, a nie pojawiają się tam za to krótkie streszczenia umieszczane pod nazwą rozdziału i nie będące częścią tekstu głównego, co widać w *Panu Tadeuszu* Mickiewicza.

Zakładka *Motywy* to spis występujących w danym dziele motywów, wraz z odsyłaczami do odpowiednich fragmentów dzieła, które w tekście głównym pojawiają się po jego prawej stronie i są oznaczone jaśniejszą czcionką. Występuje ona jedynie w utworach, w których motywy zostały rozpoznane, a ich nazwy pojawiają się po polsku[8]. Dodatkowo portal umożliwia wyszukiwanie na bazie motywów, tworzy też zbiory utworów zawierających dany motyw[9]. Lista ta uzupełniona jest numeracją wystąpień danego motywu, a każda z liczb odsyła do akapitu z zaznaczonym motywem.

Zakładka *Ustawienia* pozwala na zarządzanie widokiem samego tekstu, umożliwiając wybór tego czy tekstowi mają towarzyszyć: numeracja akapitów lub wierszy, zaznaczenie występujących w danych fragmentach motywów, a także przypisy. Możliwość indywidualnego dostosowania tekstu do własnych potrzeb jest cechą charakterystyczną dla tekstów internetowych, choć możliwe do wyboru opcje równie dobrze mogłyby być wyborem pomiędzy różnymi wydaniami jednego utworu.

Zakładka *Nota red.* zawiera informacje o zmianach wprowadzonych do tekstu, przy czym przyjmują one formę algorytmu, pokazującego zmiany poszczególnych typów wyrazów. Zawiera jednak informacje także o innych zmianach wprowadzonych do tekstu, jak w poniższym przykładzie: „Przeorganizowano strukturę tekstu, włączając w odnośnych miejscach w tekście głównym komentarze z Uwag jako przypisy autorskie./Wewnątrztekstowe odnośniki odsyłające do konkretnych stron w tekście, zastąpiono: w przypisach – wskazaniem numeru rozdziału i słów rozpoczynających fragment, w tekście głównym – pozostawiono zapis jak w oryginale i opatrzono go przypisem wskazującym właściwy cytat." (Irzykowski: Nota red.) Ich treść pojawia się w języku polskim, niemieckim i litewskim.

Zakładka *Informacje* podaje wiadomości zazwyczaj znajdowane na drugiej lub trzeciej stronie okładki, na temat praw autorskich, wykorzystywanej licencji, autorstwa okładki (jest to jednocześnie link odsyłający do bazy z listą wszystkich utworów w ramach serwisu, które wykorzystują tę okładkę), tekstu bazowego, redakcji oraz numeru ISBN.

Celem niniejszego referatu jest analiza tekstów dostępnych online, czyli stron z utworem, biorąc pod uwagę modyfikacje jakim podlegają stając się tekstami sekundarnie internetowym, czyli tekstami zaadaptowanymi do potrzeb internetowych, pierwotnie występującymi w innym, najczęściej drukowanym, medium (Grzenia 2006: 45). Ze względu na ich status zwrócę też uwagę na aspekty, które nie uległy zmianie. Analizę różnic między językiem pisanym a internetowym opieram o wyznaczniki użyte przez Wilkonia dla rozróżnienia języka pisanego i mówionego. Mowa tu o zawartości kodów pozajęzykowych będących częścią komunikatu, wadze kontekstu, monologowym lub dialogowym charakterze, oficjalności obiegu oraz

[8] W utworach litewskich motywy są w języku litewskim, w utworach w innych językach nie pojawiają się.
[9] Lista ta nie uwzględnia motywów z utworów litewskojęzycznych: ani w języku litewskim, ani ich polskich tłumaczeń.

trwałości analizowanych tekstów (Wilkoń 2000: 38 – 46). Kategorie te jednak również rozróżniają język internetu od dwóch wcześniej wspomnianych.

Biorąc pod uwagę pierwszą z nich – obecność kodów pozajęzykowych, język pisany charakteryzuje się znaczną redukcją tych elementów (Wilkoń 2000: 38 – 39), natomiast w przypadku języka internetu teksty są wielokodowe, dodatkowo tekst pisany lub mówiony nie musi być kluczowym elementem danego przekazu[10] (Grzenia 2006: 110–111; Kita 2016: 45 – 46; Wrycza 2008: 8 – 9). Utwory publikowane na portalu Wolne Lektury składają się przede wszystkim z tekstu. Elementy wizualne, w tym wypadku ilustracje, pojawiają się niezwykle rzadko, a dokładniej dwukrotnie: w zbiorze *Srebrna zajęczyca i inne baśnie* Guido Gozzano oraz w zbiorze opowiadań różnych autorów *Układanka*, w którym są integralną częścią tekstów, stworzonymi na potrzeby tych opowiadań przez Hannę Baran, będącą również autorką jednej z opublikowanych tam historii. Pojawiają się także tabele, przede wszystkim w tekstach naukowych. Jednak brak jest elementów wizualnych w obrębie większości tekstów, co sprawia, że dość łatwo je przekonwertować na wybrany przez użytkownika format. Dodatkowo silny związek między elementem wizualnym a tekstem nie przesądza o jego pojawieniu się w ramach publikacji online. W przypadku *Pałuby* Irzykowskiego edytorzy piszą o niemożności umieszczenia rysunków autorskich (Irzykowski: przypis 6), natomiast w *Pierścieniu i róży* Thakeraya dodają, że rysunki autorskie zostanę umieszczone później (Thakeray: przypis 1). Kolejny element wizualny – układ tekstu na stronie – zwłaszcza w przypadku tekstów pisanych wierszem, został, w miarę możliwości, zachowany. Przeniesiono z ich drukowanych odpowiedników także różnego rodzaju sposoby wydzielania większych cząstek tekstu: linie poziome, światło między danymi partiami tekstu lub asteriksy. Znaczący staje się także format czcionki. Wszelkiego rodzaju tytuły rozdziałów i podrozdziałów wyróżniane są pogrubieniem i większą czcionką; wcięciem i mniejszą czcionką zaznaczane są cytaty wewnątrz tekstu – czy to fragmenty listów, które bohaterowie otrzymują czy też piosenek, które śpiewają; kursywą oznaczane są elementy metatekstowe[11] oraz paratekstowe (z wyłączeniem tytułu i autora) – jak motta, dedykacje[12] czy didaskalia, a gdy kursywie towarzyszy rozstrzelenie liter, staje się ona wyznacznikiem wyróżniającym dany fragment tekstu głównego. Zasady te są jednolite dla wszystkich publikacji, zgodnie ze szczegółowymi wytycznymi odnośnie przygotowywania tekstów do publikacji internetowej[13]. Widać dzięki temu, że obecność innych kodów

[10] W swej analizie memów Arkadiusz Lorenc (2016) wskazuje, że komponent wizualny jest najważniejszy. Jego zmiana powoduje powstanie nowego mema, podczas gdy zmiana komponentu tekstowego tworzy jedynie wariację.

[11] Nie dotyczy to dłuższych jednostek tekstowych, takich jak wstępy, przedmowy czy posłowia. Zazwyczaj traktowane są jako dodatkowy rozdział, nie zawsze wskazując na autora. *Dama kameliowa* Dumasa posiada dwa wstępy, przy czym o autorstwie drugiego z nich *Z powodu Damy Kameliowej* można domniemywać jedynie na podstawie samego tekstu, zaczynającego się od słów: „Osoba, która posłużyła mi za model do bohaterki powieści i dramatu o Damie Kameliowej" (Dumas: akapit 27).

[12] Dotyczy to także plików, które zawierają jedynie dedykację lub motto.

[13] Wyjątki się pojawiają, ale są nieliczne. Na przykład w *Biednym Henryku* Hauptmanna autorzy danej wypowiedzi są oznaczeni jedynie pogrubieniem, bez wersalików. Jednak takie sytuacje należy raczej rozpatrywać w kategoriach błędu niż wprowadzania różnorodności czy naddania znaczenia.

w ramach tekstów publikowanych na portalu Wolne Lektury, tak jak w tekstach pisanych, jest minimalna.

Kontekst jest nieistotny dla tekstów pisanych, w którym jego wyznaczniki są znacznie ograniczone (Wilkoń 2000: 40). W przypadku języka internetu kontekst, którym jest strona internetowa na której dany tekst został opublikowany, jest niezwykle istotny, dodatkowo determinuje w znaczny sposób kształt danej wypowiedzi (Kaczmarz 2018). Wszelkie elementy wskazujące na kontekst w tekstach publikowanych na portalu Wolne Lektury znajdują się w przypisach, za kontekst można też uznać omówiony wcześniej pasek pojawiający się po lewej stronie. Są to jednak elementy, które można ukryć, dodatkowo w większy sposób nie wpływają na kształt tekstu, więc także pod tym względem teksty te przypominają teksty pisane.

Dla Wilkonia tekst pisany jest przede wszystkim monologowy – w przeciwieństwie do tekstów internetowych, w których badacze również podkreślają dialogowość, choć jest jedynie jednym z aspektów interaktywności tych tekstów (Grzenia 2006: 97 – 100; Kita 2016: 45 – 46; Wilkoń 2000: 40 – 41). W przypadku portalu Wolne Lektury sam tekst utworu danego autora jest otoczony informacją pochodzącą od wydawcy – wspomnianą wcześniej numeracją wersów (dla utworów pisanych wierszem) i akapitów (dla utworów pisanych prozą), klasyfikacją występujących w danym fragmencie tekstu motywów oraz przypisami[14]. Elementy te mają ułatwić czytelnikowi lekturę i interpretację tekstu. Jednakże rzadkie są inne elementy dialogowe, tak częsta w języku internetu zachęta do wyrażenia swojej opinii w postaci komentarza na portalu nie pojawia się w ogóle. Zachęcenie do podjęcia jakiejś akcji obecne jest jedynie na poziomie strony utworu – *czytaj online* i *pobierz* to hasła na niej się pojawiające. Istotnym elementem interaktywnym są linki, ale w przypadku utworów opublikowanych na portalu Wolne Lektury pozwalają one na nawigację po tekście i niejako zastępują podział na strony. Dodatkowo w niewielkim tylko stopniu odsyłają poza tekst, co dla niektórych badaczy jest najważniejszym wyznacznikiem interaktywności, nie są one także częścią samego tekstu, przez co nie można mówić o ich hipertekstowości (Levinson 1999: 212 – 216; Żydek-Bednarczuk 2016). Dlatego też uznaję te utwory za bliższe tekstom pisanym.

Oficjalność obiegu łączona jest zarówno ze sposobem wydawania, jak i ze zwiększeniem dystansu między nadawcą i odbiorcą w tekstach pisanych (Wilkoń 2000: 41). W przypadku języka internetu mamy do czynienia z sytuacją półoficjalną. W ramach stron z utworem nie pojawiają się żadne dodatkowe zwroty bezpośrednie czy pośrednie do czytelnika przez co zachowany zostaje dystans. Oficjalność obiegu tych tekstów literackich również nie ulega wątpliwości. Wydania są opracowane na wzór wydań książkowych, a obligatoryjnym elementem jest informacja na temat praw autorskich i źródła. Także status wydawcy tych utworów jako fundacji wspieranej przez organa rządowe jedynie podkreśla ich oficjalność. Dlatego też pod tym względem teksty publikowane na tym portalu przypominają teksty pisane.

Teksty pisane są z zasady trwałe, natomiast teksty internetowe są paradoksalnie jednocześnie trwałe i nietrwałe, ponieważ, choć z założenia mogą trwać w niezmienionej

[14] Także w sytuacji, w której przypisy są przepisane z wersji, na której bazowano dany plik tekstowy, zawierają one komunikat od edytorów-wolontariuszy w ramach, zawsze polskojęzycznego, oznaczenia danego przypisu jako przypisu autora, tłumacza czy edytora.

formie przez lata, to równocześnie mogą zostać w każdej chwili usunięte bądź zmienione (Grzenia 2006: 117 – 118). Z trwałości wynika stopień wariantywności. Wilkoń (2000: 41 – 44), zwraca uwagę na różnorodność, wynikającą przede wszystkim z diachronii i trwałości tych tekstów, obecną w tekstach pisanych w przeciwieństwie do zróżnicowania na niższych poziomach języka – przede wszystkim leksykalnym i fonologicznym – cechujące język mówiony. Teksty internetowe są wariantywne na niższych poziomach języka, a także na poziomie kodów pozajęzykowych, będącym integralną częścią tego typu komunikatów. W przypadku tekstów publikowanych na portalu Wolne Lektury warta uwagi jest tendencja do uwspółcześniania zapisu starszych tekstów, przy czym ogranicza się to do przystosowania danych tekstów do współczesnych norm ortograficznych i interpunkcyjnych. Ma to ułatwić ich odczytanie jak największemu gronu czytelników. Są jednak wyjątki od tej reguły. W przypadku tekstów wierszowanych zmiany nie są wprowadzane, jeśli uwspółcześnienie danej formy poskutkowałoby zmianą rytmu lub rymu. Czasem jednak edytorzy rezygnują z tego zabiegu całkowicie. W nocie redakcyjnej przy tomie I *Orlanda szalonego* Ariosta możemy przeczytać: „Tekst główny pozostawiono nieuwspółcześniony jako świetny zabytek staropolszczyzny." (Ariosto: Nota red.). Warto zwrócić uwagę także na dokładność z jaką zostaje przeniesiona treść danej książki. Wspomniałam już o tym w przypadku przedmowy, ale świetnym tego przykładem jest także pojawienie się poniższej noty reklamowej na końcu tekstu *Ani z Wyspy* Maud Montgomery: „Dalsze dzieje Ani opowiedziane są w powieści / Dom marzeń Ani, / która ukaże się niebawem." Dzięki temu wydaje się, że będą dostępne na portalu w niezmiennej formie przez lata, co dodatkowo podkreśla brak daty publikacji czy aktualizacji. Jednakże na stronie przeznaczonej dla redaktorów teksty już opublikowane wciąż figurują na liście tekstów nad którymi trwają prace, a nowa, nieznacznie zmieniona wersja, zastępuje starą w sposób niezauważalny dla użytkownika.

Podsumowując, sekundarnie internetowe teksty literackie, jakimi są publikowane na portalu Wolne Lektury utwory, w dużej mierze wciąż przypominają teksty pisane. Zmiany jakie w nich zaszły, wynikają przede wszystkim z wymogów przystosowania ich do jednolitego sposobu publikacji w internecie, który pozwala na ciągłe ich poprawianie, nawet po ich opublikowaniu. Pomimo szerokiego wachlarza możliwości jakie oferuje udostępnienie tekstów online, utwory opublikowane przez fundację Nowoczesna Polska korzystają jedynie z niewielkiego ich wycinka, najczęściej tych cech, które mają pomóc w przeczytaniu i zrozumieniu danego utworu. W większym stopniu wykorzystane są one na stronie utworu, której zawartość składa się z tekstów prymarnie internetowych.

LITERATURA

ARIOSTO, L.: *Orland szalony. Tom I*. brak daty i miejsca wydania. [online]: https://wolnelektury.pl/katalog/lektura/orland-szalony-tom-pierwszy.html

DUMAS, A.: *Dama kameliowa*. brak daty i miejsca wydania. [online]: https://wolnelektury.pl/katalog/lektura/dumas-dama-kameliowa.html

GRZENIA, J.: *Komunikacja językowa w Internecie*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2006.

IRZYKOWSKI, K.: *Pałuba*. brak daty i miejsca wydania. [online]: wolnelektury.pl/katalog/lektura/irzykowski-paluba.html

KACZMARZ, E.: Wzorzec gatunku internetowego. In: *Prace Językoznawcze*, 2018, XX/1: 71 – 81.

KITA, M.: Język w Internecie. Rozpoznanie stanu wiedzy. In: *Język w internecie. Antologia*, red. M. Kita – I. Loewe, Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2016, s. 10 – 56.

LEVINSON, P.: *Miękkie ostrze. Naturalna historia i przyszłość rewolucji informacyjnej*. Warszawa: Muza, 1999.

LORENC, A.: Kiedy potencjalnie nieśmieszny tekst zaczyna bawić? Kilka słów na temat wizualnych i werbalnych elementów memów internetowych. In: *Nowe media w języku, kulturze i literaturze*, red. K. Sakowski – Ł. M. Pięs, Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2016, s. 13 – 26.

MAUD MONTGOMERY, L.: *Ania z Wyspy*. brak daty i miejsca wydania. [online]: https://wolnelektury.pl/katalog/lektura/montgomery-ania-z-wyspy.html

O projekcie, autor nieznany, brak daty i miejsca wydania. [online]: https://wolnelektury.pl/info/o-projekcie

THAKEREY, W. M.: *Pierścień i róża*. brak daty i miejsca wydania. [online]: https://wolnelektury.pl/katalog/lektura/pierscien-i-roza.html

WILKOŃ, A.: *Typologia odmian językowych współczesnej polszczyzny*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2000.

WRYCZA, J.: *Galaktyka języka Internetu*. Gdynia: Novae Res - Wydawnictwo Innowacyjne, 2008.

ŻYDEK-BEDNARCZUK, U.: Hipertekst w perspektywie lingwistycznej, komunikacyjnej i kulturowej. In: *Język w internecie. Antologia*, red. M. Kita – I. Loewe, Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2016, s. 113 – 122.

LITERARY TEXT ON THE INTERNET

Abstract: Literary text is a written text, which also influences its form. In this article I will present the changes epic, lyric and drama text undergo in order to be republished on the internet, taking as an example web portal wolnelektury.pl. I will make use of categories differentiating written and oral language listed by Aleksander Wilkoń, which are: non-verbal codes included in the text, in this case it would primarily be visual code, for example illustrations; the importance of the context and its clues present in the text; its dialogical or monological character; officiality of its publishing and circulation; permanence and variability that stems from it. They also allow for differentiating written and internet text. Considering each of these categories I will determine in what degree literal texts published on wolnelektury.pl belong to written or internet texts. In addition, I will also examine metatextual and paratextual information that accompany each literary work published there, comparing them with paratextual information presented on covers of traditionally printed books. These analyses will allow me to place secondary internet texts, to which texts published on wolnelektury.pl belong according to classification created by Jan Grzenia, on continuum created by written and internet texts.

Key words: written language, internet language, secondary internet text.

Joanna Szadura
Wydział Humanistyczny, Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie, Lublin (Polska)

TRĄBA PORWAŁA KROWĘ OLGĘ. TABLOIDYZACJA WSPÓŁCZESNEGO JĘZYKA I KULTURY

Streszczenie: Rok 1989 stanowi dla polskiej rzeczywistości społecznej swoistą cezurę polityczną, ekonomiczną i kulturową. Dokonujące się w każdej z tych sfer zmiany rejestruje język. Koduje zarówno takie tendencje rozwojowe polszczyzny ogólnej jak: demokratyzację, intelektualizację, urynkowienie, czy technologizację, jak i tabloidyzację – zjawisko, które nie dotyczy tylko pewnego typu czasopiśmiennictwa – ale już typu kultury i jej aksjologicznej przestrzeni. Przedmiotem wystąpienia jest analiza tabloidalnego sposobu prezentacji świata zarażającego media głównego nurtu i wpływającego na kształt społecznego dialogu oraz kulturę. Materiałem poddanym analizie są teksty zaczerpnięte z polskiej prasy codziennej, dzienników publicystycznych, tabloidowej telewizji oraz Internetu. Operuje się w nich m.in.: sensacyjnością, uproszczeniami, selektywnym opisem pseudowydarzeń (faktoidów), popularyzowaniem takiego sposobu postrzegania świata, który oddala odbiorcę od rzeczywistych problemów, łamaniem tabu obyczajowego, agresją słowa i obrazu, perswazją i manipulacją oraz łatwo przyswajalnymi formułami. Ten rodzaj komunikacji stał się *nowomową naszych czasów*, tj. językiem podporządkowanym postępującej komercjalizacji, konsumpcjonizmowi i celom politycznym.

Słowa kluczowe: tabloidyzacja kultury; tabloidyzacja języka; tabloid; współczesna polszczyzna; komercjalizacja; konsumpcjonizm; ideologizacja.

Transformacja ustrojowo-kulturowa, jakiej doświadczamy w Polsce po 1989 roku, wprowadziła nas w przestrzeń masowej kultury zachodnioeuropejskiej, której jedną z cech charakterystycznych jest szeroko już dziś pojmowana tabloidyzacja. Jej skutki obserwujemy na poziomie kulturowym – zmianom bowiem ulega nasza przestrzeń aksjologiczna. Celem prezentowanej analizy jest próba ich opisu zgodnie z podejściem etnolingwistycznym, tj. Z płaszczyzny językowej.

1. Tabloidyzacja jako zewnętrzny czynnik wpływający na kształt kultury i języka, jakim posługują się Polacy po 1989 roku, jest przedmiotem żywego zainteresowania medioznawców (np. Mrozowski 2001; Godzic 2007; Lisowska-Magdziarz 2008; Bauer 2010; Pleszczyński 2010; Wojdyła 2011ab; Kasiak 2016), socjologów (np. Sztompka 2007; Bogunia-Borowska 2014) i językoznawców (Pisarek 2008; Kamińska-Szmaj, Piekot, Poprawa red. 2010, 2011; Skowronek 2010, 2013, 2014; Piekot 2010; Ożóg 2011; Czajka-Bubniak 2014; Zielińska 2016 i wielu innych).

1.1. Medioznawcy wyprowadzają pojęcie tabloidyzacji od tabloidu ujmowanego i jako typ dziennika, i jako sposób uprawiania dziennikarstwa. W *Słowniku terminologii medialnej* (dalej STM) czytamy:

Tabloid – DZIENNIK pierwotnie o niewielkich wymiarach (najczęściej 28×38 cm) z przewagą ilustracji nad tekstem, nadużywający koloru. Aktualne wiadomości podawane są w dużym skrócie – w pigułce, adresowane do szerokich rzesz czytelniczych; dominują w nich sensacje, opisy skandali, zbrodni itp. Choć nazwa *tabloid* narodziła się w USA, za jego

prawzór uchodzi londyński *Daily Mirror* (1903 r.); reklamując to pismo, redakcja głosiła, że na przeczytanie jednego numeru (o odj. 46 stron) wystarczy 6 minut.

Aktualnie istnieje tendencja nazywania każdej gazety o niewielkim wymiarze *tabloidem*, tym bardziej że poważne, wielkoformatowe gazety (np. *The Independent*) rezygnują z klasycznego formatu – tzw. *broadsheet* – na rzecz tabloidów. Próby takie (dotyczą także kondensacji treści i szaty graficznej) podejmuje również dawnej elitarny *The Times.* Tabloidy osiągają największe nakłady wśród dzienników, np. w Anglii – *The Sun*, w Niemczech – *Bild*). Współcześnie w Polsce mimo większego formatu za tabloid uchodzi dziennik *Fakt* (STM 2006: 211).

Definicja ta wydaje się być niewystarczająca, albowiem tabloidem nie jest już dziś wyłącznie określony typ czasopisma, może nim być audycja radiowa, telewizyjna, serwis internetowy, a decyduje o tym rodzaj informacji oraz sposób ich prezentacji (Conboy 2006: 14 – 31). Przestrzeń medialna uległa bowiem tabloidyzacji, rozumianej jako zespół takich tendencji, jak: komercjalizacja, marketyzacja i technologizacja. Informacja stała się produktem rynkowym, którego sprzedawcy, zabiegając o nabywcę: koncentrują się na wiadomościach budzących emocje, szokujących i skandalizujących, podanych tak, by działały szybko i nie wymagały od odbiorcy intelektualnego wysiłku a przekaz werbalny nasycają, lepiej rozumianymi przez mniej wykształconego odbiorcę, sugestywnymi elementami wizualnymi (Lisowska-Magdziarz 2008; Bauer 2009; Ożóg 2011).

1.2. Socjolodzy łączą tabloidyzację z kulturą masową, która „schlebia niskim, niewybrednym gustom przeciętnych odbiorców" (Mrozowski 2001) i w sposób swoisty pokazuje i interpretuje świat. Kojarzą ją z ponowoczesną wizją świata (relatywizmem poznawczym i moralnym) i coraz śmielej operują pojęciem *homo tabloidus*. Odnoszą je do nowego typu odbiorcy kultury, kogoś, kto ma problem z oceną rzeczywistości, selekcją napływających w coraz szybszym tempie informacji, nie ogarnia szumu informacyjnego, ma kłopot ze zrozumieniem aktualnych problemów społeczno-politycznych a przede wszystkim naiwnie zakłada, że media obowiązują standardy dziennikarskiej uczciwości oraz rzetelności w prezentowaniu faktów i zdarzeń. Małgorzata Bogunia-Borowska pisze: „Im bardziej polskie społeczeństwo ulegało rozwarstwieniu, im dotkliwsze stawały się konsekwencje transformacji, im bardziej rosła grupa rozgoryczonych obywateli, tym dogodniejsze i bardziej sprzyjające stawały się warunki dla narodzin kultury tabloidowej oraz polskiego *homo tabloidusa*. *Homo tabloidus* rodzi się bowiem wszędzie tam, gdzie pojawia się rozgoryczenie, frustracja, gdzie istnieją nierówności społeczne, brakuje kapitału kulturowego. Tam, gdzie ludzie nie radzą sobie z nadmiarem, dynamiką zmian społecznych i brakiem zaufania. Zarówno jedne, jak i drugie okoliczności pojawiły się w stosunkowo krótkim czasie w Polsce, czyniąc z naszego kraju podatny grunt dla tabloidowej kultury" (Bogunia-Borowska 2014).

1.3. Językoznawcy podnoszą kwestie stylistyczne, łącząc styl tabloidowej wypowiedzi ze sposobem bycia w świecie. Rekonstruują wspomnianą już kulturę tabloidową i jej aksjologiczną przestrzeń z perspektywy językowej. Ważnych informacji dostarczają

w tym aspekcie dane systemowe (nazwy – ich pochodzenie i znaczenie, derywaty czy kolokacje) i tekstowe.

Przyjrzyjmy się najpierw pochodzeniu i semantyce słowa *tabloidyzacja*. Jego pierwsze użycie odnotowano w *Narodowym korpusie języka polskiego* (dalej NKJP) w roku 2001[1]. W najnowszych słownikach języka polskiego jest wprost łączone ze stylistyką tabloidu i opatrywane kwalifikatorami negatywnego nacechowania, np.:

(WSJP 2016): w nacechowanym pejoratywnie znaczeniu 'nadawanie czemuś formy skrajnie uproszczonej, takiej, jaka się kojarzy z materiałami publikowanymi w tabloidach';
(OJ UW 2017): *dezapr.* 'nadawanie czemuś cech tabloidu, zwłaszcza poprzez przedstawianie rozmaitych zjawisk w sposób nierzetelny i uproszczony, mający na celu wywołanie sensacji i odwołujący się do emocji; także nabieranie cech tabloidu przez coś[2].

Interesujące, że leksykografowie nie odnotowali ujemnego nacechowania słowa *tabloid*, chociaż ocena tego typu czasopisma została wpisana w definicje[3], np.:

(PSWP Zgół 2003): *środow.* 'czasopismo nastawione na poszukiwanie sensacji, publikujące teksty sensacyjne, skandalizujące';
(WSWO.PWN 2005): 'gazeta codzienna o formacie mniejszym od normalnego, tania, mająca duże nagłówki i kolorowe zdjęcia, lekką, ciekawą i sensacyjną treść oraz przystępnie podane najważniejsze informacje';
(WSJP 2016): 'gazeta, skierowana do najszerszej i mało wykształconej publiczności, w której publikuje się artykuły napisane prostym językiem, z dużą liczbą ilustracji, dotyczące przeważnie sensacji obyczajowych, spraw kryminalnych i życia znanych osób';
(WSJP.PWN 2017): 'gazeta codzienna o formacie mniejszym od normalnego, tania, mająca duże nagłówki i kolorowe zdjęcia, lekką i sensacyjną treść oraz przystępnie podane najważniejsze informacje'.

Nie jest to jednak ocena jednoznaczna[4]. Negatywne skojarzenia rodzi wyeksponowane we wszystkich eksplikacjach nastawienie na sensację i skandal, a w definicji z 2016 roku – hołdowanie niewybrednym gustom czytelniczym „mało wykształconej publiczności". Neutralny (chociaż mogących budzić zdziwienie czytelników „Faktu" i „Super Expresu") charakter ma informacja o formacie tabloidu („mniejszym od normalnego"), barwnej szacie graficznej i niskiej cenie. Pozytywnie jednak wypada odebrać to, że informacje publikowane w tabloidach mają być „ciekawe" (WSWO.PWN z czego redaktorzy WSJP.PWN już się wycofali), „przystępnie podane" (WSWO.PWN, WSJP.PWN), tj. „napisane prostym językiem" (WSJP) i „najważniejsze" (WSWO.PWN, WSJP.PWN). Tabloid tym samym jawi się jako zrozumiały przez wszystkich kondensat informacyjny. Wydaje się, że właśnie

[1] Zob. WSJP. Dla porównania pierwsze użycie słowa *tabloid* NKJP odnotował w roku 1993.
[2] Zob. też esej: http://nowewyrazy.uw.edu.pl/esej/wg-tytulu/tabloidyzacja.html?id=25; dostęp: 10.04.2019.
[3] Szerzej na temat definiowania słowa *tabloid* przez polskich leksykografów pisze B. Skowronek (2010: 24-25).
[4] Synonimy słowa *tabloid* w polszczyźnie są jednoznacznie nacechowane negatywnie, np. *bulwarówka*, *brukowiec*, *gadzinówka*, *pisemko*, *piśmidło*, *szmata*, *szmatławiec*, a obecnie również *gazetoid* (OJ UW).

z uwagi na łatwość i szybkość odbioru treści tekstów tabloidowych zasadne jest łączenie słowa *tabloid* z angielską, niegdyś używaną, nazwą towarową leku, chociaż Z. Bauer zauważa równoległą możliwość interpretacyjną: „Warto jednak zauważyć, że użycie rzeczownika „tablet" w odniesieniu do ściśle odmierzonej przez medyka lub aptekarza porcji leku zapakowanej w złożony w czworo arkusik odnotowano już w XVI stuleciu. Od 1889 roku używano go ogólnie dla wyobrażenia „płaskiego kawałka czegoś" [5], w okresie 1900-10 utrwala się stosowanie tego rzeczownika jako nazwy typu prasy drukowanej w formacie stronicy – z reguły pięcioszpaltowej – o połowę mniejszym niż format *broadsheet*; format taki powstawał po dwukrotnym złamaniu arkusza papieru o podstawowym formacie"[6].

W krótkim czasie w polszczyźnie pojawiły się takie wyrazy pochodne, jak: *tabloidowy* 'związany z tabloidem', np. *styl*, *tytuł*, *temat*, *repertuar*, *serwis*, *romans*, *narzeczony*, *umysł*; *tabloidowo* 'tak jak w tabloidzie', np. *Wyszło tabloidowo i trochę w myśl zasady: „nieważne jak, byleby mówili"*; (*s*)*tabloidyzować* 'nadawać czemuś formę skrajnie uproszczoną, taką, jaka uważana jest z charakterystyczną dla materiałów publikowanych w tabloidach': *Daliśmy się jako społeczeństwo stabloidyzować*; *stabloidyzowany* i wreszcie *tabloidyzacja*. Wedle danych z NKJP, we współczesnej polszczyźnie używamy tego rzeczownika, mówiąc o mediach, polityce i politykach, debacie publicznej, historii, nauki, kulturze a nawet życiu, np.: *Bo tabloidyzacja życia publicznego w coraz większym stopniu dotyka wszystkich nowoczesnych społeczeństw od lat z grubsza czterdziestu, czyli od tego przełomowego momentu, gdy w krajach demokratycznych dominującą pozycję na rynku medialnym zdobyły telewizje dyktujące standardy życia publicznego. Od czterdziestu lat pisze się na Zachodzie o zgubnych skutkach tabloidyzacji mediów, polityki i debaty publicznej, lecz od czterdziestu lat nikomu nie udało się tego procesu zatrzymać. Ten proces posuwa się wszędzie. Ale jednak w żadnym poważnym kraju ten proces nie zaszedł tak daleko jak w Polsce* (NKJP: „Polityka" 2006-12-16); Eksplozja pism kulturalnych z początku lat 90. skończyła się tabloidyzacją kultury w mediach (NKJP: „Polityka" 2009-05-30).

Analiza kontekstów użycia potwierdza obserwacje leksykografów, tj. to że z tabloidyzacją łączymy skrajne upraszczanie, sensacyjność, emocjonalność i, co pojawiło się w ostatnich definicjach, nierzetelność informacyjną. Ujawnia również i to, że jest to dominująca tendencja polskiego życia społecznego po 1989 roku.

1.4. Teksty tabloidowe są na tyle wyraziste i rozpoznawalne, że Walery Pisarek we *Wstępie do nauki o komunikowaniu* mówi o stylu tabloidowym. Do jego cech zalicza: 1) rzucającą się w oczy szatę graficzną; 2) zainteresowanie zwykłymi sprawami zwykłych ludzi a także wydarzeniami niezwykłymi, 3) posługiwanie się potocznymi formami językowymi oraz 4) stosowanie strategii udramatyzowanego opowiadania (Pisarek 2008: 134). W podobnym duchu wypowiada się Kinga Zielińska (2016: 36), zdaniem której wykładnikami tabloidowości są: sensacjonizm, emocjonalizacja, personalizacja, potoczność

[5] Por. ze słowem *tablica* (z łac. *tabula* 'deska, tablica') (Bor SEJP 624) 'płaska powierzchnia służąca do umieszczania na niej jakichś tekstów, obrazów'.
[6] Zob. tekst Z. Bauera – transkrypt konferencji „Oblicza komunikacji III" http://doczz.pl/doc/4869/materia%C5%82y-konferencyjne---oblicza-komunikacji-iii; dostęp: 10.04.2019.

języka i wizualizacja. Obydwa stanowiska łączy to, że badacze mówią o stylu tabloidowym i to, że podają podobne (aczkolwiek różnie zhierarchizowane) cechy. Sądzę, że jest to dobry punkt wyjścia, by zastanowić się nad tym, jakie założenia i postawy – bo one decydują o tożsamości tego wariantu języka – determinują powstanie tekstów „stylu tabloidowego" (o ile rzeczywiście możemy o takim stylu mówić[7]).

2. Jakie miejsce w prezentowanej analizie zajmuje opisana przez gazety kolorowe (m.in. przez „Nową Trybunę Opolską"[8] i „Fakt24") w 2008 roku przygoda krowy Olgi? I dlaczego warto doń powrócić? Przypomnijmy tekst autorstwa Pawła Kucemby:

FAKT24 23 września 2008 01:22

Dramat jałówki

Trąba porwała krowę Olgę

Krasula pasła się na łące, gdy wicher porwał ją do góry. Niesiona przez wiatr wylądowała we wsi oddalonej o ponad kilometr!

Tych dramatycznych chwil krowa Olga (5 l.) z Balcarzowic (Wielopolska) nigdy nie zapomni. Porwana przez tornado, poleciała przerażona nad drzewami, widziała z góry gospodarstwo swojego właściciela. Ta straszna przygoda tak nią wstrząsnęła, że teraz boi się każdego, nawet najmniejszego podmuchu czy szelestu wiatru. Długi czas nie dawała mleka...

Był spokojny dzień i nic nie zapowiadało dramatu. Artur Lebok (45 l.) wyprowadził Olgę z obory na pastwisko. Nagle niebo spowiły ciemne chmury. Pan Artur nie zdążył już odprowadzić krowy do obory. Rozszalała się przerażająca wichura. Nad Balcarzowicami przeszła trąba powietrzna. Kiedy wiatr ucichł, pan Artur pognał na łąkę i stanął jak wryty.

– Olgi nie było! Ani śladu, nic! Przeszukałem całą okolicę, ale jakby zapadła się pod ziemię. Musiała ją porwać ta trąba – opowiada przejęty pan Artur.

Jakimś cudem rozszalały żywioł oszczędził Olgę. Po ponad miesiącu odnalazła się w sąsiedniej wiosce Nakło. Krasula stała na polnej drodze przy lesie, schowana w krzakach. – Na szczęście nie ma poważniejszych obrażeń. Tylko otarty bok i skaleczony nos – opowiada właściciel.

Niestety, ta straszna przygoda zostawiła na psychice Olgi niezatarty ślad. – Nie chce wychodzić z obory, nie chciała dawać mleka. Teraz dopiero powoli wraca do siebie – dodaje pan Artur.

---

[7] Ten problem nie będzie przedmiotem mojej szczegółowego opisu, ale na użytek prowadzonej analizy przyjmuję koncepcję stylu Jerzego Bartmińskiego, zdaniem którego styl to „[…] ponadtekstowa struktura znakowa, w której stroną znaczoną (signifié) są uporządkowane w pewien sposób wartości [do których należą: wiedza o świecie, określona racjonalność, swoisty obraz świata, intencje komunikacyjne oraz zasady stylistyczne], a stroną znaczącą (signifiant), czyli eksponentami tych wartości, są elementy języka przynależne do różnych poziomów jego struktury […]" (Bartmiński 1981: 33).

[8] Artykuł Radosława Dimitrowa, pt. „Krowa fruwała i żyje", został opublikowany 10 września 2008 w „Nowej Trybunie Opolskiej": „15 sierpnia Olga pasła się za gospodarstwem przywiązana na łańcuchu. Państwo Lebokowie mieli ją już zamykać na noc do obory. Nie zdążyli. Przyszło tornado i jedyne co mogli zrobić, to schować się w domu.

– W jednym momencie zrobiło się ciemno i wszystko zaczęło fruwać – mówi babcia Elżbieta Szewczuk. – Najpierw przewróciło ścianę w oborze, później porwało płot. Nawet nie wiem kiedy Olga zniknęła z pastwiska. Krowę odnalazł znajomy w sąsiednim Nakle oddalonym od Balcarzowic o kilometr. Olga przez pierwsze dni w ogóle nie chciała wyjść na pastwisko. Przestała też dawać mleko.

– Teraz czuje się już dobrze – mówi Artur Lebok. Wszystkie rany się zagoiły. Daje tyle samo mleka co wcześniej. Tylko jak wiatr mocniej zawieje, to robi się niespokojna. Kuli głowę i chciałaby uciekać. Szczególnie boi się łopoczących plandek i folii [źródło: https://nto.pl/krowe-olge-z-balcarzowic-porwalo-tornado/ar/4097293; dostęp: 29.01.2019].

2.1. Tekst bez wątpienia spełnia kryteria „stylu tabloidowego". Jego wykładnikami są:

- sensacjonizm (np.: ***Trąba porwała krowę Olgę***; ***Jakimś cudem rozszalały żywioł oszczędził Olgę***; ***Po ponad miesiącu odnalazła się*** *w sąsiedniej wiosce Nakło*).
- naiwny obraz świata utrwalony: w potocznej relacji o porwaniu krowy Olgi przez silny wiatr nazywany wymiennie *przerażającą wichurą*, *rozszalałym żywiołem, trąbą powietrzną* a nawet *tornadem*[9]; typowym dla potoczności typie wnioskowania, gdy wniosek nie wynika logicznie z przesłanek, a jedynie jest uprawdopodobniony (np. *Przeszukałem całą okolicę, ale* [krowa] *jakby zapadła się pod ziemię.* ***Musiała ją porwać ta trąba***);
- przedstawianie wydarzeń z perspektywy ich uczestników – tu autentyczność relacji ma potwierdzać stosowanie mowy niezależnej, tj. przytaczanie na zasadzie *expressis verbis* (np. *– Olgi nie było! Ani śladu, nic! Przeszukałem całą okolicę, ale jakby zapadła się pod ziemię. Musiała ją porwać ta trąba –* ***opowiada*** *przejęty pan Artur*); prezentacja krowy jako pełnoprawnego uczestnika zdarzeń (np. ***krowa Olga (5 l.) z Balcarzowic***);
- marginalizowanie obiektywnego przebiegu wypadków (np. ***Jakimś cudem*** *rozszalały żywioł oszczędził Olgę. Po ponad miesiącu odnalazła się w sąsiedniej wiosce Nakło*);
- obniżenie stopnia oficjalności przekazu (familiarność i bezpośredniość) poprzez stosowanie potocyzmów (***krasula***; *Artur* ***pognał*** *na łąkę*), frazeologizmów i porównań typowych dla języka mówionego (np. ***stanął jak wryty***; krowa ***jakby zapadła się pod ziemię***; ***ani śladu***);
- udramatyzowanie opisu zdarzeń przez stosowanie:
  a) rzeczowników „zaangażowanych emocjonalnie" (np.: ***Dramat*** *jałówki*);
  b) intensyfikujących przymiotników (np.: *tych* ***dramatycznych*** *chwil krowa Olga nigdy nie zapomni*; *poleciała* ***przerażona*** *nad drzewami*; *ta* ***straszna*** *przygoda tak nią wstrząsnęła, że teraz boi się każdego, nawet* ***najmniejszego*** *podmuchu czy szelestu wiatru*; *rozszalała się* ***przerażająca*** *wichura*; ***straszna*** *przygoda zostawiła na psychice Olgi* ***niezatarty*** *ślad…*). Ten oparty na sensualizmie rodem z ludowych ballad i pieśni nowiniarskich sposób prezentacji zdarzeń jest atrakcyjny dla masowego odbiorcy;
  c) wykrzyknień (np. *Niesiona przez wiatr wylądowała we wsi oddalonej o ponad kilometr!*);
  d) hiperbol (np. [krowa] *wylądowała we wsi oddalonej* ***o ponad kilometr***; [tego lotu] ***nigdy*** *nie zapomni*; [odnalazła się] ***po ponad miesiącu***);
  e) dynamizacji jako strategii opowiadania (np.: *Był spokojny dzień i* ***nic nie zapowiadało dramatu***; ***Nagle*** *niebo spowiły ciemne chmury*; *Pan Artur* ***nie zdążył już*** *odprowadzić krowy do obory*; ***Rozszalała się*** *przerażająca wichura*; *ta straszna przygoda zostawiła na psychice Olgi* ***niezatarty ślad***).

[9] W rzeczywistość trąba powietrzna i tornado to dwa typy tego samego zjawiska pogodowego, ale o różnej sile, szybkości i mocy. Trąby powietrzne są mniejsze, słabsze i charakterystyczne dla Europy.

– wizualizacja – tekst opatrzono zdjęciem i ilustracją, które stanowią swoiste komentarze tekstu.

a) Zdjęcie jako element struktury paratekstowej tu funkcjonuje jako świadectwo prawdziwości zdarzeń (uwiarygodnia opowieść).
b) Ilustracja jest niezwykle dowcipna. Ukazuje groteskowość nie tyle samego zdarzenia, co sposobu jego przedstawienia, który autor tekstu oparł na zasadach konstrukcyjnych typowych folkloru. Obraz zdecydowanie dominuje nad tekstem (zajmuje 9/10 powierzchni strony). Na tle spowitego ciemnymi chmurami nieba widzimy krowę w pozycji „lotniczej" (szybującą z rozpostartymi jak skrzydła przednimi nogami), w goglach, pilotce (typu retro) i czerwonym płaszczu Supermana. Jej „kadłub" oznakowano lotniczą szachownicą, tj. znakiem Sił Powietrznych (nie wiadomo, czy polskich, bo szachownica jest czarno-biała; przedstawiony układ biało-czerwonych pól obowiązuje w Polsce od 1993 roku). Na szybkość lotu krasuli wskazują: falujące na wietrze jęzor, wymiona oraz ogon.

Wprawdzie autentyzm zdarzeń redaktor „Faktu" starał się uprawdopodobnić i poparł je: zdjęciami bohaterów, podaniem ich danych osobowych (Artur Lebok, lat 45; krowa Olga, lat 5), czas zdarzeń (15 sierpnia 2008) oraz ich miejsca (Balcarzowice i Nakło leżące w pow. strzeleckim, woj. Opolskie, a nie jak pisze dziennikarz w Wielkopolsce), warto jednak je zweryfikować. Zrobił to jeden z dziennikarzy, który zapytał o owe dramatyczne wydarzenia właściciela krowy Olgi. Usłyszał: „Pierdoły wypisują. Wszystko trwało jakąś godzinę od tornada, a nie miesiąc. Zadzwonił kolega z sąsiedniej wsi i powiedział, że moja krowa leży u niego" (za: Szopiński 2008). Przyznaje jednak, że rozmawiał z dziennikarzem „Faktu" i Nowej Trybuny Opolskiej"…

Dziennikarz zwrócił się również o komentarz do redaktora naczelnego „Nowej Trybuny Opolskiej" Krzysztofa Zyzika. Na łamach tej gazety opublikowano przecież po raz pierwszy news o locie krowy Olgi. Krzysztof Zyzik wyjaśnia: „Dziennikarz rozmawiał z rolnikami w dwóch wioskach, zasięgnął opinii weterynarza. Przygotował rzetelny materiał,

choć naturalnie lekki w formie. „Fakt", w swoim stylu, twórczo to przetworzył, robiąc z tematu totalną karykaturę" (Szopiński 2008).
Zapytany o to, jak zatem rzetelnie sprawdzono prawdziwość przekazanych w czasopiśmie informacji, odpowiedział, że nie było fizycznie możliwe, żeby krowa po prostu przeszła... zatem musiała lecieć…

Dlaczego ten opublikowany przeszło 10 lat temu tekst warto przypomnieć? Otóż nie dlatego, że nosi on wszelkie cechy doskonale już dziś rozpoznanej stylistyki tabloidowej, ale przede wszystkim z uwagi na to, że takie konstruowanie medialnych przekazów obnaża mechanizmy komunikacyjne, które doprowadziły do powstania nowomowy naszych czasów. Jest nią język podporządkowany postępującej komercjalizacji i konsumpcjonizmowi, język którym rządzi przyzwolenie na bzdurstwo i kłamstwo medialne, o ile okaże się ono atrakcyjne sprzedażowo i o ile będzie odpowiadać potrzebom określonych środowisk. Faktoidalne kłamstewka i kłamstwa, dekadę temu przyjmowane z przymrużeniem oka (czego moim zdaniem może być analizowany tekst i towarzysząca mu ilustracja), stały się obecnie strategią stosowaną również przez media opiniotwórcze. Doskonałym przykładem jest przeprowadzone przez „Wprost" w 2015 roku „śledztwo dziennikarskie" w sprawie Kamila Durczoka (szerzej pisał o tym Mateusz Kasiak 2016). Cykl serialowych artykułów, których bohaterem została *znana osoba ze świata mediów* (czyli ówczesny redaktor naczelny „Faktów" TVN) wywołał burzę medialną. Kamil Durczok stracił stanowisko, a jego „sprawa" ostatecznie znalazła finał w sądzie…

Jak pokazuje praktyka granica między najzwyklejszym kłamstwem, blagą a profesjonalnie opakowanym i świadomie użytym *fake newsem* rozumianym jako narzędzie społecznej inżynierii niebezpiecznie się zatarła nawet w wolnych po 1989 roku mediach opiniotwórczych, które przecież miały stać na straży porządku publicznego. Wartością nadrzędną tabloidowego komunikatu nie jest bowiem przekazanie obiektywnej informacji o świecie, ale informacji świadomie przetworzonej przez nadawcę (dziennikarza i wydawcę), często niesprawdzonej, powielającej stereotypowe wyobrażenia, a niejednokrotnie przezeń wykreowanej. Intencją nadawcy jest osiągnięcie zamierzonego pragmatycznego efektu, którego miarą jest „czytalność", oglądalność, klikalność, rozpoznawalność, „nakręcanie" nastrojów społecznych nawet jeżeli nie idzie z nimi w parze odpowiedzialność za słowo i etyka dziennikarska. Osiągnięciu tych celów służy wybór atrakcyjnych dla masowego odbiorcy i odpowiadających potrzebom wydawcy tematów, operowanie prostym językiem, nasyconym emocjonalizmem, stereotypizacją, któremu towarzyszy sugestywna wizualizacja. Prawda staje się pojęciem umownym – jak historia o położonym niedaleko Bracholina jeziorze pełnym wódki, a fakt medialny – faktem…

LITERATURA

BARTMIŃSKI, J.: Derywacja stylu. In: *Pojęcie derywacji w stylistyce*, red. J. Bartmiński, Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1981, s. 31 – 54.

BAUER, Z.: „Twój głos w Twoim domu" cztery typy tabloidyzacji. In: *Tabloidyzacja języka i kultury*, red. I. Kamińska-Szmaj, T. Piekot, M. Poprawa, Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2010, s. 37 – 46.

BAUER, Z.: *Dziennikarstwo wobec nowych mediów. Historia – teoria – praktyka*. Kraków: Universitas, 2009.

BOGUNIA-BOROWSKA, M.: Homo tabloidus i tabloidowy świat. In: *Instytut Idei. Polacy: kim jesteśmy, kim będziemy*, 2014, 5: 102 – 108. [online:] http://www.instytutobywatelski.pl/19979/komentarze/homo-tabloidus-i-tabloidowy-swiat; dostęp: 12.10.2018.

CONBOY, M.: *Tabloid Britain. Constructing a Community through Language*. London-New York: Routledge 2006.

CZAJKA-BUBNIAK, A.: Społeczeństwo według „Faktu" – próba charakterystyki. In: *Słowo. Studia językoznawcze,* 2014, 5: 7 – 22.

GODZIC, W.: *Znani z tego, że są znani. Celebryci w kulturze tabloidów*. Warszawa: Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne, 2007.

KAMIŃSKA-SZMAJ, I. – PIEKOT, T. – POPRAWA, M. (red.): *Oblicza komunikacji. t. 3: Tabloidyzacja języka i kultury.* Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2010.

KAMIŃSKA-SZMAJ, I. – PIEKOT, T. – POPRAWA, M. (red.): *Oblicza komunikacji. t. 4: Tabloidy, język, wartości, obraz świata.* Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2011.

KASIAK, M.: Tabloidyzacja prasy opiniotwórczej na przykładzie artykułów publicystycznych w tygodniku „Wprost". In: *Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Językoznawcza*, 2016, vol. 23 (43), 2: 225 – 244 [DOI: 10.14746/pspsj.2016.23.2.13].

LISOWSKA-MAGDZIARZ, M.: *Media powszednie. Środki komunikowania masowego i szerokie paradygmaty medialne w życiu codziennym Polaków u progu XXI wieku.* Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2008.

MROZOWSKI, M.: *Media masowe: władza, rozrywka i biznes.* Warszawa: Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2001.

OŻÓG, K.: Człowiek – język – świat według współczesnych polskich tabloidów (zarys problematyki). In: KAMIŃSKA-SZMAJ, I. – PIEKOT, T. – POPRAWA, M. (red.): *Oblicza komunikacji, t. 4: Tabloidy, język, wartości, obraz świata*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2011, s. 73 – 84.

PISAREK, W.: *Wstęp do nauki o komunikowaniu*. Warszawa: Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne, 2008.

PLESZCZYŃSKI, J.: Przestrzeń aksjologiczna mediów popularnych i jakościowych. In: KAMIŃSKA-SZMAJ, I. – PIEKOT, T. – POPRAWA, M. (red.): *Oblicza komunikacji, t. 3: Tabloidyzacja języka i kultury*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2010, s. 75 – 91.

SKOWRONEK, B.: Definicja kognitywna terminów „tabloid" i „tabloidyzacja". O pułapkach różnorodnych znaczeń. In: KAMIŃSKA-SZMAJ, I. – PIEKOT, T. – POPRAWA, M. (red.): *Oblicza komunikacji, t. 3: Tabloidyzacja języka i kultury*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2010, s. 23 – 37.

SKOWRONEK, B.: *Mediolingwistyka: wprowadzenie*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego, 2013.

SKOWRONEK, B.: Mediolingwistyka. Teoria. Metodologia. Idea. In: CUDAK, R. – KITA, M. –NĘCKA, A. (red): *Postscriptum polonistyczne. Polonistyka i nowe media,* t. 2. Katowice: Wydawnictwo Gnome, 2014, s. 15 – 26.

SKOWRONEK, K. – RUTKOWSKI, M.: *Media i nazwy: z zagadnień onomastyki medialnej*. Kraków: Wydawnictwo LEXIS, 2004.

SZOPIŃSKI, J.: Choroba latających krów. In: Press" 2008, 10 (153) [online:] https://www.press.pl/lewa_strona/pokaz.php?id=1273&strona=5&idd=119&o_ext_item=all; dostęp 12.02.2019.

WOJDYŁA, M.: Tabloidy w badaniach medioznawczych. In: KAMIŃSKA-SZMAJ, I. – PIEKOT, T. – POPRAWA, M. (red.): *Oblicza komunikacji, t. 4: Tabloidy, język, wartości, obraz świata*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2011a, s. 9 – 32.

WOJDYŁA, M.: Wybrane wyznaczniki stylu tabloidów (na podstawie pierwszych stron gazet). In: KAMIŃSKA-SZMAJ, I. – PIEKOT, T. – POPRAWA, M. (red.): *Oblicza komunikacji, t. 4: Tabloidy, język, wartości, obraz świata*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2011b, s. 139 – 150.

ZIELIŃSKA, K.: *Druga twarz tabloidu? Językowe działania autoprezentacyjne podejmowane przez dzienniki Fakt i BILD-Zeitung jako przedmiot badań mediolingwistyki porównawczej*. Warszawa: Instytut Germanistyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2016.

Skróty

BOR SEJP: Boryś, W.: Słownik etymologiczny języka polskiego, Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2006.

STM: Słownik terminologii medialnej, red. W. Pisarek, Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas, 2006, s. 211.

NKJP: Narodowy Korpus Języka Polskiego, [online:] http://nkjp.pl, dostęp: 11.04.2019.

WSJP: Wielki słownik języka polskiego, red. P. Żmigrodzki. [online:] https://www.wsjp.pl, dostęp: 11.04.2019.

WSJP.PWN: Wielki słownik języka polskiego ze słownikiem wyrazów bliskoznacznych [produkt multimedialny PWN].

OJ UW: Obserwatorium Językowe Uniwersytetu Warszawskiego. Najnowsze Słownictwo [online:] http://nowewyrazy.uw.edu.pl; dostęp: 11.04.2019.

PSWP ZGÓŁ: Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny, t. 1-50, red. H. Zgółkowa, Poznań: „Kurpisz", 1994-2005.

A COW CALLED OLGA WAS CARRIED AWAY BY A WHIRLWIND.
TABLOIDIZATION OF THE CONTEMPORARY LANGUAGE AND CULTURE

Abstract: The year 1989 was a political, economic and cultural turning point in the Polish social reality. The changes taking place in each of these spheres are reflected in the language which registers such developmental trends of the general Polish language as: democratization, intellectualization, marketization and technicization, but also tabloidization – a phenomenon which does not refer only to a certain type of the press, but also to a *type of culture and its axiological sphere*. The subject matter of the study is an analysis of the tabloid-style way of presentation of the world which infects the mainstream media and influences the form of the social dialogue and culture. The analysed material comprises texts from the Polish everyday press, daily papers, tabloid-style television and internet. They make use of e. g. sensation, simplification, selective description of pseudo-events (factoids), popularization of such a way of perceiving the world which draws the recipient away from real problems, violation of social taboos, aggressive words and images, persuasion and manipulation, as well as easily assimilable formulas. This type of communication has become *a newspeak of our times*, that is a language subordinate to the progressing commercialization, consumerism and political purposes.

Key words: tabloidization of culture; tabloidization of language; tabloid; contemporary Polish language; commercialization; consumerism; ideologization.

Екатерина Евгеньевна Матюшенко
Институт русского языка и словесности, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград (Россия)
Философский факультет, Университет Константина Философа в Нитре, г. Нитра (Словакия)

ДИАЛОГИЧНОСТЬ КАК ОБЛИГАТОРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МЕДИАТЕКСТА МОЛОДЕЖНОГО ЖУРНАЛА НАЧАЛА XXI ВЕКА

Аннотация: В статье рассматривается диалогичность как одна из ключевых категорий медиатекста молодежного журнала, который помимо универсальных функций СМИ (коммуникативная, познавательная и ценностно-ориентирующая) выполняет социализаторскую функцию. Анализ фактического материала показал, что журналисты используют различные способы сокращения дистанции с читателем, в том числе средства внешней диалогичности, реализующие направленность речи на адресата. В результате анализа медиатекстов молодежных журналов (Cool, OOPS!, Yes!, Elle Girl, Bravo и др.) выявлено, что внешняя диалогичность эксплицируется в них вопросно-ответными единствами, глагольными и местоименными формами второго лица множественного числа, «мы»-формами, вопросительными предложениями, а также обращениями и формами повелительного наклонения.

Ключевые слова: социализаторская функция молодежного журнала, межтекстовая связь, внешняя диалогичность.

Рубеж XX – XXI века оказался для российских СМИ непростым: печатные издания, в том числе и молодёжная пресса, подвержены различного рода трансформациям, которые начали происходить еще в конце прошлого века. По нашим наблюдениям, в медиатекстах российских молодёжных журналов начала XXI века возросло количество единиц периферии общенационального языка по сравнению с речевой практикой советских периодических изданий. К данным единицам мы относим языковые и неязыковые средства сетевой коммуникации, жаргонизмы, окказионализмы, варваризмы. Они выполняют определённые прагматические функции на страницах молодёжных журналов. Так, для жаргонизмов характерно несколько функций. Данные лексические единицы выполняют номинативную функцию в случае обозначения объекта или явления более лаконичным наименованием, как правило, односложным. При идентификации принадлежности журналиста к молодёжному сообществу или субкультуре можно говорить об использовании жаргонизмов в парольной функции. Также стоит отметить эмоционально-экспрессивную функцию данных единиц при апеллировании журналистов к чувствам и эмоциям своей целевой аудитории (Матюшенко 2013: 117 – 119).

Молодёжная пресса занимает особую нишу в системе печатных СМИ. Прежде всего это обусловлено особенностями целевой аудитории, которая представлена молодыми людьми в возрасте 14 – 24 лет, так как помимо универсальных функций

(коммуникативной, познавательной и ценностно-ориентирующей), характерных для средств массовой информации в целом, молодёжные СМИ выполняют социализаторскую функцию. Журналисты могут оказывать влияние на поведение молодых людей и формируют их жизненную позицию.

Пишущие для молодёжных печатных изданий журналисты должны уметь сокращать дистанцию с целевой аудиторией, в противном случае может произойти сбой коммуникации. Вследствие этого средство массовой информации не сможет поддерживать интерес подростка или стать для него «своим». Одним из способов сокращения дистанции можно считать использование так называемых идентификационных формул, т. е. языковых оборотов, с помощью которых автор медиатекста побуждает адресата идентифицировать, отождествлять журналиста с собой.

В нашей статье мы рассмотрим диалогичность как одну из ключевых категорий медиатекста молодёжного журнала. Анализ фактического материала показал, что журналисты используют различные способы сокращения дистанции с читателем, реализующие направленность речи на адресата. Одним из них можно считать средства внешней диалогичности. Под диалогичностью письменного медиатекста мы понимаем выраженность в тексте многосторонности речевого общения, которая имеет несколько способов реализации: в собственно диалогических текстах; в диалоге между текстами – макротексте; в монологических текстах, наполненных заимствованными из устного диалога средствами, а также средствами, специально для этого созданными в сфере самой письменной речи (с учётом особенностей адресата и тем самым косвенного его воздействия на речь говорящего, то есть автора медиатекста) (Дускаева 2012: 20).

Следует сказать, что в молодёжных журналах мы находим все три способа реализации диалогичности. Так, собственно диалогические тексты представлены прежде всего интервью с известными людьми, которые интересны целевой аудитории издания. Например, в основном размещены интервью с представителями российского спорта (Марат Сафин, Андрей Кириленко, Илья Ковальчук и др.), культуры (Алексей Петренко, Анна Нетребко), шоу-бизнеса (Нюша, Тимати, Дима Билан и многие другие), реже публикуются интервью с зарубежными звездами (группа Reimmstein, Наталья Орейро и другие).

Второй способ реализации диалогичности проявляется между полосами журнала, его разделами, а также отдельными номерами. Наиболее четко она прослеживается в выпусках молодёжных журналов, затрагивающих какую-то определённую тему. Ярким примером может служить пятисотый номер журнала *Ровесник,* в котором основной темой явился 1962 год (год выхода первого номер): аудитории напомнили, как выглядел первый выпуск журнала, был составлен итоговый британский TOP 5 синглов 1962 года, а также мини-тест, связанный с событиями того года.

Помимо этого, на страницах молодёжных изданий наблюдается межтекстовая связь с предыдущими и последующими номерами. К маркерам такой связи можно

отнести следующие фразы: «*Молоток раньше писал…*», «*Молоток тебя предупреждал…*», «*Bravo уже неоднократно тебе говорил…*». В молодёжных журналах *Молоток, Bravo, Cool* существует рубрика *фотороман*, состоящая, как правило, из десятка «серий»: каждый последующий выпуск сопровождается кратким описанием предыдущего эпизода. Также для поддержания интереса целевой аудитории в конце серии может содержаться анонс следующей: «*В следующей серии: в лапах бандитов от шоу-бизнеса*» (Cool 2001, № 3).

Также журналисты могут просить читателей откликнуться на те или иные предложения или просто написать текст на интересующую тему: «Читай свежие новости, узнавай о новых номерах BRAVO! Туси на форуме и в чате, задавай вопросы тете Джине и общайся с редакцией Bravo, следи за блогами звезд!» (Bravo 2011, №11), «Не стесняйся! Их можно спросить о чем угодно. Наши специалисты по интимным вопросам помогут в самой сложной ситуации! Тетя Джина и Вася по-прежнему на связи. Обращайтесь…» (Bravo, 2011, № 11). Таким образом, журналисты призывают читателей участвовать в диалоге.

На третьем способе реализации диалогичности остановимся более подробно. Напомним, что в данном случае диалогизация представлена монологическими текстами, в которые включены элементы, заимствованные из устного диалога, но специально созданные в сфере самой письменной речи.

Анализ фактического материала показал, что для построения диалога журналисты используют вопросно-ответные единства: «Хочешь узнать, как будут обстоять дела с учебой в 2013 году? Для тебя мы взглянули на звёзды и выяснили, какие предметы тебе будут даваться легко, а над какими придется попотеть» (Bravo 2012, № 11), «Все знают, что птичку, ставшую символом Twitter, зовут Ларри. Но почему именно Ларри? В честь одного из основателей Google Ларри Пэйджа? В честь знаменитого телеведущего Ларри Кинга? Наконец тайна сия тайною быть перестала» (Ровесник 2012, №4). Журналист сначала спрашивает и, предполагая реакцию своего собеседника, даёт ответ на поставленный вопрос. Тем самым должно создаваться ощущение общности (интересов, вкусов, знаний) автора и читателя. Успешным этот приём оказывается в том случае, если журналист хорошо проинформирован о своем читателе. Чёткое и адекватное представление о целевой аудитории, позволяет изданию определиться с нужным содержанием и с тональностью материала. Зная особенности поведения своего потенциального читателя, журналист выбирает интересные темы для аудитории и манеру подачи этой информации, что обусловливает формат того или иного издания.

Вопросительные предложения соседствуют с побудительными: «Тебя мучает вопрос, почему страничка ЛИГИ на www.zabey.ru так долго не обновлялась? Просто зайди на неё еще раз – там кругом сплошное новье!» (Молоток 2004, № 19).

Внешняя диалогичность также может эксплицироваться глагольными формами второго лица множественного числа: «Познакомьтесь: Олег Каданов – тонкий и искренний музыкант из Харькова» (Ровесник 2012, № 4) и «Знаете, что это за чудо такое, «человек с проблемами коммуникативной оценки ситуаций»?» (Ровесник 2009,

№7). Адресованность ко всем читателям может демонстрировать общность взглядов автора и молодых людей и установку журналиста, рассматривающего целевую аудиторию как единое целое.

Однако во многих молодёжных изданиях (Cool, Молоток, OOPS!, Yes!, Elle Girl, Bravo) журналисты общаются со своей аудиторией на «ты»: «Очень хорошо, что ты такая честная девчонка» и «Знаешь, это пригодится, чтоб лапшу вовремя с ушей снимать» (Cool 2000, № 20), «И все это благодаря тебе. Ведь именно ты пишешь нам письма и участвуешь в наших конкурсах, слушаешь и читаешь, и, самое главное, ЛЮБИШЬ «Фабрику звезд»!» (Yes! 2004, № 3), «И тут уже решать тебе: оставаться яркой и необычной или пытаться скрыть свой «недостаток». Если выбираешь первое, готовься к тому, что на тебя всю жизнь будут реагировать по-особому» (Bravo 2012, №13).

Как справедливо отмечает М. А. Кормилицына, использование «ты»- и «вы»-высказываний с глаголами речи, мысли, чувства, побудительных предложений делает диалогические конструкции достаточно эффективным средством установления с читателями обратной связи (Кормилицына 2010: 20). К подобному приёму прибегают и в молодёжных журналах: «Помнишь, в детстве: «любит-не-любит» и васильковые венки, Just do it!» (Yes! 2003, июль), «Как ты понимаешь, это НЕ Америка и, соответственно, НЕ та больница, в которой Алсу родила дочку» (Молоток 2008, № 11), «Знаете, часто говорят, что кто не ревнует, тот якобы не любит» (Bravo 2011, № 5).

Адресованность к целевой аудитории, а также демонстрация понимания своего читателя эксплицируется на страницах молодежных журналов мы-формами: «Как ухаживать за волосами летом? ПРИЧЕСКИ: Укладываем пряди легко, быстро и стильно!!! ПОГОВОРИМ ПО ДУШАМ: Вокруг одни красавцы. И как же с ними познакомиться?» (Cool Girl, 2002, № 12); «Итак, пожалуйста, оглашаем весь список: ролики (фитнес), соревнования в различных велодисциплинах (всякая акробатика), Х-кросс (заезды на горный велах по пересеченной местности), **soks**…» (Cool 2000, № 20).

Не так часто, но всё-таки авторы медиатекстов используют обращение: «Отныне у вас, уважаемые читатели, появилась возможность скачать электронную версию нашего журнала на официальном сайте «Ровесника» – www.rovesnik.ru» (Ровесник 2012, № 4).

В результате анализа медиатекстов молодёжных журналов выявлено, что внешняя диалогичность эксплицируется в них вопросно-ответными единствами, глагольными и местоименными формами второго лица множественного числа, «мы»-формам, вопросительным предложениям, а также обращениями и формами повелительного наклонения. Используя различные способы диалога, автор медиатекстов более сознательно устанавливает контакт с читателем, настраиваясь на его потенциальное восприятие.

ЛИТЕРАТУРА

ДУСКАЕВА, Л. Р.: *Диалогическая природа газетных речевых жанров*. СПб.: СПбГУ: Филол. факультет, 2012.

КОРМИЛИЦЫНА, М. А.: Актуализация содержания публикаций в современной прессе как способ реализации собственно коммуникативной составляющей компетенции журналиста. In: *Проблемы речевой коммуникации*. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2010, с. 14 – 24.

МАТЮШЕНКО, Е. Е.: *Динамические процессы в языке молодежного журнала*: дис. …кан. филол. наук. Волгоград, 2013.

DIALOGISM AS AN OBLIGATORY CONSTITUENT OF YOUTH MAGAZINE MEDIATEXT AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

Abstract: The research deals with dialogism as one of the main categories of a youth magazine mediatext. Besides universal (communicative, cognitive, value-oriented) functions, which are typical of all media, youth media perform a socialisation function. It's found out that journalists apply various techniques to diminish a gap between them and their audience. As an example the research focuses on external dialogism means. As the result of the youth magazine (Cool, OOPS!, Yes!, Elle.Girl, Bravo, etc) mediatexts analysis it was established that external dialogism is used with the help of question-answer units, verbal and pronominal plural forms of the 2nd person, «we»-forms, questions, as well as forms of address and the Imperative forms.

Key words: socialisation function of youth magazines, intertextual cohesion, external dialogism.

Lesia Budnikovová
Filologická fakulta, Užhorodská národná univerzita, Užhorod (Ukrajina)

TVORENIE A PREKLAD ANATOMICKEJ TERMINOLÓGIE (NA MATERIÁLI SLOVENSKÉHO A UKRAJINSKÉHO JAZYKA)

Anotácia: V príspevku sa venujeme porovnaniu slovensko-ukrajinských ekvivalentov v anatomickej terminológii, pre ktoré bol východiskom latinský jazyk. Zameriavame sa na porovnanie slovenských anatomických termínov s predponami **medzi-**, **nad-**, **pod-**, **pred-**, **od-**, **pri-**, **za-** a ich ukrajinských ekvivalentov.

Kľúčové slová: anatomická terminológia, preklad, ekvivalent.

Terminológia medicíny sa vyznačuje dlhou históriou a jazykovým vývojom. Základom medzinárodnej podoby medicínskych termínov, ktoré sa delia na anatomické a klinické, je latinčina a gréčtina. Od medzinárodnej anatomickej terminológie sú závislé jej národné verzie, sú z nej odvodené. Úspech v úsilí o jednotnú medzinárodnú kodifikáciu anatomickej terminológie sa dostavil až koncom 19. storočia prácou *Bazilejské anatomické názvoslovie* (1895), po ňom boli schválené a publikované *Jenské anatomické názvoslovie* (1935) a *Parížske anatomické názvoslovie* (1955). Termíny obsiahnuté v *Parížskom anatomickom názvosloví* podliehali každých päť rokov revízii na medzinárodných kongresoch anatómov. Poslednú revíziu vykonala *Medzinárodná anatomická terminologická komisia*, predniesla ju na svojej XII. schôdzi v New Orleanse (1997) a uverejnila pod názvom *Terminologia Anatomica* (1998) (Bujalková 2008: 324). Táto terminológia obsahuje celkovo 7 428 termínov.

Na základe medzinárodnej podoby anatomickej nomenklatúry vznikli národné názvoslovia. V slovenčine je za prvé dielo predstavujúce slovenskú anatomickú nomenklatúru v ucelenej podobe považované *Nomina anatomica. Slovenské telovedné názvoslovie* (Ledényi-Ladziansky 1935). Neskôr bolo pod redakciou J. Horeckého publikované *Anatomické názvoslovie* (1962) a začiatkom 21. storočia slovníky autoriek A. Holomáňovej a I. Brucknerovej: *Srdcovocievna sústava. Anatomické názvy* (2000), *Anatomické názvy I* (2001), *Anatomické názvy II* (2002), *Anatomické názvy III* (2003). V roku 2007 bol v knižnej aj elektronickej verzii publikovaný slovník pod názvom *Slovenské lekárske názvoslovie. Slovak medical terminology. Nomina medica slovaca. Diel I. Anatómia. Latinsko-anglicko-slovenský slovník*, ktorú zostavil O. Kadlec (Bujalková 2008: 324). Najnovšou slovníkovou prácou v oblasti slovenskej anatomickej terminológie je *Anatomický slovník* v autorstve latinistu F. Šimona a kol. z oblasti humánnej a veterinárskej anatómie, ktorý vyšiel v roku 2015. V tom istom roku bol publikovaný *Latinsko-slovensko-poľský slovník anatomických termínov I* (2015) v autorstve Marty Vojtekovej. Slovník podáva anatomickú terminológiu v troch jazykoch: v latinskom, slovenskom a poľskom, zostavenú abecedne, podľa latinského jazyka. Venuje sa vybranej anatomickej oblasti: kostrovej sústave a kostiam, spojeniam kostí a sústave kĺbov. Okrem kompletného súboru termínov

zo sústavnej anatómie uvedený slovník podáva aj termíny pomenúvajúce časti ľudského tela, ktoré patria do všeobecnej anatómie (Vojteková 2015: 11).

Ukrajinská anatomická terminológia, podobne ako ostatné národné terminológie, vychádza z medzinárodne schváleného názvoslovia. Anatomická terminológia ukrajinského jazyka bola prvýkrát publikovaná v roku 1925 pod názvom *Nomina Anatomica Ucrainica.* Na vytvorení uvedenej ukrajinskej anatomickej terminológie pracovali takí významní anatómovia Ukrajiny ako M. Netliuch, I. Bobryk, V. Kovešnykov, V. Čerkasov a iní. V roku 2001 bola na Ukrajine publikovaná *Medzinárodná anatomická nomenklatúra. Ukrajinský štandard* (Bobryk – Kovešnykov 2001), ktorá v súčasnosti predstavuje záväznú podobu. Najnovšou prácou je *Medzinárodná anatomická terminológia* (*latinské*, *ukrajinské*, *ruské a anglické ekvivalenty*) (Čerkasov – Bobryk – Huminskyj – Kovaľčuk 2010), v ktorej sa latinské anatomické názvy prekladajú do štyroch jazykov. Väčšina jestvujúcich prekladových slovníkov je zameraná na rusko-slovenský/slovensko-ruský kontext. Z oblasti lekárskej terminológie bol v roku 1959 v Bratislave publikovaný *Veľký rusko-slovenský lekársky slovník* (Barna – Finďo – Horecký 1959), ktorý je však znova zameraný len na slovenčinu a ruštinu. Pri preklade ukrajinských názvov do slovenčiny a naopak sme preto nútení opierať sa vo veľkej miere o ruský jazyk. V roku 1985 bol publikovaný *Slovensko-ukrajinský slovník* P. Bunganiča, ktorý obsahuje okrem všeobecnej lexiky aj niekoľko lekárskych termínov. Podobne niekoľko anatomických termínov nachádzame v *Ukrajinsko-slovenskom slovníku pre základné a stredné školy* M. Čižmárovej a J. Kundráta (Čižmárová – Kundrát 2010).

Do dnešných čias neboli publikované žiadne lekárske či anatomické prekladové slovníky zamerané na slovenčinu a ukrajinčinu. Potreba pripraviť a publikovať slovensko-ukrajinský/ukrajinsko-slovenský anatomický slovník sa ukazuje najmä v posledných rokoch. Anatomickej terminológii v slovensko-ukrajinskom kontexte sa nevenuje veľa pozornosti ani na teoretickej rovine. Problematikou prekladu slovensko-ukrajinských lekárskych termínov sa zaoberá napr. ukrajinská bádateľka O. Maďarová (Maďar 2012, 2013). Vývinu ukrajinskej anatomickej terminológie od začiatkov do súčasnosti sa venuje napr. J. Bražuk (Bražuk 2014). Publikovaných bolo tiež niekoľko štúdií, ktoré sú zamerané na opis prekladových slovníkov (najmä rusko-ukrajinských a ukrajinsko-anglických) či na problematiku kodifikácie ukrajinskej anatomickej terminológie (najmä v súvislosti s puristickými tendenciami v roku 2000). Na tieto tendencie nadväzuje vydanie *Rusko-ukrajinského lekárskeho slovníka s cudzími názvami* (Nečaj 2000). Autor slovníka utvoril ekvivalenty k medzinárodným a ruským lekárskym termínom, ktoré by sa mali podľa neho používať v ukrajinčine, napr.: *aorta – б'ючостовбур*, *б'ючкостовбур* (укр. *аорта*), *atlas – двигач*, *двигар*, *ошийок*, *кобилка* (укр. *перший шийний хребець*, *атлант*).

V našej štúdii sa zameriame na porovnanie slovensko-ukrajinských ekvivalentov v anatomickej terminológii, pre ktoré východiskom bol latinský jazyk. Lexikálny materiál budeme čerpať z *Latinsko-slovensko-poľského slovníka anatomických termínov I* (Vojteková 2015) a z *Medzinárodnej anatomickej terminológie* (*latinské*, *ukrajinské*, *ruské a anglické ekvivalenty*) (Čerkasov – Bobryk – Huminskyj – Kovaľčuk 2010). Zameriame sa na porovnanie slovenských anatomických termínov s predponami **medzi-**, **nad-**, **pod-**, **pred-** ,

od-, **pri**-, **za**- a ich ukrajinských ekvivalentov. Treba však poznamenať, že pri adjektívnych lexémach sa v slovanskej slovotvornej literatúre možno stretnúť s rozličnou interpretáciou. V slovenskej literatúre sú interpretované ako utvorené: od substantív prefixálno-sufixálne (mimo-jazyk-ový), v niektorých prípadoch sa pripúšťa polymotivácia – derivácia od substantíva alebo adjektíva (bez-farebný/bez-fareb-ný). V poľskej jazykovednej literatúre sa časť lexém považuje za utvorenú od predložkovej konštrukcie (po śmierci → pośmiert-ny), časť od adjektív (pośredni → bez-pośredni), pri veľkej časti sa pripúšťa polymotivácia (bez dyskusji → bezdyskusyj-ny/dyskusyjny → bez-dyskusyjny), známe sú však aj iné (zriedkavejšie) interpretácie (bližšie porov. Vojteková, 2016a). V našej štúdii budeme vychádzať z postoja prezentovaného v slovenskej jazykovede, konkrétne v *Slovníku koreňových morfém slovenčiny* (2007), a všetky analyzované lexémy budeme považovať za utvorené pomocou prefixu.

V slovenských anatomických termínoch sa predpona **medzi**- vyskytuje najčastejšie pri prídavných menách, menej často pri podstatných menách, napr. subst. *medzičeľusť*, *medziplatňa*, *medzimozog*, adj. *medzihlavicový*, *medzihrbčekový*, *medzihrebeňový*, *medzichocholový*, *medzichrupkový*, *medzikľúčny*, *medzikostný*, *medzistavcový*, *medziklinový* (*medzihlavicová čiara*, *medzihrbčeková brázda*, *medzihrebeňová vzdialenosť*, *medzichocholová čiara*, *medzichrupkové kĺby*, *medzikľúčny väz*, *medzikostná blana*, *medziklinové väzy*). V ukrajinskom jazyku sa predpona **medzi**- pri substantívach v anatomickej terminológii nevyskytuje. Napríklad k slov. *medzimozog* (*diencephalon*) je v ukrajinčine ekvivalentné dvojslovné pomenovanie *проміжний мозок*, *medzičeľusť* (*os incisivum*/*premaxilla*) má ukrajinský ekvivalent *різцева кістка*, v niektorých prácach sa uvádzajú synonymá: *міжщелепна кістка* a *передверхньощелепна кістка.* Slovenský termín *medzičeľusť* je doslovným prekladom cudzieho termínu *premaxilla*, popri ktorom sa používa aj *os incisivum*. Základom ukrajinskej lexémy *різцева кістка* je zas dvojslovný termín *os incisivum*. Lexéma *medziplatňa* (*diploe*) má v ukrajinčine ekvivalentné dvojslovné pomenovanie *губчаста речовина.* V ukrajinčine sa predpona **medzi**- používa najmä na tvorenie prídavných mien, napr. *міжальвеолярний*, *міжчастковий*, *міжшлуночковий*, *міжклітинний*, *міжлопатковий*, *міжпередсердний*, *міжреберний*, *міжсудинний*, *міжсуглобовий*. Pri adjektívach možno v tomto prípade zaznamenať vysokú mieru medzijazykovej zhody, porov. *medzistavcová platnička – міжхребцевий диск*, *medzichocholová čiara – міжвертлюгова лінія*, *medzikostná blana – міжкісткова перетинка*.

Taktiež predpona **nad**- sa v slovenčine využíva pri tvorení podstatných mien (napr. *nadhlavica*, *nadplecok*) a prídavných mien (napr. *nadkĺbový*, *nadmostíkový*, *nadtŕňový*). Aj v ukrajinskej terminológii sa tento prefix využíva na tvorenie substantív a adjektív (porov. napr. subst. *надпліччя*, *надперенісся*, *надколінок*, *надвиросток*, *надяєчник* a adj. *надколінний*, *надлопатковий*, *надкістковий*, *надключичний*). Pri substantívach sa v ukrajinčine vyskytujú: (1) ekvivalentné lexémy s prefixom **nad**-, porov. *epicondylus – nadhlavica – надвиросток*, (2) dvojslovné pomenovania s využitím prefixu **nad**- pri adjektíve, porov. *acromion – nadplecok – надплечовий відросток*. Pri adjektívach sa v ukrajinčine vyskytujú len ekvivalenty s prefixom **nad**-, porov. *margo supraorbitalis –*

naodčnicový okraj – надочноямковий край, *sulcus supraacetabularis – nadpanvičková brázda – надкульшова борозна*, *extermitas acromialis claviculae – nadpleckový koniec kľúčnej kosti – надплечовий кінець ключиці*.

Predpona **pod-** sa v slovenčine pri anatomických termínoch vyskytuje väčšinou v prídavných menách (napr. *podčlenkový*, *podhrebeňový*, *podjabĺčkový*, *podkĺbový*, *podlonový*, *podmozgový*, *podočnicový*, *podsánkový*), menej v podstatných menách (napr. *podlôžko*). V ukrajinčine existuje podobná predpona **під-**, ktorá sa tiež vyskytuje v prídavných menách (napr. *підлопатковий*, *підколінний*, *підключичний*, *підпотиличний*, *підшлунковий*) a zväčša sa vyskytuje v ekvivalentných ukrajinských názvoch, porov. *podhrebeňová jama – підостьова ямка*, *podkĺbový hrbček – підсуглобовий горбок*, *podlonový uhol – підлобковий кут*, *podočnicový kanál – підочноямковий канал*, *podsánková jamka – піднижньощелепна ямка.* V niektorých ukrajinských termínoch sa zachováva cudzí prefix, resp. celá cudzia lexéma, ktorá je adaptovaná (napr. *fossa hypophysialis – гіпофізна ямка* – porov. aj slov. *podmozgová jama*). Osobitným prípadom v ukrajinčine je použitie dvoch prefixov, porov. *articulatio subtaralis – podčlenkový kĺb – піднадп'ятковий суглоб*, *plica synovialis infrapatellaris – podjabĺčková mazová krkva – піднадколінкова синовіальна складка.* Predpona **pod-**/**під-** sa v slovenčine môže vyskytovať v anatomických názvoch väčšinou v podstatných menách (*podrebrie*, *podnebie*). Podobné anatomické termíny možno pozorovať aj v ukrajinčine, ale vo väčšom rozsahu (*підребер'я*, *підборіддя*, *піднебіння*, *підніґтя*, *підшкір'я*, *підчерев'я*, *підколінок*).

Predpona **pred-** sa v slovenčine vyskytuje v substantívnych anatomických termínoch ako *predkolenie*, *predhorie*, *predlaktie*, *priedpriehlavok*. V ukrajinčine sa využívajú ekvivalenty s predponou **перед-**: *передпліччя*, *передсердя*, *передклин*, *передпідставка*.

V slovenských anatomických termínoch sa predpona **od-** vyskytuje pri podstatných menách ako *odrastok*, *odtiahnutie*, *odvrátenie*. Podobnou predponou sa tieto lexémy tvoria v ukrajinčine: *відросток*, *відведення*, *відвертання*, *відхідник*.

Taktiež predpona **pri-**/**при-** sa v oboch jazykoch využíva pri podstatných aj prídavných menách, napr. substantívne termíny v slov. *pritiahnutie*, *privrátenie*, v ukr. *приведення*, *привертання*, *привісок*, *придаток*, *приклаптик*, *приросток*, *присінок*, *приячко*, *приячник*; adjektívne termíny v slov. *prihlávkový výbežok – присосконодібний відросток*, *prinosové dutiny – приносові пазухи*.

Prefix **za-** sa v slovenčine vyskytuje väčšinou v podstatných menách (napr. *záhlavie*, *zákolenie*, *zápästie*), zriedkavejšie v prídavných menách (napr. *zastoličkový*). V ukrajinčine možno pozorovať výskyt predpony **за-** najmä pri substantívach (*завиток*, *закуток*, *заглибина*, *зап'ясток*). V ukrajinských substantívnych ekvivalentoch sa využíva buď identický prefix *carpus – zápästie – зап'ясток*, alebo iný prefix *poples – zákolenie – підколінок*. V adjektívach sa využíva zväčša ten istý prefix, napr. *fossa retromolaris – zastoličková jama – замолярна ямка*.

Na základe porovnania skúmaných slovenských a ukrajinských anatomických ekvivalentov môžeme povedať, že takmer všetky ekvivalenty sú v obidvoch jazykoch tvorené rovnakými prefixmi. V slovenčine aj ukrajinčine sa používajú domáce termíny popri medzinárodne platných anatomických názvoch. Slovenské a ukrajinské anatomické

ekvivalenty sa najčastejšie tvoria s využitím vlatných slovotvorných prostriedkov, ale niekedy v oboch jazykoch dochádza k prevzatiu cudzieho termínu a jeho prípadnej adaptácii.

V oblasti anatomickej terminológie sa prejavuje tendencia k eliminácii eponým, čo je v súlade so zásadami platnými v súčasnej anatomickej nomenklatúre (v makroskopickej anatómii). Preto sa zastarané termíny nahradili novými (napr. *tuba auditiva Eustachi → tuba auditiva*, *tuba uterina Fallopii → tuba uterina*, *glandula Bartholini → glandula vestibularis major*) (Bujalková 1999: 271 – 272). Porovnaj v slovenčine a ukrajinčine: *Eustachova trubica*/*sluchová trubica – Євстахієва труба*/*слухова труба*. Aj v národných jazykoch sa prejavuje tendencia k nahrádzaniu pôvodného názvu s eponymom za názov bez eponyma, porov. napr. *фалоппієва труба → маткова труба* (v slovenčine sa v tomto prípade vždy používal názov *vajíčkovod*).

V anatomickej terminológii názvy orgánov veľmi často poukazujú na ich umiestnenie alebo formu (tvar), napríklad *jama panvičky* (*fossa acetabuli*), *jama slzníka* (*fossa sacci lacrimalis*), *hrdlová jama* (*fossa juguralis*), *okrúhly otvor* (*foramen rotundum*), *veľký otvor* (*foramen magnum*), podobne je to aj v ukrajinčine, kde sa viac uplatňuje doslovný preklad z latinčiny, napríklad *fossa sacci lacrimalis* sa prekladá ako *ямка сльозового мішка* (v slov. *jama slzníka*). V niektorých prípadoch názov orgánu môže v slovenčine poukazovať na jeho funkciu a v ukrajinčine zas na jeho umiestnenie, napríklad slovenský termín *kývač hlavy* (*muskulus sternocleidomastoideus*) poukazuje na funkciu tohto svalu, v ukrajinčine sa prekladá doslovne z latinčiny a poukazuje na umiestnenie: *грудинно-ключично-соскоподібний м'яз.*

V slovenčine aj ukrajinčine viacslovné názvy vznikajú veľmi často doslovným prekladom, so zachovaním tvarov vo východiskovom jazyku. V ukrajinčine sa však na rozdiel od slovenčiny doslovný preklad latinského termínu uplatňuje dôsledne. V slovenskej anatomickej terminológii sa doslovný preklad uplatňuje len čiastočne (Vojteková 2016b: 31). Veľkú úlohu v odbornej praxi zohrávajú prekladové slovníky. Najrozšírenejšími sú dvojjazyčné prekladové slovníky. V súčasnosti je viac ako potrebné pripraviť slovensko-ukrajinský/ukrajinsko-slovenský anatomický slovník, ktorý však nevyhnutne musí vychádzať z medzinárodnej anatomickej terminológie. Táto potreba vyplýva predovšetkým z migrácie ukrajinských lekárov na Slovensko, pretože lekári prichádzajúci z Ukrajiny potrebujú nadobudnúť komunikačné zručnosti aj v oblasti slovenskej odbornej terminológie. Potenciálnymi adresátmi takéhoto slovníka sú však nielen lekári, ale aj zdravotníci, prekladatelia, študenti a učitelia. Pri tvorbe slovensko-ukrajinského anatomického slovníka vznikajú určité úskalia a otázky. Hlavnou otázkou je výber heslových slov, ktorý by mal vychádzať z medzinárodnej platnej anatomickej terminológie, formovanie materiálu, určenie lexikografických parametrov a ďalšie. Vyriešenie týchto otázok si vyžaduje čas a úzku spoluprácu slovenských a ukrajinských lingvistov a lekárov.

LITERATÚRA

BARNA, K. – FINĎO, B. – HORECKÝ, J., eds.: *Veľký rusko-slovenský lekársky slovník*. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1959.

BOBRYK, I. I. – KOVEŠNYKOV, V. H., eds.: *Medzinárodná ukrajinská nomenklatúra*: *Ukrajinský štandard*. Kyjev: Zdorovia, 2001.
BRAŽUK, J.: *Tendencie vývoja medzinárodnej lekárskej terminológie*: *anatomický vedecký podsystém.* [online]: http:// <irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?C21COM=2&I21DBN=UJRN&P21DBN=UJRN&IMAGE_FILE_DOWNLOAD=1&Image_file_name=PDF/apyl_2014_28_16.pdf>
BUJALKOVÁ, M.: Eponyms in Medical Terminology. In: *Bratislavské lekárske listy*, 100/5, 1999, s. 271 – 272.
BUJALKOVÁ, M.: Quo vadis, terminologia medica? (Alebo o smerovaní súčasnej lekárskej terminológie). In: *Kultúra slova*, 2008, 42, 6: 321 – 326.
BUJALKOVÁ, M.: O budúcnosti eponým v medicíne. In: *Kultúra slova*, 2009, 43, 4: 193 – 198.
BUNGANIČ, P.: *Slovensko-ukrajinský slovník.* Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1985.
ČERKASOV, V. – BOBRYK, I. – HUMINSKYJ, J. – KOVAĽČUK, O.: *Medzinárodná anatomická terminológia* (*latinské*, *ukrajinské*, *ruské a anglické ekvivalenty*). Vinnycia: Nova knyha, 2010.
ČIŽMÁROVÁ, M. – KUNDRÁT, J.: Ukrajinsko-slovenský slovník pre základné a stredné školy. Prešov: Nitex s. r. o., 2010.
CHOMA, O.: Preklad slovenských lekárskych termínov do ukrajinského jazyka. In: *Studia Slovakistica 12*: *Slovanská vzájomnosť.* Užhorod: Vydavateľstvo Olexandry Harkušovej, 2012, s. 77 – 84.
LEDÉNYI-LADZIANSKY, J.: *Nomina anatomica. Slovenské telovedné názvoslovie.* Turčiansky Sv. Martin: Matica slovenská, 1935.
MAĎAR, O.: Synonymia v lekárskej terminológii (v kontexte slovensko-ukrajinského prekladu). In: *Studia Slovakistica 13*: *Súčasné tendencie slavistiky.* Užhorod: Vydavateľstvo Olexandry Harkušovej, 2013, s. 54 – 61.
NEČAJ, S.: *Rusko-ukrajinský lekársky slovník s cudzími názvami.* Kyjev: Fond TT, 2000.
SOKOLOVÁ, M. – OLOŠTIAK, M. – IVANOVÁ, M. a kol.: *Slovník koreňových morfém slovenčiny.* 3., uprav. a dopl. vyd. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, 2012.
VOJTEKOVÁ, M.: *Latinsko-slovensko-poľský slovník anatomických termínov I.* Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity, 2015.
VOJTEKOVÁ, M.: *Slovenské a poľské adjektívum z aspektu slovotvornej motivovanosti*. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity, 2016a.
VOJTEKOVÁ, M.: Slovenská anatomická terminológia – súčasný stav a výzvy. In: *Studia Slovakistica 16*: *Slovenský jazyk a literatúra v zrkadle prekladu.* Užhorod: Vydavateľstvo Olexandry Harkušovej, 2016b, s. 26 – 33.

FORMATION AND TRANSLATION OF ANATOMIC TERMINOLOGY (ON THE MATERIALS OF SLOVAK AND UKRAINE LANGUAGES)

Abstract: The article deals with Slovak and Ukrainian anatomical terminology. Attention is paid to the formation of Ukrainian and Slovak equivalents of anatomical names with the prefixes medzi-, nad-, pod-, pred- , od-, pri-, za-. The possibilities of translating the Slovak anatomical term into Ukrainian are given.

Key words: anatomical terminology, prefix, equivalent, dictionary.

Галина Васильевна Кукуева
Филологический факультет, Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут (Россия)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ПРОФАЙЛЕ АВТОРА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемы самопрезентации русской языковой личности пишущего в интернет-пространстве. Материалом исследования послужили личные страницы непрофессиональных авторов, представленные на сайте Самиздат. В работе анализируются лингвистические факторы, формирующие виртуальный образ автора в профайле. В ходе исследования установлено, что характер самопрезентации зависит от генетической потребности русской языковой личности в общении, а также от влияния Интернет-коммуникации на характер бытования речевого жанра в виртуальном пространстве. Образ русской языковой личности в профайле автора имеет такие характеристики, как неоднозначность в представлении возрастных и гендерных признаков, эмоциональность, лиричность, самокритичность и самоироничность, желание выйти на диалог с читателем посредством использования приемов языковой игры.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, речевой жанр, языковая личность, самопрезентация, личная страница автора, языковая игра.

Речевые жанры, активно бытующие в сети интернет, актуализируют проблему изучения языковой личности пишущего. Любой пользователь может сегодня познакомиться с личным профайлом автора, его блогом, написать свои комментарии к прочитанному. Способы презентации пишущего становятся предметом пристального внимания лингвистов как с точки зрения коммуникативного подхода (Шмаков 2013; Басалаева, Шпильман 2015; Медведев 2015), так и с позиции жанроведения (Бондарева, Чистякова 2017; Кукуева 2019).

При описании русской языковой личности мы опираемся на характеристики русскоязычного сегмента интернета, названные М. Ю. Сидоровой: «1) специфичность русскоязычной интернет-коммуникации на фоне интернет-коммуникации, обслуживаемой другими языками; 2) неразрывная связь языковых явлений и коммуникативных процессов, имеющих место в Рунете, с вне-интернетовскими и доинтернетовскими явлениями и процессами такого же порядка, с общей историей развития русского языка» (2006: 76).

Таким образом, работая с языковым материалом, представленным в интернете, необходимо учитывать национально-культурный компонент и языковые особенности русского интернет-общения.

Особенность русской интернет-коммуникации, как нам кажется, предопределяется «стремлением носителей языка превратиться из фактора речекоммуникативного пространства в его центр и неспособности достичь этого; в резком повышении коммуникативной активности россиян и размывании речекоммуникативных норм, в нарушении баланса в отношениях тенденции к речевой

гармонии и тенденции к речевой агрессии в пользу последней» (Кощей – Чувакин 2006: 8).

Сложившаяся речекоммуникативная ситуация даёт все основания говорить о специфичности русской языковой личности в Интернет-пространстве.

Потребность в словесном творчестве у русской языковой личности продиктована, с одной стороны, такими эндемичными русскими коммуникативными категориями, как непринуждённое общение, разговор по душам (Стернин 2002: 87), с другой стороны, возможностью интернет-пространства удовлетворить эту потребность если не в полной, то в достаточной мере. Этими характеристиками представляется возможным объяснить появление в интернет-пространстве множества полупрофессиональных блогов, сайтов, порталов с текстами самодеятельных авторов. Причем эти тексты представляют собой гибридное образование, иными словами, интернет-жанр, характеризующийся единством формы и содержания, обладающий специфическими чертами коммуникативного характера и служащий для реализации отдельных интенций пользователя. Интернет-жанр имеет свой набор признаков: электронную форма существования, гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность, синхронность, вариативность количества коммуникантов, ограничение среднего объёма текста, стремление к самовыражению автора (Кукуева 2015).

Новая среда бытования речевого жанра диктует особый формат самопрезентации языковой личности. Сетевая личность пишущего определяется набором экстралингвистических и лингвистических факторов. К экстралингвистическим факторам отнесём мультимедийность, гипертекстуальность, интерактивность среды бытования личной страницы автора и его текстов, фактор адресата. Лингвистическими факторами являются языковые регулятивные средства (лексические, морфологические, синтактико-стилистические), служащие для выражения интенций пишущего.

В данной статье нами будут рассмотрены лингвистические факторы самопрезентации русской языковой личности в профайле автора. Для анализа были отобраны личные страницы авторов, представленные на сайте http://samlib.ru/ (журнал «Самиздат»).

Профайл автора – это центральное звено личной страницы пишущего. Здесь размещаются аватар, статус, сведения об авторе, электронный адрес, рейтинги, рекомендации автора под заголовком «Начните знакомство с…», авторские аннотации, предваряющие список текстов. В представлении данной страницы просматриваются основные черты образа пишущего, которые в дальнейшем публика ожидает увидеть в текстах, предлагаемых для чтения и обсуждения, однако эти черты могут служить элементом сознательной языковой игры. Так, например, автор страницы, скрывающийся под ником Muller, выстраивает свой виртуальный образ, используя приём градации – от положительных качеств к отрицательным: *Инженер-геодезист. Технократ. Анархист. Мизантроп. Атеист. Тролль. Псих. Хам* (http://samlib.ru/p/parteigenosse/). Автор Ван Узилс, Пол для представления своего

образа в профайле прибегает к языковой игре как к модели особого поведения и нестандартного отношения к происходящему с целью создания комического эффекта. Языковая игра, к которой прибегает пишущий, основывается на приёме переосмысленного включения цитат из других текстов: *Высокий блондин в чёрном ботинке, который не любит моделей-блондинок. Лежу, как Обломов, я на диване: Сигарета в руке и водка в стакане (*http://samlib.ru/w/wonuzils_p/*).* В примере наблюдается контаминация двух основных образов – незадачливого героя из французской комедии «Высокий блондин в чёрном ботинке», роль которого исполнил Пьер Ришар и Ильи Обломова из одноименного романа И. А. Гончарова «Обломов». Ссылка на данные образы свидетельствует об интеллекте пишущего, о его знании не только русской классической литературы, но и мирового кинематографа. Цитируемые персонажи представляют собой контрастные типы личностей. Их столкновение в новом контексте, с одной стороны, способствуют выстраиванию противоречивого виртуального образа пишущего, с другой – рождает смеховой эффект, служит знаком «баловства» автора исключительно ради развлечения.

В профайлах пишущий характеризуется как массовый непрофессиональный автор, отрыто заявляющий о себе: Олег Александрович Шушаков. Родился в 1962 году в Новосибирске. Окончил Новосибирский электротехнический институт, Московский университет потребкооперации при Центросоюзе РФ и Российскую академию государственной службы при Президенте РФ. Опубликовал нескольких сборников стихотворений, романы «Горошина для принцессы», «И на вражьей земле» и «Зимняя война» (http://samlib.ru/s/shushakow_o_a/). В информации об авторе, размещённой на личной странице, отражены биографические данные, образование, социальный статус, а также результаты творческого процесса. Сведения излагаются лаконично, официально-деловым языком, что свидетельствует, во-первых, о владении пишущим нормативной письменной речью, во-вторых, о вероятности совпадения виртуального образа автора с реальным. Однако большая часть авторов сайта Самиздат предпочитает скрывать свое «я» под ником, используя в роли виртуального имени междометия Упссс, Гырр, Ня, окказиональные сочетания слов Се Юрия Ал, иноязычные наименования, написанные латиницей Lazyrat, Hoboct, Zaratustra, оценочные номинации Кот Помоешный, Злобный Ых. В таком случае гендерные или возрастные характеристики автора остаются скрытыми. Так, например, пишет о себе автор Lazyrat: Оно вам надо – знать, кто я? Человек божий, покрытый кожей... (http://samlib.ru/l/lazyrat/).

Часть ников представляет собой метафорические наименования: *Искра от Костра, Снежная кошка* или оценочные номинации с оттенком иронии *Бабка-Угадка, Мартышка Лю, Кикимора,* уменьшительно-ласкательные имена *Няшечка У*, *Чижик Нюша*. Семантика ников, а также их грамматические характеристики (все имена имеют морфологические показатели женского рода) дают основание предположить, что авторами текстов являются женщины. Как правило, в таких профайлах автор представлен как эмоциональная личность. Например, автор под ником Снежная кошка пишет о себе: *Цветок ли я? Бабочка иль чудище? Как же жалок этот мир. Не во*

*вражде причина ли? Алым росчерком мелькнёт клинок в руке моей...(*http://samlib.ru/l/lukina_m/*).* Нанизывание риторических вопросов служит стилистическим приёмом привлечения читателя к виртуальному образу пишущего. Номинативы *цветок, бабочка,* казалось бы, конструируют в профайле лирический образ пишущего, однако диссонансом звучит фраза *Алым росчерком мелькнёт клинок в руке моей*. Что понимает автор под высказыванием *алый росчерк клинка*? Процесс творчества? Или данное высказывание представляет собой метафорический образ, за которым скрыт основной пафос текстов? Несомненно, неоднозначность в интерпретации образа пишущего активизирует читательское внимание, заставляет обратиться к просмотру остальных композиционных частей личной страницы.

Особое место в профайле отведено элементу «Обращение к читателю», например, автор под ником Врочек Шимун пишет: *Если вы зашли в этот раздел, чтобы прочитать что-то простое и радостное, то, боюсь, вы очень ошиблись в своем выборе. Поначалу рассказы могут показаться вам занимательными, поскольку герои весело проводят время в приключениях и лихо выбираются из самых гиблых передряг, но не обманывайтесь на этот счет. Зная о том, как легко радость обращается в горе, а смех переходит в свою противоположность, вы всё время будете чувствовать за спиной героев тяжёлое дыхание злого рока. Вас не ждёт ничего, кроме боли, гнева и страха, разрушенных судеб и разбитых мечтаний. И даже отчаянное мужество героев не приведет их ни к чему, кроме ужасной смерти. Автор в последний раз призывает вас одуматься и нажать на кнопку "закрыть" в вашем браузере. В противном случае я умываю руки* (http://samlib.ru/w/wrochek_s/about.shtml). В данном обращении заложена основная сюжетная линия произведений автора. Смешение элементов разговорного (*лихо выбираться, гиблые передряги, умывать руки*), художественного (*тяжелое дыхание злого рока, радость обращается в горе*) и официально-делового (*призывает вас одуматься)* стилей говорит о свободном отношении пишущего к слогу и, возможно, о языковой игре. Фраза-предупреждение: *Автор в последний раз призывает вас одуматься и нажать на кнопку "закрыть" в вашем браузере* играет роль стилистического приёма, посредством которого пишущий на самом деле пытается заинтриговать читателя, привлечь его внимание к текстам.

Автор под ником «Упссс» в разделе «Об авторе. РУКОВОДСТВО ПО ПОЛЬЗОВАНИЮ АВТОРОМ» экспериментирует с собственной идентичностью и выстраивает персональный дискурс, в котором получает возможность свободы самовыражения и абсолютного управления впечатлением о себе. Несоответствие между сетевым и реальным образами последовательно выстраивается по нескольким параметрам: анонимность автора (замена персональных данных виртуальным ником), выделение доминантной лексемы в самопрезентации, актуализация грамматически маркированных средств, свидетельствующих о сетевой или реальной идентичности. Рассмотрим данные параметры более подробно.

1. Анонимность автора. Отметим, что лексема междометного происхождения «Упссс», выбранная в качестве виртуального имени автора, с точки зрения грамматических характеристик не имеет рода, поэтому читателю сложно оценить гендерный статус пишущего.

2. Использование существительного мужского рода «автор» как доминантной лексемы в самопрезентации. В четырёх пунктах раздела «Об авторе. РУКОВОДСТВО ПО ПОЛЬЗОВАНИЮ АВТОРОМ» читаем: *Автор – довольно странный человек со своеобразным взглядом на мир. Поступки и поведение автора нередко входят в противоречие с общепринятыми нормами. Сам по себе автор – существо исключительно миролюбивое и в принципе необидчивое. Автор – убежденный пацифист* (http://samlib.ru/u/upsss/). Чтение данных пунктов руководства рождает в сознании читателя чёткое представление об авторе-мужчине, явно не лишённом чувства юмора.

3. Наличие грамматически маркированных единиц (глаголов, существительных с субъективной оценкой и т. д.). В рассматриваемом примере именно грамматические средства становятся актуализаторами женского гендерного стереотипа: *Прям реально тупит, потому что автор – периодически* ***дура****, и это признает. Автор относится к себе с изрядной долей самоиронии. Если кому-то кажется, что автор – сноб и* ***заумная грымза****, значит, автору просто удается держать хорошую мину при плохой игре. Автор* ***пошла*** *на поводу у читателей. У автора хренова туча разных идей и 24 часа в сутках. На которые претендуют муж, ребенок, работа, родственники, друзья и хобби*.

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. В самопрезентации русской языковой личности пишущего первостепенное значение имеет генетически заложенная потребность к общению и возможность интернета реализовать эту потребность через систему малых речевых жанров, компенсирующих желание к самовыражению. Самопрезентация заключается в создании собственного виртуального образа посредством профайла как своеобразной визитной карточки языковой личности. Экспериментирование авторов с презентацией своего образа на личной странице прежде всего доказывает стремление выразить своё многогранное «Я». Наряду с этим создание виртуального образа преследует познавательную функцию: русская языковая личность в новом образе предпринимает попытку понять себя, возможно, раскрыть в себе грани, о которых не подозревала ранее. Кроме этого профайл автора объясняет мотивы написания текста и выбор жанровой формы, нацеливает на непосредственное живое общение.

В профайле автора перед аудиторией предстает образ русской языковой личности, наделённой такими качествами, как эмоциональность, самоироничность, самокритичность, желание поиграть с публикой посредством особой системы стилистических приемов.

ЛИТЕРАТУРА

БАСАЛАЕВА, Е. Г. – ШПИЛЬМАН, М. В.: Многоточие как объект языковой рефлексии в Интернет-дискурсе. In: *Сибирский филологический журнал*, 2015, 3: 248 – 255.

БОНДАРЕВА, Е. П. – ЧИСТЯКОВА, Г. В.: Тактико-стратегический анализ виртуальных самопрезентаций. In: *Сибирский филологический журн*ал, 2017, 1: 137 – 148.

КОЩЕЙ, Л. А. – ЧУВАКИН, А. А.: Homo Loquens как исходная реальность и объект филологии: к постановке проблемы. In: *Филология и человек*, 2006, 1: 8 – 20.

КУКУЕВА, Г. В.: Лингвопрагматическая модель речевого жанра эссе в Интернет-коммуникации. In*: Филология и человек*, 2015, 3: 29 – 37.

КУКУЕВА, Г. В.: Самопрезентация языковой личности пишущего (на материале интернет-жанра эссе). In: *Сибирский филологический журнал*, 2019, 1: 252 – 265.

МЕДВЕДЕВ, С. А.: Некоторые тенденции развития отношений автор – читатель в Интернет-рецензии. In: *Филология и человек*, 2015, 1: 124 – 130.

СИДОРОВА, М. Ю.: Лингвистическая уникальность и лингвистическая банальность русского Интернета. In: *Филология и человек*, 2006, 1: 76 – 89.

СТЕРНИН, И. А.: О национальном коммуникативном сознании. In: *Лингвистический вестник*. Ижевск, 2002, 4: 87 – 94.

ШМАКОВ, А. А.: Коммуникативное моделирование как методика изучения бытия текста с обращением в интернет-коммуникации. In: *Мир науки, культуры, образования*, 2013, 4 (41): 15-18.

LINGUISTIC FACTORS OF REPRESENTATION OF THE RUSSIAN LANGUAGE PERSONALITY IN THE AUTHOR'S PROFILE

Annotation. The article is devoted to the consideration of the problem of self-presentation of the Russian language personality of a writer in the Internet space. The research material was personal pages of non-professional authors, presented on the Samizdat website. The paper analyzes the linguistic factors that form the virtual image of the author in the profile. The study found that the nature of self-presentation depends on the genetic need of the Russian language personality in communication, as well as on the impact of Internet communication on the nature of the existence of the speech genre in virtual space. The image of the Russian language personality in the author's profile has such characteristics as ambiguity in the presentation of age and gender signs, emotionality, lyricism, self-criticism and self-irony, a desire to enter into dialogue with the reader through the use of language game techniques.

Keywords: Internet communication, speech genre, language personality, self-presentation, author's personal page, language game.

VI. Kognitívna lingvistika a teória slovanských spisovných jazykov

Когнитивная лингвистики и теория славянских литературных языков

Татьяна Сироткина
Филологический факультет Сургутского государственного педагогического университета, Сургут (Россия)

ОБРАЗ РЕГИОНА В СОВРЕМЕННОЙ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

Аннотация: Материалом для описания образа определённого региона могут являться самые различные тексты. В настоящем докладе на материале текстов диалектной речи и художественных произведений региональных авторов будут рассмотрены образы Севера Западной Сибири. Исследование показало, что и в записях живой речи носителей языка и в художественных текстах ярко репрезентируются такие черты региональной идентичности жителей Севера Западной Сибири, как хорошее знание природы региона, способов выживания в тяжёлых климатических условиях, традиционных местных промыслов.

Ключевые слова: образ региона, диалектная речь, региональная идентичность.

В последнее время, в связи с усилением процессов глобализации и интеграции, актуальным является исследование проблем региональной идентичности – «системной совокупности культурных отношений, связанных с понятием «малая родина» (Крылов 2005: 13). Материалом для анализа феномена региональной идентичности могут являться самые различные тексты, однако, как справедливо отмечают лингвисты, весьма показательной в этом отношении является именно диалектная речь.

Исследования, посвящённые изучению региональной идентичности жителей Севера Западной Сибири, очень немногочисленны, как немногочисленны и источники диалектного материала, на котором может строиться описание региональной идентичности жителей региона. Это «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби» в трёх томах (Томск, 1964 – 1967) под ред. В. В. Палагиной, «Мотивационный диалектный словарь (говоры Среднего Приобья)» под ред. О. И. Блиновой (Томск, 1982. Т. 1; Томск, 1983. Т. 2), «Полный словарь сибирского говора» в четырёх томах под ред. О. И. Блиновой (Томск, 1992 – 1995), «Материалы для областного словаря (специальная лексика северных районов Тюменской области в 4-х тт.) А. М. Кошкаревой и некоторые другие.

Наше исследование осуществлялось на материале сравнительно нового лексикографического источника – книги «Русское слово на земле Югорской (опыт словаря старожильческих говоров Обь-Иртышского Междуречья» (Русское… 2014). Данный словарь состоит их трёх частей, созданных разными авторами. Первая часть составлена научными сотрудниками, доцентами А. А. Пыхтеевой и Ю. В. Исламовой. Вторая часть – словарь-воспоминание В. К. Белобородова «Слово за слово» – вошла в издание в редакции автора. Третья часть, предпринятая Ю. В. Катерминой, – попытка составить словарь диалектных слов колоритного произведения местного писателя Ф. Кабарина «Самарьяне».

Наши наблюдения показали, что образ Севера Западной Сибири репрезентируется в текстах диалектной речи прежде всего через образ жителей данной

местности, их занятия, промыслы, традиции. И это не случайно. Как отмечают исследователи, «диалектоносителям мир представляется более вещным, чем носителям литературного языка» (Демидова 2011: 6). Названия людей по роду деятельности отражают такие аспекты жизни социума, как выпас скота и птицы («*Гусевальщик*, это на охоте когда, выпускает звуки гусиные» – Русское…: 34), ловля рыбы («На берегу, когда стрежевой невод везут, поддерживают крыло невода. Специально *мётчик* бросает невод в воду» – Русское…: 62).

В речи носителей языка представлены традиционные занятия жителей региона, позволяющие им выжить в суровых северных условиях. Так, например, многие мужчины *белковали* – охотились на белку: «Муж мой охотился на белок, белковал с ноября месяца»; «Белковать – бить белку. Так стреляют, чтобы шкуру не попортить» (Русское…: 16). О том, что пушной промысел на Тобольском Севере был одним из непременных условий существования, свидетельствуют и наблюдения историков. По словам Е. И. Гололобова, в 20-е гг. XX в. «продовольствие и необходимые промышленные товары на севере обменивались исключительно на пушнину, пушниной же выплачивалось жалованье совслужащим, взимались налоги и развёрстка» (Гололобов 2018).

Еще один аспект отражения образа региона – репрезентация сибирской флоры и фауны. Будучи тесно связанными с лесом, жители Сибири хорошо знают растения тайги, животных и птиц, обитающих в ней: «В лесу птица есть такая, белая дикая гусыня, называют *белозобая казарка*» (Русское…: 16).

Не менее показателен образ географического пространства Севера Западной Сибири. Умение ориентироваться в этом пространстве связано не только с природным чутьём, но и со знанием особенностей отдельных географических объектов. Поэтому чаще всего местные топонимы получают свои названия по каким-либо индивидуальным особенностям: «по конфигурации объекта (Наисуган – «парная речка»), по характеру почвы (Кыш-Юган – «песок-река»), по физическому состоянию (Потым – «холодная речка»), по его местоположению в пространстве относительно другого объекта или его части (Вершинские юрты, Березовский уезд)» (Русское…: 54). Интересно то, что словарь «Русское слово…» включает, наряду с нарицательной лексикой говоров Обь-Иртышского Междуречья, и некоторые топонимы, встречающиеся в речи информантов, на примере которых мы можем наблюдать, в частности, традицию именования объекта по связи с человеком: «До сих пор называются Васины озера» (Русское…: 25). Кроме того, жители определённой местности получают оттопонимные коллективные прозвища (*залетние* – люди, живущие за рекой Летняя): «А за рекой залетние живут, дорогу размыло грязью там, как пройдете через мост, не знаю» (Русское…:. 42).

Важным условием выживания человека на севере являются наблюдения за погодой. Диалектоносителям важны любые приметы погоды, буквально то, откуда дует ветер, поэтому они знают не только направления, но и названия ветров: «Зимой холод *борей* с севера приносит: как начнет дуть, и без перебоя три-четыре дня» (Русское:. 20).

Ещё одним необходимым условием существования в имеющихся условиях является изготовление соответствующей климату одежды и обуви. Именно поэтому в речи жителей региона так многочисленна данная тематическая группа лексики. Лексемы, составляющие её, называют:

- тёплую зимнюю одежду: «*Борщак* – это типа шубы такой. Одежда это зимняя» (Русское…: 21); «*Кенчики* из шкур шьют, вместо носков, чтобы тепло было» (Русское…: 50);

- одежду и обувь для охоты и рыбалки: «Мужики у нас в деревне все в таких сапогах ходят, кожаные снизу и меховые сверху. Оденем *бродни*, сапоги такие для рыбалки, и вперед, хоть по воде ходи» (Русское…: 23); «Самая теплая обувь-то была – *бурки*, были они только у охотников» (Русское…: 24); «На рыбалку надевали *ватники*» (Руское…: 25);

- национальную одежду и обувь: «Тебе еще слово скажу хантыйское, ты его не знаешь. Ичики – это вот такая обувь женская высокая. Она из оленьей шкуры делается (Русское…: 47).

Наряду с рассмотренной группой лексики, широко представлена в речи носителей говоров группа лексем, называющих различные приспособления для охотников и рыболовов. Использовались жителями региона ловушки на зверя и птицу, приспособления для зимней и летней рыбалки: «Из конских волос делат *плёнки*, куропаток ловить, *кулёмки* на белку, на куницу, на соболя, *майна* – лунка для подводного лова» (Русское…: 55); «На *манчики* утки сразу прилетят» (Русское…:. 61); «Лед из лунки черпали *зюзьгой*. Зюзьгу еще зовут сак» (Русское…:. 36); «*Морды* делали из дерева или из реек… Морда – это то же самое, что и фитиль, только плетется из тонких прутиков» (Русское…: 63).

Средством передвижения по большим и малым северным рекам служили и до сих пор служат самые различные лодки. Используя в речи лексемы, называющие лодки, носители языка отмечают взаимосвязь национальных традиций в изготовлении одного и того же предмета («*Бударка* – деревянная лодочка, как *долблёночка* хантыйская» – Русское…: 24), описывают материал, из которого они изготавливались («*Долблёнка-осиновка* – из осины» – Русское…: 35), а также способ изготовления и особенности передвижения на них («Калданка – маленькая лодочка. Она не сколачивается из досок, а выдалбливается. Одно весло, на ней нужен навык серьезный, а то махом с нее...» – Русское…: 48).

Наряду с рыболовством и охотой, местные жители всегда занимались собирательством. Собранные ягоды и цветы служат и для употребления в пищу, и для лечения: «*Голубица* – ягода такая лесная, но больше всего по краям болот» (Русское…: 32), «Дочку *девесилом* пою – простыла. Лечебная трава от кашля» (Русское…: 35).

Традиционная пища жителей Севера Западной Сибири, как и пища жителей других регионов, включала различные блюда из крупы («Болтушка пожиже, а заваруха погуще» – Русское…: 41), мучные изделия («Курник с картошки делают и много лука добавляют. Картошки мелко порежут, закрывается посередине, лук кольцами,

закрывается, чтобы воздух попадал, делают дырочку в тесте посередине» – Русское…: 56).

Наконец, необходимо отметить, что традиционно исследуемый регион считается регионом нефте- и газодобычи. Однако в рассказах жителей Югры встречаются и упоминания о добыче соли: «Вот раньше подрабатывали – соль таскали. А мешки таскать неудобно же. Поэтому одевали горбушу. А горбуша – это небольшой ящик на спине с лямками. Когда к месту подходишь, дергали веревку и соль из днища высыпалась» (Русское…: 33).

Таким образом, в записях живой речи носителей языка ярко репрезентируются такие черты региональной идентичности жителей Севера Западной Сибири, как хорошее знание природы региона, способов выживания в тяжёлых климатических условиях, традиционных местных промыслов. Исследование таких текстов в комплексе с другими источниками (научными, художественными, публицистическими) позволит описать образ данного региона более полно и репрезентативно.

ЛИТЕРАТУРА

ГОЛОЛОБОВ, Е. И.: Пушной промысел в системе хозяйства Тобольского Севера в 20-е гг. XX в. In: *Сибирская Заимка: История Сибири в научных публикациях* [online]: zaimka.ru / gololobov-pushnoy-promysel.

ДЕМИДОВА, К. И.: Диалектная лексика как источник изучения диалектной языковой картины мира в психолингвистическом аспекте In: *Вестник Южно-Уральского гос. ун-та*, 2011, № 22: 6 – 9.

ИСЛАМОВА, Ю. В.: Монография А. А. Дунина-Горкавича «Тобольский Север» как источник топонимической информации. In: *Вестник угроведения,* 2014, № 4 (19): 53 – 56.

КРЫЛОВ, М. П.: Региональная идентичность в историческом ядре европейской России. In: *Социологические исследования,* 2005, № 3: 13 – 23.

Русское слово на земле Югорской (опыт словаря старожильческих говоров Обь-Иртышского Междуречья). Ханты-Мансийск, 2014.

THE IMAGE OF THE REGION IN MODERN DIALECT SPEECH

Abstract: The material for describing the image of a particular region can be a variety of texts. In this report, on the basis of dialect speech texts and works of art by regional authors, images of the North of Western Siberia will be considered. The study showed that such features of the regional identity of residents of the North of Western Siberia, such as a good knowledge of the nature of the region, ways of survival in difficult climatic conditions, and traditional local handicaps, are vividly represented in the live speech recordings of native speakers and artistic texts.

Key words: region image, dialect speech, regional identity.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-412-86002 «Север Западной Сибири: образы в разных типах дискурса»).

Ирина Короткевич
Филологический факультет, Белорусский государственный университет, г. Минск (Беларусь)

ЭТНИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ В СЛАВЯНСКИХ СЛОВАРЯХ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Аннотация: Славянские словари национального значения (*Словарь беларусского наречия* И. Носовича, *Словарь польского языка* С. Линде, *Словарь живого великорусского языка* В. Даля, *Словарь украинского языка* Б. Гринченко), хотя и отличаются хронологически и количественно, включают в свой реестровый и иллюстративный материал такие единицы, которые указывают на психологическое и культурное единство носителей языка: пословицы, поговорки, описания обычаев и обрядов, что позволяет утверждать о нациеобразующем характере этих словарей. Наличие в реестре и иллюстрациях словарей национально-культурного компонента было вызвано общей просветительско-романтической тенденцией изучения духовного наследия славянских народов. Также словари отражали исторически актуальные процессы в славянских странах и литературных языках: словарь И. Носовича – желание выделиться из границ *западноруссизма*; словарь С. Линде – включить свой язык в общеславянский контекст; словарь В. Даля – определить пути развития русского литературного языка; словарь Б. Гринченко – стремление очертить культурный и языковой центр государства.

Ключевые слова: славянская лексикография, национально-культурный компонент.

В определённый исторический и этапный периоды лексикографические источники разных народов своими основными чертами отражают процесс становления национального самосознания этих народов и играют схожие роли в формировании их языковых систем, поэтому можно говорить об общих закономерностях в историческом развитии национальной словарной практики. В качестве примера рассматриваются беларусский нациеобразующий словарь (*Слоўнік беларускай мовы* И. Носовича, 1870) и лексикографические источники соседних с Беларусью славянских народов – *Słownik języka polskiego* С. Линде (1807 – 1814), *Словарь живого великорусского языка* (1863 – 1866) В. Даля и *Словарь української мови* Б. Гринченко (1907 – 1909). Эти словари можно считать нациеобразующими, т. к. они, хоть и отличаются хронологически и количественно, включают в свой реестровый и иллюстративный материал единицы, указывающие на психологическую и культурную совместность носителей языка: пословицы, поговорки, описания обычаев и обрядов.

***Слоўнік беларускай мовы* И. И. Носовича** (*Словарь белорусского наречия*) был запланирован Императорской академией наук как часть *Опыта словаря областных наречий*, но издан в Санкт-Петербурге в 1870 г. как самостоятельный труд. Словарь И. И. Носовича систематизировал лексику и фразеологию живой народной беларусской речи и стал источником изучения не только беларусского языка, но и древних памятников письменности – актов, грамот, фольклорных сборников.

В предисловии к словарю И. Носовича указаны такие источники лексического материала: а) памятники устной народной словесности: песни, пословицы, поговорки,

сказки и др.; б) сборники слов, собранные И. Носовичем во время поездок по Могилевской, Минской и Гродненской губерниям и по пограничным с ними губерниям Привисленского региона; в) алфавитный показатель старинных беларусских слов из Актов Западной России, составленный Носовичем по поручению отделения русской словесности Императорской академии наук; г) несколько небольших сборников слов беларусского наречия из опыта областного словаря великорусского наречия; д) немногочисленные материалы беларусского наречия и словесности, напечатанные в *Известиях Императорской Академии Наук* по отделению русского языка и словесности, в *Трудах Московского общества любителей словесности*, в *Этнографическом сборнике Императорского Русского географического общества*, в сборниках Я. Чечота и Р. Зенкевича.

Ориентация на диалектный материал, интерес самого автора к фольклору и этнографии беларусов отразились на объяснительном и иллюстративном аппаратах словаря. Значения реестровых единиц раскрываются авторскими толкованиями в виде идиоматических выражений, загадок, строк из народных песен, общеупотребительными и диалектными (восточные регионы) цитатами. Составитель указывает на фольклорные характеристики источников (*валачобная песня, духоўная песня, калыханка, хрэсьбінная песня, прыказка, прымаўка, рэкруцкая песня, вясельная песня*), размещает в реестре наименования мифических существ, персонажей из народных сказок и поверий, не только семантизируя их, но и раскрывая исторические сведения об их происхождении. Это косвенным образом подтвердило этническую давность и аутентичность наименований-этнографизмов, придало словарю определённую историко-культурную ценность и отразило фольклорно-диалектную основу беларусского литературного языка. Так обобщение в одном труде богатейших лексических ресурсов т. наз. *наречия* дало И. Носовичу возможность утвердить наличие на славянской языковой карте самостоятельного славянского *языка*.

Słownik języka polskiego **С.Б. Лінде** был издан в 6-ти томах в 1807 – 1814 гг. В Варшаве (второе издание – в 1854 – 1861 гг., Львов). Издание словаря С. Линде было предопределено историко-культурной ситуацией в Польше в конце XVIII – начале XIX вв., когда под угрозой утраты национальной независимости борьба за родной язык приобрела острое политическое значение.

Материал для этого словаря был взят из произведений наиболее известных писателей начиная с XVI в. и живой речи того времени с целью показать все возможности польского литературного языка. Реестровая часть словаря охватывает огромный корпус польской лексики: историческую (язык литературы 1540 – 1800-х гг. из произведений Я. Кохановского, П. Скарги, И. Красицкого и др.) и современную для того периода (в том числе некоторую часть разговорной лексики). К заголовочным словам и их семантизации дан немецкий перевод и приведены эквиваленты из славянских языков, которые автор понимал как диалекты единого языка, что объективно содействовало будущему сравнительно-историческому изучению славянских языков. Иллюстрации к реестровым единицам подбирались таким

образом, чтобы отразить динамику развития значения этих единиц. Во Вступлении к словарю С. Линде подчеркивает своё стремление собрать вместе и сравнить разные названия языческих божеств и народных празднеств, для чего он включает короткие описания обрядов. Таким образом, несмотря на общую тенденцию тяготения к культурным ценностям эпохи Просвещения (преобладание интереса к книжной лексике, к появлению общественно-научной терминологии), в словаре, тем не менее, частично представлена лексика народной материальной и духовной культуры.

На лексикографическую концепцию словаря С. Линде опирался новый *Словарь польского языка*, созданный во главе с Я. Карловичем, А. Крыньским и В. Недзвецким уже на рубеже XIX – XX вв. (1900 – 1927 гг.), однако реестровая часть словаря 1900 – 1927 гг. в сравнении со словарем С. Линде значительно пополнилась за счёт рукописей XV в., большого количества заимствований, а главное – значительного массива диалектной лексики. Исторический характер словаря С. Линде обеспечил ему одно из главных мест в авторской европейской лексикографии того времени.

В российской лексикографической традиции таким словарём можно считать ***Словарь живого великорусского языка*** **В. И. Даля** (1 – 4 тт., 1863 – 1866, более 200 тыс. слов), который содержит русскую лексику разных коммуникативных форм, как народно-разговорной (в т. ч. жаргонной и диалектной), так и письменной (литературной). Словарь содержит некоторое количество окказионализмов, иногда не совсем правильно передает грамматику, но точно отражает языковые реалии XIX в.

В своём словаре В. И. Даль представил народную лексику в тесной связи с её фольклорно-этнографической основой: и реестр, и иллюстрации содержат оригинальные пословицы и поговорки, заговоры, суеверия и народную мифологию. К словарным статьям В. И. Даль предлагает этнографические комментарии, среди реестровых единиц значительную часть составляют лексемы – термины традиционной духовной культуры. Такой этнолингвистический подход к составлению словаря был вызван стремлением его автора обратить внимание общественности на живое русское слово и его фольклорно-этнографические истоки, показать народный дух языка в противовес множеству заимствований и церковнославянизмов.

Хотя деятельность В. И. Даля по сбору русской лексики и велась им самостоятельно, всё же эта работа координировалась *Обществом любителей российской словесности* – литературно-научным обществом при Московском университете, которое существовало с 1811 по 1930 гг. В центре внимания общества, членами которого являлись А. Х. Востоков, Я. К. Грот, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, а также многие писатели, фольклористы, историки, деятели театра, композиторы и просто образованные люди, были вопросы культуры речи, пути развития и нормализации русского литературного языка. Поэтому можно считать, что проблемы объединения в словаре общепринятой литературной и живой лексики разных регионов России носили характер широкого общественного обсуждения и отражали культурно-исторические и социальные требования времени.

Словарь української мови **Б.Д. Гринченко** (1 – 4 тт., 1907 – 1909 гг., около 70 тысяч слов) и в настоящее время считается одним из наиболее авторитетных украинских лексикографических источников. Это был первый фундаментальный переводной словарь украинского языка, предназначенный для русскоязычных пользователей, материал для которого собирался многие годы редакцией журнала *Киевская старина* и редактировался Б. Гринченко. На его упорядочение автор отвёл около трёх лет, дополнив его своими наработками. Как и в *Словаре беларусского наречия* И. И. Носовича, украинские слова толковались по-русски (это были времена, когда украинское публичное слово, как и беларусское, было официально запрещено в Российской империи), и украинская национальная интеллигенция отыскивала любые способы обойти правительственные ограничения. Словарь охватывает лексику украинского языка периода конца XVIII в. (от И. Котляревского) до 1870 г., иногда встречаются лексемы из произведений украинских писателей до 90-х гг. XIX в., сборников народного творчества М. Максимовича, А. Метлинского, М. Левченко и др. К украинскому реестру приводятся одно или несколько русских слов-соответствий либо описательная семантизация по-русски. При украинских реестровых ботанических и зоологических наименованиях указываются латинские соответствия. Многие реестровые слова иллюстрируются примерами употребления в литературной или живой народной речи. Кроме того, Б. Гринченко придерживается (правда, не совсем последовательно) принципа документации представленных слов, т. е. при иллюстрациях из литературных источников указывает автора, страницу из произведения либо местность, в которой слово было записано. В то же время словарь не приводит к украинским словам их стилистической характеристики. Почти треть реестра составляют узкорегиональные диалектизмы, которые не являются элементами литературного языка. Тем не менее, словарь Б. Гринченко заложил основу теории украинской лексикографии и оказал огромное влияние на процессы нормализации украинского литературного языка.

Совмещение в одном источнике в качестве реестровой как восточно-, так и западноукраинской диалектной лексики способствовало объединению общеукраинских лексических средств. Словарь Б. Гринченко отражает тенденцию избавления от *галлицизмов* и содержит в основном лексику юго-восточной части Украины. Так в словаре выявилось стремление выделить культурный и языковой центр страны, а также социально-политическую направленность общества.

Названные словари содержат в себе определённые лексические маркеры, которые выполняют этнолингвистическую функцию и придают им нациеобразующий характер. Конечно же, при этом рассмотренные лексикографические источники имеют очевидные хронологические, количественные и качественные отличия между собой.

Словарь С. Линде, так же, как и *Словарь беларусского наречия* И. Носовича, выполнял функцию изучения национального языка и стал на целую эпоху необходимым лексическим пособием для польских писателей и учёных. Объединяет оба словаря и то, что заинтересованность их составителей национальной культурой, связанная поначалу с романтическими тенденциями, углубляется одновременно

с развитием этнографии, диалектологии и других пограничных наук, что и мотивировало этнолингвистическое содержание словарей. Отличие же между ними заключается в том, что словарь С. Линде, кроме того, что был создан более чем на полстолетия раньше словаря И. Носовича, содержит в себе лексику письменных источников и только незначительно охватывает диалектные ресурсы. Наоборот, в словаре И. Носовича обращение к национально-самобытной и диалектной лексике непосредственно обусловило его фольклорно-этнографический характер. Несмотря на различия, стремление обоих составителей выделить свой язык из числа иных языков и одновременно включить их в общеславянский контекст было вызвано общей просветительско-романтической волной изучения духовного наследия народа и исторической тенденцией к консолидации нации: для польского народа – это подъём национального самосознания после разделов Речи Посполитой, для беларусского – наспевшая необходимость выделиться из границ *западноруссизма*.

Словари В. И. Даля и И. И. Носовича объединяет фольклорная основа реестра , а также общее стремление авторов показать этническую самобытность нации. Однако для В. И. Даля *живой* язык – это система простонародных, географически децентрированных языковых средств, которые являются носителями национального духа. В то же время И. И. Носович, поместив названия мифологических и этнографических реалий в словаре, который издавался как строго научный труд, таким образом выявил фольклорную и духовную аутентичность белорусов среди народностей Российской империи.

Словарь Б. Гринченко был издан намного позже *Словаря беларусского наречия* И. И. Носовича, однако составил четыре тома, и даже в условиях запрета украинского языка (ситуация, подобная беларусской) в реестр словаря привлекались цитаты из произведений украинской письменности конца XVIII – XIX вв. и обширная терминология, чего не наблюдается в словаре И. И. Носовича. Объединяет же украинский и беларусский словари их диалектная основа и отражение бытовой и духовной народной культуры.

ETHNIC MARKERS IN SLAVIC DICTIONARIES OF NATIONAL SIGNIFICANCE

Abstract: Slavic dictionaries of national value (*Dictionary of Belarusian adverb* by I. Nosovich, *Dictionary of the Polish language* by S. Linde, *Dictionary of living great Russian language* by V. Dal, *Dictionary of the Ukrainian language* by B. Grinchenko) though they differ from each other chronologically and quantitatively, include units specifying in native speakers' psychological and cultural unity in the register and illustrative material: proverbs, sayings, descriptions of customs and ceremonies. Presences in the register and illustrations of the named dictionaries of a national-cultural component have been caused by the general educational-romantic tendency of studying the Slavic people's spiritual heritage. Also dictionaries reflected historically actual processes in the Slavic countries and literary languages: I. Nosovich's dictionary is a desire to be allocated from frameworks *western Russism*; the S. Linde's dictionary is to include the language in a general Slavic context; V. Dal's dictionary is to define ways of development of Russian literary language; B. Grinchenko's dictionary is aspiration to outline the cultural and language centre of the state.

Key words: slavic lexicography, national cultural component.

Наталья Соловьёва
Филологический факультет, Белорусский государственный педагогический университет, г. Минск (Беларусь)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВА *ХЛѢБЪ* В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ (К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ ОБЪЕКТА ИСТОРИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ)

Аннотация: В статье поднимается проблема определения круга объектов славянской исторической фразеологии, связанная с различием природы и функционирования устойчивых словесных комплексов в древнерусском и в современном русском языке. Это различие предопределено спецификой средневекового мировосприятия, проявленной в семантике языковых знаков, что показано на примере древнерусского слова *хлѣбъ*. Глубинный символизм семантики этого слова явился следствием синкретизма средневекового языкового мышления, подкрепленного взаимодействием с др.-греч. *αρτος* в рамках славянских переводов сакральных текстов. Такие слова-символы, по мнению автора, должны представлять особый интерес для славянской исторической фразеологии, поскольку возможность многоуровневой интерпретации смыслов предопределяет их значительный фразообразовательный потенциал.

Ключевые слова: древнерусская языковая культура, языковой символ, семантический синкретизм, семантическое калькирование.

Историческая фразеология – одна из самых молодых отраслей историко-лингвистического знания. Несмотря на то, что интерес к изучению устойчивых выражений, отмеченных в составе древнейших текстов, наметился уже в 70-х годах прошлого столетия, исследования в этой области появляются лишь эпизодически, преимущественно в рамках историко-лексикологических исследований (Трофимович 2003; Соловьева 2012).

Данное обстоятельство, по-видимому, закономерно и обусловлено, прежде всего, недостаточной определённостью объекта исследования исторической фразеологии. Попытки анализа древне- и старорусских устойчивых языковых единиц на основании критерия семантической слитности, доказавшем свою эффективность на современном фразеологическом материале, продемонстрировали принципиальную невозможность его использования по отношению к материалу древнейших текстов (Пименова 2006). Обращаясь к исследованию языковых состояний прошлых эпох, мы, по сути, имеем дело с другой культурой и с другим мировосприятием, что, несомненно, накладывает отпечаток на семантику языковых знаков, их фразообразовательный потенциал, а также предопределяет специфику механизмов фразообразования. Иллюстрацией сказанного могут послужить устойчивые сочетания с компонентом *хлѣбъ*, отмеченные в русском языке XI – XV вв.[1]

[1] В исследовании использованы материалы: *Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 1 – 30*. Москва: Наука, 1975 – 2015; Срезневский, И. И.: *Материалы для словаря древнерусского языка XI-XIV вв. В 3 т.* Репринт. изд. Москва: Книга, 1989.

Происхождение слова *хлѣбъ* в славянских языках не выяснено окончательно. Исследователи склонны рассматривать слав. **chlěbъ* как древнейшее заимствование, сближая с гот. *hlaifs*, лат. *klaipas,* др.-в.-нем. *leip* и др., но в то же время видят основания для признания исконного происхождения славянского **chlěbъ* (Срезневский 1989; Фасмер 2009).

В соответствии с лексикографической традицией, восходящей к *Материалам для словаря древнерусского языка* И. И. Срезневского, семантику древнерусского *хлѣбъ* принято рассматривать как совокупность метонимически связанных лексико-семантических вариантов: 1) *хлѣбъ* – 'хлебный посев; зерно'; 2) *хлѣбъ* – 'продукт, выпечное изделие'; 3) *хлѣбъ* – 'пища вообще'. Следует, однако, принять во внимание, что в эпоху, когда земледелие являлось одним из основных занятий и источников существования, в языковом сознании древнерусского человека перечисленные смыслы оказывались теснейшим образом связаны. 'Иметь зерно, хлебные посевы' одновременно/имплицитно подразумевало и 'иметь изделие из зерна' (т. е. хлеб), что, в свою очередь, само по себе означало и 'иметь пищу', поскольку именно этот продукт составлял основу питания восточных славян. Вряд ли здесь стоит говорить о метонимическом переносе в современном понимании, как об осознанном факте вторичной номинации, и, следовательно, о чётком и последовательном разграничении перечисленных лексико-семантических вариантов. Речь, скорее, идёт о комплексном значении – синкрете, представленном совокупной целостностью взаимосвязанных и неразграничиваемых древнерусским языковым сознанием смыслов 'сырье – продукт – питание', что отразилось на семантических особенностях слова *хлеб* и в современном русском языке, где количество дифференцируемых лексико-семантических вариантов в различных лексикографических источниках варьируется от шести до девяти (Устьянцева 2017).

Синкретизм семантики слова *хлѣбъ* в древнерусском языке наиболее проявлен в составе устойчивых словесных комплексов: *И буди учимъ реместву, имъ же можеши и самъ ся кърмити, и мя, и своеи сестрѣ хлѣбъ подаяти* (*Усп. сб. XII – XIII вв.*). В данном контексте *подаяти хлѣбъ* – 'обеспечивать пищей вообще', но в то же время и 'обеспечивать конкретным жизненно необходимым продуктом – хлебом'. Вместе с тем очевидно, что конкретное комплексное представление 'хлеб – основная ежедневная пища' формирует в контексте глубинный отвлеченный смысл 'обеспечивать необходимое для поддержания существования'. При этом мы опять же сталкиваемся не с очевидным вторичным переносом именования в рамках устойчивого сочетания (ведь для древнерусского языкового сознания *хлѣбъ* – это и есть необходимое условие для поддержания жизни), а со спецификой контекстной реализации древнерусского слова-символа (по В. В. Колесову) – способностью выражать множество частных смыслов одновременно – и за счёт синкретизма частностей формировать отвлеченность и обобщённый характер символа, обеспечивая возможность множественного прочтения и многоуровневой интерпретации текста.

Безусловно, развитие символической функции древнерусского *хлѣбъ* во многом – результат семантического калькирования др.-греч. *αρτος*, которое помимо профанного значения 'печеное изделие, преимущественно из пшеничной муки'

в рамках новозаветных текстов развивает сакрализованное значение ‘необходимое условие для жизни: *εΥώ είμι ό αρτος της ζωης* – ‘Я есть хлеб жизни’ (Иоанн 6:48). Сакрализация значения при этом сопровождалась ритуализацией самого предмета через включение его в пронизанное глубоким символизмом таинство евхаристии, где *αρτος κοινωνιας* – это в буквальном смысле ‘хлеб общий, свойственный всем’, но и, в силу семантической специфики древнегреческого слова, ‘объединяющий, роднящий’. *Αρτος επιουσιος* («насущный хлеб») – дословно ‘хлеб повседневный, относящийся к каждому наступающему дню’, (что отражено и в древнейших славянских переводах: *хлѣбъ наставьшаго дне*), но в то же время повседневная пища – это пища, необходимая для существования, ‘принадлежащая нашей сущности’ (в славянских переводах: *хлѣбъ достоинъ естьству*).

Интересен и сам факт выбора слова *хлѣбъ* при переводе, точнее, при передаче смысла библейского выражения. Помимо сходства денотативного характера – и греческий *αρτος*, и славянский *хлѣбъ* изготавливались из «квасного» теста (Степанов 2004: 314 – 315) – этот выбор был обусловлен семантическим потенциалом славянского слова, созвучным греческому *αρτος*: *хлѣбъ* для древнего славянина – это повседневный, основной и общий для всех продукт питания, обязательное условие для поддержания существования, т. е. биологической жизни (*на-сущный*). В пользу широкого семантического объема слова говорит и возможность его употребления в соответствии с греч. *τροφη* – ‘пища’, наряду с *пища, брашно, кърмля, ѣдь.* Взаимодействие же с греч. *αρτος* способствовало развитию заложенных потенций, выходу на новый уровень обобщения и семантическому оформлению одного из важнейших словесных символов русской языковой картины мира, представленного в совокупности смыслов ‘зерно; продукт из зерна’ – ‘ежедневная основная пища’ – ‘необходимое условие для бытия человека как существа биологического / социального / духовного’ (*нь хлѣбъ простъ есть нъ единованы к бжьству).*

Значимость рассматриваемого слова-символа, его органичность для древнерусской культуры подчеркнута существованием многочисленных формул со словом *хлѣбъ*, в том числе и в деловой письменности: *единъ хлѣбъ ясти, жити въ одномъ хлѣбѣ* (*Пск. суд. гр.*), *ясти хлѣбъ ч.- л.* (*Вл. Мон.*) – что одновременно отсылает к конкретной внеязыковой ситуации ‘некто ест продукт, выращенный другим человеком’, и имплицирует смыслы ‘иметь ежедневную пищу’, и ‘обеспечить с помощью кого-либо необходимые условия для своего существования’.

Интересно заметить, что употребление слова *хлѣбъ* в атрибутивных конструкциях приводило к варьированию первоначального синкретичного значения, а прилагательное выступало своего рода ограничителем семантического объема слова-символа. Так, в устойчивом сочетании *безсеменный хлѣбъ* - древнерусской номинации небесной манны, данной Богом Моисею и его народу во время исхода из Египта, употребление прилагательного *безсеменный* (‘несеянный, не из семени’) ведёт к элиминации смыслов, связанных с происхождением пищи, актуализируя при этом семантический компонент ‘необходимый для поддержания существования’. И напротив, употребление прилагательных *земьный, стоячий* в устойчивых

номинациях *хлѣбъ земьный, хлѣбъ стоячий* актуализирует конкретные смыслы синкреты (‘хлебный посев’), фокусируя внимание на происхождении / источнике. Безусловно, сделанные наблюдения подтверждают особый характер семантики древнерусского *хлѣбъ,* но в то же время возможность изъятия одних компонентов смысла и актуализации других свидетельствует о разрушении первоначального синкретизма, обособлении и специализации значений.

Возвращаясь к проблеме определения границ объекта исторической фразеологии, необходимо отметить, что древние устойчивые выражения, имеющие в качестве одного из компонентов слово-символ, без сомнения должны быть включены в сферу интересов этой молодой отрасли историко-лингвистического знания. Более того, выявление словесных символов должно стать одной из приоритетных задач исторической фразеологии, поскольку широта смыслов, охватываемых символом, и способность к их единовременной актуализации в контексте значительно усиливает фразообразовательный потенциал слова. Как кажется, осознание данного факта может послужить объяснительным инструментом при анализе механизмов древнейшего фразообразования, в свою очередь, оказавшего влияние на состав и специфику современных фразеологических единиц. Так, например, древнейший символизм семантики слова *хлеб* лежит в основе известных современному носителю языка идиом и образных выражений *это (ч. -л.) хлеб, заработать (себе) на хлеб.*

ЛИТЕРАТУРА

ПИМЕНОВА, М. В.: К вопросу об изучении устойчивых сочетаний в диахронии. In: МОКИЕНКО, В. М. (ed.): *Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры*. Москва: ЭЛПИС, 2006, с. 564 – 566.

СОЛОВЬЕВА, Н. В.: Формулы с компонентами *сьрдьце* и *лице* в русском языке XI – XVII вв. (к вопросу о символизме языковых значений). In: *Весцi БДПУ*, 2012, 4, 1: 51–55.

СРЕЗНЕВСКИЙ, И. И.: *Материалы для словаря древнерусского языка XI-XIV вв. Р – Ω.* Москва: Книга, 1989.

СТЕПАНОВ, Ю. С.: *Константы: Словарь русской культуры.* Москва: Академический проект, 2004.

ТРОФИМОВИЧ, Т. Г.: *Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности*. Минск: БГПУ, 2003.

УСТЬЯНЦЕВА, Е. В.: Русские фразеологизмы со словом *хлеб* в лингвокультурологическом аспекте. In: *Сибирский филологический журнал*, 2017, 1: 253 – 260.

ФАСМЕР, М.: *Этимологический словарь русского языка. Т – Ящур.* Изд. стереотип. Москва: Астрель: АСТ, 2009.

PHRASEOLOGICAL POTENTIAL OF THE WORD *ХЛѢБЪ* IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE (TO THE PROBLEM OF DEFINING THE BOUNDARIES OF THE OBJECT OF HISTORICAL PHRASEOLOGY)

Abstrakt: The article discusses the problem of determining the range of objects of Slavic historical phraseology associated with the difference in the nature and functioning of stable verbal complexes in the Old Russian and the modern Russian language. This difference is predetermined by the specificity of the medieval world perception, manifested in the semantics of linguistic signs as shown by the example of the Old Russian word *хлѣбъ*. The deep symbolism of the semantics of this word was the result of the syncretism of medieval linguistic thinking, supported by interaction with ancient-Greek *αρτος* in the framework of the Slavic translations of sacred texts. Such words-symbols according to point of view of the author should be of particular interest for Slavic historical phraseology, since the possibility of a multi-level interpretation of meanings predetermines their significant phraseo-formation potential.

Key words: Old Russian language culture, language symbol, semantic syncretism, semantic calque.

VII. Recenzie

Рецензии

Йозеф Сипко

СЛОВО КАК МАТРИЦА

WORD AS MATRIX

Гируцкий, А.А. Матрица Абсолюта: словарь, избранные статьи / Вступительная статья А. Н. Булыко. Минск: БГПУ, 2017. 252 с. ISBN 978-985-541-360-9.

Рецензируемая книга представляет собой фундаментальное и одновременно оригинальное издание, в котором научный дискурс гармонизован и соотнесён с эстетическим и образовательным дискурсами. Вступительную статью к ней написал видный белорусский лингвист, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор филологических наук, профессор А. Н. Булыко. Помимо этого, в ней присутствуют рецензия на научно-учебное творчество, а также две статьи, посвящённые художественным произведениям автора, непосредственно связанным с темой матрицы Абсолюта, особенностями получения знания о ней.

Отметим, что мы полностью солидарны с положениями как вступительной статьи, так и откликами других ученых на научное и художественное творчество автора, представленными в соответствующем разделе рецензируемого издания (с. 219 – 246). Поэтому в своей рецензии постараемся остановиться только на тех моментах, которые дополняют их концептуальные позиции, раскрывают новые нюансы исследования.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, что в рецензируемой книге «размещены избранные статьи автора», в основном последнего десятилетия, по проблеме, над которой он работает около тридцати лет» и которые отражают «развитие взглядов автора на сложнейший объект, каким является Матрица Абсолюта» (с. 5). И это, собственно, одна структурная часть авторского текста книги, самая большая по объему (с. 44 – 218). Вторая часть, гораздо меньшая по объёму (с. 10 – 42), но совершенно новая по описанию объекта, представляет собой словарь «Матрица Абсолюта». Обе части дополняют друг друга или, говоря авторским языком, комплементарны. По сути, в словаре лишь в более компактной образной форме в виде графов и их идеографического и аксиоматического описания «упаковано» объёмное содержание статей. Тексты статей трудно позволяют в полной мере понять содержание словаря, а словарь способствует адекватному восприятию математиками или физиками текста, рассчитанного, прежде всего, на гуманитария.

В различии этих двух структурных частей рецензенту видится этапность в развитии взглядов автора на Матрицу Абсолюта. Первый этап – до выхода словаря «Матрица Абсолюта», и второй этап, связанный с самим словарём. Доминирующий концептуальный смысл первого этапа кратко можно заключить в выражение *«так может быть»*. И хотя на этом этапе автор синтезирует, как справедливо отмечает

в своей вступительной статье А. Н. Булыко, «сведения из широкого круга конкретных наук и областей знаний (лингвистики, нейрофизиологии, психологии, биологии, физики, математики, философии, мифологии, религии, мировой культуры)» (с. 7), однако этот синтез обращен, прежде всего, к гуманитариям. Профессор А. А. Гируцкий настойчиво пытается убедить их, что *«так может быть»* не только потому, что такой подход к Слову имеет мощную традицию в истории религии, культуры и философии, но он органично вписывается и в современное научное фундаментальное знание. Вероятно, поэтому в разных статьях рефреном звучит мысль известного физика, лауреата Нобелевской премии В. Гейзенберга, о важности естественного языка для познания фундаментальных явлений физики (с. 119, 123, 166); в виде повторов в разных статьях звучат и некоторые иные положения современной фундаментальной науки об устройстве мироздания. Сложность исследуемого объекта оправдывает, на наш взгляд, такие повторения: тем самым автор пытается расширить аудиторию для восприятия своих идей.

Профессору А. А. Гируцкому удалось убедить в этом специалистов своей области знания, поскольку основные положения теории стали входить в учебные пособия по языкознанию: в 2017 г. пособие автора «Общее языкознание» Министерство образования Республики Беларусь утвердило в качестве учебника по этой дисциплине (см. позицию 38 списка основных работ автора, с. 249). Фактически, это было уже пятое издание пособия, одной из частей которого стала разработанная автором общая теория языка на основе геометрического образа структуры слова.

Доминирующий концептуальной смысл второго этапа, связанного с выходом словаря «Матрица Абсолюта», может быть сформулирован выражением *«так есть»*. Содержание самого словаря предназначено уже в первую очередь для представителей других наук – математиков, физиков, биологов и др., а не для гуманитариев. В словаре иная форма подачи материала, ориентированная на точные науки: определённость формулировок понятий и явлений, их цепочная характеристика, установление взаимосвязей и зависимостей между элементами и т. д. В словаре впервые дано определение понятию *Матрица Абсолюта*, которое автор вводит в свои работы последних лет (начиная с 2013 г.; см. позицию 28 в списке основных работ, с. 248). С вводом точной дефиниции понятия вероятностный характер явления обретает однозначную определённость, задающую вектор описания объекта и его структурное наполнение. Приведем полностью это определение: «**Матрица Абсолюта** – *геометрический образ имени Абсолюта (Слова),* лежащий в основе мироздания» (с. 11). Концептуальный смысл второго этапа утвердительно выявляет себя в в этом определении. Этот образ уже получен и во многом описан в предшествующих работах автора. В словаре систематизируется и расширяется это описание в форме и терминах, наиболее адекватно приближающих его к точным наукам.

Концептуальный смысл проблем, связанный с определением Матрицы Абсолюта и вытекающими из него другими определениями в словаре («**Человек** – это образ и подобие матрицы Абсолюта» (с. 29), «**Фундаментальные силы** – это связи

и взаимодействия элементов в матрице Абсолюта» (с. 37) и др.), хорошо иллюстрирует статья профессора А. А. Гируцкого «Матрица Абсолюта и проблема дешифровки её кода», размещённая в рецензируемой книге (с. 210 – 218). Трудно не согласиться с профессором А. Н. Булыко, что эта статья написана «в психологическом ключе» (с. 8).

Драматизм получения указанного знания описан автором рецензируемого издания в его повести «Откровение» и романе «Армагеддон», которые, несмотря на сложность проблематики, профессионально и тонко проанализированы в статье белорусских и словацких лингвистов В. М. Ляшук и К. Г. Ляшук (с. 230 – 239). Подчеркнём только одну сторону процесса получения нового знания – тяжкий путь восхождения к Абсолютной Истине (Абсолюту). Вероятно, всякому первопроходцу вначале необходимо пройти сквозь кромешную тьму, чтобы увидеть и понять, что такое свет.

Если попытаться выделить основной вектор развития цивилизации, который профессор А. А. Гируцкий стремится задать своими работами, то, на наш взгляд, он состоит в движении к внутреннему преображению человека, раскрытию заложенных в нём природой возможностей. Об этом же говорит и А. Н. Булыко в своей вступительной статье (с. 7). Это звучит как никогда актуально в связи со стремительным ростом научно-технического прогресса, развитием IT-технологий. Риски, которые возникают для человека с попытками создания им искусственного интеллекта, огромны. Однако автор ведёт нас к пониманию, что приоритет следует отдать развитию и заложенного в нас собственного интеллекта. В этом заключён смысл интерпретации Слова и Матрицы абсолюта А. А. Гируцким.

Виктория Ляшук

ПРАСЛАВЯНСКИЕ СОЧЕТАНИЯ В ГЕТЕРОГЕННОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

PROTO-SLAVIC COMBINATIONS IN THE HETEROGENEOUS SYSTEM OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Бекасова Е.Н. Механизмы гетерогенной организации системы русского языка (на материале рефлексов праславянских сочетаний). Brno: Tribun EU, 2016. 194 с. ISBN 978-80-263-1027-3

Рецензируемая монография посвящена исследованию генезиса русского литературного языка, что, как подчеркивает автор, является одной из сложнейших проблем лингвистики – в связи со специфическим взаимодействием церковнославянской и великорусской стихии в составе этого мирового славянского языка, а также по причине не затихающих на протяжении более чем столетия дискуссий о научных фактах, касающихся соотношения полногласия и неполногласия, а также других проявлений анализируемого феномена.

Вопрос о роли южнославянских (старославянских, церковнославянских) по происхождению элементов в развитии и современном состоянии русского литературного языка, поставленный применительно к XVIII в. М. В. Ломоносовым, интерпретировали в своих классических трудах Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, Н. С. Трубецкой, В. В. Виноградов, А. И. Горшков, В. В. Колесов и др. Накопленный теоретический потенциал и объемный фактический материал проф. Е. Н. Бекасова детально и всесторонне анализирует. В результате исследовательница выявляет механизмы трансплантации чужеродных элементов в систему русского языка, прослеживает специфику и тенденции их взаимодействия с исконными соответствиями (оппозитами). Исследуются наиболее значительные группы параллельных явлений (гетерогенных рефлексов) на протяжении их тысячелетнего сосуществования в системе русского языка, отраженных в памятниках письменности, в лексикографических трудах и пр. Богатый материал и глубокие аналитические познания позволили автору монографии выявить особенности вхождения и закрепления отличающихся по происхождению рефлексов в каждой из выделенных групп, определить причины таких расхождений, выявить общие закономерности отбора и закрепления конкурирующих элементов. Принципиально новым в рецензируемой монографии является последовательное разграничение групп, реализующих различные рефлексы праславянских сочетаний.

Прослежена история гетерогенных рефлексов, для которых условия реализации на русской почве были практически идентичными (первая группа): полногласные

(-оро-, -оло- и др.) / неполногласные (-ра-, -ла-, -ре-, -ле-) сочетания, начальные ро-/ра-, ло-/ла-, о-/е-, у-/ю- показали относительно свободное варьирование, отразившееся в дальнейшем на их дифференциации и закреплении в системе русского языка. Во вторую группу входят рефлексы *tj, *dj, реализующиеся в соотносимых глагольных формах и отглагольных существительных, представляющих полную парадигму морфонологических чередований, которую составляют: спрягаемые глагольные формы (1-е лицо единственного числа настоящего (простого будущего) времени; имперфективы с суффиксами -а- и -ива-; формы имперфекта; формы аориста; причастные формы (страдательные причастия прошедшего времени с суффиксом -ен-; действительные причастия прошедшего времени с суффиксом -ьш-; действительные причастия настоящего времени с суффиксами -ач-/-уч-, -ащ-/-ущ-; причастия и деепричастия, образованные от имперфективов с суффиксами -а- и -ива-), имена существительные на -ение, -ивание, -ание.

Научная интерпретация традиционных фонетических особенностей раскрывается в монографии как надёжный диагностирующий признак, существенный в том числе и для решения проблемы происхождения и развития русского литературного языка. Исследование выявляет специфику заимствования анализируемых единиц в систему русского языка, раскрывает закономерности их приятия или отторжения языком, определяет степень проницаемости системы на уровне слова, словообразовательного гнезда и языковой разновидности (страты). По сравнению с литературным языком диалектная система отличается разнообразием включаемых элеменов (трансплантатов), соединяющих в составе слова южнославянские и восточнославянские по происхождению рефлексы.

Исследование охватило лингвистическим анализом оригинальные и переводные памятники восточнославянской и старорусской письменности различных временных срезов, разнообразной территориальной принадлежности и жанровой специфики – произведения писателей и общественных деятелей, материалы бытовой и деловой письменности периода складывания норм национального русского языка, а также наиболее значительные словари русского языка XI – XX вв. (Словарь древнерусского языка XI – XIV вв., Словарь русского языка XI – XVII вв., Словарь русского языка XVIII в., словари современного русского литературного языка, словари русских народных говоров) (всего более 3500 наименований). С целью получения достоверных результатов к исследованию привлекались различные редакции и списки памятников XI – XVII вв.

Композиция монографии характеризуется логичностью и строгостью. Глава I. «Закономерности реализации генетически соотносительных праславянских рефлексов в русском литературном языке» посвящена фонетическому фактору в судьбе праславянских рефлексов и значению морфонологического фактора в процессах взаимодействия и отбора гетерогенных рефлексов. Глава II. «Влияние семантического фактора на соотношение и отбор южнославянских и восточнославянских рефлексов» посвящена изучению механизмов семантической дифференциации указанных языковых средств. Фактический материал автор дополняет единицами мало

исследованных лексико-грамматических классов – глаголами, прилагательными: это пары слов с восточнославянскими и южнославянскими диагностирующими признаками типа *вождь – вожак, нужда – нужный, прежде – прежний, рождать – рожать, чуждый – чужой* (с. 68). Глава III. «Гомогенность и гетерогенность как свойство системы современного русского языка» посвящена изучению собенностей реализации генетически соотносительных элементов в русских народных говорах и генетической специфике словообразовательных гнёзд в русском литературном языке.

Избранная комплексная методика позволяет автору проследить генетическую организацию трансплантатов в русском языке и объяснить современное состояние русской языковой системы в связи с древними чертами, сохранившимися до наших дней. В качестве важного критерия для завершающей стадии адаптации иноязычного элемента избирается его сочетание с исконными элементами (с. 130).

Ценными для науки фактами являются статистическое изучение материала (Таблица 28 «Статистика реализации генетически неоднородных рефлексов разных групп в гетерогенных словообразовательных гнёздах»; с. 140) и сведения социолингвистического и когнитивного характера, полученные при направленном эксперименте с носителями языка, касающемся интерпретации анализируемых единиц и групп.

Исследование выявило специфику освоения праславянских рефлексов в языке фольклора, в котором «многослойность» текста «способствовала проникновению южнославянских по происхождению элементов и их взаимодействию с исконными эквивалентами, что в определённой степени соотносится с многовековыми процессами формирования гетерогенности русского литературного языка» (с. 151).

Разработанная и последовательно применяемая в монографии методика комплексного анализа особенностей реализации генетически неоднородных рефлексов праславянских сочетаний в системе русского языка может быть применена к изучению других актуальных проблем истории русского языка, связанных с взаимодействием восточнославянской и южнославянской стихий. Выявленные автором механизмы становления и развития гетерогенности позволяют использовать методику при изучении специфики развития славянских языков, становления литературной нормы в условиях сосуществования генетически неоднородных компонентов. Расширение исследования на другие славянские языки, включение полученных результатов в славистический контекст раскроет новые перспективы в научном мире.

Príspevok je čiastkovým výstupom v rámci projektu **VEGA č. 1/0118/17** Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západo- a východoslovanský kontext.

Ксения Ляшук

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ СЛАВИСТОВ

INTERCULTURAL DIALOGUE OF SLAVISTS

Between the Lands. From Poland to Russia via Belarus and Ukraine: a journey through cinema, history, literature, memory and music. Papers from the Symposium to mark the 75th birthday of Prof. Arnold McMillin. School of Slavonic and East European Studies University Collige London 23–25 June 2016. Edited by Jim Dingley. Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej Universytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, 2018. 280 pp. ISBN 978-8-361-60507-2

Рецензируемый сборник сразу необходимо однозначно оценить как событие в славистике, что, безусловно, связано с личностью Арнольда Макмиллина, слависта из Великобритании, о котором во введении содержательно и заинтересованно пишет его друг и тоже славист Джим Дингли (J. Dingley, с. 9–12). Он называет область научных интересов юбилляра – Россия и содружество народов. Сборник материалов, по словам автора предисловия, образует схему: Беларусь – Польша – Украина – Россия, причём последовательность позиций в указанной цепи не имеет значения. Важна взаимосвязь, общность, взаимодействие, синтез.

Начинает издание список публикаций юбиляра, в котором прослеживаются его научные приоритеты и динамика перехода от лингвистического аспекта (языка художественной литературы) к литературоведческому (монографии, антологии, хрестоматии, статьи, посвящённые славянским литературам – русской, белорусской, чешской и др).

Перечень книжных изданий юбиляра открывает лингвистическая (лексикографическая) работа – «Словарь белорусского литературного языка девятнадцатого века» («The Vocabulary of the Buelorussian Literary Language in the Nineteenth Century»; London 1973). Эта новаторская публикация, составленная на материале из произведений белорусских авторов, судя по следующим работам, направила интерес исследователя от проблем языка к проблемам славянских литератур. Следующей работой стала «История белорусской литературы от зарождения до наших дней» («A History of Byelorussian Literature from Its Origins to the Present Day»; Giessen 1977). Затем последовали другие серьёзные и оригинальные публикации. Поэтому юбилей Арнольда Макмиллина тоже стал событием.

Конференция, посвященная юбиляру, собрала ярких учёных, среди которых были представители России (М. Эпштейн), Беларуси (Г. Кислицына), Беларуси и Польши (С. Ковалев), Украины (О. Хромейчук), неславянских стран – З. Гимпелевич

(Zina Gimpelevich, президент Канадской Ассоциации Славистов), Джулиан Граффи (Julian Graffy), Урсула Филлипс (Ursula Phillips), Улэм Блэкер (Uillem Blacker) и др.

Название первой статьи сборника «Творчество – это упражнение в свободе», принадлежащей перу белорусского поэта В. Некляева, достаточно точно и широко указывает не только поблематику литературы и национального государства, но также определяет некоторые ориентиры и подходы, разрабатываемые проф. Макмиллиным. Лично ему посвящён доклад И. Иванова «Профессор Арнольд Макмиллин и Библиотека Скарыны в Лондоне: их роль в продвижении белорусских исследований» («Professor Arnold McMillin and the Skaryna Library in London: Their Role in the Promotion of Bielorusian studies»). В нём получает освещение роль оригинальной творческой личности учёного, отдавшего свою научную мысль славянским языкам и литературам, создавшего в Великобритании информационное пространство для славистики, в том числе и белорусистики.

Уверенно звучит в сборнике сравнительно-сопоставительный и контрастивный мотив, к которому обращаются исследователи в связи с авторами разных литератур и общей европейской культуры: в статье «Путешествие на другую сторону с Бабковым, Лесьмяном и Кэрролом» («Journeys on the Side with Babkoŭ, Leśmian and Carroll») Каролина Мацкевич (Karalina Matskevich); в статье «Немой и невидимый: белорусский гастарбайтер в фильме Бориса Хлебникова “Сумасшедшая помощь” в контексте современного российского авторского кино» («Mute and Invisible: The Belarusian Guest Worker in Boris Khlebnikov’s film *Sumasshedshaja pomoshch´* in the context of recent Russian authorial cinema») Джулиан Граффи; в статье «Лолита: Дань уважения Набокова Ильфу и Петрову» («Lolita: Nabokov’s homage to Il’f &Petrov») Барбара Уаилли (Barbara Wyllie).

Белорусские мотивы и темы составляют выразительную и заметную часть сборника, причём культурный и межкультурный фон не только пересекаются, но и укрупняют оригинальную проблематику: «Каким образом панк является белорусским (пост-) панком (На примере «Красных звёзд»)» («How Punk is Belarusian (Post-) Punk? (The Case of Krasnye Zvezdy)» Андрея Рогачевского (Andrei Rogatchevski); «Гродно глазами Элизы Ожешко и Зофии Налковской» («Grodno through the eyes of Eliza Orzeszkowa and Zofia Nałkowska») Урсулы Филлипс (Ursula Phillips); «Изображение литваков в белорусской литературе» («Portrayal of Litvaks in Belarusian literature») Зины Гимпелевич.

Украинский материал, отличаясь оригинальной интерпретацией, под влиянием важных политических событий подчинился тематическому приоритету Майдана: «Переговорные пространства протестов на Майдане: гендерная перспектива» («Negotiating Protest Spaces on the Maidan: A Gender Perspective») Олеси Хромейчук (Olesya Khromeychuk); «Мученичество, зрелище и публичное пространство: Национальный мартиролог Украины от Шевченко до Майдана» («Martyrdom, Spectacle and Public Space: Ukraine’s National Martyrology from Shevchenko to the Maidan») Улэма Блэкера (Uillem Blacker).

М. Эпштейн в статье «Лирика идиотического разума: фольклорный философизм у Д. А. Пригова» исследует глубинную образность современного поэта, оригинально актуализирующего фольклорное сознание.

На междисциплинарность интересов юбиляра указывает и пограничность проблематики авторов статей, одна из которых посвящена современной музыке и её создателю: «Александр Ивашкин: Посол современной музыки» («Alexander Ivashkin: Ambassador for Conterporary Music») Елены Артамоновой (Elena Artamonova).

Межкультурная коммуникация славистов привела к появлению оригинального и яркого научного сборника, который раскрывает богатство, потенциал и перспективы межкультурного диалога европейских славистов.

Виктория Ляшук

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ЛИТЕРАТУРНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

REGIONAL TEXT AS AN OBJECT OF THE LITERARY STUDY
OF THE LOCAL LORE

Галян, С. В. – Ларкович, Д. В. – Сироткина, Т. А.: Литературное краеведение: филологический анализ регионального (югорского) текста; Департамент образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный педагогический университет», кафедра филологического образования и журналистики. Тюмень: Аксиома, 2017. 168 с. ISBN 978-5-906714-24-74

Рецензируемое издание, являясь по жанру научно-методическим пособием, реализует одновременно важные теоретические вопросы анализа и понимания текста, который в содержании, смысле и глубинной структуре воплощает культурно-языковые ценности регионального пространства как органической части пространства государственного. Авторы в своих подходах опираются на емкое определение текста М. М. Бахтиным, в качестве первичной данности гуманитарно-филологического мышления. Идея текста как действительности заложена в основу и систему анализируемого издания. По мнению авторов, высказанному в Предисловии, филологический анализ предполагает не суммирование, а сопряжение трех подходов – литературоведческого, лингвистического и стилистического, что позволяет воспринимать и представлять текст как целое.

Опираясь на выработанные у студентов навыки анализа художественного текста, югорские представители университетской науки обращаются к синтезированному методу представления знаний о художественной литературе и культурной истории уникального региона – Югры. Понятие языковой личности с помощью взаимодействия эстетического и регионального дискурса получает при этом когнитивную опору в изучении, воспитании и развитии личности региональной.

В такой цели воплощено динамично развивающееся направление современной филологии – научное изучени локальных текстов. Феномен югорского текста вырастает на достаточно разработанной теоретической базе интерпретации локальных текстов, имеющих разнообразные ареальные (и культурноценностные) параметры. Методология текстологического подхода к культурным феноменам выделила уже отдельные тексты – пермский, вятский, архангельский, петрозаводский, челябинский, орловский, шадринский и др. Представление о югорском тексте включается в ряд (совокупность) текстов указанного свойства и получает определенность по отношению к более широкому понятию – северный текст, поскольку во внимание принимаются характерные для этого географического и культурного пространства

признаки – вечная мерзлота, суровый климат, снежные зимы, непродолжительное лето, выразительные контрасты темного и светлого времени и т. д.).

Представление об изучаемом локальном объекте у авторов детальное и стереоскопичное, сформулировано как генерализация и обобщение: «югорский текст – это неотъемлемая составляющая северного текста, включающая, в узком понимании, различные тексты локальной культуры (памятники деловой письменности, художественные произведения региональных авторов, устные речевые произведения жителей города и деревни – воспоминания, дневники и т. д.), в широком понимании – всё семиотическое пространство Ханты-Мансийского автономного округа-Югры (обряды коренных жителей региона, фольклор пришлого русского населения, вербальные проявления региональной языковой личности, региональное ономастическое пространство и многое другое)» (с. 6).

Такое же комплексное представление и глубокое понимание глубинных потенций и ценности современной филологической парадигмы прослеживается в методическом аппарате. Указываются в качестве целевых компетенций способность понимать значение культуры как формы человеческого существования и руководствоваться базовыми культурными ценностями, принципами толерантности, диалога и сотрудничества. Ожидаемые от студентов знания включают литературно-краеведческий материал по основным разделам учебного курса и конституирующие черты югорского культурного текста.

Целевые умения удачно гармонизованы – филологический анализ регионального текста включает выявление контекстуальных значений языковых единиц, их смысловые, выразительные и эмоциональные качества, историко-культурное комментирование, освоение литературоведческой терминологии. В качестве заключительного сформированно умение, которое отражает стремление воспитать региональную языковую личность как активного интерпретатора регионального текста, способного «осознавать мотив и ставить цель в процессе речи и письма в связи с конкретным произведением» (с. 7). Языковой опыт и речевая (текстовая) деятельность такой личности направлены на углубление творческой активности (выполнение творческих видов работ по литературе; постановка собственных вопросов к прочитанному тексту; сопоставление словесных текстов с текстами других видов искусств; проектирование презентации; участие в дискуссии по проблемам регионального культурного текста, с. 7 – 8).

Разработанные авторами аспекты указывают проблематику специфического регионально наполненного совокупного текста как развитие семиотических структурных, когнитивных, художественных идей, исходящих от лингвистики текста, семиотики, коммуникативной лингвистики, современного литературоведения и других смежных гуманитарных дисциплин.

Иллюстративный материал также гармонично объединяет визуальный, словесно-текстовый и образно-художественный ряд. Учебный материал выгодно диалогичен и интерактивен. С методической точки зрения он оригинально и разнообразно оформлен в качестве активной учебной (проектовой, научной)

деятельности – индивидуальной и коллективной. Внимание к региональным ценностям при этом позволяет авторам проследить связь с общегосударственными ценностями, указать ообщеизвестные факты истории в живом современном контексте, соположить русский язык с языковыми и образными элементам языка и культуры коренного населения региона.

Важную роль в комплементарном введении теории и практики выполняет методический комментарий, включающий и излагающий современные научные подходы. В частности, рассмотрены и актуализованы категории этничности, историзма, культурного кода и др. Параллельно углубляются и раскрываются лексико-семантические и терминологические взаимозависимости. Такая синтезированная научная информация имеет проблемный характер: «Категория этничности, да и сам термин этнос, – одни из достаточно сложных понятий современного научного знания. Это связано не столько с многослойностью и многоплановостью этнических культур, сколько с трудностью интерпретации этнических культурных фактов представителями других традиций» (с. 149).

Рецензируемое издание характеризуется точностью и четкостью содержательного, теоретическог и методического структурирования, являясь примером талантливого и творческого владения литературоведческим, краеведческим, лингвистическим и стилистическим знанием, выгодно выделенным высокой культурой речи и общения.

Авторы из Сургутского государственного педагогического университета свой теоретический и научно-методический потенциал воплотили в оригинальном труде, информационная и когнитивная сила которого способствует развитию активной языковой личности, осознающей и усиливающей созидательную мощь регионального культурного текста.

Príspevok je čiastkovým výstupom v rámci projektu **VEGA č. 1/0118/17** Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západo- a východoslovanský kontext.

Марина Александровна Харламова

РКИ В ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ

RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN INTERNATIONALIZATION

Бреусова, Е. – Репонь, А. Методика преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие для студентов. Banská Bystrica: Vydavateľstvo Belianum, Univerzita Mateja Bela, 2019. 154 с. ISBN 978-80-557-1602-2

Пособие «Методика преподавания русского языка как иностранного» (авторы-составители Е. И. Бреусова и А. Репонь) адресовано студентам-филологам, обучающимся по специальности «Русский язык и литература», будущим преподавателям русского языка как иностранного в основных, средних и высших учебных заведениях Словакии.

Актуальность данного издания очевидна, поскольку дисциплина «Методика преподавания русского языка» является ключевой в образовательной программе подготовки будущих преподавателей. Оно призвано формировать профессиональные компетенции у будущих учителей. Данное издание составлено в соответствии с программой учебного курса и состоит из предисловия, основной части – 12 разделов, списка литературы и приложения. В основную часть включены следующие разделы: «Методика преподавания РКИ как науки», «Методика преподавания русского языка как иностранного и ее связь с другими науками», «Методы обучения и их характеристика», «Урок как основной компонент учебного процесса», «Методика обучения русскому произношению», «Методика обучения грамматике», «Методика обучения лексике», «Методика обучения видам речевой деятельности. Методика обучения аудированию как компоненту устной речи», «Методика обучения говорению», «Методика обучения чтению», «Методика обучения письму и письменной речи», «Дидактические игры». Такая последовательность обусловлена логикой построения курса и возможностью поэтапного освоения учебного материала.

Теоретический материал, представленный в пособии, в достаточной степени дает представление об учебном процессе, основам преподавания русского языка как иностранного, методам обучения, особенностям обучения разным видам речевой деятельности. Особое внимание в пособии уделено методам обучения, поскольку от их верного отбора в известной степени зависит прочное освоение материала обучающимися на уроке. Каждый раздел сопровождается вопросами и заданиями для самоконтроля, которые помогут в организации самостоятельной работы студентов. Задания для самоконтроля носят практико-ориентированный характер и требуют от студентов демонстрации профессиональных умений. Это, безусловно, повышает практическую ценность данного пособия. Практическую направленность имеет и приложение, содержащее дидактический материал, который можно использовать в образовательном процессе и при подготовке к занятиям. Включённый в приложение материал окажется полезным и для учителей РКИ в их преподавательской деятельности.

Виктория Ляшук

КОНФЛИКТ В ЯЗЫКЕ И ОБЩЕСТВЕ
CONFLICT IN LANGUAGE AND SOCIETY

Языковой конфликт в мигрантоемком регионе: пособие для рабтников образования, муниципальных и государственных служащих. Авторы Е. И. Бреусова, В. В. Гагай, С. С. Дрига, В. П. Засыпкин, Т. А Сироткина, М. Л. Тарасенко; науч. Ред. В. П. Засыпким, Т. А. Сироткина. Тюмень: Аксиома, 2015. 128 с. ISBN 978-5-906714-12-1

Конфликтное взаимодействие в речевой деятельности: учебное пособие. Составители Е. И. Бреусова, В. П. Засыпкин, Т. А Сироткина. Ижевск: ООО «Принт-2», 2016. 180 с. ISBN 978-5-9631-0519-1

Рецензируемые издания представляют собой единый комплекс как результат выполнения научного проекта. Обе книги синтезируют научную мысль и её практическое (прикладное) наполнение; построены на обобщении и презентации современных ключевых позиций в сфере лингвистики, психолингвистики, социолингвистики, лингвоконфликтологии, лингвоэкспертной дисциплины в связи с серьёзной проблемой речевой деятельности, а также межличностной и межкультурной коммуникации – конфликтом. Оба издания объединяет общая цель и широко специализированная адресность: «пособие адресовано студентам, аспирантам, педагогам, служащим, специалистам по работе с молодёжью, а также всем тем, кого интересуют вопросы конфликтного взаимодействия и кто занимается профилактикой речевых конфликтов». При этом каждая из публикаций отражает этапы в изучении языкового конфликта, включая образовательные разработки по его научному пониманию и предотвращению.

Усилия авторского коллектива направлены «на изучение одной из актуальных для многонационального региона проблем – комплексное исследование языковых конфликтов» (2015). Причём в данной проблеме выявлен междисциплинарный характер, поэтому участниками проекта являются учёные, исследующие различные области знания – социологию, психологию, лингвистику. В этом междисциплинарном ключе как основополагающие представлены аспекты: 1.1 «Свои» и «чужие» в языковой картине мира. Этнические стереотипы. Воспитание толерантной языковой личности (2015).

На основе современной научной мысли и собственных исследований авторы пособий проблемно излагают научные позиции в отношении вражды, признаков пропаганды, оправдания каких-то действий и др. Появлению этих актуальных изданий способствовало профилирование Сургутского государственного педагогического университета как учреждения образования, которое готовит специалистов для преподавания с учётом особенностей региона как многонационального, поликультурного и многоязычного.

Поставленные перед авторами задачи инновативны, вытекают из прикладных нужд региона: к исследователям все чаще обращаются представители органов исполнительной и законодательной власти с просьбой провести научную экспертизу спорных текстов. При реализации проекта создана методологическая и методическая база для проведения подобных исследований, разработана программа для повышения квалификации в этой сфере.

В качестве базового и исходного избран тезис о том, что языковой конфликт – это социальный конфликт, с чем связано изучение и выявление его возможной первопричины. Авторский коллектив формулирует и на региональном фактическом материале подтверждает тезис, что «масштабы языковых конфликтов могут быть самыми разнообразными (от глобальных до локальных), что отражается на их различном понимании даже на терминологическом уровне» (2015, с. 8). Предлагается выделять две разновидности конфиктов: языковой макроконфликт и, соответственно, языковой микроконфликт, так как конфликтная ситуация может, в принципе, возникнуть не только на межгосударственном уровне, в любом обществе, государстве (макроуровень), но возможен и в отдельной совокупности людей (микроконфликт). Причём общество, государство, круг людей «не просто многонациональны, полиэтничны, а скорее полилингвистичны» (2015, с. 9).

По отношению к языку формулируется актуальная социолингвистическая тенденция: «В современной России на всех уровнях социальной жизни общества сегодня крепнет понимание того, что за слова надо отвечать не в меньшей мере, чем за дела» (2015, с. 100). Одновременно прослеживается актуализация ценности литературного языка, поскольку одной из причин появления лингвистической экспертизы текста выступает борьба за чистоту русского языка, за правильность и точность употребления русских слов и выражений в СМИ и официальных документах (2015, с. 100).

Каждое из рецензируемых пособий имеет специфическую практическую часть. В 2015 г. это Программа курса повышения квалификации «Профилактическая работа по предупреждению экстремизма и выявлению вербальной агрессии» (авторы – доктора наук В. П. Засыпкин, Т.А. Сироткина, В. В. Гагай и кандидат наук Е. И. Бреусова). В 2016 разрабатывается понятийный и терминологический аппарат лингвоконфликтологии, отражаются ключевые позиции современных исследований в области лингвистики и смежных с ней дисциплин, касающиеся проблемы выявления и анализа речевых конфликтов и спорных текстов. В связи с этим разработан Тезаурус (терминологический словарь). Усилиями коллектива получила реализацию идея «Коммуникативного пространство» человека как знаний и представлений о том, как принято общаться в той или иной ситуации. Язык и общество могут и должны жить без конфликтов.

Príspevok je čiastkovým výstupom v rámci projektu **VEGA č. 1/0118/17** Slovanské spisovné jazyky v synchrónii a diachrónii: západo- a východoslovanský kontext.

Autorky a autori
Авторы

Budnikova Lesia, *doc., CSc.,* Užhorodská národna univerzita (SK)
Dorčák Štefan / Дорчак Стефан, *PhDr.,* Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici (RU)
Kováčová Marta, *doc., PhDr., PhD.,* Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici (SK)
Krško Jaromír, *prof. Mgr., PhD.,* Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici (SK)
Lewaszkiewicz Tadeusz, *dr hab., prof. UAM*, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu (PL)
Liashuk Viktória / Ляшук Виктория Марленовна, *doc., CSc.,* Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici (RU)
Liashuk Xénia, *PhDr., PhD.*, Trnavská Univerzita v Trnave (RU)
Lizoň Martin, *Mgr., PhD.*, Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici (RU)
Molnárová Patrícia, *Mgr.,* Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici (SK)
Oriňáková Slávka, *Mgr., PhD.*, Prešovská univerzita v Prešove (SK)
Račáková Anita, *Mgr., PhD.*, Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici (SK)
Repoň Anton, *Mgr., PhD.*, Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici (SK)
Rožai Gabriel, *Mgr., PhD.,* Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici (SK)
Schillová Kamila, *Mgr., PhD.*, Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici (SK)
Sipko Jozef, *Prof., PhDr., PhD. Prešovská univerzita v Prešove* (RU)
Slivková Ivana, *Mgr., PhD.*, Prešovská univerzita v Prešove (SK)
Spišiaková Andrea, *Mgr.,* Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave (SK)
Šuščáková Stanislava, *Mgr.,* Prešovská univerzita v Prešove (SK)
Szadura Joanna, *dr hab.,* Uniwerytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie (PL)
Szczepaniak Martyna, *Mgr*., Uniwersytet Jagielloński, Kraków (PL)
Uhríková Veronika, *Mgr.,* Štátna vedecká knižnica v Banskej Bystrici (SK)
Vepřek Miroslav, *doc. Mgr., Ph.D.*, Univerzita Palackého v Olomouci (CZ)

Бекасова Елена Николаевна, *доц., доктор филологических наук, Оренбургский государственный педагогический университет* (RU)
Бреусова Елена Ивановна*, доц., кандидат филологических наук, Сургутский* государственный педагогический университет (RU)
Верина Ульяна Юрьевна, *доц., кандидат филологических наук,* Белорусский государственный университет, Минск (RU)
Гапоненка Ірына Алегаўна, *праф., доктар філалагічных навук,* Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск (BE)
Гируцкий Анатолий Антонович, *проф., доктор филологических наук,* Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка; Международный государственный экологический институт им. А. Д. Сахарова Белорусского государственного университета, Минск (RU)
Короткевич Ирина Ивановна, *доц., кандидат филологических наук,* Белорусский государственный университет, Минск (RU)
Краев Андрей Юрьевич*, доц., кандидат филологических наук,* Katolícka univerzita v Ružomberku (RU)

Кукуева Галина Васильевна, *доц., доктор филологических наук,* Сургутский государственный педагогический университет (RU)
Кумеда Олена, *доц., кандидат филологических наук,* Сумський державний педагогічний університет імені А. С. Макаренка; Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre (UA)
Ларкович Дмитрий Владимирович, *доц., доктор филологических наук,* Сургутский государственный педагогический университет (RU)
Матюшенко Екатерина Евгеньевна, *доц., кандидат филологических наук,* Волгоградский государственный социально-педагогический университет; Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre (RU)
Сироткина Татьяна Александровна, *доц., доктор филологических наук,* Сургутский государственный педагогический университет (RU)
Соловьёва Наталья Валентиновна, *доц., кандидат филологических наук,* Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Мінск (RU)
Сугай Лариса Анатольевна, *проф., доктор филологических наук,* Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici (RU)
Трус Николай Валентинович, *доц., кандидат филологических наук,* Национальная академия наук Беларуси, Минск (RU)
Харламова Марина Александровна, *доц., кандидат педагогических наук, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского* (RU)
Хаўстовіч Мікола, *проф., доктор филологических наук,* Uniwersytet Warszawski (BE)

Skratky jazykov príspevkov
Сокращения языков статей
The abbreviations of the languages

BE – bieloruština / Belarus language
CZ – čeština / Czech language
EN – angličtina / English language
PL – poľština / Polish language
RU – ruština / Russian language
SK – slovenčina / Slovak language
UA – ukrajinčina / Ukrainian language

Názov: Spisovné jazyky západných a východných Slovanov v synchrónii a diachrónii: otázky teórie

Литературные языки западных и восточных славян в синхронии и диахронии: вопросы теории

Editorka: Doc. Viktória Liashuk, CSc. (UMB v Banskej Bystrici)–
доц., к.ф.н. Виктория Марленовна Ляшук

Recenzenti: Prof. PhDr. Mária Čižmárová, PhD.;

Prof. J. N. Rudenko, DrSc.
(проф., д.ф.н. Елена Николаевна Руденко)

Jazyková korektúra: Mgr. Anita Račáková, PhD.; PhDr. Xenia Liashuk, PhD.;
dr Bożena Kotuła.

Náklad: 100
Rozsah: 316 s.
Vydanie: Prvé
Formát: B5
Vydavateľ: Belianum. Vydavateľ stvo Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici
Edícia: Filozofická fakulta
Rok: 2019
Tlač: EQUILIBRIA, s. r. o.

ISBN 978-80-557-1624-4